

ЧУЖОЙ СЫН

Сэм Хайес

ДЕТЕКТИВНОЕ УДОВОЛЬСТВИЕ ОТ КОРКИ ДО КОРКИ

Annotation

У Кэрри Кент есть все — звездный статус, слава, деньги, роскошный дом. У Кэрри Кент нет ничего. Потому что тело ее сына-подростка найдено у школьных ворот. Мальчика убили, нанеся несколько ударов ножом. И Кэрри, столь безжалостная к героям своих телешоу, в которых обсуждаются всевозможные шокирующие истории, сама становится объектом расследования. Как так произошло, что ее единственный сын, такой обычный и благополучный мальчик, погиб? Да еще столь ужасной смертью? В распоряжении полиции лишь один свидетель — странная девочка Дэйна, которая сильно отличается от учеников этой самой обычной школы. Но Дэйна молчит, она испугана до смерти, она не желает сотрудничать с полицией. Так кто же стоит за этим преступлением? Кто убийца? И только ли он повинен в смерти Макса? Сэм Хайес предлагает читателю эмоциональные американские горки, заставляя то сочувствовать героям, то съезживаться от страха, то жадно следить за происходящим. Автор романа «Моя чужая дочь» написала новую историю, теперь про чужого сына, в которой традиционно для себя смешала детективный сюжет и напряженную психологическую драму.

-
- - [Сэм Хайес](#)
 - [Пятница, 24 апреля 2009 года](#)
 - [Осень 2008 года](#)
 - [Прошное](#)
 - [Осень 2008 года](#)
 - [Пятница, 24 апреля 2009 года](#)
 - [Прошное](#)
 - [Пятница, 24 апреля 2009 года](#)
 - [Осень 2008 года](#)
 - [Пятница, 24 апреля 2009 года](#)
 - [Прошное](#)
 - [Прошное](#)
 - [Осень 2008 года](#)
 - [Пятница, 24 апреля 2009 года](#)
 - [Осень 2008 года](#)

- [Пятница, 24 апреля 2009 года](#)
 - [Прошное](#)
 - [Осень 2008 года](#)
 - [Пятница, 24 апреля 2009 года](#)
 - [Осень 2008 года](#)
 - [Пятница и суббота, 24 и 25 апреля 2009 года](#)
 - [Осень 2008 года](#)
 - [Суббота, 25 апреля 2009 года](#)
 - [Прошное](#)
 - [Осень 2008 года](#)
 - [Суббота и воскресенье, 25 и 26 апреля 2009 года](#)
 - [Прошное](#)
 - [Осень 2008 года](#)
 - [Воскресенье, 26 апреля 2009 года](#)
 - [Прошное](#)
 - [Осень 2008 года](#)
 - [Понедельник, 27 апреля 2009 года](#)
 - [Январь 2009 года](#)
 - [Понедельник, 27 апреля 2009 года](#)
 - [Январь 2009 года](#)
 - [Февраль 2009 года](#)
 - [Вторник, 28 апреля 2009 года](#)
 - [Февраль 2009 года](#)
 - [Вторник, 28 апреля 2009 года](#)
 - [Прошное](#)
 - [Среда, 29 апреля 2009 года](#)
 - [Март 2009 года](#)
 - [Четверг, 30 апреля 2009 года](#)
 - [Март 2009 года](#)
 - [Четверг, 30 апреля 2009 года](#)
 - [Пятница, 1 мая 2009 года](#)
 - [Март 2009 года](#)
 - [1 мая 2009](#)
 - [Четверг, 9 апреля 2009 года](#)
 - [1 мая 2009 года](#)
 - [Июнь 2009 года](#)
-

Сэм Хайес
Чужой сын

Пятница, 24 апреля 2009 года

Прежде чем она успела осознать, что происходит, нож вошел в его тело. Он вонзался снова и снова, оставляя глубокие раны. Они смотрели на него как зачарованные. Время словно остановилось за мгновение до того, как был нанесен первый удар. За мгновение до того, как их жизни изменились навсегда.

Она не знала, как его остановить, *не могла* его остановить.

Они в последний раз смотрели друг другу в глаза. Роман длиной в секунду. Между ними струилась его кровь. Что он пытался сказать ей в эту секунду?

— Черт!

— Смываемся! — уже на бегу проорал один из парней.

Их кроссовки мелькали белыми сверкающими пятнами, тренировочные штаны блестели от брызг, даже глаза светились от адреналина, наркотиков, алкоголя — чем они там сегодня заправлялись?

Губы ее до сих пор щипало от уксуса, которым были политы чипсы. Как в замедленной съемке, он упал на колени, затем повалился на бок. Как ему удалось простоять так долго? Она попыталась Удержать его, но не смогла, и его голова ударилась об асфальт. Она открыла рот, чтобы закричать, но сил не хватило издать ни звука. Его глаза были широко открыты.

Она пыталась зажать руками ему бок, живот, но ран было слишком много. Она чувствовала на пальцах его кровь, сначала почти обжигающую, но быстро остывавшую.

— Не умирай... — выдохнула она. — Помогите! — Где же все? Все на уроке, кроме них, никто больше не прогуливает. — Я позову кого-нибудь, — она едва владела собой, но не осмеливалась убрать руки, перестать зажимать раны.

Как такое могло произойти?

Его грудь вдруг высоко поднялась и опустилась, будто это был последний вдох в его жизни. Больше он не издал ни звука.

— Помогите! — снова закричала она, вскакивая на ноги.

Она должна предпринять хоть что-то. В отчаянии она огляделась, но никого не увидела. Уродливое здание школы таращилось пустыми глазницами окон, и вокруг ни души. Она выдернула из кармана сотовый, вызвала «скорую», назвала адрес, умоляла их поторопиться. Он умирает. *Пожалуйста, скорее!*

— Не оставляй меня!

Она снова стояла рядом с ним на коленях, зажимая его раны, как велели по телефону. Его лицо было бесстрастным, лишенным всякого выражения, глаза уставились в одну точку. Казалось, он даже не чувствует боли. А ведь всего десять минут назад они вместе курили и хрустели чипсами из одного пакетика.

— Я не могу без тебя! — выкрикнула она, думая о том, что ей предстоит. Она не вынесет этого в одиночестве. — *Я не буду жить без тебя.* — Из груди вырывались рыдания, слезы душили ее, мешая говорить. — Ублюдки!

Она даже не заметила, откуда они появились.

— Останься со мной, останься со мной, — снова и снова повторяла она, задыхаясь, дрожа, изо всех сил прижимая ладони к его телу. Да где же «скорая»? Она попыталась сосредоточиться, вспомнить уроки по оказанию первой помощи из прошлого года. А она-то считала, что эти знания ей никогда не пригодятся. — Ладно, ладно. — Сначала надо успокоиться самой. Если так паниковать, ничем ему не поможешь.

Что же она наделала?

— У него шок, — прошептала она, чувствуя, что уже близка к обмороку. Быстро стянула с себя куртку, укрыла его, ощущая, как его трясет, ощущая, как эта дрожь через пальцы поднимается прямо к сердцу.

Она так и не сказала ему, что любит его.

Пятно крови, темной, как сама смерть, проступило на куртке, и тут она услышала вой сирен.

— Слава богу, «скорая»! Только не умирай!

Потом она услышала голоса, ее окружили люди.

— Молодой мужчина, на вид лет шестнадцать или семнадцать... множественные колотые раны в грудь и живот. Большая потеря крови... Давление падает, пульс слабый...

Ее оттеснили в сторону, чтобы врачи могли подойти.

— Пятнадцать, — прошептала она, но никто ее не услышал. — Ему пятнадцать.

— Что происходит? — Мужской голос прозвучал резко и неожиданно. Кто-то схватил ее за плечо. — Да что тут происходит, скажи же наконец! — Он развернул ее лицом к себе. Казалось, сейчас ей влетит за то, что прогуливает. Затем он поднес к уху телефон и прорычал: — Джек, это серьезно, спускайся прямо сейчас.

Мистер Дэнтон, учитель математики.

— Ну?! — Он встряхнул ее. Лицо у него было красным.

— Я... я не знаю, — прошептала она. — Я возвращалась из спортзала и... и просто увидела, что он лежит тут на земле, весь в крови. — Она попыталась сглотнуть. В горле пересохло. Как она могла рассказать им?

Разве она может вообще кому-нибудь об этом рассказать?

Ее уже вовсю трясло. Она уставилась вниз, на пропитанную кровью землю. «Скорая» приехала, ему помогут, а все остальное не важно, верно? Она скажет, что не знает, что произошло, что она тут ни при чем. Она просто пойдет домой, а потом позвонит в больницу и узнает, как у него дела. Все будет в порядке. Все не так плохо, как кажется.

— Ты видела что-нибудь? Драку? Здесь кто-то еще был? Говори!

Она покачала головой, глядя, как санитары поднимают носилки, грузят их в машину.

«Вот черт», — сказал кто-то. Еще кто-то вскрикнул при виде крови на земле. Начала собираться толпа.

К ним спешил директор школы. Из всех окон здания — *нашего корабля*, как директор называл его на общешкольных собраниях, — выглядывали лица. Ученики и учителя высыпали на прямоугольный двор, становившийся вольерой для тысячи двухсот подростков во время перемен.

Затем место, где он упал, окружила полиция. Они внимательно рассматривали пятна крови, джинсовую куртку, рассыпанные чипсы. Как будто так могли узнать, что произошло. Они велели всем отступить назад. В этот момент мистер Дэнтон отпустил ее руку, и ей удалось сначала затеряться в толпе учеников, учителей и прохожих, а потом незаметно ускользнуть с территории школы.

Она бежала и бежала и думала о том, что все будет хорошо.

Осень 2008 года

Кэрри Кент изобразила улыбку. Как будто она сама не знает, что делать, черт возьми. Она дотронулась до своего наушника. Режиссер велит копнуть глубже, надавить. *Заставь его расколоться, Кэрри.* Никакой скидки на возраст или обстоятельства. Она в своей стихии. Она играет с парнем как кошка с мышью. Великолепное шоу. Именно то, чего от нее все ждут.

Будет драка, подумала она. *Надеюсь, будет драка.* Она обернулась, эффектно прошлась перед камерой, бросила взгляд через плечо. Телохранители, двое дюжих бритоголовых парней в черном, стояли за кадром в полной готовности. Что ж, самое время начать. Зрители в студии на пике напряжения, даже дышать боятся. Она снова развернулась, чтобы быть лицом ко второй камере, и в упор посмотрела на своих гостей. Самые отборные лузеры Британии, уж ее ищeyки об этом позаботились. Как и всегда. *В этом вся Кэрри,* сказал как-то продюсер. Для нее это комплимент.

— Итак, ты утверждаешь, Джейсон, — пауза, чтобы успеть придать лицу подходящее случаю озабоченное выражение, — что твой маленький племянник Тайлер на самом деле твой сын. И ты сейчас решил заявить об этом, чтобы поквитаться с братом?

Камера медленно наезжает сзади. Юбка сидит отлично.

— А за что именно поквитаться, Джейсон? — Она наклонилась к нему, почти шепча. Пусть он забудет о микрофоне. Она-то не забывает ни на секунду. — Прости, но я не понимаю. Мы все видели репортаж нашей съемочной группы о твоей семье, наблюдали за развитием ваших... э... отношений. — Быстрый поворот к камере, возмущенный взгляд. — Отношений, которых просто не существует, верно, Джейсон? Члены твоей семьи — практически чужие друг другу люди, а ты в свои шестнадцать лет — жалкий неудачник.

На секунду она вспомнила о собственном сыне. Он ведь всего на год младше. Нет, сейчас эти мысли не к месту. Не хватало еще, чтобы зрители заподозрили ее в пристрастности. А теперь коронный вопрос, и уж на этот раз никакого шепота:

— Ну же, Джейсон! Ты спал с женой своего брата, когда ей было двадцать семь, а тебе четырнадцать?

Шаг назад — пусть юнец почувствует себя один на один с залом. Одно из двух: либо сопляк сейчас разрешится, либо подерется с братом, который сидит от него всего в полутора метрах и уже приготовился атаковать.

Как ни странно, ни то ни другое. Что ж, придется их подтолкнуть.

— Мы все хотим знать только одно, Джейсон: кого маленький Тайлер должен называть папой — тебя или твоего брата?

Неодобрительный ропот из зала — точно как задумано.

Молодец, Кэрри — голос в наушнике.

Да, хорошая работа. Брат, который до этого как воды в рот набрал, с проклятиями бросается на Джейсона, опрокинув его вместе со стулом. Это проще, чем может показаться, — стул-то неустойчивый. Кэрри выжидает лишь долю секунды, зная, что то же приказано и охранникам, — расчет был на драку, а не на кровавое побоище. Зрители ведь, пожалуй, еще завтракают.

Она стояла в стороне, пока охранники разнимали братьев и усаживали их по местам.

— Вы, двое, успокойтесь. — Голос звучал как приказ. Студия затихла. Она обратилась сначала к Джейсону, затем к камере: — Я думаю, нам пора пригласить в студию Бобби-Джо и выслушать ее версию событий. А затем мы представим вашему вниманию результаты анализа ДНК.

Прядь светлых волос выбилась из прически. *Отлично*, похвалил режиссер.

— Оставайтесь с нами, и после рекламной паузы в реалити-шоу «Правда в глаза» вы узнаете, кто же на самом деле отец Тайлера. Никуда не уходите. — Кэрри завершила эфир своим фирменным жестом, который словно предупреждал зрителей: «Берегитесь, завтра под прицелом моих камер можете оказаться и вы».

— Вне эфира, — объявил режиссер. — Две минуты сорок пять секунд.

На самом деле до начала эфира было три минуты, но они всегда

снимали с опережением в пятнадцать секунд. Несмотря на непредсказуемость поворотов шоу, Кэрри чувствовала себя в прямом эфире как рыба в воде. Все выверено до секунды и подчиняется строгому расписанию. Ей это по душе.

Зрители в студии ожили, тихонько загомонили. Кэрри, начисто игнорируя своих лузеров-гостей, сошла со сцены, села в свое кресло, открыла бутылку швейцарской минералки, доставленной по ее спецзаказу. Гримерша освежила макияж, стилист заправил выбившуюся прядь волос так, чтобы при определенном повороте головы она снова упала на лицо.

— Минута десять секунд.

Как же ей расколоть этот строптивый маленький орешек до того, как объявят результаты анализа ДНК? Она встала и устремила на Джейсона внимательный взгляд. От страха тот весь съежился. Бобби-Джо сидела на противоположной стороне сцены: толстая краснолицая бабенка, так и изнывающая от желания засветиться на телевидении и поведать всему свету, что спала с несовершеннолетним мальчиком.

Кэрри сочувствовала своим гостям, от души сочувствовала. Все ее существо на секунду заполнило знакомое жгучее чувство вины и боль от того, что жизнь этих людей, несмотря на появление в ее шоу и на ту помощь, которую им окажут после эфира, никогда по-настоящему не изменится к лучшему. А затем горечь ушла, уступив место теплоте чувству защищенности, которое всегда помогало ей держаться и с таким блеском выполнять свою работу.

Я не такая, как они, говорило это чувство.

Гримерша коснулась помадой ее губ. Пора. Она снова вышла на сцену, повернулась лицом к камере, улыбнулась. Она готова к решающей атаке. Еще немного — и это жалкое подобие семьи будет уничтожено окончательно.

Броуди Квинелл лежал в темноте, размышляя, чем это так воняет. Может, остатки вчерашней заказанной еды, а может, опять канализация засорилась. Возможно, запах доносится от соседей сверху. Там настоящие свиньи живут. Ну да ладно, плевать. Ему нравилось лежать в темноте и чувствовать, как осеннее солнце, заглядывающее в окно, ласкает кожу. Он представлял, что лежит на

пляже на Ямайке. Он даже слышал музыку — приглушенные рифы бас-гитары. Конечно, не рэггей и не хэви-метал. Скорее заунывный эмо-панк. Но вообще-то неплохо. Вполне подходит к обстановке. Потом в коридоре кто-то закричал, заплакал ребенок. Музыка стала громче.

В кармане у Броуди завибрировал мобильный телефон.

— Да, — сказал он в трубку. Должно быть, из университета. А он не хотел сегодня думать о работе. Он просто хотел полежать в темноте и одиночестве. Однако, услышав ответ, он резко сел и нащупал ногами пол. — Правда? Он сумел? Ты уверен? — Раздавшееся в ответ четкое «да» заставило его окончательно проснуться. — Черт возьми. — Он принялся шарить вокруг себя, отыскивая одежду. — Я буду через двадцать минут. Пока никто не должен знать. *Никому* не говори, ясно?

Натягивая джинсы, Броуди позвонил Фионе, бормоча под нос: «Ну же, ну же, возьми трубку...»

— Фиона, немедленно приезжай ко мне. Случилось кое-что важное.

— Конечно, — ответила она деловито, — будет сделано, профессор.

И в ту же секунду в дверь постучали. Все еще прижимая телефон к уху, так и не натянув до конца джинсы, голый по пояс, Броуди допрыгал до двери.

— Вижу, ты уже готов, — заметила Фиона, входя, и захлопнула телефон. — Броуди, здесь воняет.

Проследив источник запаха до мусорного ведра, она подняла крышку, утрамбовала его содержимое и завязала пакет.

— Моя домработница заболела.

— У тебя нет домработницы. Но если бы была, то от этого запаха точно бы заболела.

Броуди услышал, как Фиона вытащила пакет с мусором из ведра и выставила его на балкон, что тянулся вдоль всего здания, объединяя десятки убогих квартир. Подростки, маячившие на противоположной стороне внутреннего двора, встретили появление Фионы потоком непристойностей. Она закрыла дверь, не удостоив их и взглядом.

— Хочешь, чтобы я тебя одела, или сам справишься?

Броуди закурил.

— Сначала мне надо подумать.

— А может, лучше сразу поедем...

Фиона оборвала себя на полуслове. Решила не спорить, подумал Броуди. Ну что ж, если то, что ему сообщили, — правда, то он, черт возьми, заслужил сигарету. Ведь он нашел гения.

— Я же сказал — докурю и поедем. — Броуди пошарил по полу рядом с собой в поисках пепельницы. Он точно знал, она где-то тут. Не найдя пепельницу, поднялся и, приоткрыв окно, стряхнул пепел. Ветер тут же загнал пепел обратно в комнату, но Броуди не заметил.

Фиона металась по крошечной гостиной. Он знал, как она ненавидит эту квартиру. Обычно он бывал полностью готов к ее приходу, и они сразу уезжали. Фиона уверяла, что этот ковер гнусного грязно-оранжевого цвета, потемневшие от никотина стены и заросшая пылью мебель вгоняют ее в Депрессию. К тому же Броуди не имел привычки устраивать уборку. Она миллион раз пыталась заставить его переехать отсюда. Но Броуди отказывался наотрез.

— Ты не мог бы курить побыстрее? — спросила она.

— Я думаю. — Броуди вдел ремень в джинсы и непринужденно прошелся по комнате. Он знал здесь каждый квадратный сантиметр. Облокотясь на спинку стула, он продолжил: — Я понятия не имею, что мне с ним теперь делать.

— Напиши вступление к этой диссертации, опубликуй ее и дай ему работать над следующей. — Она повертела в руках ключи от машины. — Только для этого надо сначала потушить сигарету.

— Нет, сейчас я думаю о более глобальных вещах. Какое значение это открытие будет иметь для всего научного мира. — Он постепенно воодушевлялся. — Представь, Фи, даже сам чертов Эйнштейн до этого не додумался.

Он пересек комнату, задев ногой журнальный столик, и сжал узкие плечи Фионы большими смуглыми руками.

— Да это перевернет все наши представления о мире! Этот парень у меня на занятиях ни разу рта не раскрыл. Но я знал, я чувствовал, что в нем что-то есть!

— Спасибо, но мне мой костюм нравился и без украшения в виде сигаретного пепла.

Броуди даже вспотел от предвкушения и страха, представив, какое значение может иметь открытие. Он теперь в ответе за Рики. Это ведь он подсунул Рики в качестве домашнего задания недоказанную статистическую теорему в надежде, что этот мрачноватый, застенчивый и нелюдимый парень оправдает его ожидания.

— Это просто бомба, — заключил Броуди, щелчком отправляя окурок в окно, и взял Фиону под руку, позволяя ей довести себя до машины.

Пристегиваясь, Броуди слышал, как Фиона завела двигатель и поспешно выключила заговорившее радио. Передавали утренние новости.

— Поехали, — сказал он. — Хочу поскорее оказаться на месте и сам во всем убедиться.

Наступила тишина. Двигатель заглох.

— В чем дело, Фиона? Отвези меня в университет.

— Нет, — твердо сказала она. — Я тоже кое-чего хочу. Чтобы ты немедленно переехал из этой помойки.

— Что? — Броуди в раздражении ударил кулаком по двери. — Поехали сейчас же, Фиона. Мне надо увидеть Рики, пока еще никто ничего не знает.

— Нет.

Броуди услышал, как она вынимает ключ зажигания.

— Не будь идиоткой. Я, черт возьми, не за это плачу тебе такие деньги.

— Ты мне ничего не платишь. Мне платит университет.

— Да один черт. — Оба понимали, что он имеет в виду: если бы не он, у нее не было бы работы. — Вези меня — или я пойду пешком.

— Ну что ж, если ты не согласишься снять квартиру или дом поприличнее, так тому и быть.

Фиону явно удивили собственные слова — он это почувствовал.

Она ведь только что отказалась везти его на работу. И явно тут же пожалела об этом. Он молчал.

— Боже мой, Броуди, прости.

Она снова вставила ключ в зажигание и завела мотор, но он уже выбрался из машины, наклонился к открытому окну:

— Ладно. Пойду пешком.

— Нет, нет, не надо. Просто мне больно видеть, что ты живешь в этой... — Фиона запнулась, — в этом месте.

— Дорогая, ну так не смотри, — рассмеялся Броуди. — Я вот не смотрю.

Он повернулся, вытащил из сумки раскладную белую тросточку. Принюхался, как ищейка, подняв лицо к небу, помедлил, а затем развернулся на сто восемьдесят градусов.

Он знал, что Фиона наблюдает за ним, пораженная, что он знает точно, в какой стороне находится университет. Она ехала рядом с ним на первой скорости всю дорогу, следя чтобы с ним ничего не случилось.

Полчаса спустя Броуди сдался и сел к ней в машину.

— Я же просила белый, Марта. — Кэрри говорила тихо, но Марта по опыту знала, что это хуже крика. — *Белый*. — Почти шепот.

Кэрри нажала ногой на педаль мусорного ведра, бросила туда коробку швейцарского шоколада.

— Но коробка-то была белой, солнышко. — Марта пожала плечами.

— Шоколад. Я хотела белого *шоколада*, Марта. — Кэрри покачала головой и поднесла к уху вибрирующий телефон. — Да, Лиа. В чем дело? — Она прошла через кухню к огромному окну, выходящему в сад со стальным водопадом, выложенными стеклянной плиткой дорожками и японскими растениями. — Я напряжена? — Кэрри рассмеялась. — С чего бы мне быть напряженной? — Она миновала просторный холл и зашла в гостиную, чтобы Марта не слышала разговора. — Тупая домработница купила молочный шоколад, а я просила белый. И еще меня раздражает эта затея с готовкой.

Кэрри сбросила туфли и легла на новую кожаную кушетку. Она была рада звонку Лиа.

— Ну неужели я правда должна это делать? — спросила она умоляющим голосом.

Кэрри редко приходилось умолять. Мелодичный ирландский акцент лучшей подруги и продюсера смягчил ее. Он напомнил ей о деревне. О саде. О зеленой, сочной траве на лугу. О тех временах, когда в жизни еще было что-то нормальное.

— Пожалуйста, приезжай пораньше. Ты же знаешь, кухня — не моя стихия. — Кэрри посмотрела на свои руки. Интересно, останется ли время для маникюра? — Жду тебя в пять, дорогая. И купи по дороге коробку хорошего белого шоколада. Швейцарского.

Кэрри отключилась, чтобы не дать Лиа возможности возразить, и вернулась на кухню. Дел еще полно. Марта в своей белой униформе практически сливалась с интерьером. На фоне полированных белых шкафов выделялись только ее черные с проседью волосы и голубые глаза.

— Тебе точно не нужен этот шоколад? — Марта нервно сглотнула. Ничего себе — коробку шоколада за пятьдесят фунтов отправить в мусорное ведро! — Мне надо хирурга поблагодарить. Опухоль не увеличилась.

— Что? — Кэрри подняла глаза, затем улыбнулась и махнула рукой. Она снова прижимала к уху телефон. — Нет, нет. Забирайте его, Марта. — На другом конце не брали трубку. Она бросила телефон на кухонный стол. — И простите меня. Я не хотела вас обидеть. — Она протянула руку, почти Дотронулась до плеча Марты, но тут же сложила Руки на груди. Лишние прикосновения ни к чему. Эта женщина работает на нее уже девять лет.

Много знает о ней. Возможно, даже слишком много. — Когда привезут еду?

— Еду? — Марта побледнела, еще более сливаясь по цвету с кухней.

— Да. — Кэрри нервно рассмеялась. — Еду. Я неделю назад просила вас ее заказать для этого дурацкого сегодняшнего ужина.

— Но... но ты сказала, что будешь готовить сама. Что готовить сейчас модно, потому что все экономят. — Марта от испуга почти

перестала дышать. — Продукты привезут чуть позже, солнышко.

Кэрри молчала. Прямо как на телевидении, перед тем как вцепиться в горло кому-нибудь из своих гостей, подумала Марта. Затем ее губы растянулись в подобие улыбки, а глаза сузились. Подбородок поднялся чуть-чуть выше обычного. Плечи напряглись. На шее запульсировала тонкая и обычно незаметная жилка.

— Когда я сказала, что готовить *модно*, — медленно произнесла она, — я вовсе не имела в виду, что собираюсь сама этим заняться. Она издала короткий смешок. Нельзя выходить из себя на глазах у домработницы. Если она ее уволит, Марта наверняка пожалуется в газеты, хотя в ее контракте и есть пункт о конфиденциальности.

Что ж, телевидение научило ее сдержанности. Она умеет контролировать свой голос. Все еще можно поправить. Времени, правда, в обрез. Но у нее есть связи. У нее есть деньги, чтобы зарезервировать хоть целый ресторан, — черт, даже *купить* целый ресторан, если нужно. Лиа сказала, что американский продюсер мечтает познакомиться с английским гостеприимством. Это можно устроить. Если подумать, ее городской дом в Хэмпстеде не очень-то подходит для такого случая. Да, площадь, конечно, полторы тысячи квадратных метров, но обставлен он несколько по-спартански. Не лучшее место для уютного ужина в английском стиле.

— Где Клайв? — В голове уже сложился план действий. — Черт побери, Марта, мне нужен Клайв.

Лучше ненадолго прилечь. Сейчас только полдвенадцатого. Все еще можно поправить. Она протянула руку к пультам и опустила жалюзи. Подступала мигрень. Через несколько мгновений у изголовья кровати зазвонил телефон.

— Клайв, слава богу. Вы сможете сегодня вечером отвезти меня и двух моих друзей вертолетом в Чарлбери? Клайв, вы просто золото. Я вас обожаю. В эти выходные сходите с Салли куда-нибудь, я оплачу. Спасибо, дорогой.

Она повесила трубку. Затем набрала Чарлбери-холл.

— Ну ответь же, ответь, давай... — Она глубоко вдохнула, как учил психотерапевт. — Дэниел, сегодня я буду ужинать дома с двумя гостями. Можете приготовить для нас что-нибудь такое в английском духе? *Чисто* английском? Хорошо. — Она уже собиралась повесить трубку, но добавила: — Да, разрешаю вам использовать вина из

второго погребя.

Откинувшись на подушки, Кэрри улыбнулась и попыталась представить себя на кухне за готовкой. *Просто смешно*, подумала она, засыпая. Ей снилось, что «Правда в глаза» выходит теперь и в Америке.

Дэйна Рэй рисовала на обложке тетради. Она уже обвела края голубым, а теперь раскрашивала внутри зеленым. В середине она нарисовала красное сердечко. Может, вписать в него имя новенького? Нет, пока рановато. Надо сначала понять, что он из себя представляет и откуда взялся.

Учитель все талдычил и талдычил о чем-то. Дурацкие уравнения, квадратное что-то там. Пофиг. Она ногой подтянула к себе рюкзак, достала пакет с чипсами. Громко закашляла, чтобы никто не услышал шорох упаковки.

— Поделись, — прошептал с соседнего ряда верзила Нил.

Дэйна состроила гримасу, давая понять, чтобы он отвалил, но этот козел тут же поднял руку, угрожая настучать. Она закатила глаза, потом протянула ему пакет, пока учитель, мистер Как-Его-Там-Дэнтон-На-Больничном, что-то изображал на доске.

— Все не сожри, — шепнула она.

— Кто там разговаривает? — Учитель повернулся лицом к классу. Никто его не слушал и не записывал за ним. Большинство строчило эсэмэски под партой, кто-то читал журнал, один парень вообще спал. — Да что с вами? — рявкнул он. — Маленькие ленивые засранцы.

Дэйна даже оторвалась от своего рисунка. Слева раздались смешки. Класс оживился в ожидании развлечения. Например, в прошлый раз учительница, которая заменяла математика, убежала в слезах, и они могли весь урок заниматься чем хотели.

Дэйна любила только английский. Там она всегда внимательно слушала. Это вообще был единственный предмет, ради которого она приходила в школу. Все эти книжки, судьбы героев. Некоторым из них приходилось еще тяжелее в жизни, чем ей.

— Отдай чипсы, идиот. — Дэйна протянула руку через проход,

чтобы вырвать пакет у Нила, но ее стул пошатнулся, и она полетела на пол.

Класс взвыл от смеха. Ей на голову посыпались шарики из скомканной бумаги.

— Как тебя зовут?

Дэйна подняла глаза на учителя. Он направлялся к ней по проходу. Лицо у него было все в оспинах. Руки маленькие.

— Дэйна, сэр. — Она встала и подняла стул. На бедре будет синяк. — Дэйна Рэй.

Сейчас ее точно выгонят. *Ну и хорошо.* Она закинула рюкзак на плечо.

— Что ж, мисс Рэй, можете идти прямиком в кабинет директора, раз вы такая тупица.

Послышалось недовольное бормотание. Конечно, всем было плевать, что ей сейчас влетит по первое число от директора. Но почему только ей повезло получить на сегодня выходной?

— Нечестно, сэр. А если мы все попадаем со стульев, нам тоже можно будет уйти с урока?

— Помолчи, идиот. — Учитель нацарапал что-то на листе бумаги. — Отдашь мистеру Рашену. Пусть он тобой займется, тупица.

— Почему вы считаете, что можете оскорблять меня, сэр? — Густо подведенные глаза в упор смотрели на учителя. — Вы назвали меня тупицей.

Снова смех. Кто-то засвистел. Дэйна еще ни разу не спорила на уроке. Она покраснела и нашла взглядом новенького. Он не принимал участия в веселье. Она прищурилась, чтобы получше разглядеть, чем он там занят. Читает, подумала она, идя к двери. Читает книгу. И это не учебник математики. Она все еще смотрела на него, когда взялась за ручку двери.

И в этот самый момент новенький поднял глаза и встретился с ней взглядом. У него были черные волосы, тонкая шея и драные джинсы. Он не улыбнулся, не нахмурился, не попытался выдать шуточку в ее адрес. Он внимательно посмотрел на нее. И подмигнул. А потом как ни в чем не бывало снова уткнулся в свою книгу.

— Уйди с глаз долой, тупица, — услышала Дэйна голос учителя, выходя из класса.

Она, конечно, не собиралась идти к директору. Впрочем, домой или по магазинам она тоже не собиралась. После перемены будет английский, и она хотела на него попасть. Она сочинение написала. К тому же ей хотелось побольше разузнать про новенького. Уже неделя прошла, как начался новый семестр, а он ей еще и слова не сказал. Хотя он, похоже, ни с кем не разговаривает.

— Одиночка, — сделала вывод Дэйна, глядя на себя в зеркало в женском туалете. — У нас уже много общего.

Дверь с треском распахнулась.

— Ты с кем разговариваешь, уродина? — спросила одна из двух вошедших старшеклассниц. Они подошли к Дэйне, которая делала вид, что моет руки. А она-то надеялась, что ее не найдут.

— Ни с кем. — Дэйна пожала плечами и опустила глаза. Она знала, что за этим последует. Щеки горели, во рту пересохло. Почти как тогда, когда ее заставили пить хлорку. Бумажных полотенец не было, так что она вытерла руки о штаны. Затем нагнулась за рюкзаком.

— А что у нас тут? — Старшеклассницы выхватили рюкзак у нее из рук, расстегнули и начали копаться.

— Эй, отдайте! — крикнула Дэйна, пытаясь вырвать у них из рук свои вещи.

— Не-а.

Девчонки издевались над ней. Они закрылись с рюкзаком в кабинке, и ей оставалось только биться в дверь снаружи.

— Фу, воняет, — закричала одна из них. — Ты только посмотри на это!

Потом Дэйна услышала, как рвется бумага, а содержимое ее рюкзака вываливается в унитаз. Несколько страниц ее любимой книги вылетели в щель под дверь.

— Да хватит уже! — заорала Дэйна, глотая слезы. Довести ее до слез было сложно. Она научилась быть сильной, прятать свои чувства, сдерживаться. Обычно получалось. Она еще раз изо всех сил пнула дверь — как раз перед тем, как та распахнулась.

— Маленькая грязная уродливая эмо, — сказала одна из девочек. Под локоток они удалились из туалета, на ходу поправляя свои длинные, тщательно расчесанные волосы.

Дэйна вошла в кабинку. То, что не влезло в унитаз, было втоптанно в грязный пол. Она вытащила рюкзак. Капли с него попали на свитер. Несколько книг и тетрадей, включая ту, которую она разрисовывала на математике, можно было только выбросить. Косметичку она обнаружила в мусорном ведре, все деньги из кошелька пропали.

— Суки, — сказала она.

Потом на нее накатило. Жжение в груди, отдающее болью по всему телу. Она схватилась за край раковины.

Дыши медленно, сказала она себе, судорожно хватая ртом воздух. Закружилась голова. Она опустилась на пол, боясь, что сейчас отключится. Не хотелось разбить себе голову о кафель. С ней не часто случались такие припадки, но когда случались, это означало, что ее основательно довели.

«Все в порядке, все в порядке, все будет хорошо», — бормотала она. Мир вдруг стал бесцветным, размытым, руки и ноги задрожали, боль обручем сжала виски. Она дышала. Напрягала зрение. Считала. Старалась сосредоточиться. Все как написано в книжке.

Не дай им победить, шептал внутренний голос. *Ты лучше, чем они.*

Рот наполнился слюной. *Пожалуйста, пусть меня не стошнит*. Она схватилась за старую пыльную трубу, которая проходила под раковиной. Труба была горячей. Тепло волнами поднялось по рукам, растеклось по всему телу. Это успокаивало. Она начала покачиваться из стороны в сторону. Уговаривала себя, что все пройдет.

Приступ закончился так же быстро, как начался. Она победила. Эта часть ее жизни, пусть и маленькая, была в ее власти.

Когда прозвенел звонок, Дэйна поднялась и вышла из туалета. Через полминуты все выбегут из классов и начнется полчасовой хаос.

Как можно быстрее она прошла через школу, выскочила на улицу и завернула за здание с кабинетами естественных наук.

Вытащила из кармана недокуренный косячок, огляделась: не следят? Это чувство ее никогда не отпускало ее. Они наблюдали за ней, выискивая новые поводы поиздеваться, помучить.

— Только не плачь, дура, — велела она себе, впиваясь ногтями в ладони. Пнула стену. Прикурила косяк. Медленно затянулась. Хоть бы его хватило на подольше. Ради этой травки она продала на ебай свой серебряный браслет. Подарок от ее настоящего отца. Травка того стоила. Пара затяжек — и ей стало лучше.

Мимо прошли двое ребят помладше. Она мрачно уставилась на них, чтобы не вздумали приближаться. Она их всех ненавидела.

Подул прохладный осенний ветер. Дэйна поежилась, вытащила из кармана мобильный и посмотрелась в него, как в зеркало. Облизнула палец и потерла под глазами, чтобы стереть размазанную подводку. Черные волосы с оранжевыми прядями делали ее похожей на бродячую кошку. Отвратительно. Она убрала телефон. Докурила.

Перед началом английского она пробралась обратно в школу. Ученики, стоявшие в коридоре группами, напоминали ей стаи волков. Она села за свою парту, открыла книги. Ими ее снабжал учитель. Сказал, у нее есть чувство языка, и велел читать побольше. Она склонила голову над тетрадью, делая пометки. Проходили «Ромео и Джульетту». Она пожевала кончик ручки. Посмотрела на новенького. Он тоже записывал. Интересно, похож ли он на Ромео? Может, они влюбятся друг в друга.

Снова склонившись над книгой, Дэйна написала список действующих лиц, обвела любимых персонажей красной ручкой. Потом начала читать, подчеркивая понравившиеся отрывки. Хмурилась, когда встречала непонятные места. Иногда архаичные слова казались ей просто абракадаброй. Чувство языка...Интересно, как это получается, что она так хорошо разбирается в характерах придуманных героев и так плохо — в собственной жизни?

Кэрри Кент чувствовала разочарование. Американский продюсер совершенно не оправдывал ожиданий. Когда он наконец заговорит о деле? Она под столом наступила Лиа на ногу. Лиа посмотрела на нее и нахмурилась. Кэрри нахмурилась в ответ. Что ж, Лиа может быть довольна: она потратила целый вечер и не получила даже намека на то, что ее шоу покажут в Штатах. По крайней мере, никто не обвинит

ее в невнимании к прихотям лучшей подруги и продюсера.

Похоже, этот ужасный американец — обычный турист, который по чистой случайности Продюсирует какое-то второсортное шоу на неизвестном кабельном канале. Он приехал просто поглазеть, а потом будет хвастать, что во время визита в Лондон провел вечер с самой Кэрри Кент. Вечер, который влетел ей в немалые деньги. Вертолет, еда и, главное, вино! Да, она богата, но тратить деньги попусту не любит. Никогда не любила. Ей это претит.

— Итак... — произнесла она, наклоняясь вперед. Что ж, сам напросился. Сейчас на собственной шкуре почувствует, каково приходится гостям «Правды в глаза».

Боб Дэйн, или Доул, или Дрери, или как его там, отложил вилку и нож. От улыбки и декольте Кэрри он буквально растаял и чуть не стекал прямо в свое фрикасе из кролика.

— А я-то по глупости думала, что вы здесь для того, чтобы обсудить американскую версию моего шоу, Боб.

Он засмеялся и промокнул губы салфеткой.

— Билл. Меня зовут Билл.

Кэрри посмотрела на настенные часы. Девять сорок пять. Будет ли это противоречить духу английского гостеприимства, если она свернет вечеринку в пол-одиннадцатого? Уж она-то умеет сворачиваться вовремя. Она это каждую неделю делает. Обычно в тот момент, когда все грязное белье ее гостей уже извлечено на свет божий и отступать им некуда. Интересно, он заметит, если она уйдет наверх и включит телевизор?

— Ах, извините, *Билл*. — Она наклонилась к официанту, который наполнял ее бокал, и шепнула; — Больше вина не открывать.

Подумать только, «Шато Латур», одно из самых ценных в ее коллекции. В лучшем случае его следовало пить в компании ближайших друзей, растягивая четыре-пять бутылок на всю ночь. В худшем — она могла бы выпить его одна, лежа в постели, закусывая французским сыром. Она думала, что открывает его сегодня ради особого случая. Угощать таким вином этого придурка — просто святотатство, пустая трата.

— И все же, что вы думаете о моем шоу?

Лиа подняла брови, прикрыла губы рукой, но Кэрри все равно заметила усмешку. О да, чуть позже она и сама над этим посмеется, но сейчас ей было не до смеха.

— Я еще не имел удовольствия видеть ваше шоу, миссис Кент. — Билл взял в одну руку вилку с куском кролика, в другую — бокал вина. — Но я так много о вас слышал, что не смог устоять перед искушением попросить вас о встрече.

Лиа, о чем ты только думала, устраивая все это? Кэрри бросила на подругу не слишком теплый взгляд.

— И я просто в восторге от вашего английского гостеприимства. — Он сунул в рот мясо и сразу залил вином. Кэрри отвернулась.

— Я очень рада. Мой водитель будет готов отвезти вас в Лондон через двадцать минут. Верно, Лиа? Может быть, позвонишь проверить, не задерживается ли машина?

После всего этого пусть даже не рассчитывает, что обратно в отель он тоже полетит на вертолете.

— Слушаюсь, мэм. — Лиа насмешливо улыбнулась и вышла из-за стола.

— Честно говоря, миссис Кент...

— Мисс Кент. — Еще одной «миссис» она просто не выдержит.

— Честно говоря, после этого вечера в вашей компании, после того, как я имел счастье познакомиться с вами лично... — Он подвинул свой стул ближе к Кэрри и провел пальцем по ее запястью. Она отдернула руку. — После того, как я узнал вас...

— Вы меня не знаете, — отрезала Кэрри. Обычно такой тон она использовала во время шоу. Он безотказно срабатывал, если требовалось загнать гостя в угол. Американец явно не понимает, с кем связался. Придется поставить его на место.

— Я хотел бы пригласить вас на ужин...

— Машина будет вовремя, — объявила, входя в комнату, Лиа.

В одну секунду оценив ситуацию, она развернула к себе стул Кэрри, обхватила руками ее обнаженные плечи и запечатлела на ее губах нежный поцелуй. Кэрри поняла намек и притянула Лиа

поближе. Обе смерили Билла притворно сочувственным взглядом. С минуту он тарасился на них, явно обдумывая, не пригласить ли на свидание обеих, затем покраснел и стал извиняться.

— Даже *не думай*, — сказала Кэрри, когда он вышел, и слегка оттолкнула Лию. Потом застонала и уронила голову на руки. Мысль о том, как пуста ее жизнь за пределами студии, была болезненной, как удар.

— Все плохо. Очень плохо.

— Разве? — Лия ждала продолжения.

Кэрри подняла голову.

— Представь, какая-то часть меня была почти готова принять его предложение.

Макс Квинелл внимательно осмотрел убогий квартал: да, ничего не изменилось. Тусклый бетон сливался по цвету с небом. Вообще-то ему здесь нравилось. Нравились яркие красные, зеленые и черные пятна граффити на общем сером фоне. Нравилось отсутствие деревьев, газонов и аккуратно подстриженных кустов перед входными дверьми. Нравилось чувство опасности, которое усиливалось по мере продвижения в глубь района.

Он накинул капюшон и низко опустил голову. Коробка была зажата под мышкой. Немного помялась, ну да ничего, тому, что внутри, это не повредит. Сунув свободную руку в карман, ощупал его содержимое. Сигареты, зажигалка, ключи, немного наличных. Это были деньги на такси — мать, не спрашивая, переводила их ему на счет, а он никогда не пользовался такси. Мобильный был в заднем кармане. Учитывая местную публику, довольно опрометчиво.

А вот ножа у него в кармане не было. К сожалению. А нож бы не помешал — компактный, с гладкой ручкой, прячущей острое лезвие. Защита, к которой можно прибегнуть в любой момент, при первых признаках опасности. Он представлял себе шок на их лицах, когда ярко блеснет острие, собственное ощущение уверенности. Сейчас все носят при себе оружие, разве нет?

Но он все не решался достать себе нож. Купить легально нельзя: он несовершеннолетний. Конечно, можно сторговаться с кем-нибудь из ребят, которые тусовались около дома его отца, но на это у него не

хватало смелости. К тому же он подозревал, что обладание ножом — лишь более верный способ нарваться на неприятности. А неприятности ему не нужны. С другой стороны, если ты не вооружен, неприятностей тоже не избежать.

Макс взбежал по лестнице и забарабанил в дверь. Подождал немного. Может, отец... ну, занят. С этой женщиной, Фионой. Не дождавшись ответа, он открыл дверь.

— Ни хрена себе... — Его чуть не стошнило. Вонь была жуткая. Он прикрыл нос рукавом и прошел по квартире, распахивая все окна. Он давно не навещал отца. И похоже, не он один. Спрашивается, чем занимается эта тупая ассистентка?

Он положил коробку на стол в гостиной и позвал:

— Папа!

Еще раз обошел крошечное пространство, натываясь на пустые консервные банки, коробки из-под пиццы, разбросанную повсюду одежду и ботинки. Компакт-диски и другие вещи, которые он подарил отцу за последние несколько месяцев, тоже валялись где попало. Макс посмотрел на коробку, что принес сегодня, и спросил себя, постигнет ли ее та же участь.

Потом, вздохнув, поплелся в кухню. Начинать надо с самого неприятного. Он стянул через голову свитер с капюшоном, повесил на стул. Достал из мойки гору тарелок и одноразовой посуды с засохшими остатками еды и начал отбирать то, что можно выкинуть.

Хорошо хоть мусор отец начал выносить. Мусорное ведро было пусто, в нем даже был чистый пакет. Макс сунул в уши наушники и включил музыку на полную громкость. Он давно заметил, что это почему-то помогает не чувствовать воню. И начал мыть посуду. Мыльная вода в раковине скоро стала грязной и жирной. Он вылил воду, вытер то, что уже успел помыть, и продолжил. Потом протер все поверхности, побрызгав их предварительно каким-то чистящим средством, которое нашел среди всего этого хлама в буфете. Ведь прибраться так просто. Неужели отцу самому нравится жить в таком...

— Блин! Да я от страха чуть не обос...

— Что, твоя мать не учит тебя прилично выражаться? — Броуди Квинелл выпустил сына, тем более что Макс с ног до головы

обрызгал его мыльной пеной. — Сам виноват. Если не будешь затыкать себе уши дурацкими затычками, никто не застанет тебя врасплох.

Броуди покатывался со смеху. Видно, в хорошем настроении.

Макс вытащил наушники. Даже зажав их в кулаке, он все равно слышал музыку. Он выключил айпод и сунул наушники в карман. Вытер руки о джинсы и прошел вслед за отцом в гостиную.

— Я здесь еще не убирался.

— Вот и хорошо, — ответил Броуди. — Значит, мне не придется ничего искать.

— Пап, нельзя так жить. Что, эта твоя женщина не может что-нибудь сделать?

— Во-первых, она не моя женщина. Во-вторых, я не понимаю, почему ты говоришь о ней в таком тоне. В-третьих, тебе пятнадцать. Ты должен понимать и принимать беспорядок. Разве тебя не бесит, когда мать велит тебе прибраться в твоей комнате? — Броуди закурил.

Макс подумал: а что, если он тоже закурит? Интересно, отец хоть заметит?

— Можешь курить. — Вот и ответ. Броуди бросил пачку сигарет точно ему в руки. Как он это делает? — И можешь не притворяться, что ты не куришь. Мой нос не обманешь. — Он покачал головой, встал и начал закрывать все окна: — Чертовски холодно сегодня.

Минут десять отец и сын сидели в молчании. Макс наблюдал за тем, как отец втягивает щеки при каждой затяжке. Курение явно доставляло ему Удовольствие. Было что-то привлекательное в том, как его губы сжимали сигарету, как он ловко подносил ее ко рту своими большими руками с четко проступающими венами. Макс постарался скопировать его движения. Он посмотрел на собственные руки. Они были меньше, светлее и изящнее по форме. Он хотел взять сигарету большим и указательным пальцами, но уронил ее на грязный ковер.

— Не сожги квартиру, — сказал Броуди.

Макс рассмеялся и подтолкнул коробку так, чтобы она коснулась руки отца:

— Я тебе, кстати, подарок принес.

Броуди взял коробку, потряс, взвесил на руке, держа сигарету во рту.

— Надеюсь, это не очередной прибор для измерения давления.

Макс смутился.

— Это электрическая сбивалка. Для яиц или молока.

— И на хрена мне сбивать яйца или молоко.

— Не знаю. Омлет готовить. Или кофе со взбитыми сливками. — Больше всего Макс сейчас хотелось забрать подарок назад. Но матери он тоже не нужен. — Я положу его в шкаф на кухне. Пусть Фиона покажет тебе, как он работает. Может, пригодится.

Макс попытался говорить о ней с меньшей неприязнью. Дело в том, что пока она рядом с отцом, нет никаких шансов, что родители снова сойдутся. Ну ладно, шансов, конечно, так и так нет. Но он все равно не мог побороть в себе неприязнь к Фионе. Когда все стало плохо, она как бы заменила его мать в жизни Броуди.

— Да у меня в кухне уже места нет из-за всей этой фигни, которую ты мне надарил. Никаких больше кухонных приборов, ладно, сын? Ничего не имею против мобильных телефонов или дисков с музыкой, и поездка на выходные — это тоже здорово. Но от электрических сковородок и хлебопечек избавь.

Макс искоса взглянул на отца. Они всегда были честны друг с другом.

— Понял, пап. — Он встал. — Пойду домою посуду.

— Ничего подобного, — заявил Броуди и схватил сына за руку, снова поражая его своим чутьем. — Мы идем праздновать.

— Что праздновать?

— Во-первых, мой студент доказал теорему, которую до него не мог доказать никто. А во-вторых, у тебя, сын мой, новая женщина.

Макс замер от неожиданности.

— Новая женщина?

— Не отнекивайся, Макси. Ты пахнешь как магазин дьюти-фри. Кельвин Кляйн? Армани?

— Бэкхем. — Макс натянул свитер.

Броуди широко улыбнулся, сверкнув белыми зубами. Он гордился сыном.

— Она красивая? У нее большие...

— Нет, пап. Ты ошибся. — Макс тяжело вздохнул. Он бросил отцу кожаное пальто и взял связку ключей с подоконника. Почему он опять думал о той странной девчонке из своей новой школы?

Прошлое

Программа «Правда в глаза» вышла в эфир всего через пару лет после того, как Кэрри Кент начала работать на телевидении. Сперва она была репортером в новостях, а затем соведущей в другом реалити-шоу — «Громкие преступления». Шоу выходило поздно ночью. Кэрри приходилось мотаться за полицейской машиной и снимать, как полиция производит аресты. Кстати, так она познакомилась с Дэннисом. Несмотря на сравнительно небольшой опыт, ее желание добиться успеха просто зашкаливало. Она представила начальству идею своего шоу. Идею моментально подхватили, а начальство только диву давалось, почему никто не додумался до этого раньше.

Шоу с самого начала пророчили огромную популярность и самые высокие рейтинги в истории. Кэрри должна была стать звездой. Так все и случилось, причем очень быстро. Кэрри и не предполагала, что цена, которую она заплатит за славу, превысит даже ее астрономическую зарплату.

«Правда в глаза» впервые вышла в эфир третьего сентября 1999 года. Вначале предполагалось снять всего двенадцать передач, но популярность шоу оказалась столь велика, что с тех пор оно выходило каждую неделю вот уже четыре года. Когда Кэрри брала отпуск или больничный, приходилось пускать повторы. Желание людей наблюдать по телевидению за судьбами себе подобных, их несчастьями и преступлениями было ненасытным.

— Мы даем зрителям то, чего они хотят, — гордо заявляла Лиа, лучшая подруга и продюсер Кэрри. Лиа в разное время пыталась сделать карьеру в журналистике, на радио и на детском телеканале, а теперь была правой рукой Кэрри. Подруги были неразлучны как в студии, так и за ее пределами. — Все дело в стиле и таланте Кэрри как ведущей. Без нее это было бы не шоу, а выпуск новостей.

Женские журналы печатали бесчисленные интервью с Кэрри Кент. Каждый раз репортеры пытались узнать какие-нибудь подробности из ее личной жизни. И каждый раз терпели неудачу. Сплетен о ее разводе с Броуди хватило на несколько газетных

разворотов. Она отказывалась от любых комментариев на вопрос о том, была ли слепота ее мужа причиной разрыва. Ее закрытость породила новые слухи — например, что она отослала сына учиться за границу, потому что не справлялась с обязанностями матери.

— Так всегда бывает, когда становишься известным, — сказал ей как-то один из старших коллег. — Такие времена. Обычная честная знаменитость сейчас уже никому не нужна. Они хотят знать, пробовала ли ты кокаин или платила ли за секс. Они хотят твоей публичной казни, Кэрри. Помни об этом.

Эти слова запали ей в душу, стали ее мантрой. Не было и дня, чтобы ей не пришлось вновь убедиться в их правоте. *Они хотят моей публичной казни.*

Она развелась через четыре года после выхода шоу. На ее счету в тот момент было достаточно денег, чтобы купить собственный телеканал. Она недавно начала еще несколько проектов, ее гонорар постоянно рос. Однажды вечером в пятницу она решила, что с нее хватит. Ей *необходимо* уехать.

— Всего на несколько дней. Я еду одна.

Она не дала Лиа возможности возразить. Просто повесила трубку и отключила мобильный до среды. Она понятия не имела, о чем будет шоу на следующей неделе. Более того, ей было наплевать. Вариантов полно: беременная девочка-подросток, избитая жена, неверный муж, наркоманы, алкоголики, грабители, угонщики машин, пропавшие без вести. Список человеческих бед и пороков бесконечен, уж она-то знает. Так что готовиться ей не нужно. Лиа быстро введет ее в курс дела в последнюю минуту.

Кэрри с час просидела в Интернете, выбирая, куда бы поехать. На этот раз никакой пятизвездочной роскоши. Никаких публичных мест, где ее все будут узнавать. Никаких аэропортов. Она хотела немного нормальной жизни. Хотела побыть наедине с собой, хотела полной грудью вдохнуть свежий воздух, не приправленный стрессом, преступлениями и слухами.

Значит, большая часть Англии исключается. В итоге ее внимание привлекло фото деревянного коттеджа на берегу озера Ломонд. Коттедж пустовал. Она связалась с владельцем и сняла жилище на несколько дней, указав вымышленное имя и пообещав заплатить наличными на месте.

Она взяла джип напрокат — ее номерной знак слишком бросался в глаза. Быстрая езда привела Кэрри в отличное настроение. Она заранее запаслась едой и напитками и остановилась подкрепиться на придорожной стоянке только после Глазго.

Потом сложила брезентовую крышу автомобиля. Ночь была звездная и довольно теплая, особенно для Шотландии. Лунный свет ложился на плечи и освещал дорогу.

Ее коттедж и еще семь таких же располагались на большом расстоянии друг от друга на территории заповедника. Ей нужен был номер шесть. Кругом стояла тишина. Свет фар едва выхватывал из лесной тьмы проселочную дорогу. Кэрри глубоко вдыхала свежий воздух, перенасыщенный кислородом, ей казалось, что шум мотора оскорбляет тишину леса. Ни в одном из восьми домиков, похоже, не было ни души.

— Три, — прочитала она, когда фары осветили табличку с номером, прибитую к дереву.

Следующий номер, который она увидела, был пять. Затем впереди показался простой деревянный дом. Его силуэт четко выделялся на фоне залитой лунным светом поверхности озера. Кэрри понимала, что она совершенно одна здесь, и это приятно щекотало нервы. Стресс последних недель оказался слишком велик даже для нее. Если бы она сегодня не сбежала, то наверняка бы последовал срыв. Лиа, конечно, была недовольна, да и агент не пришел в восторг от того количества встреч, которые ему придется отменить, но в итоге оба сдались, хорошо зная Кэрри и понимая, что спорить бесполезно.

— Ну наконец-то, — вслух произнесла Кэрри. — А тут мило.

Она припарковалась под деревом перед коттеджем номер шесть, заглушила мотор. Подумала, не оставить ли включенными фары, но потом решила идти в темноте. Это оказалось несложно: лунное сияние, отраженное от водной глади, хорошо освещало тропинку между деревьями. Похоже, с веранды открывается чудесный вид на окрестности.

У Кэрри даже перехватило дыхание в предвкушении пяти дней одиночества. Она будет только гулять, размышлять, спать и читать.

Споткнувшись о ступеньку, она громко чертыхнулась, и звук ее голоса разнесся далеко над водой. Какое-то животное прошелестело в

траве неподалеку. Лиса? Барсук? Поскольку она сняла дом всего за несколько часов до приезда, владелец не успевал встретиться с ней лично и обещал оставить ключ под цветочным горшком у двери, горшка не было.

— Черт. — с досадой повторила она и напрягла зрение. Вроде бы чуть дальше у веранды стоит что-то похожее на горшок. Она стала пробираться вдоль стены коттеджа. Под ногой хрустнула ветка.

Внезапно она почувствовала, что на нее что-то падает. Она запуталась в каких-то веревках, кто-то вцепился в волосы.

Кэрри взвизгнула.

— Что за идиотская...

Вспыхнул свет. Распахнулась дверь.

— Кто здесь? — Голос был глубокий, тон повелительный.

Несмотря на силки, Кэрри умудрилась повернуться. Свет, лившийся из дверного проема, обрисовывал мужской силуэт.

— А кто вы? Что вы делаете в моем коттедже? — возмутилась она, пытаясь освободиться.

Послышался смех, и его звук, казалось, согрел ее. Тем не менее Кэрри почувствовала недовольство. Получается, она тут не одна. А ведь она приехала только затем, чтобы побыть одной.

— В *вашем* коттедже? — спросил мужчина, шагнув на крыльцо.

Кэрри попыталась вытащить из волос бечевку или проволоку, в которую угодила, и вскрикнула, порезав палец.

— Ну-ну, посмотрим, кого я поймал.

Мужчина подошел ближе. Он был примерно одного с ней возраста. Кэрри не могла не отметить, что он красив. Впрочем, какая разница?

— Поймали? — Кэрри лизнула палец, почувствовала вкус крови.

— Вы запутались в моей рыболовной сети. Решили рыбки попробовать?

— Нет! Разумеется, нет. — Она снова дернулась в попытке сбросить путы. — Вас вообще уже не должно здесь быть. С сегодняшнего дня коттедж сняла я.

Мужчина рассмеялся.

— Не думаю. Этот дом принадлежит мне.

— Ну что ж, могу вам сообщить, что я сняла коттедж номер шесть на пять ночей. — Кэрри наконец выпуталась из сети.

— Да неужели?

— Да. Я искала ключ, когда ваша дурацкая сеть попалась мне на пути.

— А где, по-вашему, должен быть ключ?

Мужчина прислонился к стене дома. В темноте блеснули белые зубы. Он улыбался. Это окончательно взбесило Кэрри.

— Под горшком.

Мужчина спокойно огляделся:

— Что-то не вижу никаких горшков.

— Вот именно. Значит, мне дали неправильную информацию. Я могу заглянуть внутрь? Я не буду платить, если мне не понравится. — Кэрри внезапно подумала, что, возможно, ей придется ночевать в джипе. Ну и ладно. Все равно план сбежать от людей провалился. Неужели в этой стране совсем негде спрятаться?

— Входите, — ответил он, поворачиваясь к дому.

Глаза уже привыкли к темноте, и Кэрри видела, что вокруг стеной стоит густой лес. С одной стороны деревья были пореже, и между ними серебром мерцала вода. Сейчас она избавится от своего непрошеного компаньона и искупается в озере. Ночной заплыв — как раз то, что нужно, чтобы забыть об этом инциденте.

— Добро пожаловать. — Он придержал для нее дверь.

Кэрри вошла. Обстановка выглядела совсем не так, как на фотографиях. Вместо простой белой мебели — большие темные кресла, старые плетеные коврики и целые горы спортивного инвентаря для походов и рыбалки. У двери стоял велосипед.

— Думаю, это какая-то ошибка, — сказала Кэрри. И уж конечно, это не ее ошибка. Дом номер шесть, Кинлохберн-холл. Она ехала точно по указателям на шоссе.

— Думаю, вы правы. Налить вам чего-нибудь? — Он достал

бутылку виски.

— Я просто хочу, чтобы вы ушли. Это какой-то ужас. — Кэрри была расстроена. Коттедж, конечно, ничего, но совсем не то, что она ожидала. И она здесь не *одна*. Она готова была расплакаться и ненавидела себя за это. Неужели она совсем разучилась жить за границами своей звездной действительности?

Мужчина пожал плечами и налил себе порцию виски.

— Не могу.

— Да почему, черт возьми? Это что, какой-то розыгрыш? — Она почти ждала, что сейчас появится оператор с камерой или что этот человек вытащит из кармана диктофон. Боже мой, ну почему она не поручила своей секретарше заняться ее отпуском?

— Нет, не думаю. — Он опустился в большое кожаное кресло, накрытое куском шкуры, устроился поудобнее и посмотрел на Кэрри.

— Так что мне делать? — Голос Кэрри задрожал. Обычно это она раздавала указания.

Мужчина снова пожал плечами:

— Ну, если бы я был на вашем месте, я бы перестал шуметь, извинился, вышел и проехал чуть дальше до дома номер шесть. — Он улыбнулся и допил виски.

— Так это не номер шесть?

— Нет. — Он встал, прошел, все еще улыбаясь, мимо Кэрри и поставил стакан в мойку. — Номер дома на указателе слегка выцвел от времени. Это восемь.

— Вы хотя бы знаете, кто я? — Он еще пожалеет, когда узнает.

— Понятия не имею.

Он был высокий, загорелый и говорил с сильным шотландским акцентом, так что Кэрри приходилось делать усилие, чтобы понимать его. Стоит ли удивляться, что и номера перепутались.

— Я Кэрри Кент, боже ты мой, а вы только что испортили мне начало отпуска.

— Приятно познакомиться, Кэрри Кент. Я Джейсон Макбрайд. — Он протянул ей руку. — Эта земля принадлежит мне.

Моя семья живет в Кинлохберн-холл лет триста.

Кэрри уже думала о другом, вполуха слушая рассказ о том, что он живет здесь часть года, потому что хочет побыть в одиночестве. Однако поцелуй быстро привел ее в чувство.

Пока он целовал ее, перед мысленным взором Кэрри проплывали заголовки желтых газет: «Тайные эскапады Кэрри», «Роман на час звездной телеведущей», «Любовник Кент выкладывает всю правду»...

И все же она не сразу оттолкнула его. Она думала обо всех тех вещах, ради которых приехала в Шотландию. — отдых, покой, одиночество, — но с каждой секундой все длившегося поцелуя они казались ей все менее важными.

— Стойте! — Она перевела дыхание. — Я не могу. Вы знаете, кто я? — Господи, какая глупость. Это звучит смешно.

На секунду она с сожалением вспомнила Броуди и их первую страстную ночь. Казалось, это было сотни лет назад.

— Вы только что мне сказали, кто вы. А я сказал вам, кто я. Мы на равных.

Мы далеко не на равных.

Он снова притянул ее к себе.

— Представляешь, у него даже нет телевизора! — Перед эфиром Кэрри захлеб рассказывала Лиа о своем приключении. — Во всем этом огромном доме! Так что он понятия не имел, кто я.

Лиа посмотрела поверх очков и покачала головой. Она изо всех сил старалась не улыбнуться.

— И ты хочешь сказать мне, что ты с ним не спала?

— Ни разу. Но мы вместе плавали. И ловили рыбу. А потом готовили ее. И еще мы гуляли, и он показал мне свой дом.

— Но ты вроде бы жаждала одиночества.

Лиа сунула своей ассистентке какие-то бумаги.

Кэрри хотела возразить, но времени уже не оставалось. Она на мгновение застыла, а затем вышла на сцену. Зрители в студии

заплодировали. Она посмотрела на них — сотни людей пришли сюда только ради того, чтобы увидеть ее.

Боль захлестнула с такой силой, что она едва устояла на ногах.

Да, это правда. Она жаждала одиночества. Жаждала насладиться одиночеством, как и Джейсон Макбрайд. Строго говоря, ей это не удалось. Но Лиа не понимала главного. Неважно, где находилась Кэрри Кент, в студии, на виду у миллионов, или в компании всего одного человека. Она *всегда* одинока.

Осень 2008 года

— То есть как это — нет? — От удивления ее голос пополз вверх. Она не привыкла слышать слово «нет».

Солнце, бывшее в правое окно, нагревало щеку. Она прижимала к уху горячую телефонную трубку. Мотор урчал, и ее нога была уже готова нажать педаль газа. Но он сказал «нет». Так что, похоже, она никуда не едет.

— Послушай, Дэннис... — Она ненавидела это имя. Оно напоминало ей о кардиганах и гольфе. — Главный инспектор Мастерс, встреча назначена уже несколько дней назад. Съёмочная бригада наготове. Мне нужен этот репортаж. У меня шоу на этой неделе.

Кэрри чувствовала, что начинает нервничать. Эта семья сейчас во всех выпусках новостей. Она должна с ними встретиться. Через пару дней это уже будет никому не интересно. Или, еще хуже, кто-то другой доберется до них раньше.

— Дэннис, дорогой мой, если ты не сможешь устроить для меня другое такое же громкое убийство до десяти тридцати завтрашнего утра, мне придется поискать себе другого друга-детекти...

В трубке раздался мрачный смех. Потом тишина.

— Я пошутил.

Кэрри на секунду потеряла дар речи.

Потом вдавила педаль газа в пол и, прежде чем с силой захлопнуть телефон и швырнуть его на пассажирское сиденье, обозвала собеседника долбаным идиотом.

День был прохладным, но в машине стояла жаркая духота. Кэрри сидела на переднем сиденье. Главный инспектор Мастерс вел машину. Он включил полицейскую мигалку, зная, что Кэрри это нравится. Еще один детектив сидел сзади. Его колени упирались Кэрри в спину.

Она открыла окно и высунула руку, наслаждаясь скоростью. Завидев полицейскую машину с включенной мигалкой, водители в панике съезжали на обочину или теснились к разделительной полосе.

— Так забавно. Здорово, когда все уступают тебе дорогу. — Кэрри ни за что бы не призналась, какой беспомощной она себя почувствовала, когда Дэннис сказал, что встречи не будет. Оставшуюся часть пути она размышляла о том, можно ли заставить людей уступать ей и в обычной жизни. И довольно скоро пришла к выводу, что ей это уже удалось.

— Приехали, — мрачно сказал Дэннис. Он указал на длинный ряд муниципальных домов, затем вытащил ключи из зажигания и посмотрел на Кэрри. — Что бы вы там ни думали, мисс Кент, эти люди только что потеряли единственного сына. Будь...

— Не волнуйся. Не такое уж я бревно.

Кэрри придала своему лицу сочувственное выражение и сдвинула солнечные очки на лоб. Глубоко внутри всколыхнулось какое-то чувство — сострадание? — когда она на секунду попыталась поставить себя на место скорбящей матери, ждущей ее за этими мрачными стенами. Нет. Так жутко, что даже думать об этом невозможно.

— Ладно, пойдем. Не будем растягивать удовольствие.

Без этих репортажей, когда Кэрри заглядывала в дома и жизнь своих «жертв», как она их называла, «Правда в глаза» не была бы тем, чем она была. Безжалостное журналистское расследование, раскрывающее всю подоплеку трагедии, являлось главной причиной скандальной популярности шоу и одной из его отличительных черт. Кроме того, за рамками эфира гостям оказывалась психологическая и иная помощь. Наконец, продюсеры никогда не упускали случая похвастаться тем, какую пользу приносят звонки на полицейскую горячую линию, номер которой бежал внизу экрана. Все это было чем-то вроде компенсации за подсмотренное несчастье. Кэрри как-то сравнила свою программу с автокатастрофой. Люди просто не могут отвести взгляд.

— Он тоже идет? — спросила Кэрри.

Молодого детектива, приехавшего с ними, она прежде не встречала. У Кэрри были давние и особые отношения с лондонской полицией. «Даже не спрашивай, — сказала она Лиа, когда вышло в

эфир первое шоу. — Все сложно». Она имела в виду свою дружбу с Дэннисом и те преимущества, которые она давала. Почти десять лет назад у них случился мимолетный роман. Он хотел большего, она покончила с этим, не позволив ему увлечься слишком сильно. И вот скоро в эфир выйдет пятисотое по счету шоу. Кэрри внезапно почувствовала себя очень старой.

— Пойдемте, мистер Плод. — Она похлопала молодого полицейского по плечу.

Его лицо вдруг вытянулось. Он с мрачным видом оглядел ряды убогих домишек.

— Один мой приятель жил в этом районе. Его убили. Что-то не поделил с драгдилером. Ему всего пятнадцать было.

Кэрри улыбнулась. Хорошо. Полицейский с совестью.

— Что ж, тогда у вас будет много общего с миссис... — она посмотрела в свои записи, — с миссис Пламмер, верно? Ее сына ударили ножом в шею, когда он отказался отдать свой мобильный банде малолеток.

Она направилась к дому. Жаль, не прихватила бахилы. Дорожка была вся в собачьем дерьме. Вряд ли внутри многим лучше.

Дверь открылась всего на пару сантиметров, и в узенькую щель Кэрри увидела самую несчастную и неухоженную женщину в своей жизни. В этот момент зазвонил мобильный. Кэрри вытащила его из кармана и посмотрела на номер. Звонил ее сын. Она сбросила звонок. Время сейчас неподходящее.

Макс Квинелл любил одиночество. Когда у тебя такие родители, неплохо сбежать от всего мира на пару часов. А про хижину никто не знает.

Он огляделся в привычном полумраке. Все на месте. Идеальный порядок. Не то что тот бардак, который составляет большую часть его жизни. Ну да, хижина, конечно, вот-вот развалится, стены в ржавых разводах, а крыша заделана старым линолеумом, чтобы не протекала. Но для Макса это еще один дом, спрятавшийся от других его двух домов. Можно даже сказать, это и есть его настоящий дом. Здесь никто не бывает, так что некому предъявлять права на крошечную хижину площадью два на два метра, что притулилась,

всеми забытая, под железнодорожным мостом. Когда-то тут, видно, хранились инструменты. Но сейчас Макс считал ее своей. Однажды, думал он, можно перебраться сюда навсегда.

Макс сел в старое автомобильное кресло, которое нашел как-то на берегу реки. Похоже, от «форда». Он вытащил пачку сигарет и закурил, затем той же спичкой зажег ароматическую свечу, стоящую на деревянном ящике у его ног. Свеча в синей стеклянной баночке была из подарочного набора. Туда еще входило масло для ванны с ароматом лаванды и маска для лица. Он собирался подарить все это маме на День матери, но... Макс рассмеялся и тут же закашлялся от дыма. Да, этот наборчик лучше было бы отдать в Оксфордский комитет помощи голодающим. А может, даже и туда не стоило. Он еще помнил, как щипало лицо от маски, а потом прыщи высыпали. Качество, должно быть, совсем дерьмовое.

— Ну, — проговорил он, любовно оглядывая свое богатство. — Что у нас дальше?

В списке, который был припрятан под ящиком, уже шесть страниц набралось. На каждой странице по тридцать наименований... кажется, так... всего, значит, около двух сотен. Двести раз повезло. Хотя ему больше нравилось думать, что это не везение, а талант и мастерство. Особенно хорошо получалось угадывать слова. Такие конкурсы он чаще всего выигрывал.

Коробки громоздились до самого потолка. Внизу побольше, сверху поменьше. Чтобы был порядок. Этому он у матери научился. Вещи, не поместившиеся в коробки, он сложил в углу с предельной аккуратностью. Его раздражало, когда не было прямых углов, устойчивости, стабильности. Он знал, что если из коробок с тостерами, соковыжималками, фенами, термосами выстроить аккуратную башню, то в следующий раз он застанет их в том же состоянии. А бесформенные пакеты, свертки, мягкие игрушки в его отсутствие то и дело рушились на пол.

Макс пожевал карандаш и провел пальцем по списку. Ногти у него были длинные. Чтобы удобнее играть на гитаре. Только вот матери не нравилась его музыка. Запретила ему играть. «Это как с грязью на полу, милый. Ведь ты бы снял заляпанные ботинки, если бы я попросила, верно?» Он тогда оставил свой «Стратакастер» на рельсах и наблюдал, как поезд разнес гитару в щепки — осколки того, что он любил. Сейчас он об этом жалел. А иногда ему хотелось,

чтобы это его разнесло в щепки вместо гитары.

— Хлебопечка, — деловито объявил Макс. — Или мини-мойка.

Но кому? Отцу его подарки не нужны, а Фиона... да он и снега бы зимой ей не дал, а не то что какой-нибудь подарок. Большинство учителей уже свое получили. Пара одноклассников тоже. Хотя они лишь посмеялись над ним и продали подарки на eбaу. А деньги потратили на выпивку и сигареты. Он, конечно, мог бы поступить так же с оставшимся добром, но не хотел. В этих вещах для него заключалась какая-то надежда на будущее, и он не желал ее терять.

— Та девчонка. — Он поморщился, потому что голос прозвучал громче, чем он ожидал. — Та. Девчонка. — Он произнес эти слова так, как будто они составляли ее имя. — Мисс Девчонка. Мисс Та Девочка, я хотел бы преподнести вам эту хлебопечку в качестве дружеского жеста. Будем друзьями, мисс Девчонка? — Макс состроил гримасу. Нет, так не пойдет. Только не хлебопечка. Он вытащил из штабеля коробок другую, бело-оранжевую. Мини-мойка. Он еще ее не открывал. Да, это в самый раз. — Мисс Девчонка, это минимойка. Я дарю ее вам.

В его воображении лицо мисс Девчонки освещает улыбка. Она скидывает на землю свой тяжелый рюкзак — Макс успел заметить, что он набит книгами, — и с благодарностью принимает коробку. «О, это как раз то, о чем я всегда мечтала, — говорит она, сияя. — Теперь я могу привести в порядок подъездную дорожку. Теперь я могу помыть папину машину. Теперь я могу стереть граффити со стены гаража. Спасибо, Макс. Спасибо большое». А потом мисс Девчонка встает на цыпочки и целует его. Долго, медленно, прямо в губы. У Макса началась эрекция.

Он покачал головой и снова погрузился в изучение списка. В колонке под названием «Конкурс» было написано: «Десять способов использования». Он усмехнулся. У судей конкурса, похоже, то еще чувство юмора. Местный магазин инвентаря устроил рекламную акцию в автопарке. «Нужно придумать десять способов использования мини-мойки, — сказала девушка в бикини, протягивая Максу флаер, когда он заехал в магазин отремонтировать фару на велосипеде. — Попробуйте счастья». Он положил флаер на чей-то капот и написал свои десять способов. Он точно помнил, что последний способ был «вычистить все дерьмо из моей жизни».

— Ладно, значит, мини-мойка, — сказал он, вычеркивая строку из списка. Рядом с названием товара он написал: *«Доставить мисс Девчонке лично в руки»*.

Дэйна Рэй плакала, когда кто-то тронул ее за плечо. Она вздрогнула всем телом и почувствовала приближение еще одного приступа паники. Они вернулись, чтобы помучить ее еще. Суки.

— Привет. — Голос был мальчишеский. Дэйна его не узнала. Она оглянулась. Челка уже отросла, но она не стала убирать ее с лица, чтобы скрыть черные разводы от туши под глазами.

— В чем дело?

— Я собирался тебя о том же спросить.

Это же он. Вот черт.

— Послушай, тебе тут делать нечего. — Лучше избавиться от него, пока она тут одна.

Вместо ответа он ногой отшвырнул банку из-под колы и сел рядом. Протянул сигареты. Она пожала плечами и взяла одну.

— Что, неудачный день?

— Неудачная жизнь.

— Ну тогда тебе точно понадобится вот это, — сказал он, протягивая ей коробку, обернутую в желтую бумагу.

Дэйна нахмурилась.

— Сегодня не мой день рождения. — Она потрогала коробку, уронив на нее пепел. — У тебя что, не все дома? Ты за мной следишь?

Он пристально посмотрел на нее и пожал плечами. Она наблюдала за ним, пока он изучал ее лицо. Она знала, что выглядит паршиво. Он рассмеялся:

— Ты похожа на вампира. Или зомби. Или еще что-то типа того. — Он выдохнул дым в ее сторону. — Давай, открывай. Это тебе.

— Давай хотя бы познакомимся для начала? Иначе это как-то странно.

А может, это подстава? Может, в коробке мусор из помойного ведра?

Он подался вперед и протянул руку:

— Макс Квинелл. Одиннадцатый класс. Бездарь. Изгой. Приятно познакомиться.

Дэйна почувствовала, как щеки заливает горячий румянец.

— Дэйна Рэй. Одиннадцатый класс. Девочка для битья. Тоже изгой. Рада знакомству.

Они пожали друг другу руки.

Дэйна почувствовала это рукопожатие всей рукой, плечом, сердцем.

По тому, как потемнели его карие глаза, она поняла, что и он это почувствовал.

Господи.

— Ну и что это? — Она шмыгнула. Платка у нее не было. Разорвала бумагу и уставилась на коробку. Наклонилась, чтобы прочесть. — «Супермощная мини-мойка с вращающейся головкой и шестиметровый шланг». Здорово. — Дэйна посмотрела на Макса. Потом рассмеялась. Она смеялась долго. Этот смех растворил ненависть и страх внутри нее, эхом прокатился по узкому проходу, в котором они сидели. Этот смех как будто предупреждал весь мир, что лучше им всем поостеречься, потому что у нее теперь новая мини-мойка.

— Тебе нравится?

— Просто супер.

— Можешь теперь навести порядок в своей жизни.

— Уже начала. — Ей не терпелось поскорее достать мини-мойку из коробки.

Фиона Мартон всегда обедала одна. Не то чтобы она так хотела, это скорее Броуди предпочитал обедать в одиночку. Потому он обычно запирался в своем офисе и оставлял ее отвечать на звонки, пока он там выуживал лапшу из картонки или пил воду из бутылки огромными глотками. Фиона не могла пойти с другими в столовую

или в новое кафе за углом, но не особо страдала от этого. Зато она могла есть свой неизменный сэндвич с сыром и салатом, наблюдая за Броуди через стеклянную секцию стены и мечтая.

Но сегодня все было иначе.

— Давай вместе пообедаем, — сказал Броуди. Он только что закончил читать лекцию.

Фиона чуть со стула не свалилась от изумления. Она перепечатывала письма, которые он надиктовал ей раньше.

— Что, мы вдвоем? — Она не решалась поднять голову. Несмотря на слепоту, Броуди, казалось, чувствует, даже когда она моргает. Уж конечно, он легко догадается, что она покраснела.

— Ну разумеется, вдвоем, — терпеливо подтвердил он. — Так что?

— Хорошо. Спасибо за приглашение.

Интересно, в чем подвох?

Он вернулся к себе в кабинет и принялся терзать компьютерную клавиатуру. Устройство, озвучивающее то, что он напечатал, было включено. Фиона это точно знала, хоть из-за стеклянной перегородки и не слышала. Броуди всегда внимательно проверял все, что печатал. Жаль, что она не надела сегодня новую блузку.

В час дня они сидели в отдельной кабинке заведения, по мнению Фионы, бывшего попросту грязной забегаловкой. Как она, к своему неудовольствию, обнаружила, находился этот ужас недалеко от дома Броуди. Они сидели на липких красных пластиковых стульях за не менее липким ламинированным столом.

— Боже мой, Броуди, жалко, ты не видишь этого места. Все вроде как стилизовано под ресторан пятидесятих годов, но у меня такое ощущение, что здесь и правда ничего не меняли с пятидесятих. Включая еду.

Броуди что-то недовольно проворчал.

Фиона вздохнула и взяла меню. Да, не так она представляла себе обед с Броуди.

— Тут есть яичница с беконом. Бутерброд с беконом. Бутерброд с яйцом. Омлет с беконом, можно с помидо...

— Я буду блюдо дня.

Фиона посмотрела в меню, потом огляделась вокруг.

— Ты прав, здесь есть блюдо дня. Написано мелом на доске у бара. А что это за блюдо?

— Каждый день разное. — Он замолчал, потом повернулся налево: — Как дела, Иди? — Его лицо осветила улыбка.

— Прекрасно, профессор, спасибо большое. Я стала бабушкой в шестой раз. — Иди с гордостью разгладила фартук.

Фиона видела, что в кафе работают еще по крайней мере четыре официантки. Как же он узнал, что к ним подошла именно Иди? К тому же по их разговору было件нятно, что он бывал здесь раньше. Но когда?

— Два блюда дня и два кофе, пожалуйста, — заказала Фиона. Ей хотелось поскорее с этим покончить. Обед с Броуди не оправдал ее ожиданий. Она мечтала, что они пойдут в шикарный ресторан, возможно даже, Броуди наконец скажет ей, что любил ее все эти годы... Она вздохнула и развернула салфетку с приборами.

Когда официантка ушла, Броуди откашлялся.

— Фиона, я не просто так тебя сюда привел.

— Правда? — Глупо, конечно, но сердце замерло, и стало трудно дышать. Всего на мгновение, но Броуди заметил.

— Не волнуйся так, — сказал он.

— Я не волнуюсь. — Фиона еще больше занервничала. Почему этот слепец всегда видит ее лучше, чем она сама?

— Мне необходимо, чтобы ты описала мне всех посетителей.

Броуди говорил резко, но в голосе его сквозила горечь. Он не любил ни о чем просить, а уж тем более использовать слово «необходимо». Помощь Фионы он всегда принимал с неохотой. Нанимая ее несколько лет назад на работу, он сказал, что она должна будет возить его и помогать в кое-какой административной работе. Фиона никогда не напоминала ему о сотне других вещей, которые она для него делала, начиная с помощи в подготовке лекций и заканчивая покупкой туалетной бумаги. «Она мой ассистент», — объяснял он. «Я твои глаза», — думала она.

— Что ты хочешь о них знать?

— Начни со стола у двери. Там сидят четверо, верно?

Фиона положила локоть на спинку своего стула и обернулась. Никогда ей не понять, как он это делает. Порой она сомневалась, действительно ли он незряч.

— Да, двое мужчин, две женщины. Молодые, все чуть за двадцать. Они немного, ну, неформалы. На одной из девушек шапочка в ретростиле, словно из сороковых годов. На другой — длинная юбка из лоскутов. Выглядят довольно безобидно. — Один из парней посмотрел на Фиону, и она быстро отвела глаза. — Может, скажешь, в чем дело?

— Следующий столик, — приказал Броуди. — Тот, что у окна.

— Там сидит один мужчина. Пожилой. Под семьдесят. Похоже, живет один и...

— Достаточно. Давай дальше. И не надо никаких предположений.

— За следующим сидит молодая мамаша. С ней девочка в кресле для кормления. И подруга.

Пьют чай. Дальше несколько школьников, а рядом пара рабочих. Вроде бы строите...

— Стоп. Давай про школьников. — Броуди подался вперед и сжал руку Фионы. — Я хочу знать о них все. Вплоть до цвета их носок.

Фиона молча уставилась на свою руку. За те восемь лет, что она проработала с профессором Броуди Квинеллом, он еще ни разу не дотрагивался до нее. И она еще ни разу не видела его таким испуганным.

Кэрри не смогла бы точно сказать, что потрясло ее больше — то, как жила эта женщина, или то, что она потеряла своего единственного сына. По настоянию врача она принимала диазепам с того дня, как случилось несчастье, то есть уже четвертые сутки. Тем не менее женщина пребывала на грани истерики и в бешенстве набросилась на оператора, посмеявшего снять фото ее сына на каминной полке.

— Джимми был для меня всем! — Она подняла опухшие от слез глаза. У ног хозяйки, на грязном ковре, лежали три собаки — два боксера и еще дворняга. Казалось, они разделяют ее скорбь.

— Миссис Пламмер, я от всей души вам соболезную. Невозможно описать словами ту боль, которую вы чувствуете.

Слова почти из сценария. Новость о Джимми Пламмере не сходила с первых полос газет. Он возвращался на велосипеде домой после футбольной тренировки и увидел посреди дороги лежащего избитого человека. Подошел помочь, вызвал «скорую» со своего мобильного. Оператор, принявший звонок, слышал шум. Вернувшиеся члены банды напали на Джимми и нанесли ему несколько ударов ножом.

Кэрри села, преодолевая отвращение. Нельзя забывать про камеры. Если она будет воротить нос от грязного дивана, не видать ей симпатий зрителей. Юбку можно потом отдать в благотворительную организацию.

— Расскажите мне о Джимми, миссис Пламмер. Он любил футбол, верно?

Скорбящая мать медленно повернула голову. Ее лицо отекло, щеки покраснели, сальные волосы падали на лоб. Предполагалось, что миссис Пламмер примет участие и в студийной части шоу, выходящей в прямом эфире. Еще они хотели позвать нескольких друзей Джимми, чтобы поговорить о молодежных бандах в этом районе. Дэннис поможет с реконструкцией событий. Звонков будет тьма. Рейтинги взлетят до небес, так что с этим интервью нужно постараться. Ведь именно инсайдерские репортажи делают шоу «Правда в глаза» таким уникальным.

— Джимми был обычным подростком. — Миссис Пламмер заставила себя выпрямиться. — Ему было четырнадцать. Он любил футбол. Хорошо играл. Любил кататься на велосипеде. Любил своего пса Доллара. — Миссис Пламмер положила руку на голову уродливой дворняги. — Он ходил в школу. Никаких проблем с полицией. Никогда.

— Джимми не был членом банды, миссис Пламмер? — Боковым зрением Кэрри заметила, что оператор снимает лицо женщины крупным планом. Отлично.

— Нет, нет, не был он ни в какой банде. Джимми не из таких. Он

знал, что хорошо, а что плохо. — Миссис Пламмер сжала кулаки, не зная, на ком бы выместить свою боль и гнев. Кэрри похлопала по дивану рядом с собой, приглашая ее сесть поближе. Две женщины бок о бок на диване, как близкие подруги. Идеальный кадр.

Миссис Пламмер села.

— Есть ли у вас хоть какие-то подозрения относительно того, кто мог убить вашего сына, миссис Пламмер... Лорейн? — Голос Кэрри звучал мягко, успокаивающе. Она взяла женщину за руку. Оператор встал перед диваном и продолжил снимать.

— Нет, — прошептала Лорейн Пламмер. — Но я хочу, чтобы полиция их нашла. — Она посмотрела на Дэнниса и его помощника. (Потом надо будет в этом месте показать на несколько секунд их лица.) — Я хочу, чтобы вы нашли тех ублюдков, которые это сделали. — С этими словами она повалилась, уткнулась лицом прямо в новую юбку Кэрри и зарыдала в голос.

В кармане куртки у Кэрри снова завибрировал телефон. А юбку точно придется отдать на благотворительность.

— Ну и что ты думаешь? — Кэрри выудила из сумки антибактериальную жидкость для рук и вылила полбутылки себе в ладонь. — Как считаешь, она что-то знает?

Дэннис состроил недовольную гримасу. По таким пробкам ехать им придется долго.

— Откуда? Просто очередная банда решила порезвиться. Они же это делают ради забавы. Парень им попался под руку, вот и все. Мы, конечно, арестуем одного-двух человек для виду, но на этом все и закончится. Обычно такие дела отправляются сразу в архив. — Детектив Мастерс зевнул. — Поужинаем?

— Разумеется, нет.

Как только они сели в машину, Кэрри уставилась в окно. Слава богу, уезжают из этого жуткого места. Когда последние из заброшенных — а может, они лишь казались заброшенными — домов уступили место более респектабельным строениям, Кэрри облегченно вздохнула. Ее мутило, руки тряслись. Странно, давно она так себя паршиво не чувствовала. Вспомнив, что надо перезвонить сыну, она достала из кармана мобильный.

— Дэн... — нерешительно сказала она, поглаживая пальцами

телефон.

— Что? — Дэннис не повернул головы, сосредоточившись на загруженном перекрестке, который они проезжали.

Ты когда-нибудь задумывался о том, что было бы, будь ты на их месте? Если бы это была твоя жизнь? Кэрри нервно сглотнула. Ну и мысли.

— Ничего.

Дэннис покосился на нее и рассмеялся.

— Так-таки ничего?

Он включил мигалку.

Кэрри сделала несколько попыток дозвониться сыну. Каждый раз звонок сразу переключался на голосовую почту.

Броуди лежал на спине и смотрел в потолок. Все было черным. Он представил себе, что над ним мерцают тысячи звезд — его собственное созвездие. Никто не мог видеть того, что видел своими бесполезными глазами он. Перед сном он выкурил последнюю сигарету, выпил немного бренди. Бренди всегда помогал ему достичь той степени уединения — или одиночества, — когда перед глазами проплывали видения из жизни, которая давно канула в прошлое.

Макс был неуклюжим шестилеткой, когда Броуди в последний раз видел его собственными глазами. Броуди уже с трудом передвигался по дому, а Макс носился вокруг на роликах, сбрасывая на пол рамки с фотографиями и безделушки со столиков и полок, за которые он хватался для поддержки. Его мать, конечно, бесилась. Ролики он получил в подарок на Рождество — идея Броуди, — и его восторг по этому поводу стоил намного дороже всяких дурацких вазочек и прочего барахла, которое он тогда расколотил.

Броуди тяжело вздохнул. Да, эти дни уши безвозвратно. Он повернулся на кровати. Жалобно заскрипели пружины. Интересно, кто сейчас живет в том доме? Чувствуют ли они, как счастливы были там его предыдущие обитатели?

Это не был дом его мечты. Совсем не то, что он представлял себе, будучи студентом. Но в жизни ведь обычно так и бывает. Все твои планы вдруг раз — и меняются в одну секунду. Так случилось с

ним, когда он впервые увидел свою будущую жену. Такие вещи не поддаются математическому анализу — они просто происходят, и с ними надо смириться. Они выбрали для себя дом в быстро развивающейся части Северного Лондона. На заднем дворе росла яблоня. Они экономили каждый пенни, чтобы внести первый платеж. Поначалу и мебели-то никакой не было — матрас на полу да немного посуды. Но это был их собственный дом, и он был прекрасен. Броуди работал как сумасшедший, целыми ночами изучал научную литературу, писал статьи, готовился к лекциям, которые читал в университете. Вскоре он уже заработал авторитет в области статистических теорий, его работы получили мировое признание.

Через два года появился Макс, а Броуди пригласили в штат Королевского университета Лондона. Через шесть лет после этого он ослеп.

А еще через несколько месяцев развелся.

С бывшей женой он с тех пор почти не разговаривал. Но он ее слышал. О да, он ее слышал.

Он и не заметил, как наступило утро. Разбудили его солнечные лучи, щекодавшие лицо. Черт, он ненавидел вот так засыпать. Казалось, только-только видел маленького Макса и вспоминал свою жизнь, как будто просматривал фотоальбом с самыми дорогими моментами прошлого, — и незаметно так и заснул в одежде, с пепельницей на животе. Ноги замерзли. И кто-то барабанил в дверь.

— Броуди, Броуди, ты дома?

Фиона. Вставать не хотелось. У нее был ключ, но он всегда закрывал дверь еще на цепочку. Соседские подростки часто пинали ногами двери ради забавы.

— Иду, — крикнул он, потягиваясь. Спина затекла. Кто-то снизу начал долбить в пол квартиры. *Да заткнитесь вы.*

Броуди впустил Фиону. Он уже все обдумал.

— Сегодня мы снова обедаем вместе. — Тон был повелительный.

— Только не в той забегаловке, ну пожалуйста.

Броуди понимал, что Фиона предпочла бы поесть с ним панини в

новом кафе или пообедать в бистро Себастьяна над музыкальным магазином, да хоть в чертовом «Макдоналдсе». Не настолько же он слеп.

— Ну пожалуйста, Броуди, — повторила она.

— Значит, ты согласна?

Он отметил, что у нее новые духи. Запах пряный и сладкий. Что, если Макс прав? Может, она и правда «его женщина»? Инстинкт подсказывал, что Макс разъярится от перспективы занять мачеху в виде Фионы. Макс с самого начала возненавидел Фиону, решив, что она заняла в жизни Броуди место, принадлежащее его матери. Фиона же всегда хорошо относилась к Максусу. Она покупала ему подарки на Рождество, посылала открытки ко дню рождения, всегда была вежлива с ним. Хотя встречались они редко.

— Мне надо в душ, — объявил он.

— Еще как.

Он оставил ее в гостиной. С тех пор как Фиона заглядывала сюда последний раз, Макс навел порядок: вынес мусор, подобрал грязную одежду, убрал компакт-диски в коробки. Макс и Фиона были единственными людьми, кому разрешалось входить к Броуди. Фиона часто говорила, что если бы он мог увидеть эту квартиру собственными глазами, то вообще бы никого к себе не пускал. В том числе и себя самого.

Вода струилась по телу. Броуди быстро намылился. Интересно, насколько он постарел с тех пор, как четко видел свое отражение в последний раз. Он хорошо помнил этот последний раз, и была какая-то ирония в том, что о четкости отражения говорить не приходилось. Они с Максом зашли в павильон кривых зеркал на ярмарке. Торс у него в зеркале был как гигантская бочка, а голова совсем крошечная, коротенькие ножки колесом. Уже тогда Броуди понимал, что слепнет. Макс прыгал вокруг него и покатывался со смеху, глядя на их искривленные отражения. Да уж, хорошая осталась память о собственной внешности. Броуди выключил воду, провел по волосам, быстро вытерся и оделся. «Бери одежду слева, — каждый раз говорила Фиона, раскладывая ее после прачечной. — Если возьмешь пару брюк слева и рубашку слева, они будут сочетаться. Я их специально так положила». Он не любил признавать, что нуждается в ней.

— Гадость, — сказала она, когда он вернулся в гостиную, вытирая волосы полотенцем.

— Ты о чем?

— Об этой книге. «Как выжить на детской площадке». Очень уж она мрачная.

— Детская площадка — это метафора для всей жизни, — рассмеялся Броуди. — Почитаешь ее мне. После того, как мы пообедаем в грязной забегаловке. — Он бросил полотенце на пол.

Фиона обреченно вздохнула.

— Ну почему мы должны есть в этой помойке? Я до сих пор не переварила предыдущее блюдо дня.

— Будем изучать подростков.

Фиона ждала у двери, вертя в руке ключи от машины.

— Снова шпионим за школьниками? Я тебя не понимаю. И зачем тебе книга о том, как дети издеваются над своими сверстниками? Расскажи мне. Ты собираешь материал для нового исследования или просто потихоньку сходишь с ума?

— Ни то ни другое, — ответил он. — Но если согласишься съесть еще один мерзкий обед, я тебе расскажу.

Им пришлось ждать. Половину столиков заняли подростки из соседней средней школы, за другими, как всегда, сидели матери-одиночки с детьми в стульчиках для кормления, старики и рабочие. Снова была смена Иди. Увидев Броуди и Фиону, она вытерла руки о передник и дала им меню, чтобы они не скучали, пока стоят в очереди.

— Они еще не пришли. — Броуди прислонился к стене. За ними уже толпились другие посетители. — Я не слышу их голосов. Не чувствую их запаха. — Он почти прорычал последнюю фразу.

— Кто еще не пришел?

— Те, за кем мы будем наблюдать. Одиннадцатиклассники. У них урок до двенадцати сорока пяти. Пока они соберут свои рюкзаки, зайдут в туалет и придут сюда, будет уже час.

— Броуди. — Фиона откашлялась. — Не подумай, что я тебя

осуждаю или сомневаюсь в твоих мотивах и все такое, но... — Она запнулась, потом продолжила: — Но это немного странно, что тебе известно расписание уроков местной школы. Обедать здесь нездорово уже само по себе, но при этом еще шпионить за детьми...

— Вот тут ты не права. Мы изучаем, а не шпионим.

Фиона закрыла лицо руками.

— А поскольку ты обеспечиваешь мне прикрытие, никто меня ни в чем не заподозрит.

— Ваш столик, профессор Квинелл. — Иди вмешалась вовремя, не дав Фионе возможности возразить.

Броуди и Фиона пили чай и ждали. В кафе было шумно и жарко. Фиона всеми силами пыталась увильнуть и не заказывать еду. Уверяла, что обслуживают медленно, что официантка снова прошла мимо них, что она пообещала сейчас подойти к их столику.

Закончилось тем, что Броуди дотронулся до своих часов, чтобы узнать время, а затем встал и крикнул:

— Не мог бы кто-нибудь обслужить наш столик, пожалуйста?

Кафе затихло.

— Броуди, сядь. Не устраивай сцен. — Фиона потянула его за рукав. — Они только что вошли. Те парни, которые тут были в прошлый раз. — У столика уже стояла Иди. — Два блюда дня, пожалуйста, — сказала Фиона, сдаваясь. Ладно, свое она есть все равно не будет.

Броуди подался вперед. Его глаза, пусть и бесполезные, напряженно изучали все вокруг. Фиона едва могла поверить, что он видит перед собой лишь темноту, она не сомневалась, что у Броуди есть какое-то шестое чувство.

— Расскажи мне о них. Подробно.

Фиона заколебалась. Ее разрывали сомнения. Она всегда стремилась помогать Броуди, какие бы сумасшедшие идеи ни бродили в его голове, но было что-то неправильное в том, чтобы шпионить за школьниками без всякой видимой причины. Стараясь не признаться себе, что только ее чувства к Броуди заставляют ее

уступить, она негромко заговорила:

— Их трое. Все мальчишки. Двое темноволосых, подстрижены небрежно, волосы немного грязные. У одного ужасные прыщи. Выглядит сурово. Ну, знаешь, такое жесткое выражение глаз, как будто он в своей жизни уже слишком много повидал. — Фиона глотнула чая.

— Не останавливайся. — Броуди часто дышал, его пальцы судорожно сжимали край стола. Он смотрел прямо на Фиону. Никто не сказал бы, что он слеп, никто не сказал бы, что он не обычный посетитель, болтающий в кафе со своей девушкой.

— Другой — темноволосый, выглядит обыкновенно. Губы тонкие, в левом ухе серьга. Они смеются. Смотрят на мобильный. Третий парень блондин, но, кажется, не очень светлый. Сложно определить, он пострижен почти под ноль. На нем рубашка и форменный блейзер, джинсы. Галстука нет. На остальных школьные галстуки. — Фиона вздохнула. — Хватит?

— Нет. Еще.

— На полу рядом с бритым парнем стоит сумка. Черно-красный рюкзак. Так, вскрыли пакеты с чипсами. У каждого по пакету. Пьют колу. Хотя нет, бритый пьет «Танго».

— Они все еще держат в руках телефон?

— Да. Прыщавый, кажется, печатает сообщение.

Броуди вытащил из кармана свой телефон и, держа его под столом, набрал номер. Через пару секунд он спросил:

— Слышишь?

Фиона покачала головой.

— Нет.

— Посмотри на них. Они отвечают на звонок?

— Да. Прыщавый прижимает телефон к уху. Вид у него озадаченный. Это ты им звонишь?

— Ага.

— Зачем?

— Чтобы убедиться, что это те парни, которые мне нужны.

Фиона отодвинулась от столика, чтобы не мешать Иди расставлять соус, салфетки и приборы.

— Похоже, те самые. — Фиона говорила тихо, переводя взгляд с Броуди на парней.

— Хорошо, — спокойно произнес Броуди. Он повернул голову в сторону школьников. — Не хотелось бы перепутать.

Пятница, 24 апреля 2009 года

Лиа Роффи просматривала отчеты. Утро не задалось. Она сняла очки и взглянула на часы. Шоу закончилось уже час назад, но звонки по горячей линии все не прекращались. Она нахмурилась и повернулась к Дэннису:

— Отчеты, которые ты дал, меня не очень впечатляют. Сомневаюсь, что хоть одно из этих дел подойдет для следующего шоу. — Лиа надеялась, что работа поможет ей забыть о том, что случилось в эфире сегодня, но отвлечься не получалось. Она просто не могла сосредоточиться.

— Понял. Что ж, тогда я просто раздам ножи и пистолеты местной шпане, накачаю их выпивкой и наркотой и посмотрю, что получится. А то, не дай бог, ваши рейтинги пострадают.

Лиа поморщилась.

— Ты ведь понимаешь, о чем я. — Она снова надела очки. — Так, возьму вот это, с абортom. Где парень заставил свою подружку его сделать. Реально связаться с ее родителями? — Она налила себе чаю, жажда мучила страшно.

Главный детектив Мастерс пожал плечами:

— У нее нет родителей, она живет в приемной семье. Ей всего четырнадцать. Я могу организовать интервью с ее приемными родителями, если хочешь. Мы с ними сотрудничаем. Она отказывается назвать имя парня. Врачи говорят, что она не сможет больше иметь детей.

— О господи. — Лиа поставила локти на стол и уперла подбородок в ладони. — Хочешь чаю?

Ну и утро. В голове не укладывается, что Кэрри просто взяла и ушла из студии во время рекламной паузы. Никто не знал, куда она поехала, на звонки она не отвечала. Им пришлось пустить повтор вместо второй части шоу.

— Нет, — отказался Дэннис. — Я пошел. Работы полно. У меня, знаешь, есть дела поважнее гламурных телешоу и звездных истерик.

Лиа очень ценила помощь Дэнниса. Без него они ни за что не раздобыли бы эксклюзивные материалы, связанные с громкими делами. Отношения шоу с полицией Лондона были взаимовыгодными. Самые запутанные дела Мастерса получали освещение в эфире, это повышало доверие обывателей к властям, и они начинали звонить по номеру полицейской горячей линии. С тех пор как «Правда в глаза» выходит на экраны, число таких звонков увеличилось на восемьдесят процентов, а уровень раскрытия преступлений поднялся на тридцать процентов. В интервью Лиа часто называла «Правду в глаза» смесью ток-шоу и журналистского расследования. Шоу и в самом деле уникально.

Дэннис встал. Он хотел обнять Лиа, но передумал.

— Как там поживает твоя подружка?

— Ушла.

— А, ну да. Так ты теперь одна?

— Иди, Дэн, не зли меня.

— Я полагаю, ты не согласишься со мной поужи... — Дэннис ударился коленом об угол стола и охнул от боли.

— Так тебе и надо.

Зазвонил мобильный телефон Лиа.

— О, слава богу! Кэрри, где, черт возьми, тебя носит? — Лиа облегченно выдохнула и шепнула Дэннису, прикрыв микрофон: — Это она.

Затем лицо Лиа вдруг побледнело, голос понизился до шепота:

— О господи, вот черт, нет... Кэрри, нет... Где ты? Жди. Еду.

Схватив ключи и сумку, Лиа опрометью вылетела из офиса.

Кэрри отказалась от попыток дозвониться сыну. Он часто не подходил к телефону, даже если по чистой случайности не забывал его зарядить. Как обычно, он позвонил ей в неудобное время — в день записи шоу Кэрри встала рано и была в душе — и даже не удосужился оставить сообщение. Кэрри казалось, что она не видела его уже много дней. Вполне возможно, что он звонил ей из своей комнаты. Она попробовала позвонить еще раз, звонок сразу

переключился на голосовую почту.

— Это я. Не могу тебе дозвониться. Я сегодня вернусь рано. Если хочешь, пообедаем вместе.

Марта купила на завтрак круассаны. Кэрри завтракала за длинным кухонным столом, за которым могла бы уместиться большая семья, и смотрела в окно на сад. Шел дождь.

— Ты дома? — крикнула она. Может, он проскользнул вчера в свою комнату, а она не заметила? Ее голос эхом прокатился по пустому дому. Она не слышала музыки и не чувствовала запаха дешевого одеколона, которым он обычно пользовался.

— Все парни им душатся, — объяснил сын. — Девчонок как магнитом притягивает. — Он усмехнулся, зная, что от таких слов Кэрри корежит.

Медленно жуя круассан, она размышляла, почему же частная школа-интернат, обходившаяся ей в двадцать пять тысяч фунтов в год, так и не смогла привить сыну хорошие манеры. Надо позвонить директору. Еще раз. Они просто обязаны что-то придумать, чтобы вернуть его. Так дальше продолжаться не может.

Кэрри выбросила недоеденный круассан, прошла в кабинет и включила компьютер. Время еще оставалось, так что она могла полчаса посвятить изучению материалов, которые прислали ее ищeyки. Просматривая отчеты, свидетельствовавшие о бедности, лишениях и несчастьях, Кэрри чувствовала одновременно облегчение и скорбь. Да, она могла наблюдать за всем этим горем из своего комфортабельного, богато обставленного дома, она не была одной из них. Но она ничем, совершенно ничем не могла им помочь, и от этого ее охватывало отчаяние. «Правда в глаза» не могла сделать этих людей счастливее.

В списке потенциальных героев шоу снова значилась Лорейн Пламмер. Как ни странно, передача о гибели ее сына, которую они показали прошлой осенью, не вызвала большого резонанса, так что новую программу на эту тему Кэрри собиралась сделать в качестве услуги Дэннису. Интервью с Лорейн Пламмер уже записано и должно пойти в эфир в следующем месяце. Кэрри надеялась, что после повторного освещения сюжета Дэннис получит хоть парочку полезных звонков. После гибели сына Лорейн в том районе произошли еще подобные инциденты. Кэрри только недавно с

изумлением поняла, что ее дом находится совсем недалеко от опасного квартала. Между двумя разными мирами, Хэмпстедом и Хэрлсденом, всего несколько минут езды.

— Бедный парень, — сказала она, закрывая файл с фотографией погибшего мальчика. Ее взгляд задержался на снимке Лорейн Пламмер в отсканированной статье из газеты. Пустые глаза, ввалившиеся щеки, застывшее лицо. Ее душа умерла. И было видно, что безвозвратно.

Кэрри быстро настучала письмо и отправила Лиа с пометкой «срочно» — указание подготовить передачу с миссис Пламмер к эфиру на следующей неделе. Дело это странно перекликалось с чувствами, одолевавшими ее в последнее время: с ощущением пустоты, беспокойством, беспомощностью. Должно быть, матери всех подростков места себе не находят.

Кэрри попыталась отгородиться от чужого несчастья, достав фотографию собственного сына в серебряной рамке. Такой элегантный в костюме и галстуке. Снимок сделали на исходе его последнего года в колледже Дэннингем. Как раз перед тем, как он решил туда больше не возвращаться.

— Дурачок, — прошептала Кэрри, глядя на фото. — Мог бы хоть получить аттестат о среднем образовании.

Она вспомнила свой ужас, когда он объявил о том, что не только не вернется в Дэннингем после каникул, но еще и бросает изучать половину предметов.

— Зачем мне латынь и немецкий? — Он навис над кухонным столом, и Кэрри хорошо помнила отпечатки грязных рук, что он оставил на глянцевой столешнице, перед тем как в ярости выбежать вон. Когда он был младенцем с ямочками на щеках и простодушной улыбкой, ее сердце сжималось от нежности при виде этих маленьких ручек.

— Чтобы получить место в университете! — крикнула Кэрри вслед. — И приличную работу!

Разумеется, его шансы попасть в Кембридж или Оксфорд после ухода из Дэннингема стали равны нулю. Она трижды встречалась с директором колледжа, написала бесчисленное количество электронных писем, сотни раз ругалась с сыном, но так ничего и не добилась.

— Я не хочу быть богатеньким мальчиком со знаменитой мамой, который на других смотрит сверху вниз. Больше говорить не о чем, — отрезал он и с силой захлопнул дверь в свою спальню.

— Но мой сын никогда не будет смотреть на других *снизу вверх*, — прошептала Кэрри, наливая себе очередную рюмку водки в попытке заполнить хоть чем-то пустоту в сердце.

Она его достала. Репортаж, который они сняли у него дома, когда он впал в ярость в присутствии своей двухлетней дочери; свежие синяки на лицах его жены и любовницы; новый приступ ярости в студии, когда он переворачивал мебель и охране пришлось применить силу, — не оставалось никаких сомнений в том, что ее сегодняшний гость — настоящий подонок. Кэрри было противно находиться с ним в одной комнате. Но в то же время она наслаждалась моментом.

— Посмотрите мне в глаза, Винсент.

Она непринужденно пересекла студию. Охранник силой удерживал гостя на месте. Коротышка Винсент узким хитрым лицом напоминал куницу. Кэрри не боялась его. Она склонилась над ним, слегка повернув голову к камере.

— Ну же, давайте начистоту. Вы когда-нибудь били свою маленькую дочь? — Кэрри сделала паузу. По опыту она знала, что он не станет отвечать. Пока не станет. — Почему в течение первого года ее жизни социальную службу вызывали к вам домой семнадцать раз? Почему снимки в полицейском досье показывают, что синяки на ее спине имеют форму вашей руки? Почему у вашей жены и вашей подружки лица, прости господи, напоминают побитые яблоки? Почему, спрашиваю я, — Кэрри повернулась лицом к зрителям, — девочку до сих пор не забрали в приемную семью? — Она почти кричала, держа снимок ребенка над головой. Она ведь сама мать. Пусть это и не ее жизнь, но она чувствовала боль.

Тишина. Потом в студии один из зрителей зааплодировал. Потом еще и еще. Вся аудитория, все триста человек стоя аплодировали ей. Слишком много детей страдало от жестокого обращения и бездействия социальных служб в последнее время. Тема была очень злободневной, общественность требовала призвать виновных к ответу. Когда зрители затихли, Кэрри продолжила:

— Вы били свою дочь или нет?

Снова тишина.

Кэрри дотронулась до своего наушника. «Дай ему еще десять секунд», — велел режиссер.

Она знала, что съемочная группа тоже в напряжении. Она уже почти час пытается сломать его. Он должен расколоться. Даже Дэннис сегодня пришел в студию. Ему нужно было признание. «Камера два, поближе», — приказала Лиа.

Винсент уставился на свои ботинки. Сдвинул носки вместе.

— Она плохо себя вела, — сказал он. — Все своих детей шлепают. Это не криминал.

Зрители были потрясены. Свист, шиканье, обвинения неслись со всех сторон. Мать ребенка вскочила с места, на сцену выбежали охранники. Кэрри секунду понаблюдала за происходящим, затем повернулась ко второй камере и завершила эфир своим фирменным жестом.

— Супер, дорогая, — сказала Лиа. — Ты просто королева признаний.

Дэннис тоже пробормотал пару одобрительных слов, а потом отправился за сцену, чтобы допросить Винсента.

Кэрри устроилась в любимом кресле. Шла реклама. Аудитория до сих пор не успокоилась. Слышались громкие обвинения в адрес Винсента, охранники по всей студии внимательно оглядывали публику. Напряжение не спадало. Но Кэрри ничего не замечала. Ей было не до того. Следовало подготовиться ко второй части шоу, раскрыть подноготную еще одной загубленной жизни.

На секунду Кэрри поддалась усталости. Не физической — эмоциональной. Усталость навалилась внезапно, словно кто-то шарахнул ее сзади. Да, иметь дело с этими людьми ужасно. И если честно, она с удовольствием отдохнула бы от несчастий, безнадежности, страданий, которые хоть и были чужими, но давно уже проникли и в ее жизнь. С каждым шоу нести это бремя становилось все тяжелее.

Но без этих несчастных людей она так и осталась бы провинциальной журналисткой, а ее доход составляли бы новостные

статейки, занимающие полколонки на десятой странице местной газетенки. Усталость отступила. Кэрри расправила плечи. До эфира меньше минуты, и надо сосредоточиться.

Визажистка подошла подновить макияж.

Кэрри улыбнулась.

Все было просто. Как те туфли, которые она выбрала для сегодняшнего шоу, — черное и белое. Работа и дом.

Завибрировал мобильный. Она достала телефон. Жестом отстранила гримершу.

Кто говорит?

У нее перехватило дыхание.

Бутылка с водой выпала из руки.

Холодные брызги попали на ноги.

Кэрри выбежала из студии.

Прошное

С первого мгновения их знакомства она знала, что влюбится в него. Интервью прошло быстро, но ей казалось, что это самое важное событие в ее жизни. Он рассказал, что до нее встречался еще с восемью кандидатками, но теперь он видит — *видит?* — что она идеально подходит для этой работы.

— Откуда вы знаете?

Может, он тоже это чувствует?

— Потому что вы не пытались помочь мне положить сахар в чай, — ответил он, пододвигая ей через стол контракт. Бумага прощуршала по рассыпанным белым песчинкам. — Возьмите. Прочитайте до завтра. Если согласны, пришлите обратно.

Он не знал, что все десять минут интервью она не отрываясь смотрела в его невидящие глаза, не знал, что она наблюдала, как раскрываются его губы, когда он собирается задать ей следующий вопрос, не знал, что она отчаянно хотела положить свою белую руку на его смуглую, чтобы дать ему понять, как *правильного*, что она оказалась рядом с ним. Для нее начиналась новая жизнь.

Уходя, она улыбалась. Некоторые вещи не поддавались математическому объяснению.

Придя домой, Фиона подписала контракт, не читая.

В первый день работы с Броуди Квинеллом диплом по математике ей явно не понадобился.

— Синие или черные? — Она дала ему пощупать разные носки.

— Эти. Они мягче.

Она представила, как он натягивает их на ноги, как ткань облегает лодыжки, как учащается его дыхание, когда он наклоняется, чтобы подтянуть их.

— Десять пар?

Броуди кивнул. Потом повернулся и наткнулся на витрину с трусами.

— Думаю, раз уж мы здесь, надо и ими запастись. — Фиона взяла с полки несколько упаковок.

К концу первого утра работы с профессором Броуди Квинеллом — самым привлекательным ученым в области статистики, как внешне, так и интеллектуально, человеком, работы которого вызывали горячую полемику среди математиков всего мира — Фиона обновила его запасы нижнего белья, закупила туалетных принадлежностей чуть ли не на год вперед и заполнила его холодильник продуктами, которые он велел ей купить. Она не стала бы кормить этим даже кошку.

— Я вот подумала... — Она запнулась. Он сидел за крошечным кухонным столом, пока она разбирала продукты. — Вы когда-нибудь... ну, то есть... — Она ведь просто хотела заботиться о нем.

— Что? Выкладывайте, Фиона. Если мы собираемся работать вместе, то должны быть откровенны друг с другом.

— Ничего, — ответила она.

Ничего. Безумная мысль. И неуместная к тому же. Он же мой босс. Почему я вообще об этом думаю? Но чем бы ни было это чувство, заставляющее ее внутренности сжиматься, как у влюбленной девчонки, ей не нравилось, что он живет в этой квартире. Это просто ужасно. Даже хуже, чем ужасно. Разве он сам не понимает?

— Ваша жена... — начала Фиона, пытаясь придумать, как бы сформулировать вопрос поделикатнее. — Вы здесь жили вместе? В этой квартире?

— Разумеется, нет.

— А где же тогда?

— В очень приятном месте. — Броуди сощурился, как будто пытаясь сфокусировать слепые глаза на картинах из прошлого. — Мы жили в доме. С садом. Там еще был шалаш и качели для нашего сына. В прихожей лежал бежевый ковер, а на столике стояла ваза, всегда со свежими цветами. Я когда-то и представить себе не мог, что в моей жизни будет место для домашнего уюта.

Наступило молчание, тишину нарушало только шуршание

упаковок с дешевой едой, которую Фиона убирала в холодильник. С внезапной ревностью она подумала о его сыне. Хорошо бы он не стал помехой их отношениям.

— Хотите знать, чего еще я никогда не мог себе представить?

Фиона повернулась к нему. На секунду забыв о его слепоте, она молча кивнула, но он все равно каким-то образом почувствовал ее интерес.

— Я никогда не думал, что все это закончится.

Наконец они поехали в университет. Вообще-то изначально это была основная причина, по которой она согласилась на эту работу. Здания факультета математики занимали тридцать акров земли между Кью-Гарденз и Остерли-парком. Фиона подъехала к будке охраны и показала свой новый пропуск. Охранник заглянул в машину.

— С возвращением, профессор.

Броуди поднял руку в знак приветствия. Миновав ворота, Фиона двинулась по указателям к парковке персонала.

— Это мой первый раз, — сказал Броуди, когда она заглушила двигатель.

— Первый раз? — Ей понравилось, что он начинает какой-то новый этап жизни вместе с ней.

— Сегодня я впервые в университете с тех пор, как... с тех пор... — Он нервно сглотнул и уставился в лобовое стекло. — Я уже несколько месяцев здесь не был.

— Ну что ж, — сказала она, — пройдем внутрь?

Фиона обошла машину и взяла его под руку. На секунду закрыла глаза.

— С главного входа?

— Нет, — ответил Броуди. — Найди указатель, ведущий к черному ходу.

Фиона прекрасно понимала, почему он хочет незаметно проскользнуть через заднюю дверь. Ей незачем было спрашивать, почему дрожат его руки. И не требовалось объяснять, почему Броуди

игнорирует поздравления коллег и студентов, почему он молчит, пока они поднимаются на четырнадцатый этаж в лифте. Фиона улыбнулась про себя. Она и так знала ответ.

Профессор Броуди Квинелл был так же уязвим, как и она сама, но оба они предпочитали скрывать это. Стоя в лифте, Фиона зажмурилась, пытаясь поставить себя на его место. Когда лифт остановился, теплая рука Броуди дотронулась до ее плеча. Она снова открыла глаза, пораженная тем, что увидела за своими закрытыми веками. Она смогла на секунду заглянуть в мир человека, который, как она надеялась, поможет ей снова стать счастливой.

Пятница, 24 апреля 2009 года

Кэрри не помнила, как выбежала из студии и поймала такси. Она не помнила, как заплатила таксисту и влетела в больницу, требуя немедленно объяснить, что происходит. Когда Кэрри оперлась о стойку регистрации и набросилась с расспросами на медсестру, ноги едва держали ее.

— Имя пациента? — спросила медсестра.

— Это... это мой сын. — Имя Кэрри произнести не могла, язык не слушался.

Медсестра терпеливо кивнула и что-то набрала в компьютере. Затем побледнела, внимательно посмотрела на Кэрри и позвонила кому-то.

— Скажите мне просто, в какой он палате? Господи, да хоть этаж назовите. Это же мой сын, понимаете? Вы знаете, кто я?

Женщина опять кивнула, давая понять, что ей известно, кто такая Кэрри, но отвечать на вопросы отказалась. Через несколько минут появился доктор — вернее, Кэрри думала, что это доктор, — и отвел ее в сторонку.

— Сюда, миссис... Кент. — Кэрри отметила, что он запнулся на ее имени. Разумеется, появление знаменитости в больнице вызовет волну сплетен, но Теперь они хотя бы уделяли ей особое внимание.

— Ну наконец-то! Пожалуйста, отведите меня к сыну. Тут у вас какой-то бардак.

Ситуация напоминала ночной кошмар. Школьная секретарша сообщила, что произошел несчастный случай и ее сын в больнице. Поспешность, с которой Кэрри покинула студию, удивила, почти испугала ее саму. Ведь шоу было в самом разгаре. Скорее всего, Макс сломал руку и сейчас сидит на больничной койке и настукивает эсэмэски. Нет никакого удовлетворительного объяснения ее бегству из прямого эфира. И это точно отразится на рейтингах. Она еще ему задаст, проучит как следует. Вот возьмет и затащит его на следующее шоу. Тема: как подростки мешают родителям работать и тратят

попусту их время. Чертовы подростки.

Пока ее вели по больнице, Кэрри внезапно пожалела, что у них с сыном разные фамилии. Если бы он носил ее фамилию, у них было бы хоть что-то общее, какое-то основание для примирения. Потому что порой ей казалось, что расстояние, разделяющее их с сыном, за последние пару лет превратилось в настоящую пропасть.

— Что произошло? Несчастный случай? — Она почти бежала, стараясь не отстать от врача.

Он лишь неопределенно пожал плечами. Кэрри оставалось полагаться только на свое воображение. Может, происшествие в химической лаборатории? Разлили какую-нибудь дрянь. А может, вышла из строя циркулярная пила в мастерской. О боже. Он сегодня взял велосипед или поехал в школу на автобусе? Она понятия не имеет. Честно говоря, она даже не знает, ночевал ли он сегодня дома. Может, провел ночь у отца? Пищевое отравление? Вечно ест всякую гадость. А может, просто вывихнул ногу? Так почему же тогда она вылетела из студии, не сказав никому ни слова? Почему же тогда материнский инстинкт — по крайней мере, она думала, что это именно он, — заставляет ее внутренности болезненно сжиматься?

Кэрри почувствовала на плече крепкую руку доктора.

— Сюда, миссис Кент. Сейчас я позову кого-нибудь, кто сможет объяснить вам, что произошло. — Он ободряюще улыбнулся.

Кэрри прошла в небольшую комнату. Стены выкрашены белым. Несколько стульев. На низеньком столике в центре комнаты — ваза с искусственными цветами и коробка бумажных платков. В углу — хотя Кэрри старалась не замечать этого — еще один стол, покрытый белой тканью с вышитым посередине крестом.

Прошло несколько секунд, прежде чем мозг ее сумел зафиксировать то, что увидели глаза. На фоне белой стены тенью замер Броуди Квинелл, рядом какая-то женщина. Он сидел, уронив голову на руки, локти уперты в колени. Волосы, собранные на затылке в хвост, отросли чуть ли не на полметра с тех пор, как она видела его в последний раз.

— Броуди? — Странно, но Кэрри почувствовала облегчение. Теперь она хотя бы не одна. Может, стоит вернуться на работу, а он уладит все без нее?

Он медленно поднял голову.

— В чем дело, Броуди? Где Макс?

— Он умер. Наш сын умер.

Осень 2008 года

Из тридцати четырех учеников сочинения сдали только пятеро. Дэйна положила свои два. Макс бросил сверху свое.

— А ты хорошо поработала, — заметил он.

— Я не могла решить, какая тема мне больше нравится. — Она закинула рюкзак на плечо. — Так что написала два. Пришлось попотеть.

Макс внимательно посмотрел на нее, пытаясь прочесть что-то в ее темных глазах, но Дэйна вдруг качнулась вперед, налетев на свой шкафчик.

— Эй! — крикнул Макс дуре, толкнувшей ее. — Ты в порядке, Дэйна?

— Да. Ничего. В прошлый раз она меня сигаретой обожгла. — Дэйна подняла рукав и показала Максус след от ожога. — Видишь, пережила как-то.

Макс хотел дотронуться до красного пятна, но Дэйна отстранилась. Толпа школьников толкала их вперед по коридору. Началась большая перемена.

— Хочешь есть? — спросил он.

— У меня денег нет.

Макс улыбнулся, взял Дэйну за руку, подвел ее к своему шкафчику и вытащил из него небольшую сумку-холодильник.

— Если узнают, что ты принес это в школу, достанется, — сказала она, отступая.

Макс усмехнулся. Кто-то из несущейся мимо толпы лягнул его. Еще кто-то проорал: «Козел!» Макс поморщился, но больше никак не отреагировал.

— Пошли отсюда.

Здание школы почти опустело. Все унеслись либо в ближайший супермаркет, либо в соседнюю забегаловку, либо, если положение

было уж совсем отчаянное, в школьную столовку.

Дэйна и Макс бежали, не обращая внимания на окрики дежурных. Они проскочили парковку и пролезли через дыру в заборе. За пределами школы начинался заросший крапивой пустырь, который с одной стороны переходил в улицу с магазинами, а с другой — в промышленную зону. Они двинулись через пустырь.

— Тут канал, — с улыбкой пояснил Макс. — Видишь, я знаю самые лучшие места.

— Я не уверена, Макс.

Дэйна остановилась, почесала ногу. Крапива обжигала даже через штаны.

Макс указал на свою сумку-холодильник:

— Ты еще не знаешь, что там.

Любопытство победило. Дэйна кивнула и пошла за ним, пробормотав, что не успела позавтракать и умирает с голоду. Вскоре сухие заросли сорняков закончились, потянулись какие-то ветхие постройки, полуразвалившиеся сараи. Послышалось журчание. Макс вдруг остановился и упал на траву.

— Вот это жизнь!

Дэйна стояла и смотрела на него сверху вниз. Он улыбнулся и сел.

— Честно говоря, на канал не тянет, — сказала она с сомнением.

По сточной канаве среди камней и обломков Цементной кладки бежал ручеек глубиной сантиметров десять. У воды валялась ржавая магазинная тележка. Немного поодаль — останки велосипеда, перетянутого изолентой и веревкой.

— Зато не школа. Это мне и нравится. И к тому же недалеко, можно успеть вернуться до звонка, чтобы не получить выговор.

— «Выговор», — передразнила она, подражая его произношению ученика частной школы. — Ты так смешно говоришь.

— Вот спасибо. — Макс расстелил свою форменную куртку на земле, открыл сумку и вытащил несколько пластиковых контейнеров. — Лобстер со сметаной и укропом. Курица в медовом соусе с кунжутом и кресс-салатом. Заливное из краба. Крекеры. Кола.

— Ого! — Дэйна дотронулась до контейнера. — Лобстер...

Макс засмеялся.

— Мать оставила мне записку, чтобы я брал из холодильника все, что захочу. Ну, я так и сделал. Она написала, что иначе все выбросит.

— Я никогда не пробовала лобстеров. И краба. А вот колу пробовала. — Дэйна усмехнулась, взяла крекер и обмакнула его в соус от лобстера. Откусила кусочек, подержала во рту, чтобы распробовать, потом откусила еще. — Ужас как вкусно.

Макс пожал плечами:

— Я ем нормальную еду, только когда бываю у отца. Гамбургеры и все такое.

— Родители развелись?

Макс кивнул:

— Ага, уже лет сто как.

— Мои тоже. Мама вышла замуж во второй раз за этого ленивого ублюдка. А твоя?

— Не-а, — ответил Макс. — Сомневаюсь, что кто-то сможет поладить с моей мамочкой. А У отца есть эта непонятная женщина. Он говорит, что они не встречаются, но она в него крепко вцепилась. Меня так просто ненавидит. Считает, что я вроде как вставляю ей палки в колеса. Думаю, она бы только порадовалась, если бы меня вообще не было.

— Да, погано. А с кем ты живешь?

Честно говоря, он и сам толком не знал.

— Сам с собой, — улыбнулся он и подумал, что сегодня неплохой денек для того, чтобы прогулять школу.

Когда они добрались до хижины, небо затянуло облаками. Мелкий дождь капельками осел на волосах и одежде.

— У меня в боку колет, — проворчала Дэйна. — Нам обязательно так бежать?

Макс перешел на шаг. Ему внезапно захотелось обнять ее за

тонкую талию, провести рукой по ребрам, чтобы облегчить боль. Вместо этого он лишь сильнее потянул ее за рукав.

— Промокнем. Побежали!

Железная дорога проходила в полутора километрах от школы. Они двинулись напрямик через промышленную зону. Макс придержал колючую проволоку, пока Дэйна пролезала под забором, затем они прошмыгнули между остовами старых машин позади автосалона. Дальше пришлось долго идти под гору, пока не достигли железнодорожной насыпи. Воздух пах углем, впереди маячили знакомые силуэты коттеджей. Значит, он уже почти дома.

— Тормози! — взвизгнула Дэйна, когда в каких-то десяти метрах загромыхал поезд. Шум заглушил ее голос.

Макс добрался до опор кирпичного моста и Становился, поджидая ее. Дэйна осторожно пробиралась через высокую траву. До чего же красивая, подумал Макс. Волосы — блестящие от дождя, черные со смешными оранжевыми прядями — окаймляли бледное лицо, отчего оно казалось каким-то мальчишечьим. И нос такой аккуратный, изящный. Одна ноздря украшена крошечным серебряным гвоздиком. Кожа гладкая, разве что на лбу несколько прыщиков, почти незаметных под косметикой. И глаза. Такие задумчивые, такие глубокие, что, кажется, в их бездонности скрывается тьма секретов.

— Добро пожаловать, — гордо сказал он.

Дощатая лачуга почти сливалась с арочным перекрытием моста. Заметить ее было практически невозможно. Вот это Макс больше всего и нравилось. Если обобщить, именно так он предпочел бы прожить всю свою жизнь.

Дэйна огляделась:

— Да это же просто мост.

И тут заметила хижину, спрятавшуюся за опорами.

— Заходи. Чувствуй себя как дома. — Макс отомкнул навесной замок и поманил Дэйну внутрь.

— Круто, — сказала она, когда глаза привыкли к полумраку. — Как ты нашел это место?

— Просто набрел на него как-то раз. Тут ничего не было, кроме

старых мешков из-под цемента и матраса. Думаю, здесь жил какой-нибудь бродяга. Пустые бутылки. Ну, всякое барахло. — Макс старался сдерживать улыбку. Дэйну явно впечатлило, что у него есть собственный дом. — Садись. — Он указал на автомобильное кресло.

— А это что такое? — Она кивнула на пыльные коробки.

— Мои призы.

— Супер.

— Вот, это тебе. — Макс протянул ей коробку, фен с насадками и выпрямителем волос.

— Я не пользуюсь такими штуками. — Она потрогала свои волосы и рассмеялась.

— Отдашь маме.

— Не-а. Моя мама так прыгает вокруг своего козла, что сушить волосы у нее времени нет. — Она снова попыталась рассмеяться, но получилось больше похоже на всхлипывание. — Но все равно спасибо.

Макс пожал плечами:

— Ладно. Как хочешь.

— Откуда у тебя все это барахло?

Макс почувствовал, что краснеет. Ему безумно хотелось быть предельно откровенным с Дэйной. Иначе не имело смысла даже начинать. Как бы ни развивались отношения между ними, — а он надеялся, что они станут развиваться, — он хотел, чтобы все было прозрачным, честным, нежным.

— Я все это выиграл. Ну, знаешь, конкурсы... всякое такое.

Дэйна помолчала, потом недоверчиво сощурилась:

— Что, прямо все выиграл?

Макс кивнул. Он сел рядом с ней в автокресло. Интересно, на нем уже кто-нибудь целовался?

— Везучий, значит, — сказала она, нахмурившись.

— Ну да, — ответил Макс. — Что-то типа того.

Сам он ни за что бы себя везучим не назвал.

Пятница, 24 апреля 2009 года

Кэрри открыла глаза. Все было белым. Слепяще белым.

— Я в порядке. Все в порядке.

Она не узнавала собственный голос, не узнавала привкус во рту. Кто-то был рядом с ней. Какая-то сумрачная тень. Образ из прошлого. Или это будущее такое темное? Голова болела. Острая нить боли, протянувшаяся из одного виска в другой прямо через мозг.

Она приподнялась на локтях. Кожей ощутила жесткость простыни. Значит, она не дома. Маленькая комната. Одно окно. Белые стены. Больница, вот это что. И пахнет, как в больнице.

Она что, попала в аварию?

Темная фигура заговорила. Голос мужской.

— Нет, Кэрри. Все не в порядке.

Горе. Оно пронзило все тело, каждую клеточку, до мозга костей.

Она узнала голос. Повернулась. Сквозь пелену, застилавшую глаза, наконец разглядела говорившего. Ее бывший муж.

— Броуди? — прошептала она.

Что-то теплое коснулось ее руки.

— Ты потеряла сознание. Ударилась головой. — Она не слышала его, но слова каким-то образом доходили до ее сознания.

Она пыталась сосредоточиться на ощущении тепла. Рот наполнился горькой слюной.

Она повернула голову. Ее вывернуло. В палате была медсестра.

— Я что, больна?

— Нет, Кэрри. — Опять голос Броуди в ее голове. Почему она не *слышит* его? Не слышит, как слышит свой собственный голос, как другие голоса в комнате?

Потому что она *не хочет* его слышать.

— Броуди.

Он уронил голову на край кровати. Она почувствовала ее вес.

Вес их горя. Слишком большой для такой маленькой кровати.

Кэрри откинулась на подушку. Она представила себе, что кровать не выдерживает груза их совместной скорби, проваливается под ними и они летят к самому центру Земли.

Они медленно шли рядом. Они были не одни. Кто-то спросил, не нужно ли им кресло на колесиках. Кажется, она отказалась. Она должна была увидеть его собственными глазами, чтобы поверить.

«Докажите!» — кричала она. Как будто оказалась в какой-то искаженной версии «Правды в глаза». Она помнила, что когда-то уже кричала эти слова, а за спиной возбужденно и одобрительно шумели зрители.

— Нет, — сказала она. — Нет. Нет.

Она все шла вперед, пока кто-то не положил руку ей на спину, показывая, что нужно повернуть налево. Дверь. Вход в морг.

Нет, нет, нет...

— Сюда.

Нет, нет, нет...

Вдруг она оказалась в комнате, перед столом. Белая простыня.

— Вы готовы, мисс Кент?

Нет, нет, нет...

Кэрри уставилась на своего проводника, как будто пытается разглядеть его через мутное стекло. Кто вы? Пальцы онемели. Ног она не чувствовала. Дышать было больно. Она кивнула.

Доктор медленно сдвинул простыню. Длинная груда под ней приняла форму тела ее сына. Слово в иллюзионистском трюке. Это все просто спектакль.

Распилили пополам... чудесным образом летающий мальчик... исчезающий подросток.

Снова подкатила тошнота.

Его волосы такие шелковистые, как будто он помыл их с утра.

Несколько прыщиков на все еще по-детски пухлых щеках.

— Почему на нем эта одежда? — Она не знала, что еще сказать.

— Мы переодели его в чистое.

Доктор, наверно, уже сотни раз присутствовал при подобных сценах.

— Его одежда была грязной?

Он не выглядел мертвым. Казалось, он спит. Она раньше не замечала, что волосы у него рыжеватые. И не знала, что он проколол ухо. В мочке поблескивала крошечная серебряная серьга в виде черепа.

— Кэрри, не надо. — Голос Броуди словно заполнил всю комнату. — Помоги мне увидеть его.

Кэрри инстинктивно взяла обе руки Броуди в свои. Женщина, стоявшая рядом с ним, напряженно наблюдала, как она кладет его руки на голову их мертвого сына. Броуди на секунду задержал их там, затем положил на лицо мальчика. Он зажал указательными пальцами его нос, а большими слегка раздвинул губы. Из его груди вырвалось рыдание.

— Мисс Кент, я должен попросить вас идентифицировать тело. Вы можете подтвердить, что это ваш сын, Макс Квинелл?

— Это он. — Голос Броуди был глубоким, но пустым.

— Мисс Кент? — Доктор хотел услышать подтверждение от нее. Слепой не может идентифицировать тело.

— Да... — произнесла она и внезапно ощутила на себе жар софитов, будто она стоит на сцене перед этим человеком... она, знаменитая Кэрри Кент. Будто аудитория замерла в ожидании ее ответа, будто от этого зависит ее жизнь.

Нет, нет, нет...

— Да. Это мой сын.

Главный инспектор Дэннис Мастерс только вернулся с прерванной встречи с Лиа, когда ему сообщили новости. Он тут же собрал свою команду на совещание. Его не покидало чувство, что неприятности на сегодня еще не закончились. Маленькими глотками

он выпил кофе из пластикового стаканчика. Кофе был слишком горячий, но Мастерс отчаянно нуждался в кофеине. Неужели на его участке зарезали еще одного подростка? Общественного резонанса не избежать. Люди хотят найти виновных, хотят чувствовать себя в безопасности и, самое главное, хотят, чтобы убийства прекратились.

Мастерс потерял глаза. Лег сегодня в три часа ночи. От скотча, которым он попытался взбодриться чуть раньше, стало только хуже. Мастерс снова надел очки и попытался сосредоточиться.

Но перед глазами так и стояли толпы, выплеснувшиеся на улицы Хэрлсдена, люди с плакатами, призывающими полицию остановить насилие. Он представил, как подает в отставку. Он работает в полиции уже пятнадцать лет, и за всю карьеру ему ни разу еще не приходилось иметь дело со столькими убийствами, совершенными холодным оружием. Местные парни поголовно таскали при себе ножи. Остаться безоружным было страшно.

Дэннис уже перебросил на это расследование своих лучших детективов. И плевать, если он задел чье-то самолюбие. С суперинтендантом он разберется позже, сейчас важно сознавать, что он делает все возможное.

— Итак, что у нас есть? — мрачно спросил Мастерс.

Интересно, Кэрри возьмет этот сюжет? А что будет с ним? Похвалят его за то, что он привлек внимание общественности к преступлениям, или, наоборот, отчитают? Мол, превратил работу полиции в шоу? Надо попозже позвонить ей.

— Очень мало. — Инспектор Джесс Бриттон положила перед ним две тонкие папки. Еще с десятков детективов ожидали указаний. — Согласно информации, полученной от учителей, возможно, есть один свидетель. Камера наблюдения разбита, так что больше ничего нет. В том числе и орудия убийства.

— И кто этот свидетель? — Дэннис посмотрел на часы над магнитной доской. Нельзя было терять время.

— Ученица той же школы. Дэйна Рэй. — Бриттон подула на свой кофе.

— Ее уже допросили?

— Нет. — Бриттон осторожно сделала глоток и поморщилась.

— Действуем по стандартной процедуре, Джесс. Немедленно отправь команду в школу. Пусть опросят всех. Учителей, учеников, обслуживающий персонал — всех. И мне нужны пленки всех камер в радиусе пяти километров от школы. Да, и результаты вскрытия должны быть на моем столе, когда я вернусь.

— А ты куда?

— Побеседую с этой Дэйной Рэй. — Мастерс подвинул к себе папку и прочитал ее адрес.

— А что с родителями? — Джесс предчувствовала, что это неприятное дело достанется ей.

— Отправь Криса и Ала. — Старший инспектор Мастерс с усилием потянулся. В затекшей шее хрустнули позвонки. В этом деле с ключевыми фигурами должны работать его лучшие люди. Нужен арест, причем быстро.

Отлично. Джесс все равно не хотела выходить на улицу. Шел дождь. Она сделала еще глоток кофе. Остыл.

— Значит, до скорого, шеф.

Мастерс кивнул, встал и оглядел комнату. Когда он отвернулся, Джесс Бриттон скорчила гримасу — такую же, как пять лет назад, когда узнала, что Мастерса повысят в обход нее.

Дэннис знал, что его ждет. Микрорайон муниципальных домов в километре от школы, с обычным пустырем, замаскированным под парк, где ржавеют остовы нескольких сгоревших машин. Вокруг — уродливые оштукатуренные строения. Идеальное место для стычек местной молодежи. «Местная молодежь», — повторил он вслух. Боже, он чувствовал себя настоящим стариком.

Он припарковался у дома номер двенадцать и вышел. Снял панель магнитолы и положил ее вместе с мобильным в карман кожаной куртки. Мимо пронеслась старая машина с включенной на полную громкость музыкой. Залаяла собака. Прошла женщина с целым выводком маленьких детей. Она пристально посмотрела на Дэнниса, без сомнения узнав в нем полицейского.

Садик перед домом семьи Рэй кто-то явно пытался содержать в порядке. Здесь не было видно старой покореженной стиральной

машины, кучек собачьего дерьма и не валялись обертки от еды. Он постучал в зеленую дверь. Судя по запаху, в доме готовили. Он уже собирался постучать снова, когда дверь открылась.

— Да? — Перед ним стояла маленькая женщина с забранными в хвост волосами. По выражению ее лица было похоже, что она только что с кем-то ссорилась.

— Миссис Рэй? — Дэннис показал свое удостоверение. Взгляд женщины скользнул по нему, а затем вернулся к лицу Дэнниса. — Ваша дочь дома? Я хотел бы с ней поговорить.

Миссис Рэй кивнула, отступила, позволяя войти. Она с треском захлопнула за ним дверь.

— Что она на этот раз натворила, черт ее возьми? — Она повернулась к лестнице: — Дэйна! — Голос оказался неожиданно зычный для столь маленькой женщины. — Вот бестолковая девчонка. Сказала мне, что ушла с уроков, потому что плохо себя почувствовала. Поднимайтесь. Дверь справа. — И миссис Рэй скрылась в кухне. Собака, которая все это время жалась к ногам хозяйки, исчезла следом.

На крошечной лестничной площадке в беспорядке валялась одежда и прочий хлам, в том числе игрушки. Значит, в доме есть еще младший ребенок. Дэннис переступил через завалы и постучал в дверь Дэйны. Ожидая ответа, он рассматривал наклейки и вырезки из журналов, украшавшие ободранные стены, и от души надеялся, что младший ребенок еще не умеет читать.

— Что? — спросил женский голос из-за двери.

— Дэйна, меня зовут Дэннис Мастерс. Я детектив. Тебе нечего бояться, я просто хотел бы поговорить с тобой о том, что произошло сегодня в школе.

Никакого ответа.

— Ты не против?

Молчание.

— Дэйна, это очень важно. Мне нужна твоя помощь. Чтобы мы могли поймать того, кто убил Макса Квинелла.

Еще через несколько секунд дверь медленно открылась. На пороге неосвещенной комнаты стояла худенькая девочка. Губы

подрагивали, в глазах плескался ужас.

— Макс умер? — Она говорила очень тихо, будто надеялась, что если не произносить этих слов вслух, то они не сбудутся.

— Мне очень жаль. Да.

Мастерс думал, что она уже знает.

Девочка не заплакала. Она сглотнула и уставилась куда-то ему за спину. Затем прошла к неубранной кровати и свернулась на ней клубком. Дэннис вошел следом. Она молчала, поэтому он переложил стопку одежды и уселся на деревянную табуретку.

— Понимаю, это тяжело, но я бы хотел, чтобы ты рассказала мне все, что видела, пока воспоминания еще свежие.

Дэйна подняла голову и обвела комнату тяжелым взглядом.

— Но я же его любила.

Дэннис видел, что признание вызвано чувством потери, что она впервые в свои... сколько ей там, пятнадцать? — набралась смелости произнести эти слова. Только слишком поздно.

— Уверен, он знал об этом.

— Нет. Нет, не знал.

— Вы встречались? — Нужно быть осторожным. Не стоит, чтобы она заметила, как он достает блокнот с ручкой. Но она смотрела на его руки, так что Мастерс просто положил блокнот на колени.

— Да, вроде того. А вы уверены, что он умер? «Скорая» ведь приехала. — Она вытерла глаза рукавом. — Они же должны были ему помочь.

— Не сомневаюсь, они сделали все возможное. — Дэннис вздохнул. Из-за этих чертовых штор он совершенно ничего не видел. — Вы были близкими друзьями?

Дэйна кивнула.

— Прежде всего, Дэйна, я бы хотел спросить, знаешь ли ты, кто убил Макса. Кто нанес удар? Кто держал нож'?

Дэйна сфокусировала взгляд на детективе. Ее лицо медленно превратилось в скорбную маску.

— Нет, — прошептала она. Казалось, это короткое слово пробило какую-то плотину. — Нет, я не видела.

Она упала лицом на одеяло и разрыдалась. Пальцы судорожно мяли ткань. Она все глубже зарывалась головой в одеяло, как будто погружаясь в скорбь. Дэннис Мастерс сидел и ждал, пока она снова сможет заговорить.

Наконец она выпрямилась.

— Все произошло так быстро. Все было нормально, а через секунду... И было так много крови. И крики. Паника. — Дэйна обхватила себя руками, как будто обнимая.

Дэннис подумал, что больше, скорее всего, ее обнять некому. Он услышал снизу женский крик, а потом детский плач.

— Младший брат? — спросил он.

По лицу Дэйны скользнуло бледное подобие улыбки.

— Сестра. То есть сводная сестра. Кев не мой отец.

— А где Кев сейчас?

— В пабе, надо думать. Или в гостях. Или в букмекерской конторе. Или в бюро по трудоустройству, если у мамы сегодня счастливый день.

Мастерс вдруг почувствовал себя мужской версией Кэрри Кент. Пытается вытащить на свет божий грязное белье, которое большинство людей предпочитает скрывать. Наблюдает со стороны за чужой жизнью, наполненной несчастьями, бедностью, пренебрежением, насилием. И конца этому нет. Он видит такое каждый день.

— Думаешь, это был ученик из вашей школы?

Дэйна пожала плечами.

— Высокий? Низкий? Белый? Черный? Азиат? Что на нем было надето? Ты ведь должна хоть что-то помнить. Ты же была там, верно?

Дэйна покачала головой, как будто была не уверена. Ее ногти, покрытые ярко-голубым лаком, впились в одеяло. Глаза выражали замешательство.

— Прекратите! Я не знаю, кто они.

— Если ты сможешь дать хоть какие-то обрывки информации об убийце Макса, ты окажешь нам огромную помощь. Попытайся вспомнить сегодняшнее утро. Начни с того момента, как ты встретила с Максом. Что вы делали? — Мастерс открыл блокнот.

Дэйна молчала. Очевидно, она еще не отошла от Шока. Конечно, позже ей окажут психологическую поддержку как жертве нападения, но помощь ей требуется прямо сейчас. Она явно не в себе. Он уже имел дело с юными свидетелями вроде этой девочки. Они либо безудержно вали, либо замыкались, как Дэйна, и начинали винить себя в происшедшем, считая, что могли предотвратить трагедию.

— Мы прогуливали. Я ждала английского. У меня были чипсы. — Она дотронулась до своих губ, словно на них еще остался вкус чипсов.

— Продолжай. — Неплохо. Она пытается сосредоточиться.

— А потом... — Дэйна встала и подошла к окну. Дэннис невольно зажмурился, когда она отдернула шторы. — А потом они вдруг появились откуда-то. Смеялись над ним. Угрожали. — Она повернулась: — Человек не может умереть, прогуливая уроки и поедая чипсы.

Дэннис тяжело вздохнул.

— Что значит «ждала английского»?

— Это единственный предмет, который мне нравится. Макс у он тоже нравится. Нравился.

— Я вижу, ты много читаешь.

Дэйна кивнула:

— Мы читали друг другу. — Ее силуэт четко выделялся на фоне залитой весенним солнцем улицы. — Шекспир и все такое.

— У Макса были враги?

Дэйна несколько раз сглотнула. Затем, будто весть о смерти Макса поразила ее с новой силой, опять рухнула на кровать.

— Я не знаю. Я больше ни хрена не знаю. — Она подняла голову: — Хотя нет, кое-что я все же знаю точно. Я больше никогда не пойду в школу. — И снова зарылась лицом в одеяло. Мастерс осторожно положил руку ей на плечо, но девочка не отреагировала.

Он решил дать ей еще час-другой, чтобы выплакалась и пришла в себя. Потом он возьмется за нее всерьез. Пока же свяжется с Джесс и узнает, что раскопали его подчиненные.

А еще позвонит Кэрри или Лиа. Нужно задействовать все имеющиеся ресурсы. Было бы здорово, если бы они смогли дать в эфир что-то вроде специального выпуска. Например, вначале общий репортаж о преступлениях, совершенных с применением холодного оружия, чтобы подстегнуть интерес зрителей, а затем подробности убийства Макса Квинелла. Они могут даже сделать реконструкцию происшествия. Необходимы ответы. Причем быстро.

Мастерс вышел из комнаты Дэйны и сбежал по лестнице. Миссис Рэй не удостоила его ответом, когда он на бегу попрощался, сказав, что еще вернется и что Дэйне нужно будет поехать в участок и дать показания. Перед дверью он задержался, чтобы добавить что-то еще, но передумал. Вряд ли имеет смысл говорить этой женщине, что ее дочери не помешает сейчас немного материнской заботы.

Прошное

— Не вздумайте писать обо мне всякую ерунду. — Это были первые слова, с которыми обратился к ней доктор Квинелл. Он вообще не очень-то жаловал журналистов, а эта идиотка с фотоаппаратом кружила вокруг него и постоянно щелкала камерой.

— Я напишу ерунду только в том случае, если вы мне ее скажете.

— Все журналисты пишут ерунду. — Он усмехнулся.

— Я не «все журналисты».

Она не успела даже начать писать, как он вырвал у нее из рук блокнот.

— Это еще что? — Он крутил блокнот в руках. — Не могу прочитать. Какая-то хрень...

— Это скоропись.

Она попыталась отобрать блокнот, но Квинелл спрятал его за спиной. Последовал звук разрываемой бумаги. На землю полетели клочки.

— Какого черта... Прекратите! Это же мой блокнот!

— Ага, исписанный ерундой, как я и ожидал.

— Мне нужны заметки, чтобы потом написать статью, а у вас нет никакого права...

— Ой, как строго. Поужинайте со мной сегодня — и я расскажу вам то, что стоит напечатать.

— Ни за что...

— Ладно. Тогда идите и скажите своему редактору, что не справились со статьей о самом большом прорыве в математике со времен Лежандра и его метода наименьших квадратов.

Квинелл скомкал останки блокнота. Руки у него, отметила она, были большие и сильные.

— Мама всегда говорила, что нельзя ходить на свидания с незнакомцами. Думаю, ужин с вами вполне подпадает под это определение.

— Ну а мне мама всегда говорила не встречаться с белыми девушками. Но это не помешало мне вас пригласить. Думаю, вам стоит сказать вашей маме...

— Мне сложно будет сказать ей что бы то ни было. Она умерла два года назад.

— Простите. — Тон Броуди Квинелла сразу изменился, лицо стало серьезным.

Она перестала сердито щуриться.

— Ничего. И все же не стоило портить мои записи. — Думает, она не запомнила ничего из того, что он ей сказал.

Он перестал жонглировать комком бумаги и издал звук, больше похожий на рык, чем на смех.

— Но вы написали...

— Хватит! — улыбнулась она.

Броуди понял, что почти победил.

— Так как же вас зовут?

На вид ей было года двадцать три — двадцать четыре.

— Кэролайн Кент.

— Приятно познакомиться, мисс Кент.

После этого доктор Броуди Квинелл — самый известный и многообещающий ученый в области Математической статистики — сунул в рот скомканные обрывки и принялся как ни в чем не бывало жевать.

— А ерунда на вкус ничего, — оценил он невнятно. — Думаю, ужин мне сегодня уже не понадобится.

Начальник уверял Кэрри, что она первоклассный репортер и вот-вот получит работу, за которую многие молодые журналистки отдали бы пару пальцев. Да, ей не очень-то повезло, когда ее назначили на это интервью, но она работала стажером в научном отделе большого

издательского дома и была полна решимости показать себя с лучшей стороны. А потому Кэрри решила записать свой разговор с доктором Броуди Квинеллом на диктофон.

Диктофон был спрятан в маленькой дамской сумочке. Она положила приоткрытую сумочку на стол и словно невзначай прикрыла ее салфеткой. Она ожидала, что он поведет ее в бар, а не в изысканный ресторан, и была удивлена, увидев, что он переоделся в элегантный костюм. Он явно подготовился к этому вечеру.

Еще сегодня днем она наблюдала, как он сидит на ограде перед зданием университета, одетый в драные джинсы и линялую футболку. Его диссертация, которая явилась результатом четырех лет исследований, стала настоящей сенсацией в научных кругах. Задача Кэрри состояла в том, чтобы написать статью о частной жизни доктора Броуди Квинелла для журнала «Наука и техника».

— Кажется, доктор вскружил кое-кому голову? — спросила Лиа, фотограф и лучшая подруга Кэрри, заметив, как та оглядывает его мускулистую фигуру.

— Не мой тип, — шепотом ответила Кэрри. Она просто хотела разузнать, что ей нужно, и улизнуть.

Она уговорила его выплунуть ее записи и повторить научные термины, которые не смогла запомнить. А затем согласилась и на ужин. Он был очень убедителен. Признался ей, что как-то работал в НАСА и встречался с женщиной-астрофизиком. Обещал дать эксклюзивную информацию о том, в каких областях можно использовать его исследование, и даже показать содержимое своего холодильника. В конце концов она решила, что нельзя упускать такой шанс. Если об этом узнает ее редактор, работу она точно не получит.

— Приятное место. — Кэрри обвела взглядом изысканный интерьер. Разговор не клеился.

— Вы так считаете? — скучающе отозвался доктор Квинелл. Ему явно нечем было занять мозги.

Кэрри смущенно улыбнулась, молясь только о том, как бы все не испортить.

— Ну да. — Ужасно. Так она ничего из него не вытянет.

— Что ж, сейчас узнаем, что вы там думаете.

Он в упор уставился на нее. Кэрри была не в силах отвести глаза. Что-то промелькнуло между ними. Она почувствовала, как вспотела. Попросила воды. Поправила волосы. Лишь бы не дать ему заметить, что его взгляд электрическим разрядом поразил ее в самое сердце.

Они даже не успели доесть закуски, когда он предложил уехать.

От удивления она не сразу нашлась с ответом. Но для себя уже все решила. Что может быть хуже, чем торчать тут, ежиться и чувствовать себя уравнением, которое нужно решить. Она не желала быть очередным объектом его исследований.

К тому же она едва могла справиться с охватившим ее возбуждением.

У него дома, сказал он, есть и вино, и еда. *Они смогут расслабиться.* Она сможет заглянуть в его частную жизнь — для статьи, убеждала она себя, в то время как воображение всюду рисовало совсем иные картины.

Кэрри нервно сглотнула, встала и взяла сумочку.

— Конечно, поедem, — сказала она таким тоном, будто соглашалась на еще один бокал вина. Она соберет материал для статьи — эксклюзивный материал — и сразу уйдет.

Но в этом докторе Квинелле есть что-то особенное, думала она, пока они ждали такси, нечто такое, что заставляет все внутри сжиматься. И в то же время она злилась на него за то, что он так на нее действует. Он бесил и интриговал одновременно. Увидев его квартиру, Кэрри тут же сделала вывод, что он уже давно ни с кем не встречается. Или очень старается, чтобы ничто не указывало на присутствие женщин в его жизни. Удобное и безликое жилище. Ни одной картинки на стене, даже ни одной подушки на сером диване.

Кэрри стояла посреди этой аскетичной квартиры и чувствовала себя очень маленьким числом в огромном мире этого человека. Ее статья для «Науки и техники» вдруг тоже показалась ей полной ерундой.

А два часа спустя Кэрри чувствовала себя так, будто побывала на Марсе и вернулась обратно. Она не понимала, как все произошло. Он и она, несколько слов, бутылка вина.

— Еще раз? — спросил Броуди.

На самом деле он не ожидал ответа. Они проделали это уже три раза за вечер. Его темная кожа резко контрастировала с ее белой. Через двадцать минут он перекатился на бок.

— Не так уж плохо.

Кэрри с силой ткнула его в бок. Никогда еще она не чувствовала себя такой удовлетворенной. Она достала диктофон из сумочки и четыре последующих часа выпрашивала подробности о его жизни, отношениях с женщинами, достижениях и планах на будущее. Как она и ожидала, на этот раз он был гораздо сговорчивее. Кэрри не заметила, как закончилась пленка и диктофон выключился. Затем, утомленная, она уснула. А проснувшись, вопреки всем своим убеждениям и здравому смыслу, которым обычно руководствовалась, она спросила себя, не было ли это похоже на любовь.

Прошлое

Макс всю жизнь чувствовал, что над ним что-то тяготеет. Он ощущал это как свой недостаток — вроде того, как другие дети вырастают толстыми, или хромают, или страдают от экземы. Таких детей всегда дразнят. Никому не хочется быть не похожим на других.

Он ходил в детский сад с девочкой, у которой на правой руке было шесть пальцев. Дополнительный маленький кривой отросток без ногтя родители хотели удалить, когда она была еще совсем ребенком, но она отказалась. Она считала, что это делает ее особенной. Другие дети смеялись над ней, но Максу она нравилась. У нее, как и у него, было что-то, чего не было у других. Только он не мог сказать, как называется то, что есть у него. Это было нечто необычное. Оно сидело у него на плече. Он носил его на себе каждый день своей жизни, оно мучило его, наблюдало за ним, следило за каждым его шагом, как собственный личный ангел. Или демон, решил он, когда стал старше.

В детстве Макс считал, что *нечто* оберегает его. Он знал, что и так отличается от других детей, — начать с того, что он был смешанной расы, таких в его школе было всего двое. Он знал, что родители заплатили огромные деньги, чтобы отправить его учиться в Дэннингем, и часто спрашивал себя, не это ли причина его мучений. Он никогда не был счастлив в Дэннингеме.

Насмешкам, издевательствам, расизму, насилию и подлости нет места в Дэннингеме. Ученики, пойманные за участие в этих достойных презрения нарушениях, будут немедленно исключены из школы. Мы гордимся хорошим поведением и толерантностью.

Эти слова директриса повторяла громко и четко в начале каждого года. Но Макса все равно окунали головой в писсуары, отбирали вещи, с ним играли в молчанку целый год, потому что одноклассники заключили пари на то, кто первый с ним заговорит. Он всегда плохо спал в дортуаре. Просыпался раньше всех, чтобы никто не увидел его в душе и не начал смеяться над его худобой. Он знал, что не выдержит, если они снова заставят его при всех делать эти мерзкие вещи.

В Дэннингеме ко всем относятся одинаково. Вы все равны.

Учась в школе, Макс установил прочную связь со своим демоном. Он сидел на его плече, когда Макс плакал по ночам, критиковал его глупые поступки, подзадоривал, когда он смущался, сдерживал, когда он хотел дать отпор. Демон вмешивался в его жизнь и принимал в ней такое непосредственное участие, что, когда Макс стал подростком, из школы отправили его матери письмо, сообщая, что Макс постоянно с кем-то разговаривает. С кем-то, кого никто не видит.

Кэрри Кент велела своему секретарю записать Макса на прием к лучшему психологу с Харли-стрит.

— И это *нечто* всегда было с тобой, Макс?

Максу нравилось, как она произносит слово «нечто», — совсем как он, словно оно существует, но не может быть названо. С ним нельзя шутить, надо говорить о нем с почтением. Оно очень сильное. Оно ведь управляет всей его жизнью.

— Конечно. — Максу было двенадцать. Он был умным мальчиком, хотя это и не отражалось на его отметках. — Всегда.

— А у этого *нечто* есть имя?

А вот это дурацкий вопрос.

— Это же не человек. Откуда у него имя?

— Но ты ведь разговариваешь с ним, как будто он человек?

Макс пожал плечами и пнул ножку письменного стола. Она что, доктор? Он посмотрел на мать. Она сидела рядом с ним и все сплетала и расплетала пальцы. Макса это раздражало. Ему хотелось, чтобы мать ушла. Ему не нравилось говорить об этом в ее присутствии. А что еще хуже, ему велели подстричься перед возвращением в школу. Придется сказать матери. Хотя он заранее знал, какова будет ее реакция. Она закатит глаза, посмотрит на часы и велит своему водителю отвезти его в какой-нибудь шикарный салон, где будут одни женщины, а сама укатит в студию.

— А с кем еще разговаривать?

Мать нахмурилась, и в комнате тотчас словно сгустилась атмосфера. Да, это она умела. Что-то вроде особого таланта подчинять себе всех вокруг. Если Макс пытался подражать ей, его

называли испорченным и капризным. Она же благодаря этому умению стала знаменитой.

— Макс, разве тебе не нравится школа?

— Конечно, не нравится.

Макс сунул руку в карман и нащупал там пачку с леденцами. Вернее, то, что от нее осталось. Конфеты три, не больше. Чуть подтаявшие. У него потекли слюнки. *Нечто* тут же велело сунуть в рот леденец. Он так и сделал. Мать вздохнула. Он предложил конфетку женщине, к которой они пришли, но она улыбнулась и отказалась. Потом что-то записала в блокноте, лежащем у нее на коленях. У нее красивые колени, подумал Макс, как у мисс Райли из школы. Дети и над ней издевались.

— Я просто хочу сказать, может, лучше было бы разговаривать с другими ребятами твоего возраста, чем с твоим *нечто*, то есть с самим собой?

Воцарилось молчание. Макс почувствовал, что его окружает такая пустота, что он смог бы вместить в нее всю свою жизнь. Она действительно думала, что он разговаривает сам с собой. Что ему было ответить? Он не знал. *Оно* иногда заставляло его врасплох и заставляло говорить вещи, которые приводили либо к тому, что его избивали после ужина, либо, чаще всего, к тому, что приходилось притвориться больным и уйти пораньше в дортуар, где он сразу ложился спать, просто чтобы ни о чем больше не думать.

Пустота так и не заполнилась. Оставив вопрос висеть в воздухе, психолог положила ручку и повернулась к матери Макса:

— Думаю, у вашего сына депрессия, миссис Кент.

Ну вот и все. Она вынесла свой приговор. Депрессия.

Максу было всего двенадцать, но он уже знал, что это такое.

— Ну что ж. Спасибо, доктор, — сказала мать. Теперь они могут жить дальше.

Макс медленно повернулся к матери. Кажется, она испытывает облегчение — ее глаза сузились, Как будто за ними прячется улыбка. С другой стороны, это не радостная улыбка. Скорее, это улыбка благодарности, что все не так плохо, что она может отправить его обратно в школу с пачкой таблеток после нескольких сеансов с

психотерапевтом и забыть всю эту неприятную историю. По крайней мере, так сказала ему *она*.

Макс вытащил из кармана оставшиеся два леденца. Сунул в рот и, не отрывая взгляда от лица матери, с хрустом разгрыз.

Осень 2008 года

Макс без усилий нес большую коробку. Радость, переполнявшая его, от которой по лицу блуждала улыбка, делала вес практически неощутимым.

Я выиграл, о да. Я знал. Я так и знал.

Ребро коробки врезалось в руку, но ему было все равно. Это же круто. Самый лучший его выигрыш. И он дался ему так легко. «Нужно, чтобы было для кого выигрывать», — пробормотал он себе под нос. Макс представил лицо Дэйны, когда она откроет коробку, представил, как поможет ей подключить комп дома, после того, как устроит ей сюрприз в хижине. Он познакомится с ее семьей. Может, его пригласят выпить чаю. Он все сделает как следует, удостоверится, что ее родители не против. Им тоже не мешает компьютер...

Он остановился.

Впереди, у входа в проулок, слонялись четверо парней. Одного он узнал. Волосы ежиком. Внезапно все четверо разом двинулись в его сторону. Вот черт.

Справа магазин. Только бы успеть. Из-за коробки ему было плохо видно, далеко ли они.

— Эй, ты! — заорал один из парней.

Топот кроссовок по асфальту был частым, как удары его сердца.

— Эй, ты, ублюдок. — Чья-то рука опустилась ему на плечо. Он дошел всего до середины улицы. — Что это у тебя в коробке?

Парни были примерно одного с ним возраста. Они окружили его плотным кольцом. По обе стороны тянулись заборы задних дворов: металлические ограждения, колючая проволока, сломанные штакетины, старые мебельные щиты, ржавое железо.

Макс успел заметить все это, пока его конвоировали в глубь проулка. Обычно, торопясь к своей лачуге, убегая от всего мира, он ничего здесь не замечал. Но теперь, в ловушке, окруженный четырьмя головорезами, от которых несло алкоголем и опасностью,

он чувствовал, что время словно остановилось. Он знал, что каждый удар, каждый пинок, каждое жестокое слово, которое выпадет сейчас на его долю, доставит им удовольствие.

— Я спросил, что это у тебя? — Голову парня прикрывал капюшон, узкие плечи приподняты — чтобы спрятать лицо от десятков камер, установленных по всему району.

— Просто коробка. — Голос у Макса сорвался. Парни засмеялись. Марка и логотип компьютера были напечатаны с каждой стороны коробки.

— Думаю, ты гонишь.

Удар в спину. Волна боли прошла через почки в пах. Он согнулся, коробка вылетела из рук. Он постарался, чтобы она упала ему на ноги, а не на землю. Это подарок Дэйне.

Парни схватили коробку. Затем ударили его еще несколько раз.

— Не трогайте! — Макс выпрямился, стараясь не думать о боли. — Не трогайте, ясно?

Они уже не обращали на него внимания, потрясенные тем, что увидели в коробке. Макс почувствовал запах новой пластмассы. Плоский монитор скользнул обратно в упаковку.

— Смываемся! — Они явно думали о том, сколько денег удастся выручить за компьютер. Кто-то плюнул ему на куртку. — Пидор...

И они отвалили со своими трофеями, пнув его еще разок на прощанье.

Макс смотрел им вслед. Тело болело. И голова. Как он объяснит ей? Что он теперь подарит? Его начало трясти. Пальцы зудели. Гнев, стыд, отчаяние жгли с такой силой, что он сорвался с места, спотыкаясь, раздирая одежду о колючую проволоку, натянутую вдоль железной дороги. Вот и хижина. Пальцы нащупали замок. Он заскочил внутрь и запер дверь.

Боль туманила мозг. Макс упал в автокресло и разрыдался. Он ненавидел себя за эти слезы. Когда она придет, он не откроет дверь. Он обещал ей сюрприз — и подвел. Единственное, что теперь оставалось, говорил ему голос в его голове, — это сделать вид, что он не существует.

Дэйна не могла понять, что происходит. Замка не было, но дверь оказалась заперта. Кажется, изнутри. Она толкала изо всех сил, но дверь не поддавалась. Конечно, сначала она пыталась стучать — бесполезно. Дэйна посмотрела на часы на телефоне. Час тридцать, как они и договаривались. Она сбежала сразу после английского, зная, что он уже ждет ее. Она набрала короткое сообщение: «Где ты?» Поставила в конце «Х», что означало «целую», но стерла, перед тем как отправить.

Она сидела на траве возле хижины, дожидаясь ответа, и смотрела, как по ноге ползет жук. Осеннее солнце, пробиваясь сквозь листву, приятно согревало. Дэйна подумала, что сидит на единственном, сколько хватало глаз, приятном клочке земли. Вокруг лишь мусор и серость. Только голубая арка моста, который выдерживал вес целых поездов, выделялась своей хрупкой красотой. Дэйна подумала о людях, строивших этот мост давным-давно, много лет назад. Сейчас они все мертвы.

Макс не ответил на эсэмэску. Она встала и пнула ногой стену лачуги. Она была здесь до этого всего раз и понятия не имела, почему Макс назначил встречу именно в этом месте. Он же мог встретиться с ней и в столовой, верно?

Моя хижина. 1.30 завтра. Приходи.

Сообщение пришло вчера поздно вечером. Она уже была в постели. Она еще подумала, что как-то это неправильно — читать сообщение от него, лежа под одеялом в ночнушке. Заснуть было невозможно, потому что мама и Кев громко ругались внизу.

Дэйна решила отправить еще одно сообщение, чтобы узнать, где его черти носят. А через несколько секунд услышала, как в хижине пиликнул мобильник. Пока она шла к двери, раздался еще один сигнал.

— Макс, что за тупые шутки? Открой дверь!

Тишина. Потом послышался шум и на пороге появился Макс. В тени хижины он выглядел очень мрачным.

— Ты что, плакал?

Макс пожал плечами. Дэйна вошла. На краю автокресла лежал зажженный косяк.

— Я возьму?

Она затянулась. Накрыло знакомое ощущение, будто мозг покидает тело. Ей нравилось это ощущение. Правда, она не любила совсем выключаться, терять контроль.

— Ты все тут на хрен спалишь, если будешь оставлять косяк зажженным.

Она упала в потертое кресло. Сердце на миг замерло, как обычно после первой затяжки.

— Так почему ты плакал? — Дэйна вытащила из сумки книгу. — «Великий Гэтсби». Обожаю новые книги. Они как шкатулки с сюрпризами. И этот запах. — Она открыла книгу и глубоко вдохнула. — М-м-м... — Потом еще раз затянулась и протянула книгу и косяк Макс.

Он взял косяк, но не книгу.

— Книга твоя. Я сказала, что передам тебе. Их раздавали на уроке. Где ты был? — Она аккуратно положила книгу на коробку с электрическим грилем и добавила, подмигнув: — Выкладывай.

— Хочешь, забери гриль. — Макс затянулся. — Возьми что хочешь. — Он сел на корточки. — Твоей маме он бы понравился?

— Нет. — Дэйна обхватила свои колени и усмехнулась. — Она умеет готовить только консервированную еду. Тосты с консервированными томатами. Консервированные пироги. Seriously. Мы едим пироги из банок. С консервированными фруктами и консервированным кремом, который на вкус как блевотина.

Макс сел на пол.

— Откуда ты знаешь, какой вкус у блевотины?

На его лице заиграла глуповатая улыбка. Дэйна только сейчас сообразила, что глаза могут быть красными от косяка, а не от слез.

— Просто догадываюсь. — Она вытащила из своего рюкзака банку колы, открыла, сделала глоток, передала Макс. — Так зачем ты хотел, чтобы я пришла сюда?

Макс смотрел на нее так пристально и долго, Что ей стало не по

себе. Может, он собирается сказать, что она ему нравится? Или пригласить ее куда-нибудь, вместо того чтобы сидеть в этой дурацкой норе. Она с удовольствием сказала бы своему отчиму, что у нее настоящее свидание. И настоящий бойфренд. Ей нравилось, как это звучит. Бойфренд.

— Ну? — Дэйна взяла банку у него из рук, встала и оглядела коробки. — Не боишься, что кто-нибудь сопрет? — Фены, выпрямители для волос, блендеры, кофе-машины, обогреватели, велосипедный шлем, гриль, тостер, сани, огромная мягкая игрушка — верблюд или медведь, — набор для рисования... Она не видела, что в самом низу, но что-то большое.

— Ага, — ответил Макс.

— Ага — что? — От созерцания коробок Дэйну охватило приятное рождественское возбуждение — почти такое же, как когда она вдыхала запах новой книги.

— Ага, я плакал.

Дэйна повернулась к нему.

— Почему? — Она поставила банку с колой и взяла его за руки. Они были очень тонкими.

Макс пожал плечами, словно признавая свою вину. Она поняла, что он не хочет об этом говорить.

— А давай пойдем в кино? Или... или в библиотеку.

Дэйна посмотрела в сторону и почесала шею.

— Ты такой глупый. Совсем необязательно изображать из себя крутого мужика только потому, что я видела, как ты плачешь.

— Я не изображаю.

Неловкую тишину разорвал влетевший на мост поезд. Домик, коробки, даже их кости затряслись от грохота.

— Я не хочу в библиотеку. Лучше в кино. — Дэйна допила колу.

Макс закивал так сильно, что, казалось, у него голова оторвется.

— Я плакал не потому, что боялся пригласить тебя на свидание.

— Я знаю, — сказала Дэйна. Она вдруг вспомнила, как маленькая Лорелл, когда ее в очередной раз отшлепают, несется

вверх по лестнице, чтобы всласть поплакать у Дэйны на кровати. — Я знаю.

Пятница, 24 апреля 2009 года

Дэйна, босая, по потертому ковру подошла к лестнице, оперлась о липкие перила. Опять этот полицейский здесь. Мать ворвалась к ней в комнату без стука и вытащила за руку в коридор.

— Иди вниз и сама разговаривай с ним, чего бы ты там ни натворила.

Немытые волосы, седые у корней и рыже-каштановые на концах, спутанными прядями падали на голые плечи. На ней была мужская жилетка. В школе девочки говорили, что мужчины, которые носят такие жилетки, бьют своих жен. Только у них в семье жилетку носит мать. Дэйна подумала, что в ней мать похожа на тощего педика.

— Я ничего не сделала.

Перед глазами все расплывалось от слез. Она не знала, сколько часов проплакала. Никому ничего не объяснишь. Его тело уже остыло? А внутренности вытекли наружу? Она как-то пролистала вперед учебник по биологии и прочитала про разложение.

— А он, похоже, думает иначе. Иди сама с ним объясняйся.

Мать подтолкнула ее к двери гостиной, развернулась и скрылась на кухне. Разве по закону не полагается общаться с полицейскими в присутствии родителей?

— Привет, Дэйна. Решил узнать, как ты.

Голос у него добрый, но она понимала, что на самом деле ему на нее наплевать. На этот раз он был не один. Дэйна переводила взгляд с одного полицейского на другого. Оба мужчины, оба в штатском.

— Как я? А как вы думаете? Мой лучший друг умер.

Она села на диван, обитый зеленым велюром. Этот диван у них уже целую вечность. Лорелл писала на него, проливая на него молоко, здесь ее тошнило, здесь они ели перед телевизором, здесь ее мать и Кев занимались сексом. Наверное, именно на этом диване была зачата Лорелл.

— Я хотел бы, чтобы ты рассказала мне все, что знаешь о жизни

Макса. Но прежде всего я прошу тебя подробно рассказать обо всем, что произошло сегодня. Очень важно не терять времени.

Как это случилось, что одно апрельское утро перевернуло всю вселенную?

— Думаете, Макс проснулся сегодня, зная, что не доживет до вечера? — Дэйна подошла к окну и уставилась на улицу. Грязное стекло тут же запотело от ее дыхания. Небо было затянуто тучами. Моросил дождь. Безумие. Просто безумие.

— Я...

— Думаете, он позавтракал или решил, что в этом нет смысла? И что не имеет значения, что он не дописал сочинение? Как считаете, он думал об этом?

— Нет, вряд ли.

— Как вас зовут? — Дэйна забыла его имя. Видимо, от шока.

— Можешь называть меня Дэннис.

Максу бы он не понравился.

— А это инспектор Марш.

Пауза.

— Во сколько ты сегодня проснулась, Дэйна?

— Как обычно. Около семи. Лорелл нужно кормить. — Она снова села на диван и положила подбородок на руки. Что она могла сказать? Теперь, когда Макс умер, все изменится. — Да. В семь.

Лицо болело от долгого плача.

— Ты пошла в школу в обычное время?

— Ну да, когда покормила и одела Лорелл.

— Макс был первым, кого ты встретила в школе?

Дэйна подумала. Посмотрела в потолок.

— Нет, не могу сказать.

— Это важно.

— Ну и что? Я не помню. Можно мне его увидеть?

Дэннис обернулся к своему коллеге.

— Пожалуй, лучше подождать до похорон, — сказал Марш. — Нужно еще провести анализы. — Голос у него был хриплый.

— Вскрытие? — Она читала об этом.

Оба детектива кивнули.

— Так когда ты сегодня увидела Макса?

Дэйна резко втянула воздух. Вопрос застал ее врасплох.

— Э-э... он был... — Она начала грызть ногти. — Думаю, он был на математике. Да, там я его и увидела.

— Что было после математики?

— География, потом биология. Макс их прогулял. Я сходила только на географию, потом вышла на улицу. Все произошло после биологии.

— Ты вышла на улицу, чтобы найти Макса?

Дэйна молчала.

— Это важно, Дэйна.

— Наверно. Не знаю. Да какая разница? Он же умер. — Она знала, что ей придется произнести эти слова очень много раз, прежде чем рана перестанет кровоточить. Это как ковырять коросту. Рано или поздно все заживет, но шрам останется.

— Я спрошу еще раз. Когда ты вышла на улицу после географии, ты искала Макса?

— Наверно, да.

— Ты его встретила?

— Не сразу. — Дэйна снова встала. Ей не сиделось на месте. Она подошла к окну и облокотилась о подоконник. Посмотрела в сад. Она старалась поддерживать там порядок с тех пор, как Лорелл порезала ногу стеклом. — Я пошла в магазин и купила чипсы. Я хотела есть.

— Во сколько ты встретила Макса? Постарайся вспомнить, Дэйна.

— Наверно, где-то в десять пятнадцать. Может, пол-одиннадцатого.

— Но география ведь заканчивается в десять сорок пять. Мне

кажется, ты сказала, что досидела до конца урока.

Дэйна закрыла глаза. В темноте закрытых век, самом безопасном месте, которое она знала, она увидела лицо Макса. Он улыбался ей своей особенной улыбкой и приплясывал, что означало, что он снова что-то выиграл. Когда он так делал, его ноги казались длиной метра в три. Его ноги. Его *тело*. Она открыла глаза и ухватила рукой за подоконник.

А потом Дэйна вспомнила реку крови, которая лилась из его узкой груди. В ее памяти навсегда отпечаталось выражение его лица, когда он упал на землю. В ее ушах снова раздавались возбужденные и испуганные крики убегающих парней, ее снова охватила паника, она услышала вой сирены «скорой помощи».

После этого воспоминания становились отрывистыми. Она помнила, как убегала со всех ног, как воздух свистел в ее легких. Помнила, как рыдала, когда осознала наконец, что она наделала.

Кэрри ушла из больницы. Врачи говорили что-то о потрясении, седативных препаратах, наблюдении в клинике, пока не пройдет шок... Но какое все это имеет значение после того, как она увидела своего сына лежащим на столе в морге? Казалось, стоит лишь слегка коснуться его плеча — и он перевернется на бок, приоткроет сонные глаза и пробормочет, что ведь еще не пора вставать, правда, мам?

Никто не знал, где ее одежда, поэтому она ушла прямо в больничном халате. Ботинок у нее не было. Она поймала такси. Она понятия не имела, что делает, где у нее лежат деньги, чтобы заплатить нетерпеливому водителю, который громко сигналил, пока она возилась с кодами безопасности у дверей дома. Она даже не была уверена, ее ли это дом.

В конце концов Кэрри бросила на переднее сиденье банкноту в пятьдесят фунтов, вернулась в дом, закрыла дверь и по стене сползла на пол. Шершавая поверхность стены холодила спину.

Какой-то звук. Через каждые несколько минут раздавался электронный сигнал. Он мешал ей отгородиться от реальности, возвести стену между собой и всем остальным, забыться, онеметь.

Где Броуди? С ним вроде бы была какая-то женщина. Она смутно помнила его глубокий голос — когда-то такой знакомый и

любимый, — звучащий в больничном коридоре, когда ее увозили прочь. Он сказал, что найдет ее, что они должны поддержать друг друга. Но он не пришел, и она уехала.

Кэрри поползла через прихожую по блестящему деревянному полу. Паркет был весь в щербинках от каблуков. Ее каблуков. Кэрри Кент на высоких каблуках, твердо шагающая по своей идеальной жизни. Щербинки заметны только с близкого расстояния, если приглядеться.

Она ползла в кухню, и ей казалось, что она плывет сквозь густую патоку. Что за лекарства они ей дали? Ей пришлось напрячь все силы, чтобы встать, ухватившись за табурет, и облокотиться о холодную столешницу.

Видели бы они ее сейчас. Ощущение такое, как будто у нее грипп. Все мышцы болят, глаза щиплет. Несгибаемая Кэрри Кент.

Звук шел от автоответчика. Она взяла телефонную трубку. Ее трясло, она попыталась поплотнее закутаться в больничный халат, но он был слишком куцый. Держа телефон в руках, она направилась к лестнице, цепляясь за стены и мебель. Нажала кнопку прослушивания сообщений.

— *Кэрри, где тебя черти носят? Твой мобильный не работает. Позвони мне.*

— *Алло, возьми трубку, Кэрри!*

— *Ты там?*

Дальше шли еще пять таких же нервных сообщений от Лиа, которая хотела узнать, почему она ушла с шоу.

— *Кэрри, это я. Я приехала в больницу за тобой, но мне сказали, что ты ушла. Пожалуйста, позвони мне.*

Еще несколько сообщений такого же содержания. Потом голос ее тети. Она, очевидно, еще не в курсе. Потом Дэннис Мастерс. Хочет обсудить новый сюжет для шоу.

Столько звонков — и все же она совершенно одинока.

В спальне было темно. Она помнила, что с утра убегала из дома в спешке. У Марты сегодня выходной. Обычно, когда Кэрри возвращалась, Марта хлопотала по дому, наводила порядок, подбирала вещи с пола. Вещи Макса.

Кэрри поплелась в ванную. Ее вырвало. Она сполоснула лицо. Затем легла на кровать и подумала, а не выпить ли все таблетки, что лежат в тумбочке у кровати. Им бы это понравилось — газетам, журналам о знаменитостях. Она знала, что они ненавидят ее, хотя она обеспечивает им тиражи. Знала, но делала вид, что это не так. Большинство обычных людей тоже ее ненавидят. Но все равно смотрят шоу. В этом году она стала самой популярной телеведущей. И самой презираемой.

Как нажиться на бедности: роскошная жизнь телезвезды финансируется бедняками Англии.

Кэрри смеялась, когда читала эту статью. Она согласилась на интервью, потому что молодой журналист, жаждущий получить инсайдерскую информацию, напоминал ее саму много лет назад — неизвестную наемную писаку, рвущуюся сделать себе имя. За этой статьей последовало еще несколько похожих, кто-то попытался покопаться в ее прошлом, найти хоть что-то — наркотики, азартные игры, долги, проституцию, насилие. Кэрри только потешалась. Они ничего не нашли. Ничего *не было*.

— Нееееееет... — Крик пронзил ее тело, будто это ее ударили ножом. Она зажала уши подушкой, уткнулась в пуховое одеяло, дышать стало трудно, она молилась о том, чтобы задохнуться. За стеной была комната Макса. Его вещи. Его запах. Остатки его жизни. Как ей снова войти туда? Очень просто. Она туда больше никогда не войдет.

Зазвонил телефон.

Кэрри схватила трубку. Связь с внешним миром. Она чувствовала себя так, будто была единственным живым человеком на Земле.

— Алло? — Она не узнала собственный голос.

— О, Кэрри, Кэрри. Ты дома.

— Лиа.

— Дорогая, я еду к тебе. Я не могла тебя найти. Они не пускали меня к тебе в больницу. А когда я все-таки прошла, они сказали, что ты уехала.

Молчание.

— Кэрри?

— Приезжай.

Они сидели, обнявшись, раскачиваясь, ища утешения в объятиях друг друга. Лиа приготовила чай, но он успел остыть в чашках. Через щель в двери для почты просунули рекламу. Она упала на пол.

— Мне все время что-то подсовывают. Разве они не знают? Почему они не прекратят? — Кэрри высморкалась, но на самом деле она не плакала. Ее глаза были сухи. Она ничего не чувствовала. — Где чертова полиция?

Лиа раскачивалась вместе с Кэрри. Она держала ее за плечи и приноравливала движения вперед и назад к ритму ее дыхания.

— А ты с ними еще не говорила?

Кэрри покачала головой:

— Я потеряла сознание в больнице, ударилась головой.

— Наверное, они ждали, пока тебе станет... лучше.

Кэрри смотрела прямо перед собой.

— Просто звонок из школы. Как будто он вывихнул ногу... Секретарша спросила, не могла бы я подъехать в больницу. Я не знала, что мой сын... мой сын... — Кэрри не заплакала. Она только сглотнула. Если не обращать внимания на боль, она уйдет. — Дэннис оставил сообщение. Надо перезвонить ему.

— К черту шоу, — сказала Лиа. — Я позвоню Дэннису. Заодно пусть пришлет кого-нибудь с новостями. Он должен быть в курсе. Не понимаю, почему он до сих пор никого не прислал.

— Ты ведь не думаешь... — Кэрри запнулась. — Лиа, ты не думаешь, что Макса... не думаешь, что это сделали из-за меня? Из-за того, кто я?

Кэрри еще не успела договорить, когда Лиа замотала головой.

— Нет, нет. Конечно, нет. — Она прижала Кэрри к груди. — Полиция поймает подонка, который это сделал. Он поплатится за это.

Тишина. Кэрри снова начала раскачиваться. Слезы не приходили.

— Я одна, да? — Кэрри подумала о том времени, когда их было трое — Броуди, Макс и она. Счастливая семья.

Что с ними произошло? Слепота, развод, смерть.

На этот раз слезы хлынули потоком.

Он спешил. Главное — не терять времени. Он только что во второй раз за сегодняшнее утро вышел из дома Дэйны. Они с Алом постарались не очень ее травмировать, но в то же время выжать все, что можно. Сейчас Ал и Крис отправятся к родителям парня. Джесс осталась в участке, чтобы координировать действия.

Сам же Мастерс был больше озабочен тем, чтобы найти Кэрри Кент и упросить ее пустить специальный репортаж в следующем выпуске программы. Конечно, учитывая срочность расследования, начальство вряд ли похвалит его за такую расстановку приоритетов, но Кэрри нужно разыскать в первую очередь. Вот так срываться с эфира — это совсем на нее не похоже. В сотый раз за сегодняшнее утро он взглянул на часы. Где она, черт возьми?

Лиа тоже как сквозь землю провалилась. Кстати, она тоже ему понадобится. Он оставил режиссеру и помощнику продюсера сообщения с просьбой срочно перезвонить ему. Если они не дадут репортаж об этом убийстве в следующей программе, пусть даже хоть на пять минут, это потеряет всякий смысл. Если же все получится, он надеялся арестовать подозреваемого до конца недели. Больше всего зрители звонили, когда новости и эмоции были свежими. Всего один короткий сюжет мог привести к тому, что они получают нужную информацию. Ему нужен арест — ради блага общества и ради его чертовой карьеры. Он очень хорошо помнил свою последнюю безрадостную встречу с начальством по поводу преступлений, совершенных с применением холодного оружия.

Он припарковал машину и направился к дому Кэрри. Если ее нет, больше он искать не будет. Дел и так по горло. Телефон зазвонил в тот момент, когда он забарабанил в дверь.

— Да? — Он не успел услышать, что говорит звонивший, потому что из-за поворота показалась еще одна полицейская машина.

— Шеф, ты же вроде велел нам этим заняться?

Ал Марш и Крис Роуи. Он так удивился, что забыл про звонок.

— Ал, Крис, вы что тут делаете?

— Как это — что? Кэрри Кент. Ты ее уже видел? — Лицо Ала осунулось от усталости. Мастерс знал, что он провел на ногах почти всю ночь.

— Нет. Еще нет. А вы двое откуда здесь? Вы же должны были...

— Шеф... — Ал кивнул в сторону двери, глядя поверх плеча Мастерса.

Тот повернулся. В дверях стояла Лиа. Выглядела она ужасно.

— Ну слава богу, — сказала Лиа. — Входите скорее.

Мастерс прошел в прохладную полутемную прихожую.

— Кто-нибудь может объяснить...

— Тише, — сказала Лиа и прикрыла дверь в гостиную.

Дэннис был в этой комнате много раз. Он ничего не понимал.

— Она там? — спросил Ал.

Лиа кивнула.

— Как она?

— А как вы думаете?

Мастерс понял, что только он чего-то не знает.

— Я нашла ее здесь, одну. — Лиа заплакала.

Мозг силился найти разгадку происходящего.

Школа, близость района... нет, разумеется, нет. Мастерс попытался вспомнить имя парня. Мэтт, кажется?

Он открыл дверь. Кэрри сидела на белой кушетке. Ее лицо было мокрым от слез и таким же белым, как кушетка.

— Кэрри?

Глаза опухли, волосы висели прямыми прядями и, казалось, потеряли вместе с объемом и цвет. Из-под халата, который был на ней, — похоже, больничный — торчали босые ноги. Ногти выкрашены в розовый цвет.

— Ты что, попала в аварию?

Она была в больнице. По-видимому, ничего серьезного. Мастерс облегченно вздохнул и сел рядом с Кэрри. Она привалилась к нему, но продолжала смотреть перед собой.

— Ты в порядке? — И о чем они только думали в этой больнице, что выписали ее в таком состоянии?

— Моего сына сегодня убили.

— Убили? — тупо переспросил Мастерс. — Господи, Кэрри. Как?

Она посмотрела на свою руку. Часов на руке не было.

— Неужели еще сегодня? Неужели Макса убили только сегодня утром? — Ее голос звучал жалко.

Макс. Во рту у него пересохло.

— Я... я не знаю. — Он оглянулся на дверь. Лиа, Ал и Крис стояли в проходе, уставившись на них.

— Дэн, можно тебя на два слова? — Ал Марш поманил шефа.

Лиа села на его место.

Ал вывел Дэнниса в коридор и зашептал:

— Макс Квинелл, парень, которого закололи ножом у школы сегодня утром. Оказывается, он был сыном Кэрри Кент. Джесс дала нам адрес родителей... и вот мы здесь. — Он произнес имя Кэрри так, как простые люди обычно произносят имена знаменитостей, — отстраненно и немного завистливо.

— Боже мой. — Дэннис потер лицо руками. У него скрутило живот. За все годы работы в полиции он лишь однажды вел дело людей, которых знал лично. Девочку из детского сада Эстель сбила машина. От этих воспоминаний стало еще хуже. — Боже, теперь все понятно. — Глубокий вдох. — Ладно. За работу.

Ал кивнул. Они вернулись в гостиную. Дэннис Мастерс приготовился задавать Кэрри вопросы о ее сыне. Она сама делала это сотни раз во время шоу. Он встал на колени рядом с ней и заглянул в ее пустые глаза. Он не знал, с чего начать.

Осень 2008 года

Оба уже видели этот фильм, но не хотели признаваться в этом друг другу. Они зашли в супермаркет, чтобы купить конфет и газировки перед сеансом.

— Будешь эти? — спросил Макс.

— Только не с кофейным вкусом.

— Тогда шоколадные.

— Да ну. — Дэйна нежно погладила упаковку с тягучим мармеладом. — Как тебе эти?

— Берем.

Макс ненавидел мармелад. Он напоминал ему уроки химии в его предыдущей школе.

Они заплатили и вышли на улицу. Сияло солнце. Тротуар почти дымился от быстро испаряющейся дождевой воды.

— Бабье лето, — сказал Макс. Они ждали автобуса. До кинотеатра было недалеко. — Сейчас приедет. — Он уставился на дорогу поверх голов пожилой пары, которая стояла перед ними.

— Вообще-то нет. — Банка холодной газировки в ее руках покрылась капельками влаги.

— Что нет?

— Похолодания ведь еще не было. Нужно, чтобы сначала похолодало, а потом потеплело. Тогда это будет бабье лето. И не меньше семи теплых дней.

Макс задумался.

— Уверен, в Шотландии уже заморозки.

— Но не здесь. — Дэйна прижала губы к вскрытой банке.

Макс смотрел на нее и спрашивал себя, думает ли она о том, каково это — поцеловать его. У нее красивые губы. И она столько всего знает. Ему отчаянно хотелось обнять ее, но он не понимал, с

чего начать.

— А хорошо было в твоей прошлой школе?

В автобусе Макс встал так, чтобы их плечи соприкасались.

— По-разному.

— Это как?

— Зависит от того, был ли ты одним из популярных парней.

— А ты был?

Макс рассмеялся.

— Я что, выгляжу популярным?

Он поднял свитер и расправил на узкой груди футболку. Слово «ЛУЗЕР» повторялось снова и снова все более маленькими буквами до самого низа.

Дэйна качнула головой:

— Это не про тебя.

Макс вдруг ощутил прилив счастья, как будто, когда он был с ней, какая-то часть его действительно становилась лучше.

— А, — с улыбкой протянул он, — ты еще не видела, что сзади написано.

— Ну а серьезно, — не сдавалась она, — каково это — жить в школе? Я себе этого даже представить не могу.

Макс посмотрел в окно. Черч-роуд перешла в Хай-роуд. Автобус — не место копаться в воспоминаниях, которые он хотел бы похоронить навсегда.

— Это не по мне, — сказал он наконец.

— Твой отец, должно быть, богатый.

Чтобы избежать ответа, Макс попытался представить себе дом Дэйны. Может, это даже не дом, а маленькая квартирka. Он нарисовал в своем воображении ее родителей — отчим, возможно, работает в ночную смену на заводе, а мать сидит дома и ломает голову над тем, как бы растянуть деньги до следующей полочки. У Дэйны, должно быть, двое младших братьев, которые целыми днями носятся по улицам на велосипедах, и еще собака или даже две, и в

гостиной, наверное, яблоку негде упасть, когда вечерами все собираются вместе посмотреть телевизор. Дэйна обычно запирается в спальне, которую ей приходится делить с братьями, и читает книги, которые покупает на все свои деньги или берет в библиотеке. Макс часто представлял себе, как они с Дэйной читают одну и ту же книгу и думают при этом об одном и том же.

— Не-а. Отец живет в гадюшнике. — Она как-то сказала, что у него смешной выговор, и потому он старался подражать ей.

— А мама?

Макс напрягся.

— Я ее редко вижу.

— Так ты же живешь с ней?

— Ну да, но она редко бывает дома. Мы не очень-то ладим.

— Так кто же оплачивал эту шикарную школу? Тебе что, дальний родственник наследство оставил? — Она покачала головой и усмехнулась.

— Я стипендию получил. — Как же он ненавидел ей лгать.

— Значит, ты реально умный.

Макс почувствовал себя совсем худо. Он вскрыл свою банку и сделал глоток, надеясь хоть так увильнуть от ответа. Если Дэйна узнает о его матери — Да и вообще, если кто-нибудь в школе узнает о его матери, — то всему конец. Он просто сбежит. Хотя бежать ему уже некуда. По крайней мере, в этом городе. Мимо проехал еще один автобус, весь залепленный рекламой. Макс закашлялся и пролил всю свою газировку Дэйне прямо на джинсы.

— Прости. — Он стянул с себя свитер и принялся вытирать им ноги Дэйны. — Прости, пожалуйста.

На следующей остановке они вышли. Макс хотел только одного — забиться в угол и умереть. Только он не знал точно, из-за чего: из-за фото матери величиной с дом на том автобусе или из-за того, что Дэйна прочла надпись у него на спине.

— «Я трахаю лузеров», — громко произнесла она, притворившись, будто ей смешно.

Макс натянул мокрый свитер, взял Дэйну за руку и повел ее в

кино.

Он был такой забавный. Совсем не похож на остальных парней. Копался со своим бумажником, потому что не мог открыть его, одновременно держа банку с газировкой и пакет с конфетами. Дэйна рассмеялась и помогла ему. Потом он настоял на том, чтобы за все заплатить, но при этом не смотрел ей в глаза, как будто стыдился или, наоборот, не хотел смущать ее. За билеты, кстати, расплатился *золотой кредиткой*. А потом, не сказав ни слова, лет на сто ушел в туалет.

— Все в порядке? — спросила Дэйна, когда он вернулся. Ей хотелось обнять его. Он так странно себя вел после того, как залил ее колой.

— Да, да. Все нормально.

— Тогда, может, пойдем в зал? — Запах попкорна напомнил Дэйне о счастливых временах. Она уставилась на будку, где продавщица сыпала горячий попкорн в огромные картонные ведра.

— Сейчас. Подожди.

Через минуту он уже стоял рядом с двумя самыми большими ведрами попкорна, которые она когда-либо видела. Да этого добра на всю жизнь хватит.

— Боже, Макс. Нам плохо станет.

— Ничего, зато обоим вместе.

Макс протянул одно из ведер Дэйне — так неловко, что они едва не рассыпали попкорн по всему фойе. Каким-то чудом им все же удалось добраться до своих мест, ничего не уронив. Сидели они в самом заднем ряду. Кроме них в зале было всего четыре человека.

— У тебя кредитка есть, — прошептала она. Прозвучало как-то глупо. Свет погас.

— Ага. — Макс набил полный рот и смотрел прямо на экран.

— Откуда?

Макс лишь пожал плечами. Тихая реклама вдруг сменилась громким роликом, предупреждающим о необходимости выключить сотовые. Дэйна выудила из сумки древний «Нокиа» и выключила.

Макс переключил «айфон» в беззвучный режим.

— Очередной приз? — спросила она.

— Ага, — неохотно ответил он, но не стал уточнять.

Дэйна наблюдала за тем, как он поглощает попкорн. Он явно не желал разговаривать. Она попыталась убедить себя, что это потому, что они в кино, а не потому, что он не хочет быть с ней откровенным. С тех пор как Макс появился в ее жизни, ей легче дышалось, мысль о нем придавала ей силы по утрам, делала жизнь более сносной.

— Когда ты сегодня пришла в хижину, — вдруг прошептал он, поворачиваясь к ней, — я собирался подарить тебе кое-что.

— Да? — Ей стало любопытно. Макс часто говорил неожиданные вещи. Это ей больше всего в нем нравилось.

— Но подарок украли. Меня ограбили.

— Вот черт. Ты заявил в полицию? — Дэйна хотела обнять его, показать, что ей приятно, что он хотел сделать ей сюрприз, но она словно примерзла к креслу.

Макс молча покачал головой. На экране шла реклама нового фильма.

— Но почему?

Он снова ничего не ответил.

— А что это было? Что за сюрприз?

— Компьютер, — произнес он, не отрывая взгляд от экрана.

— Ты собирался подарить мне компьютер?

Макс кивнул.

— Но это же бред какой-то. Люди не дарят компьютеры тем, кого едва знают.

— А я дарю, — прошептал он. — Тише, кино начинается.

Дэйна прикусила губу. Ну и ладно. Макс все равно, наверное, ее не поцелует.

На экране типичный американский белый домик. Дом чьей-то мечты. Маленькие мальчик и девочка играют в саду. Дэйна искоса снова глянула на Макса. Человек-загадка, не то что остальные парни.

Она перевела взгляд на экран и занялась своим попкорном. Тревожная музыка не сулила ничего хорошего.

— Бритоголовый уходит. — Скривившись, Фиона вытащила из рта кусок резинового на вкус бекона. Ей было плохо от одного вида этой еды. Она отодвинула растекшиеся лужицей консервированные помидоры, остаток яйца и поджаренный хлеб на край тарелки и пристроила рядом вилку и нож.

— Проси счет. Быстро. — Голос Броуди звучал настойчиво. Он встал. — Быстрее.

Фиона сунула в карман Иди, которая проходила мимо с подносом грязных тарелок, десять фунтов.

— Сдачи не надо, — сказала она официантке. Затем повернулась к Броуди: — Если тебе интересно, двое других мальчишек тоже уходят.

— Идем за ними.

— Что? — прошипела Фиона на ухо Броуди. — Мы не можем!

— Хочешь, чтобы я один пошел?

Фиона взяла Броуди за локоть и почувствовала, как напряжены его мускулы. Он много занимался спортом — обычно она сидела в зале, пока личный тренер руководил его занятиями на тренажерах, — но в этот раз, похоже, развитая мускулатура была ни при чем. Это было нервное напряжение.

— Да что с тобой такое? — Ей не нравилось, что эти мальчишки расстраивают его. Она вдруг ощутила желание проучить маленьких негодяев, что бы они там ни натворили.

Броуди ничего не ответил, но приноровил свой шаг к шагу Фионы. У них был свой способ ходить — как будто участвовали в беге парами, как будто не только их шаги, но и мысли были синхронизированы. По крайней мере, Фионе нравилось так думать. Так она говорила себе. Она не могла признаться себе лишь в одном: что вся эта связь, гармония, симбиоз, а также желание пойти Дальше исходили только от нее. Броуди Квинелл был совершенно слеп к ее любви.

— Мы далеко от них?

— Они впереди, метрах в пятнадцати. Остановились покурить. Прыщавый ковыряет носком ботинка мусор. Не надо дальше за ними идти. Наверное, они просто возвращаются в школу. Да и вообще, почему мы следим за какими-то мальчишками?

А что, если сейчас взять да и поцеловать его? Это бы его отвлекло. Она уже много лет не целовала мужчину. С тех пор, как Дэниел разбил ей сердце, бросив за две недели до свадьбы. Фиона внимательно посмотрела на Броуди. Его невидящий взгляд был направлен вперед, поверх ее головы. А они похожи, подумала она. Тот же твердый подбородок, те же широкие плечи. И улыбка — редкая, зато идущая прямо от сердца. Она постаралась выбросить мысли о Дэниеле из головы. Ему больше нет места в ее жизни.

— Это личное. — Губы сжались в тонкую линию, но тут же искривились в знакомой гримасе.

За долгие годы Фиона научилась распознавать эмоции Броуди, с которыми он постоянно боролся, делая все возможное, чтобы скрыть их от других. Часто Фиона сама чувствовала себя слепой, пытаясь поймать малейшее проявление тоски или желания. Обычно она натывалась на стену, которую он выстроил вокруг себя. Но сегодня, сегодня она, без сомнения, чувствовала эмоции, просачивающиеся через трещины в этой стене. И больше всего эти эмоции напоминали гнев.

Фиона снова взяла его за локоть.

— Они уходят. Ну и походочка у них.

Броуди вздохнул. Вздох, казалось, шел из самой глубины его души и копился там очень давно.

— Что случилось? — спросила она.

— Сложно объяснить, Фиона. Семейные дела.

Фиона перевела изумленный взгляд на парней, за которыми они следили. «Семейные дела». Эти слова наполнили ее жгучей ревностью и страстной тоской по собственным «семейным делам». И чтобы они были общими с Броуди. Вот только у него уже была семья. С бывшей женой он не общался, но сын — это проблема. Фиона осторожно провела Броуди мимо группы мамаш с колясками.

— Но у тебя больше нет...

— Никогда не говори мне этого. — Броуди резко повернулся к ней и с поразительной ловкостью схватил ее за плечи. Придвинул свое лицо вплотную. Фиона почувствовала запах жареного бекона в его дыхании: гнев, ненависть, печаль вперемешку с жирным мясом. Они застыли посреди людной улицы. Каждый ждал, пока другой сдастся.

— Прости, — пробормотала Фиона. Она чувствовала себя ужасно виноватой. Напряжение не ушло. — Я не хотела...

Но Броуди уже двинулся прочь и вот-вот должен был налететь прямо на скамейку.

Она нагнала его.

— Прости меня. — Она взяла его за руку и повернула влево: — Там скамейка.

— Просто води меня за ними.

Броуди велел Фионе довести его до самых школьных ворот. Раньше он не особенно распространялся о своей семье — и, как оказалось, не зря, — поэтому вряд ли она бы догадалась, что это та школа, в которую поступил Макс после того, как отказался от частного образования. Честно говоря, Броуди и сам был не в восторге от частных школ. В свое время он просто смирился с решением Кэрри, поскольку считал, что материнский инстинкт подскажет ей, что лучше для их сына.

На сердце у Броуди было тяжело. Макс приходил сюда каждое утро, сутулясь под весом рюкзака и своих проблем. Видеть школу Броуди не мог, но темнота перед его глазами была, похоже, хорошей иллюстрацией того, что чувствовал Макс, поступив сюда. Интересно, чем он занимался, когда прогуливал? Броуди уже четырежды звонили из школы и предупредили, что, если прогулы продолжатся, придется встречаться с директором. Он собирался поговорить с Максом — да и какой родитель бы не забеспокоился? — но не мог найти подходящего момента. В конце концов он решил, что этот разговор нанесет слишком большой ущерб их и без того хрупким отношениям. Макс и так нелегко. Мало того, что надо привыкать к новой школе, а тут еще и мать, ведь Броуди знал наверняка, что она разъярилась, когда Макс решил уйти из Дэннингема. Было бы жестоко вывалить на мальчика еще и это. Велика беда, даже если он и прогуляет пару

уроков.

Но голосовое сообщение заставило Броуди взять дело в свои руки. Макса бы оно просто убило.

— Что происходит?

— Ничего. Просто они вернулись в школу, как пай-мальчики.

Броуди представил себе лицо Фионы, которая сейчас, должно быть, пытается по его поручению разглядеть парней сквозь школьные ворота. Внезапно он понял, что за все время их совместной работы он ни разу не поинтересовался, как она выглядит. В его мире внешность отступала на второй план. Если бы его спросили, он бы, пожалуй, сказал, что она рыжая. Маленькая, но решительная женщина с веснушками, которые она маскирует пудрой — иногда он чувствовал ее запах.

— Ты их еще видишь?

— Броуди...

Молчание.

— Это случайно никак не связано с Максом?

Молчание.

— Связано?

— Почему ты спрашиваешь? — Он не очень-то хотел говорить с ней о сыне. Он чувствовал, что Фиона не слишком жалуется Макса.

— Ну, потому что он сейчас направляется прямо к нам.

Броуди резко высвободил руку. Черт. Вот черт. Он не рассчитывал столкнуться с Максом.

— Привет, Макс, — сказала Фиона. Броуди показалось, что ее голос прозвучал настороженно.

На конференциях или встречах с коллегами Фиона обычно брала приветствия на себя — называла имена, поворачиваясь к собеседникам, чтобы Броуди понимал, где они находятся. Она компенсировала его физический недостаток. И делала это хорошо. Тут уж не поспоришь.

— Что ты здесь делаешь, пап? Ты что, решил меня проведать? — В голосе возмущенные нотки. Броуди подумал, что на его месте он

бы тоже рассердился. — Большое спасибо, пап, что разгуливаешь тут, как...

— Стоп. Не надо. — Броуди поднял руки, как бы сдаваясь. Дети бывают такими жестокими.

— Мы с твоим отцом только что пообедали и возвращаемся к машине, — вмешалась Фиона.

— Ну да, — кисло проговорил Макс. — У меня все в порядке, пап. Я, знаешь ли, на урок опаздываю. Сейчас английский, потом две физики. Звуковые волны.

— Хорошо. — Броуди услышал, как сын нетерпеливо постукивает ногой по асфальту. — Ты сегодня у матери?

— Вроде.

— Приходи ко мне поужинать, если хочешь. Я приготовлю что-нибудь. — Броуди использовал свой лучший «отеческий» голос — такой, который обещает еду на заказ, пиво, веселую болтовню. Им не мешало бы поговорить.

— Не-а. У меня планы.

Броуди хотел спросить, что за планы. Собирается пойти куда-то с матерью? Вряд ли. Девушка. У него свидание? Это было бы здорово. А может, просто много уроков. Хотя откуда, если он столько прогуливает?

— Ладно, сын. Тогда можем...

— Броуди, он ушел. — Фиона взяла его под руку. Это не очень-то утешило. Каждый раз, расставаясь с Максом, Броуди чувствовал, что у него осталось еще чуть меньше времени на то, чтобы все исправить.

— Ясно. — Броуди сделал шаг вперед, и Фиона тут же потянула его в правильную сторону. — Отведи меня к машине.

— Конечно. Но только если расскажешь мне, что все это значит.

Пристегнувшись, Броуди начал ощупывать приборную панель в поисках кондиционера. На улице было не жарко, но он вспотел.

— Хватит шантажировать меня, женщина.

Она рассмеялась. Это бывало не часто. Фиона была очень

серьезной.

— Что, уволишь меня?

Броуди не ответил. Он слышал, как скрипнула коробка передач. Вечно недожимает сцепление. Однажды он заставил ее уступить ему водительское кресло: «Будь моими глазами. Говори, куда поворачивать и когда тормозить». Они даже не выехали за ворота университетской парковки — он помял левое крыло о будку привратника. «Видишь, что ты наделал?» — упрекала Фиона.

Конечно, не видел, подумал он, вспоминая этот случай. Но он знал. Пока Фиона вела машину, он ясно представлял себе, что делает сейчас Макс. Пока другие дети неохотно возвращаются в школу после большой перемены, он быстро удаляется от нее. Скорее всего, пойдет к каналу или к железной дороге, закурит и будет сидеть один, размышляя о своей разрушенной семье и жизни.

— Все это значит, — медленно проговорил Броуди, — что я пытаюсь спасти своего сына.

— От чего?

Он слышал, как щелкает поворотник, пока они стоят на перекрестке. Ему казалось, что он слышит также мысли Фионы. Догадается ли она собрать воедино всю картинку — парни из кафе, книжка, которую он заказал и просил прочитать ему, визит в школу?

— Ладно, забудь, — после паузы сказал он, думая о том, что если не считать школьной шпаны, то спасти Макса, прежде всего, нужно от его же собственных родителей.

Пятница, 24 апреля 2009 года

К середине дня Кэрри нашла в себе силы переодеться, достала какие-то брюки и простой свитер. Она сидела на кухне. Почему в ее доме столько людей? Все было словно в тумане. Она не очень понимала, что происходит.

Она поймала себя на том, что открывает лэптоп. Она чувствовала себя странно умиротворенной. Кожу покалывало, будто она долго пролежала на солнце, а сердце билось медленно, точно замороженное. Кажется, она голодна.

— Говорят, такое бывает, Кэрри. Просто потерпи. — Голос Лиа проник в ее сознание сквозь пелену. — Почему бы тебе не сесть поудобнее? — Рука подруги легла на ее плечо.

— Но я хочу почту проверить. — Она сидела на кухонной табуретке, поставив ногу на перекладину. Ввела имя пользователя. — Я всегда сижу на этом месте, когда хочу проверить почту на кухне.

Компьютер пискнул, сообщая о неверном пароле.

— Думаю, сегодня тебе надо передохнуть. Иди, сядь вот здесь.

— Нет. — Кэрри снова ввела пароль. Снова отказ. Она повернула голову к женщине, стоящей рядом. Это точно была Лиа, только какая-то расплывчатая, будто снимок, сделанный через фильтр. Она и забыла, какая Лиа красивая.

Кэрри улыбнулась.

— Почему я не могу вспомнить свой пароль?

— Потому что ты в шоке. Не нужно проверять почту. Иди лучше...

— Я хочу вспомнить свой чертов пароль. — Она вбила еще цифры, но это явно был не тот знакомый набор символов, который ее пальцы автоматически набирали каждое утро, чтобы начать привычный рабочий день, узнать, кто будет участвовать в шоу, какие встречи и интервью предстоят ей на этой неделе... — Лиа? — Кэрри вцепилась руками в компьютер. Слова словно застревали в горле.

— Кэрри, ты помнишь звонок из школы? Ты была в больнице, помнишь?

Лиа обняла Кэрри, ее волосы защекотали щеку.

— Да, кажется, да. — Она отстранилась и встала. Хотела налить себе кофе, но кофейник был пуст.

— Сейчас сварю. — Лиа зарядила кофе-машину. — Дэннис хочет поговорить с тобой. То есть он *должен*.

— Да. — Кэрри обошла кухню. Туфли цокали по плиткам. Она знала, что они должны поговорить, им всегда есть что обсудить. Иногда они говорили даже о том времени, когда были любовниками, но в большинстве случаев обходили свой короткий роман молчанием. — О Максе? — Кэрри сбросила туфли.

— Да. О Максе. — Лиа повела ее в гостиную. Там было полно полицейских. — Поговори с Дэннисом о Максе, дорогая.

Она привыкла к тому, что при ее появлении все замолкают. Она наслаждалась всеобщим вниманием. Почетная гостья на приемах и открытиях торговых центров, звезда вечерних ток-шоу, ведущая «Правды в глаза» — Кэрри Кент обожала быть в центре внимания. Но сейчас это было другое молчание.

— Мне нужно задать тебе несколько вопросов, Кэрри. И еще я хотел бы взять кое-какие личные вещи Макса для экспертизы.

— Конечно. Все, что нужно. — Кэрри села. Белая кожа кушетки давала покой не только ее спине, но, казалось, и мозгу. Пусть Дэннис сам распоряжается.

— Прежде всего, мне нужно знать, были ли у Макса враги. Вопрос кажется слишком очевидным, но зачастую это очень упрощает дело. Были у него конфликты с кем-нибудь?

Упрощает? Больше никогда ничего не будет просто — это она знала, хотя мозг отказывался сказать ей почему.

— У него не было врагов.

— Ты уверена?

— Он был тихим мальчиком. — Кэрри вспомнила, как он начал играть на гитаре и она велела ему прекратить шум. Он повиновался немедленно, и дом снова погрузился в блаженную тишину. Кажется,

она слышала, что он плакал, но это быстро прошло. — Не думаю, чтобы у него были враги.

У нее защемило сердце.

— А в школе?

— В школе? — Она закрыла глаза. Перед ней стоял восьмилетний мальчик в новой школьной форме. Позировал для снимка. Он хотел, чтобы она сфотографировала его в новом блейзере и фуражке. Цвета школы — бордовый и зеленый. — Когда ему исполнилось восемь, он пошел в частную школу. — Теперь она видела не мальчика, а юного мужчину, с тенью щетины на щеках и коротко стриженными волосами. Он ударил кулаком по стене и заявил, что больше не вернется туда.

Кровь сочится из ее вен, проникает под кожу, капает из-под ногтей. Такая боль.

В комнате было шесть человек, кроме нее. Да и была ли она там? Казалось, ее душа готова отделиться от тела. Пусть бы так и произошло. Кэрри посчитала стекла в оконных переплетах. Тридцать шесть.

— Расскажи о его школе.

Столько всего можно рассказать. Она попыталась выделить главное.

— Он ничем не выделялся.

— Как давно он стал учеником Милтон-Парка?

Нужно вспомнить, какой сейчас месяц. Апрель.

Недавно у нее был день рождения. Макс подарил ей дробилку для садовых отходов. Обернул ее в розовую бумагу. Она оставила ее в гараже для садовника, который приходит по четвергам.

— С прошлого сентября. Две тысячи восьмого года. Он бросил Дэннингем в прошлом семестре.

— Почему?

Дэннис сидел вплотную к Кэрри. Она ощущала его нетерпение.

— Там возникли какие-то проблемы. Кто-то из Детей сделал ему подлость — что-то в этом роде. Так он сказал. — Кэрри отвела

взгляд. Она почти шептала. Если произнести эти слова вслух, они станут правдой? — Макс был другим. Таким чувствительным.

Кэрри не познакомила Дэнниса с Максом, хотя Дэннис несколько раз оставался у нее на ночь. Либо он уходил до того, как Макс просыпался, Либо наоборот. Макс бы устроил скандал.

— Над ним издевались?

Кэрри задумалась. К ней на шоу приходили люди, любившие издеваться над другими. Родители, тиранившие своих детей, начальники, делавшие жизнь подчиненных похожей на ад, неуравновешенные мужья, женам которых приходилось искать помощи на стороне, — вариантов было много.

— Нет, — ответила она. — Точно нет. Он бы не стал скрывать. — Ее замутило.

— Но ты ведь только что сказала, что с ним подло поступили...

— Но я не сказала, что над ним издевались. Это разные вещи.

По лицу Дэнниса Кэрри поняла, что он не видит разницы.

— А как он освоился в местной школе?

— Она не *местная*. — Кэрри на секунду закрыла лицо руками. — Школа в Хэрлсдене, рядом с домом его отца.

Кэрри яснее, чем когда-либо, видела, насколько хрупок был баланс между двумя реальностями ее жизни. Хэмпстед и Хэрлсден — короткая поездка на автобусе или на лимузине с водителем. Отчаявшиеся люди, гости ее шоу, — и ее собственное привилегированное существование. Как два полюса на разных концах вселенной. Но она не могла отказаться ни от одного из них.

Всегда — два полюса.

Она и Броуди — брак, обреченный с самого начала.

Мать и сын.

Ее жизнь тогда. Ее жизнь сейчас.

Ее жизнь вчера. Ее жизнь сегодня.

Черное и белое.

— Это произошло в школе?

Дэннис кивнул.

— Я хочу видеть это место.

Она ни разу еще не была в его школе.

Дэннис взглянул на своих коллег. Они обменялись кивками.

— Хорошо, когда закончим. — Он продолжил расспросы: — Кэрри, твой сын не состоял в банде? Может, сменив школу, он попал в плохую компанию? Он принимал наркотики? Пил?

— Конечно, нет. Макс был хорошим мальчиком. — Кэрри сжала виски. Пульсирующая боль усиливалась. Макс никогда не вступил бы в банду. Никогда.

— Дать тебе таблетку? — Лиа, сидевшая на корточках рядом с ней, исчезла и вскоре вернулась.

Кэрри проглотила лекарство. Она снова начала раскачиваться.

— Это не должно было случиться. Он был моим сыном. Никто не смеет отбирать у меня сына.

— Кэрри...

Она встала. Пошла на кухню и открыла крышку ноутбука. Пальцы вбили пароль. Экран ожил.

— Первые слова моего сына, — сказала она детективам, которые шли за ней по пятам. По Щекам потекли слезы, которые, казалось, копились в ее глазах всю жизнь. — Я была единственной, кто их слышал.

Сил стоять больше не было. Кэрри опустилась на пол, думая о том, кто был рядом с Максом, когда он произносил свои последние слова.

Никто не заметил, как Дэйна вышла из дома. Кев вернулся в дурном настроении и срывал его на Всех, кто подворачивался под руку. Его опять уволили. Больше никакой работы, заявил он. Количество рабочих мест усыхает, как собачье дерьмо на солнце. Тем не менее, заметила Дэйна, денег на пиво и виски ему все же хватает. Она тихо спустилась по лестнице, прихватила куртку и выскользнула за дверь. Мать и Кев говорили на кухне о том, что в дом зачастила полиция. Они беспокоились, что их могут лишить социальных

выплат. Лорелл тихо хныкала, сидя на полу.

Дэйна быстро шагала по улице. Маршрут, который она уже несколько лет совершала дважды в день, вдруг показался незнакомым. Прежде она и не задумывалась о том, насколько уродлив их район, но сегодня ей казалось, будто она единственный человек, переживший ядерную войну, и пробирается среди обломков погибшей цивилизации. Взгляд повсюду натыкался на остовы разрушенных домов, затянутых строительной сеткой. Все вокруг тонуло в океане серости. Единственным ярким пятном была красная упаковка от чипсов, которую ветер гнал по асфальту. Дэйна подняла ее и засунула в карман. Она не любила, когда мусор валялся на улице.

Через десять минут над крышами домов показалась верхушка школьного здания, в котором находились классы биологии и химии. Бесконечные уроки, бессмысленное высиживание до перемены, подбородок упирается в руку, спина болит от дурацких деревянных скамеек, единственное желание — смешать в пробирке сразу все химикаты, чтобы посмотреть, какой поднимется хаос, проучить их всех хоть раз.

Неужели он и правда умер? Это же безумие.

В школе еще не все успокоилось. Сейчас она повернет за угол и окажется прямо перед глазами столпившихся у ворот. Она уже видела яркие желтые жилеты, ленту, огораживающую место происшествия, голубые огни полицейской машины.

Внутри ограниченного лентами пространства было натянуто что-то вроде тента. Под ним на четвереньках ползали четверо мужчин в белых костюмах. Наверно, ищут частицы Макса.

Дэйна хотела подойти поближе, еще раз посмотреть на то место, чтобы осознать реальность происходящего, потому что сейчас все это представлялось ей просто сном. Единственным реальным ощущением был привкус рвоты во рту. Интересно, пятна крови еще там или они их смыли? Ускорив шаг, она прошла мимо ограждений. Ей бы только взглянуть. Никто ее не заметит, ее никогда никто не замечал, кроме тех случаев, когда хотели избить.

Люди окружали огороженное место слишком плотным кольцом, чтобы можно было разглядеть хоть что-то.

Пусть время повернет вспять, подумала она. Включить бы перемотку назад.

Рядом распахнулась дверца подъехавшей машины. Дэйна отскочила. Из машины вышла женщина.

Кажется, Дэйна ее где-то видела.

Женщина направилась к школе в сопровождении полицейских. Среди них был и тот, что приходил к ним домой. Дэйна подумала, что женщина выглядит ужасно печальной и словно опустошенной.

И тут она вспомнила.

Ведь это та ведущая с телевидения!

Дэйна невольно ойкнула.

Блондинка остановилась, обернулась. Сдвинув на лоб темные очки, посмотрела на Дэйну. Она недавно плакала. Губы ее шевельнулись, но, не сказав ни слова, она опустила очки и прошла в ворота школы.

Это она, подумала Дэйна. Это точно она. Что Кэрри Кент здесь делает? Она что, уже снимает об этом шоу? Макса покажут по телевизору?

— О нет... — прошептала Дэйна и поняла, что бежит. — Нет, нет... — кричала она, несясь по улице.

Дэйна неслась к лачуге. Ей надо побыть одной, подумать о Максе. Все это просто сон, она подождет, пока проснется. Утром все будет нормально.

Дэннис хотел, чтобы она увидела кровь. Место преступления, как сообщили ему криминалисты, уже сфотографировали. Сейчас они тщательно прочесывают окрестности на предмет улик. Несколько предметов уже отправлены на анализ. Вот-вот польет дождь, и, хотя над местом преступления натянули тент, работать все равно нужно быстро.

— Это здесь? — спросила Кэрри.

Мастерс кивнул. Он почти верил, что они просто выбирают площадку для съемок. Он так привык слышать операторские термины, вроде угла установки камеры, освещения и всего такого, что ему приходилось напоминать себе, что здесь убили сына Кэрри, а не очередной незнакомой женщины, которая скоро превратится для

него просто в цифру в отчете.

— Те, кто это сделал, убегали в спешке. Мы знаем, что их было несколько. — Мастерс замолчал, потому что Кэрри резко отвернулась. — К сожалению, орудия мы не нашли. Но зато у нас есть свидетель. — Хотя будет ли она полезна, Мастерс уже сомневался. Пока от нее ничего не добились. Может, она лжет, а может, до сих пор в шоке и никак не соберется с мыслями. Опыт подсказывал, что скорее верно последнее.

— Свидетель? — прошептала Кэрри.

— Мы опрашиваем всех. Надеемся получить отпечатки пальцев, образцы ДНК и записи камер наблюдения.

Дэннис почувствовал, что мысленно отстраняется, начинает воспринимать дело как профессионал, а не как друг. Кэрри кивнула, подошла к ленте. Ее словно тянуло туда, к месту, где погиб ее сын, как будто еще шаг — и она присоединится к нему.

— Он умер здесь?

— Да.

— Только сегодня утром. Я не понимаю. Сегодняшнее утро было так недавно, а кажется, что целая жизнь прошла. Как будто у меня никогда не было сына. — Она говорила тихо. Потом приподняла желтую ленту и покачнулась.

— Туда нельзя. — Дэннис быстро взял ее за плечо. — Прости. Нам придется смотреть отсюда.

Кэрри кивнула.

— Это кровь?

— Здесь врачи из «скорой» пытались помочь Максу. — Так было проще сформулировать.

— Кровь Макса?

Мастерс был вынужден подтвердить. Он хотел увидеть в ее лице гнев, хотел, чтобы она поклялась отомстить. Пусть бы она вспомнила какую-нибудь цитату к случаю, вроде обещания не знать покоя, пока убийцы не будут найдены.

— Она такая темная. Как патока.

Пальцы Кэрри искали его руку. Он крепко сжал ее ладонь. Ее беспомощность поразила его До глубины души.

— Так много крови. Ему было больно?

— Кэрри, его ударили ножом. Несколько раз.

Все равно что сказать: «Да, он умирал в мучениях, лежа в грязи». Он не хотел причинять ей новую боль, но ему требовалась хоть какая-то реакция. Требовалась ее помощь.

Она сглотнула и бесцветным голосом произнесла:

— Ладно. Спасибо.

Мастерс развернул ее к себе. Сейчас это была не та женщина, которую он знал, с которой работал долгие годы, которая так свободно чувствовала себя в прямом эфире, которая шокировала, возмущала, вызывала негодование. Кэрри Кент никогда не говорила *ладно* очень редко говорила *спасибо*.

— Кто это сделал, Кэрри? — Он заставил ее посмотреть ему в глаза. — Кто убил твоего сына? К нему ведь приходили друзья, они обсуждали, кто им нравится, кто нет. Ты должна мне помочь.

— Я... я... работаю допоздна. Я редко бывала дома.

Он отчетливо видел чувство вины в ее глазах. Ему захотелось сжать в ладонях ее лицо, убрать назад волосы. Их отношения всегда протекали на ее условиях.

— Будем надеяться, что его компьютер и телефон дадут нам какую-нибудь информацию. А пока мои подчиненные опрашивают тут каждого ученика и преподавателя.

— Ты пойдешь в его старую школу? — тихо спросила Кэрри.

— Если понадобится, да. Зависит от того, что мы разузнаем здесь. Как бы грустно это ни звучало, вполне возможно, что Макс просто оказался не в том месте не в то время. Сейчас все парни носят при себе ножи. Некоторые пускают их в дело.

Кэрри кивнула и пошла обратно к машине. Она выглядела такой маленькой. Дэннис решил сам отвезти ее домой и вернуться в участок.

Когда они тронулись, на лобовое стекло упали первые капли дождя. Вскоре полило всерьез. Небо резко потемнело. Он надеялся,

что криминалисты успели все закончить.

— Джесс. — Мастерс кивнул в знак приветствия. Она села напротив. Сначала нужно было обсудить все между собой, а уж потом инструктировать команду. — Что у тебя есть?

Детектив Бриттон протянула ему несколько листов:

— Первые опросы в школе. Если вкратце, Макс был не очень-то популярным мальчиком. Одноклассники говорят, что он был замкнутым и с самого начала, с тех пор как пришел в школу в сентябре, не делал попыток с кем-нибудь подружиться. Как будто...

— Что?

— Ну, такое ощущение, что одноклассникам нравится его третировать, даже сейчас, когда он умер. Они словно бы чувствуют себя от этого более значительными.

— Менталитет стаи, — кивнул Дэннис. — Есть что-то конкретное?

— Два имени все время повторяются. Блэйк Сэммс и Оуэн Дрисколл. Оба из Вестмаунта. Похоже, они состоят в молодежной группировке. А если и нет, думаю, они что-то знают.

— Ты к ним кого-нибудь отправляла?

Джесс кивнула:

— Да. Парни скоро должны вернуться.

Дэннис в задумчивости покусал губу. Потом допил остывший кофе.

— После совещания поеду к его отцу. Хочешь со мной?

— Еще бы, — сказала Джесс, вставая. — Это должно быть интересно.

— Почему?

— Потому что он тоже живет в Вестмаунте.

Броуди отослал Фиону. Он хотел окончательно погрузиться в одиночество и тьму. Он хотел заткнуть уши, чтобы ничего не

слышать, отрезать язык, чтобы онеметь, вспороть кожу, чтобы заглушить душевную боль физической.

У него словно вырвали из груди сердце.

Теперь Броуди понимал, что означают эти слова. Его сын — высокий, худой, с колючей щетиной и пирсингом — в памяти остался маленьким мальчиком, а сейчас в морге лежал мужчина, холодный, недвижимый. Его руки ощупывали лицо Макса, тело: узкую грудную клетку, мягкие волоски на ногах.

Его сын превратился в ворох воспоминаний и застегнутый на молнию мешок, полный потенциальных улик. Кусочки кожи под ногтями, след плевка на щеке, волосок на одежде. Броуди знал, что каждый квадратный сантиметр тела будет тщательно изучен. В итоге судебно-медицинский эксперт будет знать Макса лучше, чем он сам.

Броуди напряг слух. Кто-то — кажется, даже несколько человек — приближался к его квартире. Окно кухни всегда дребезжало, когда кто-нибудь в тяжелой обуви шел по бетонному балкону снаружи. Он не хотел никого видеть.

Как он и ожидал, в дверь постучали. Это не Фиона. Она всегда повиновалась его указаниям и не придет, пока он ее не вызовет. А еще сюда приходил только... Макс.

— Полиция. Профессор Квинелл, мы хотели бы поговорить с вами.

Значит, он не ошибся. Их несколько.

Броуди тяжело подошел к двери. Он никогда не видел дверь своей квартиры, но Фиона сообщила ему, что она грязная, серая и выглядит как дверь тюремной камеры. Броуди было все равно. Это просто дверь, которой он отгораживался от мира.

— Профессор, вы дома? — Снова стук.

Рано или поздно это придется сделать. Броуди открыл дверь. Мужчина и женщина, понял он, уловив слабый аромат духов.

— Профессор, я главный инспектор Дэннис Мастерс, это моя коллега инспектор Джесс Бриттон. Мы хотели бы поговорить о вашем сыне. — Пауза. — Мы глубоко сочувствуем вашему горю.

Броуди кивнул и позволил им войти. Он почувствовал, как они помедлили у входа. Наверное, потому, что это место такая дыра.

— Сюда, — хрипло проговорил Броуди и провел руками по дивану, сбрасывая на пол бумаги, диски и одежду. — Прошу, садитесь.

— Спасибо.

Броуди услышал скрип старых пружин. Сам он устроился в кресле напротив.

— Мои детективы работают над этим делом День и ночь. Я надеюсь, что мы поймаем человека, который убил вашего сына, профессор. Я не могу Даже представить той боли, что свалилась на вас и вашу бывшую жену.

Кэрри. Он не вернулся к ней в больницу, как обещал. Что она сейчас чувствует? То же, что и ОН' — каждый вдох дается с трудом, сердце спотыкается в груди.

— Да, — ответил Броуди. — Вы не можете Себе этого представить.

Он ей позвонит. Как только уйдет полиция. Они должны сейчас быть вместе, несмотря ни на что.

— Мне нужно задать вам несколько вопросов.

Броуди кивнул.

— Вы не знаете, были у Макса враги? Возможно, это звучит слишком просто, но если был кто-то, у кого на Макса имелся зуб, нам нужно поговорить с ними.

— В школе у него были проблемы с тремя мальчишками. Макс как-то упомянул об этом. — Броуди замолчал, вспоминая ссору, случившуюся с сыном по этому поводу. Он до сих пор слово в слово помнил то голосовое сообщение на мобильном Макса, но полицейского в подробности посвящать не стал.

— Как вы думаете, почему сверстники его дразнили?

Броуди мог бы целый час объяснять, чем его сын отличался от других подростков. У него черный отец и белая мать, и уже одно это делало его непохожим на других, даже в этом районе, да и вообще он всегда выделялся из общей массы. Он любил математику и уже в восемь лет мог написать компьютерную программу на шести разных языках — за это его тоже невзлюбили. У него была страсть участвовать в конкурсах — не в одном или двух, а в нескольких

десятках в неделю, — это еще больше отдалило его от сверстников.

— Макс был не похож на других. Он был тихим, задумчивым. — Броуди услышал скрип карандаша о бумагу.

— Почему это могло кому-то не нравиться? — На этот раз женский голос.

— Дети всегда дразнят тех, кто отличается от них. Наверно, это позволяет им чувствовать свое превосходство.

Он не был со своим сыном, когда тот нуждался в нем больше всего. Руки, вцепившиеся в подлокотники кресла, дрожали.

— Вы можете назвать какие-нибудь имена? — спросил Мастерс.

— Нет, но я могу описать их внешность и дать номер мобильного.

— Их внешность? — Голос детектива звучал недоверчиво. — Как это?

— В прошлом году, когда я узнал, что эти парни издеваются над Максом, я их выследил. Это было просто. Фиона, моя ассистентка, сопровождала меня и описала, как они выглядят. Конечно, это может ничего и не значить...

— Так как они выглядели, профессор? — спросила женщина.

Броуди дословно повторил описание, которое Фиона дала ему тогда в кафе. С этого можно начать, пусть уже и слишком поздно, чтобы что-то изменить.

Детективы приглушенно переговаривались, но их голоса перекрывали вопли подростков на улице. Однако Броуди все же разобрал «Вестмаунт» и «совпадение внешности».

Вестмаунт? Неужели Макс попал в неприятности в его районе?

— У Макса была девушка, профессор? — спросил Мастерс.

— Он всегда это отрицал. — Броуди вспомнил смущение Макса. — Но думаю, что девушка была.

— А лучший друг? Кто-то особенно близкий?

— Вряд ли. — Броуди покачал головой. — Иногда он приходил поболтать со мной.

— У Макса здесь была своя комната? — спросила женщина. —

Вы позволите взглянуть?

— Когда Макс оставался у меня, он спал на диване. — Что же он за отец? У его сына не было даже своего угла. Конечно, в доме матери у него была комната, но когда он приходил сюда — что в последнее время случалось все чаще, — они допоздна сидели на этом диване, смотрели кино, играли в шахматы, а потом Макс тут же и засыпал. — В этой квартире только одна спальня. Но он держал у меня кое-какие вещи. Вон там, в шкафу.

— Вы не против, если мы посмотрим?

— Пожалуйста.

Скрип дверцы, шуршание бумаги, потом какие-то неясные звуки.

— Тут кое-какие бумаги, мы возьмем их, профессор, если вы не возражаете. Нам необходимо лучше узнать Макса.

«Так же, как и мне, — подумал Броуди, и боль захлестнула его с новой силой. — Так же, как и мне».

Вернувшись в участок, Дэннис Мастерс обнаружил в своем электронном ящике несколько отчетов о проведенных допросах. В настоящий момент подчиненные занимались анализом записей с камер наблюдения. Предварительное заключение медэксперта гласило, что орудием убийства было лезвие длиной 12–15 сантиметров с ровной кромкой.

— Да неужели, — пробормотал Дэннис, увеличивая на экране снимок обнаженного торса. Около десятка ран рассекали кожу — аккуратные надрезы на темной коже.

Дэннис быстро пробежал глазами заключение до конца. Анализ крови выявил наличие марихуаны, но не алкоголя. Более детальное заключение будет сделано после дополнительной экспертизы.

— Ужас, — произнес он, думая больше о Кэрри и ее будущем, чем о снимке на мониторе. Один из протоколов допросов содержал рекомендацию задержать Сэммса и Дрисколла и привезти их в участок для допроса.

Дэннис взглянул на часы и потянулся к телефону.

— Везите сюда маленьких засранцев, — бросил он в трубку.

Ничего не попишешь, ночь сегодня будет долгой.

Прошное

Кэрри никогда не думала, что неудовлетворенность реальностью родилась вместе с ней. Она не считала врожденным и свое желание все исправить — исправить весь мир. «Это у тебя от природы или от моего воспитания?» — часто спрашивала мать, когда Кэрри возвращалась из университета домой и буквально топила все вокруг в гнев и возмущении.

— И почему ты такая, Кэролайн Кент. Уж точно не в меня. В детстве ты была такой тихоней.

Кэрри никогда не назвала бы себя тихоней. В школе, если происходил какой-нибудь конфликт, если кого-то обижали, если кто-то вел себя чересчур уж нагло, Кэрри непременно вмешивалась, занимая сторону обиженных. Сверстники либо восхищались ею, либо ненавидели ее.

На самом же деле руководило ею не столько чувство справедливости, сколько желание контролировать все и вся.

— Все должно быть под контролем, понимаешь? — объясняла она Лиа на первом курсе университета. Шел 1986 год, они обе изучали теле- и радиожурналистику.

— Не понимаю, — ответила Лиа. Они загорали на лужайке, глядя в ярко-синее небо. Высоко-высоко над ними самолет прочертил белый след. — Я вот совершенно не контролирую собственную жизнь. И мне это нравится.

Кэрри приподнялась, опершись на локоть.

— Как ты можешь говорить такое? Зачем ты тогда вообще здесь учишься?

— Родители заставили.

Кэрри упала на траву. Теперь уже она не понимала. Они знакомы с Лиа уже семь месяцев. Вместе еще с двумя девушками они снимали квартиру. То, что Лиа хотела, чтобы ее жизнь просто шла, одновременно и удивляло, и злило Кэрри. Это же такая потеря времени.

— Так ты что, не хочешь решать свою собственную судьбу?

— Не-а.

— Это просто бред.

— Я люблю плыть по течению. Смотреть, что получится.

Кэрри задумалась.

— Как что-то может получиться, если ты сама это не устроишь?

Вместо ответа Лиа вдруг вскрикнула и резко села.

— Ой, простите, пожалуйста... — С виноватым видом к ним торопилась девушка. Она подобрала мяч и неуверенно дотронулась до плеча Лиа.

— Все в порядке. Не волнуйтесь. — Лиа встала, расправила футболку и улыбнулась, хотя Кэрри видела, что ей все еще больно.

— Хотите поиграть с нами? Давайте, будет здорово, обещаю.

— Конечно, — ответила Лиа и оглянулась на Кэрри.

Та выдавила из себя улыбку и опять опустилась на траву.

«Я бы отказалась, — подумала она. Облако над ней медленно превращалось из кошки в слона. — Сказала бы НЕТ. А потом велела бы ей отправляться куда-нибудь подальше, пока я не врезала ей мячом в живот, чтобы посмотреть, как ей это понравится».

Раздался восторженный визг Лиа и веселые крики других девушек. Кэрри повернула голову в их сторону. Лиа явно наслаждалась игрой.

— Плыет по течению, — прошептала она ревниво. Что же в ее прошлом такого, что она не способна поступить так же?

— Ты никогда не рассказываешь о своих родителях.

На ужин опять были спагетти с сыром. Лиа протянула тарелку Кэрри. Та встала:

— Нет. Извини. Не могу есть это третий день подряд. — Макароны исчезли в мусорном ведре; реплика Лиа осталась без внимания.

— Что ты делаешь? Мы не можем позволить себе выбрасывать

еду.

— Честное слово, я умру, если съем еще одну тарелку макарон с сыром.

— Ну тогда скажи парням, которые живут в соседней квартире, чтобы прекратили воровать наши продукты.

Кэрри застыла с тарелкой перед мойкой. Она всегда запирала дверь их квартиры в общежитии, и ее раздражало, что больше никто не удосуживался этого делать.

— Они крадут нашу еду?

— Я купила курицу и салат. Думаю...

— Сиди здесь!

Но Лиа не послушалась. Она поплелась за Кэрри, а та выскочила в коридор и забарабанила в соседнюю дверь.

— Кэрри, не надо. Это же ерунда.

Но Кэрри, не дождавшись ответа на свой стук, пнула дверь и вошла. Видимо, тут тоже никто не запирает. На разбросанных по полу подушках развалились два парня. Вяло глянув на посетительниц, они тут же явно забыли про них. Кэрри двинулась прямо к холодильнику, рванула на себя дверцу.

— Это наше? — спросила она, доставая упаковку с курицей.

— Я... — Лиа поморщилась. — Ну так же нельзя.

— Спорим, наше?

Кэрри захлопнула холодильник и направилась к себе.

— Теперь можем и приготовить. — Она взяла разделочную доску и нож и принялась кроить курицу. — Это справедливо.

Кэрри, почти не видя ничего от яростных слез, свирепо орудовала ножом. Мысленно она была на той военной базе, ощущала затхлый запах их домика, стены которого, казалось, сделаны из картона, слышала шум моторов военного транспорта, знакомый сигнал, обозначающий начало маневров. Видела свое отражение в начищенных до блеска ботинках отца.

Чарльз Эрнст Кент пошел в армию, когда ему стукнуло шестнадцать. С Ритой, матерью Кэрри, он познакомился в

увольнительной, когда ему было двадцать два. Вскоре они поженились. Рита бросила работу медсестры, и с тех пор они переезжали с базы на базу. С восхищением и обожанием Рита наблюдала, как ее мужа постепенно повышают в звании. Она никогда не жаловалась, что у них нет своего дома; что стоит завести подруг, как приходится их терять; что ребенка она растит почти в одиночку.

Детство для Кэрри было связано только с мамой. Она помнила ее мягкие карие глаза, неизменный передник в красный горошек, ее привычку аккуратно класть обручальное кольцо на блюдце, перед тем как начать мыть посуду. «Не хочу поцарапать любовь, — говорила мама. И вздыхала с облегчением, надевая кольцо снова. — Папочка скоро вернется, милая. Еще только сто двадцать три сна».

Когда Кэрри подросла, она тоже начала считать сны. Но, в отличие от матери, которая только и ждала, когда Чарльз Кент, пропахший солнцем, пустыней и нефтью, снова будет лежать рядом с ней в постели, Кэрри трепетала от страха при мысли о его возвращении. Она мечтала сделаться невидимой, исчезнуть.

Чай она отправится пить в сад — если позволят. А если нет — заберется в кровать и укроется с головой. Книжки, куклы и игрушки, которые, пока отца не было дома, валялись по всему дому, прятались за несколько дней до его приезда. Как будто он мог почувствовать даже запах беспорядка. Шум, болтовня, визиты друзей, телевизор, а также все виды физического контакта — объятия, рукопожатия, даже случайное прикосновение — категорически исключались. Майор Чарльз Кент придерживался очень строгих правил. А попросту любил все держать под контролем.

— Он не хотел, чтобы я родилась. Он это ясно давал мне понять. Вообще-то он меня просто ненавидел.

— Что?

Лиа занималась салатом. На этот раз она заперла дверь квартиры. Как теперь она посмотрит в глаза соседям? Может, у них просто нет денег на еду? Поделиться с ними было бы только справедливо.

Кэрри вонзила нож в курицу, чуть не отрезав себе палец. Чертыхнулась и швырнула куски курицы на раскаленную сковородку.

— Ничего, — буркнула она.

По кухне разлился аромат чеснока. Наконец-то они нормально поедают.

Осень 2008 года

Шансы на то, что удастся поцеловать Дэйну, таяли с каждой минутой. Макс надеялся, что во время самой страшной сцены Дэйна в испуге прильнет к нему, но она лишь наклонилась и прошептала: «Я уже давно поняла, что сейчас это произойдет». Макс порадовался, что она не видит его лица. Он-то уже изготовился, даже губы приоткрыл в полной уверенности, что Дэйна поцелует его, а теперь сидел дурак дураком и сгорал от стыда.

Да слепому ясно, что Дэйна и не собиралась целоваться, думал он, дожидаясь ее у дверей женского туалета. Она не из тех девчонок, что взвизгивают да подпрыгивают от страха, вцепляясь в мужчин. И уж точно не из тех, что целуются направо и налево. Макс даже нравилось это, нравилось, что Дэйна отличается от прочих девчонок из школы, которые из штанов выпрыгивают, лишь бы парни их заметили.

— Я готова, — сказала Дэйна, вытирая мокрые руки о джинсы. — Пойдем к тебе?

Макс замер. Этого ему хотелось меньше всего.

— В хижину? Не вопрос.

— Нет, глупый. В твой настоящий дом. Я хочу увидеть твою комнату. И с твоей мамой я могла бы познакомиться.

О господи. И что теперь делать? С другой стороны, может, ей и правда интересно. Каковы бы ни были ее намерения, упускать такой случай нельзя. Девушка — девушка, которая ему очень нравится, — хотела посмотреть его комнату. Может, с ним больше никогда в жизни такого не случится. Даже если они будут просто сидеть на разных концах кровати — ему и этого хватит. И вообще, он не хотел спешить. Он хотел, чтобы первый раз был особенным, хотел узнать ее получше, не торопить естественный ход событий.

Но разве он мог позволить ей встретиться с его матерью? Это все изменит. В глазах Дэйны Макс станет совсем другим человеком. Как бы она ни восхищалась тем, что шоу его матери каждую неделю смотрят миллионы людей, рано или поздно ее слава встанет между

ними.

У него был только один выход. Им придется пойти к отцу. Он просто не может привести ее в Хэмпстед. Даже если матери там нет, богатство самого дома будет для Дэйны настоящим шоком.

— Ладно. Тогда пошли к отцу. Мама наверняка взбесится.

Они перебежали улицу, и тут же подъехал автобус. Макс вытащил телефон и пролистал последние отцовские эсэмэски. «Уехал на конференцию до воскресенья. Папа». Значит, дома никого не будет. Макс подумал, не почистить ли зубы, когда они придут, просто на всякий случай, но квартира такая маленькая, а стены такие тонкие, что Дэйна точно услышит. Хорошо бы в буфете завалялась Жвачка или мятные леденцы.

— Готовься к худшему, — сказал Макс, выходя из автобуса.

Он невольно напрягся, когда с Хай-стрит, утыканной магазинами поддержанной одежды, продуктовыми лавками с унылыми овощами, выставленными в ящиках на тротуар, парикмахерскими и забегаловками всех мастей, они вошли в серый квартал Вестмаунт.

— Почему? — Дэйна выглядела совершенно спокойной. Макс знал, что она выросла в похожем месте.

— Тут всякое случается. — Макс инстинктивно наклонил голову и застегнул молнию.

— Ты о чем? — Дэйна рассмеялась.

— Послушай, тут легко нарваться на неприятности.

Он ускорил шаг, входя в бетонный туннель, ведущий внутрь квартала. Пятиэтажные квадратные коробки на две тысячи квартир занимали всю западную окраину Хэрлсдена. Жители называли этот квартал местной тюргой. Макс думал, что они недалеко от истины.

— Какие неприятности? — Дэйна достала из кармана пакет с остатками конфет. — Хочешь?

Макс покачал головой.

— Всекие.

Он не хотел пугать ее рассказами о групповом изнасиловании, случившемся пару недель назад, или грабежах — едва ли не в каждую квартиру хоть раз да залезли воры, — или о машинах, что

полыхают здесь по субботам.

— Да неприятности везде. Я, знаешь, тоже не в раю живу.

Но Макс уже не слушал. Впереди, у лестницы, стояла группа парней. Вроде бы среди них была и девушка, но поручиться Макс не мог. Он хотел повернуть назад, но их уже заметили.

— Э, да это тот тощий ублюдок.

Дэйна собралась было огрызнуться, но Макс толкнул ее:

— Молчи. Нам надо подняться по этой лестнице. Просто опусти глаза.

— Еще чего.

Компания перегородила весь проход. Пахло мочой, марихуаной и потом.

— Извините, — сказала Дэйна и попыталась протиснуться вдоль стены, но один из парней выставил руки. До самых плеч они пестрели сине-зелеными татуировками — роспись гнева и ненависти. — Можно пройти?

— Ладно, — сказал Макс. — Мы можем пойти другой дорогой.

— Что ты нам сегодня принес, козел?

Еще один парень зашел Максу за спину.

— А ты спросил у этой шлюшки разрешения ее трахнуть? — Остальные загоготали. — Знаешь, что у меня в кармане, шоколадка?

Макс ощущал его кислое дыхание, пахнущее сигаретами и пивом.

— У меня тут кое-что, что заставит твою тощую черную задницу сжаться от страха. — Парень ткнул Макса пальцем в живот. — Это моя лестница, ясно? Хочешь пройти — проси разрешения. Понял?

Макс кивнул. Парень сплюнул ему на свитер.

— Хочешь конфетку? — Дэйна просунула пакет между ним и Максом.

Парень ухмыльнулся и забрал весь пакет.

— Запомни, — сказал он, отступая в тень, — настучишь на меня — и мой нож настрогает тебя так быстро, что ты и не заметишь.

Макс смотрел, как они растворяются в темноте туннеля. Все были в капюшонах, кроме девушки, коротенькая юбка едва прикрывала попу. Дэйна уже открыла дверь на лестницу.

— Пошли, — сказала она. — Покажи мне свой дворец.

Макс вздохнул. Неудивительно, что отца никто не навещает. Эти парни — как его личные привратники.

Они прошли по бетонной галерее, пригибаясь под веревками с бельем и переступая через разбросанные там и тут пластиковые игрушки. Макс пытался унять дрожь в ногах. Он вытащил из кармана ключи и отпер дверь. Сердце все еще учащенно билось.

— Тут не очень прибрано, — сказал он, прежде чем посторониться. — И иногда папа забывает помыть посуду.

— Прекрати извиняться. — Дэйна распахнула дверь и вошла. — Где твоя комната?

Макс чуть не сказал, что у него нет своей комнаты, что тут всего одна спальня, отцовская, но он не хотел рисковать. Вдруг Дэйна уйдет, потому что им негде будет потусоваться. К тому же это вызовет новые расспросы.

— Сюда, — сказал он, поворачивая в темный коридор.

— Прикольно, — произнесла она, когда они вошли. — Вещей маловато.

Макс облегченно выдохнул. Очевидно, перед отъездом Фиона навела тут порядок. Когда Макс был помладше, он часто ездил с отцом на разные конференции. Они останавливались в шикарных отелях, и он мог заказывать в номер любую еду, пока отец выступал, делал презентации и восхищал других математиков своими достижениями.

— У твоего отца есть работа? — Дэйна огляделась и села на кровать. — Мой отчим — полный козел и обычно не работает.

— Он математик. Профессор в университете. — Он так обрадовался, что Дэйна поверила ему насчет комнаты, что забыл соврать.

— Кто-кто?.. — недоверчиво протянула Дэйна.

— Ну... он работает на факультете математики. Ничего

особенного. — Макс отвернулся, скрывая смущение, и тоже сел на кровать. Дэйна придвинулась к нему.

— Даже очень особенное, если он профессор. А почему он тогда тут живет? Он же, наверное, богатый? — Дэйна улыбнулась.

Макс подумал, что, улыбаясь, она становится настоящей красавицей. Он хотел все рассказать ей, правда хотел, но к чему это приведет? Лишь к пропасти между ними. *А знаешь что, Дэйна? Моя мать — миллионерша, лауреат кучи премий, телезвезда, а мой отец — всемирно известный математик. Почему каждый из них живет своей странной жизнью в отдельном от меня мире — для меня загадка...*

Он лишь потеряет единственного друга. Она никогда не поймет.

— Да нет. Он просто, типа, уборщик. Папа любит строить из себя невесть что. — Макс откинулся на подушку. От нее пахло отцом.

— А я своего отца даже не вижу. Они с мамой расстались несколько лет назад. Лорелл — моя сводная сестра.

— Хреново, да?

— Ага. — Дэйна тоже легла, но головой в противоположную сторону. — У тебя есть братья или сестры?

— Не-а. Только я. — Макс вытянул руки и нечаянно коснулся ноги Дэйны. Она не вздрогнула, поэтому он не стал убирать руку. — А ты хочешь, Чтобы они снова были вместе, твои родители?

— Ну уж нет, — не раздумывая, ответила Дэйна. — Они бы друг друга поубивали. А ты?

Макс ответил не сразу. Его пальцы нашли колено Дэйны.

— Очень. — Он оставил руку лежать у нее на колене, напуганный собственной дерзостью, и представил себе невозможное: что он, отец и мать снова живут все вместе.

Пятница, 24 апреля 2009 года

Лиа ни на секунду не оставляла Кэрри одну. Даже в ванную отправилась за ней.

— Так много крови. Повсюду. — Лицо Кэрри было прозрачным, казалось, сквозь кожу проступают сосуды, кости. Она сползла с унитаза на пол.

Лиа кинулась к ней:

— Пойдем в постель?

Кэрри кивнула и позволила отвести себя в полутемную спальню. Лиа откинула одеяло, сняла с Кэрри туфли и уложила ее в кровать. Эта женщина, подумала она, приковывает к себе взгляды миллионов зрителей каждую неделю. Она помогла добиться справедливости сотням жертв, которые без ее вмешательства продолжали бы страдать. Она была успешным предпринимателем, зорко следила за рейтингами и рентабельностью шоу. Она неуклонно проверяла, получает ли каждый из ее гостей необходимую психологическую помощь после шоу. И вот эта женщина, твердой рукой правившая собственной жизнью, рассыпается на ее глазах. Лиа укрыла Кэрри одеялом до самого подбородка и села рядом.

Кэрри резко приподнялась. Затуманенный взгляд свидетельствовал, что ей все же удалось заснуть. Лиа так и сидела рядом с ней, размышляя, пытаясь понять, когда же все пошло не так. Да и было ли время, когда все шло правильно.

— Который час?

— Почти пять, — ответила Лиа, посмотрев на часы. — Ты проспала почти час. Не хочешь пить?

— Нет. — Кэрри откинула одеяло и спустила ноги на пол. Поправила блузку, провела руками по волосам. — У меня куча дел.

— Какие дела? Сейчас тебе не нужно ничего делать. А потом тебе поможет Броуди.

— Нет. Сейчас, — ответила Кэрри. Ее голос звучал сухо и решительно.

Кэрри собрала волосы в хвост и перетянула резинкой, лежавшей на комод. Прошла в ванную и побрызгала в лицо холодной водой. Лиа не отставала ни на шаг. Склонившись над раковиной, Кэрри замерла. В зеркало она ни разу не взглянула.

— Мне нужно идти. — Она влезла в джинсы, покопалась в гардеробе и вытащила пару туфель — из парусины, без привычных для нее высоких каблучков.

— Может, не стоит...

Лиа выскочила из спальни вслед за ней. Кэрри почти бежала. Голоса из кухни стали громче.

— Где Дэннис? — повелительно спросила Кэрри, входя туда.

— Он ушел, мисс Кент, — ответила молодая женщина-полицейский. — Мы ответим на все ваши вопросы и будем держать вас в курсе...

— Ясно. Тогда скажите вот что. — Кэрри наклонилась над столом, так что женщине пришлось сделать шаг назад. — Кто был с моим сыном, когда он умер? Дэннис сказал, что есть свидетель. Я хочу знать кто. Имя и адрес.

— Мне очень жаль, мисс Кент, но я не знаю. И даже если бы знала, я не вправе...

Но Кэрри уже вышла из кухни.

— Ты куда, Кэрри? Ты не в себе. — Лиа в ужасе наблюдала, как Кэрри достает ключи от машины из ящика в прихожей.

— Мне нужен Дэннис. Или Броуди, или свидетель... кто угодно. Мне нужно найти того, кто убил моего сына.

Быстро сбежав по внутренней лестнице, ведущей в гараж, Кэрри набрала код. Стальная дверь гаража поползла в сторону. Как только щель стала достаточно широкой, Кэрри устремилась внутрь. Лиа протиснулась за ней.

— Хотя бы позволь мне сесть за руль! Ты не в состоянии вести.

Кэрри уже была в машине.

— Я в полном порядке. — Прозвучало это не слишком убедительно.

— Я еду с тобой. — Лиа села на пассажирское сиденье.

Кэрри пультом открыла автоматические ворота гаража. Лиа сомневалась, что Кэрри помнит, как водить машину. В последние годы она ездила исключительно с шофером или же брала такси.

Лиа зажмурилась, когда машина с диким ревом рванула с места.

— Ради бога, притормози.

Кэрри не удостоила ее вниманием. Набирая скорость, машина неслась по тихой улице Хэмпстеда.

— Куда мы едем?

— К Броуди.

Лиа не узнала ее голос. Словно кто-то вселился в тело подруги и теперь управляет им.

— Ты хоть представляешь, где он живет? — Лиа точно знала, что Кэрри ни разу не бывала у мужа. Более того, Лиа знала, что за последние девять лет Кэрри и Броуди разговаривали друг с другом по телефону ровно три раза — когда болел Макс.

— У меня в телефоне есть адрес.

Ухоженные улицы Хэмпстеда с кондитерскими, дорогими бутиками и модными итальянскими ресторанами остались позади, за окнами мелькали заколоченные витрины, бетонные многоэтажки, заросшие сорняками заправки.

— О господи, — прошептала Лиа. — Ты уверена, что мы правильно едем?

На дороге теперь вместо солидных «рейнджроверов» и БМВ попадались разрисованные «фиесты» и «корсы».

— Ты же всего пару часов назад была в больнице. Почему ты хотя бы не позволишь мне...

— Лиа, хватит!

Кэрри нажала на газ и перестроилась через несколько полос, чтобы успеть на зеленый светофор. Налево она повернула, когда уже зажегся красный, и рванула против движения по односторонней

улице. Через минуту она резко затормозила и разрыдалась, уронив голову на руль.

— Я понятия не имею, куда я еду.

Лиа вышла из машины, открыла водительскую дверцу и помогла Кэрри выбраться. Затем усадила ее на пассажирское сиденье и ввела адрес в навигатор. Через пару минут они развернулись и начали осторожно пробираться по узким улицам в еще более неприглядную часть города.

Руки у Лиа тряслись — не столько от неуверенности, сколько от того, что впервые за двадцать лет дружбы с Кэрри она видела ее слабой.

— Наверное, навигатор ошибся. — Она переключилась на вторую передачу и выглянула в боковое окно. — Вряд ли Броуди здесь живет.

— Это так... так близко... — На Кэрри будто снизошло откровение. — Все это... так близко от того места, где живу я.

— Не понимаю. Это и есть Вестмаунт-роуд. — Лиа кивнула на указатель с названием улицы, почти полностью скрытым граффити. — Неужели Броуди живет в таком месте? — Лиа еще проехала вперед. Казалось, ее неуверенность передалась машине — скорость все падала.

Перед ними словно возник город из другого мира: серый бетон, битые стекла, линялое белье, свешивающееся с балконов, кое-где редкие пятна красного цвета — горшки с цветами на подоконниках — и повсюду граффити, компании неопрятных и просто устрашающего вида подростков.

Лиа поставила машину на ручной тормоз:

— Ближе припарковаться не получится.

Кэрри вышла. Лиа последовала ее примеру. Два долговязых парня в низко надвинутых на глаза шапках и в куртках от спортивных костюмов как из-под земли выросли рядом.

— Приглядеть за тачкой? — Лицо у подростка было костлявое, лоб в прыщах. Глаза холодные.

— Отвали, — спокойно сказала Кэрри, — машина застрахована.

Женщины приблизились к дому номер триста сорок девять. Казалось, посторонним туда вход заказан — дом словно повернулся к миру своей уродливой спиной. Узкий проход между квартирами первого этажа вел во внутренний двор площадью с несколько теннисных кортов. Подруги остановились в центре двора, со всех сторон их окружал серый бетон.

— Никто не станет жить здесь по своей воле, — прошептала Лиа.

— Мой бывший муж живет здесь, — отрезала Кэрри. — И мой сын жил здесь, когда гостил у отца.

Лиа понимала ее гнев. Все складывалось в единую картину: Вестмаунт, шпана, ножи, ее сын. Выбор Броуди. Его вина.

— Я даже не догадывалась, что это за район, — словно в оправдание добавила Кэрри.

Они изучали указатели, размещенные по углам внутреннего двора, чтобы понять, по какой из вонючих лестниц нужно подняться. Почти все указатели были сожжены или разрисованы, но в конце концов им удалось разобраться. Они поднялись на третий этаж, стараясь дышать через рот. По бетонной галерее, переступая через мешки с мусором, велосипеды, огибая маленьких детей, которых выставили из квартир, как нашкодивших щенков, они добрались до нужной двери. Лиа постучала.

— Открыто! — крикнул Броуди.

У него не было сил идти к двери и встречать очередную команду детективов, прибывшую, чтобы покопаться в жизни его сына, перелопатить ее до основания.

Через несколько секунд стало ясно, что это не полиция.

— Кто это? — Броуди прислушался. Принюхался. Напряг все свои чувства. Женщины.

— Ох и ни хрена себе... — тихо произнесла одна из них.

Кэрри Кент, его бывшая жена, стояла в его гостиной и обзревала разруху вокруг. Разруху, которая была домом для него и Макса.

Броуди остался сидеть в кресле. Плевать, что она думает. Только что сбился его худший кошмар — бывшая жена переступила порог его жилища, — но Броуди чувствовал лишь одно — огромное облегчение. И что бы она сейчас ни сказала, какой бы сенсацией и лакомым куском для желтой прессы ни стала смерть единственного сына Кэрри Кент, он знал, что в душе ее царит то же, что и у него. Абсолютная, всепоглощающая пустота.

— Мы не справились. — Ее голос звучал безо всякого выражения.

— Кэрри... — Это была вторая женщина. Подруга. Броуди говорил с ней по телефону раз или два. Он никогда не забывал голоса.

— Что же мы за родители, раз позволили нашему сыну связаться с бандами и... и... — Броуди представил себе, как она оглядывает его квартиру, не находя слов, что с ней бывало редко. Но Кэрри лишь просто спросила: — Почему?

— Почему, — повторил он.

На диван кто-то сел.

— Как это с нами случилось?

— Все это, — прошептал Броуди. Оба понимали, что говорят не только о том, что случилось сегодня.

— Не знаю, смогу ли я жить без него, — сказала Кэрри.

Броуди подумал, что слова и тон больше подходят для какой-нибудь забитой гостьи из ее шоу.

— А с ним ты могла жить? — Он знал, что это жестоко, но сказал то, что думал. Макс нуждался в их помощи, а они его не слышали.

— Броуди...

— Не надо, — оборвал он Лиа. Сейчас не до выяснения отношений. Им обоим сейчас нужно только одно — увидеть, как свершится правосудие. *Увидеть, как свершится правосудие,* с иронией повторил он про себя.

— Мы должны помочь друг другу, — сказала Кэрри.

— Поздновато, тебе не кажется?

— Мы должны быть сейчас вместе, Броуди. С того момента, как появился Макс, мы с тобой связаны. Как бы мы ни отдалились друг от друга.

Смех Броуди прозвучал неуместно.

— Связаны? Отдалились? Да ты вообще понимаешь, о чем говоришь? Ты живешь в этом твоём идеальном мире, который ты вокруг себя возвела. Ты хоть раз задумывалась о том, насколько мы трое действительно далеки друг от друга... или были далеки?

Он вскочил и беспокойно прошелся по комнате. Жаль, что он не может схватить какую-нибудь вазу и швырнуть ее об стену. У него нет ваз.

— Сейчас не время ссориться. Мы должны выяснить, что произошло. Кто сделал это.

— Она права. — Голос Лиа.

— Полиция тебя уже допрашивала? — спросил Броуди.

— Да. А тебя?

— Очень коротко. Думаю, они не знают, с какого конца взяться.

— У них есть свидетель, — сказала Кэрри. — Ты знаешь, кто это?

— Нет. — Броуди остановился. — Я хочу поговорить с ним. Мне нужно с ним поговорить.

Броуди понял, что она пытается сдержать слезы.

— Может, предоставить дело полиции?

Кэрри ответила не сразу — собирается с мыслями, решил Броуди. Не хочет плакать в его присутствии.

— Мы не можем просто сидеть и ждать, — наконец произнесла она.

Броуди представил себе, как его бывшая жена, маленькая, хрупкая, с покрасневшими от слез глазами, сидит на диване, — но тем не менее даже сквозь отчаяние он уловил отголоски былой Кэрри Кент. Той Кэрри Кент, у которой всюду связи, в том числе и в полиции. Да. Он тоже не сможет сидеть и ждать новостей. Если у них и осталось что-то общее, то это потребность докопаться до истины,

будь то в работе или в жизни.

— Макс пару раз приводил сюда девушку. — Броуди сомневался, что Кэрри это известно.

— Девушку? Когда?

— Это началось прошлой осенью. Он мало о ней рассказывал.

— Он называл ее имя?

— Нет. — Броуди ни о чем не спрашивал сына. Просто раза два он чувствовал в спальне незнакомый запах — не духов, а скорее лака для волос, косметики, стирального порошка. Но он хотел, чтобы Макс сам рассказал ему, когда будет готов.

— Мне нужно вернуться в школу, — решила Кэрри.

Человек действия, она просто не могла сидеть сложа руки. Давно, в их прошлой жизни, если что-то шло не так, Кэрри тут же бросалась все исправлять. *Ты стремишься починить вещи до того, как они сломаются*, часто шутил он.

— Ты поедешь со мной? — спросила она.

— Кэрри, может, сегодня уже не стоит? — с сомнением спросила Лиа.

— Поеду, — без колебаний сказал Броуди.

С «мерседесом» за время их отсутствия ничего не произошло. Лиа села за руль, Броуди — на пассажирское сиденье. Кэрри открыла ему дверь, помогла пристегнуться. Она сама удивилась, как естественно это у нее вышло. Ведь после того, как он ослеп, они прожили вместе всего несколько месяцев.

— Говорите, куда ехать, — сказала Лиа.

— Прямо, к железнодорожной станции. Там направо. — Броуди объяснял уверенно, будто точно знал, как стоит машина.

Через пять минут они въезжали на школьную парковку.

Кэрри много раз приходилось вместе со съемочной группой сопровождать семью жертвы к месту преступления. Чаще всего речь шла об автокатастрофе, пьяной потасовке, разбойном нападении или изнасиловании. Оператор знал, что сначала нужен панорамный кадр,

букеты цветов, записки, плюшевые мишки, затем крупные планы родственников. Важно было поймать самый первый момент, голые эмоции, чистое горе. Наблюдать за этим всегда было тяжело. Но ни в какое сравнение не шло с тем, что она увидела сегодня, — кровь ее сына. И она старалась абстрагироваться, притвориться перед собой, будто это очередной репортаж, что это не ее сын умер этим утром. *Этим утром...*

— Извините, дальше нельзя. — Двое полицейских загородили ворота, которые вели с парковки на территорию школы. — Здесь произошел несчастный случай.

— Это мой сын, — прошептала Кэрри. — Несчастный случай с моим сыном. — Они с Лиа держали Броуди под локти с двух сторон. Она чувствовала, что ему неприятна собственная беспомощность. — Это его отец. Нам нужно поговорить с директором.

Полицейские переглянулись, сообразили, кто перед ними, и дружно кивнули.

— Идите за мной. — Один из полицейских повел их внутрь желто-серого здания школы.

Джек Рашен, директор, беседовал с двумя учителями. Обычно к этому времени школа уже затихала, но сегодня здесь допоздна обсуждали, как вести себя в столь кризисной ситуации. Учителя замолчали и уставились на Кэрри.

— Мы родители Макса. Нам нужно поговорить с вами.

— Я собирался связаться с вами, миссис Кент, но я не ожидал увидеть вас сегодня, — пробормотал Рашен, встал и зачем-то представился. Он явно не знал, как себя вести.

Кэрри уже ненавидела его. В конце концов, разве это не его вина, что ее сын мертв? Ведь кто-то же должен быть виноват.

— Я хочу знать, что именно произошло сегодня утром.

— Полиция работает над этим, миссис Кент. Это огромная трагедия, но, поверьте...

— Не вижу причин верить хоть одному вашему слову. Мой сын был обычным школьником, а теперь он... он мертв. — У нее вырвалось рыдание.

— Кэрри, хватит. — Голос Броуди почему-то подействовал на

нее успокаивающе. Хотя ведь в прежние годы его голос всегда так на нее действовал. — Мы хотим знать, с кем он дружил. Мы хотим пригласить его друзей на похороны.

Воцарилась тишина. *Похороны Макса.*

Как Броуди может уже думать о похоронах? Она отогнала эту мысль. Не время. Главное сейчас — свидетель. Конечно, директор не скажет, кто был свидетелем преступления, даже если предположить, что это ему известно. Полиция вряд ли будет делиться подобной информацией, а Рашен, скорее всего, хорошо понимает, что разглашение таких сведений будет стоить ему места. Если он уже его не потерял.

Внезапно заговорил один из учителей. Казалось, он лучше контролирует ситуацию, лучше понимает, что в таких случаях следует сказать, пусть даже его слова были банальны.

— Макса все любили. Мне очень жаль.

Молчание. Все любили, подумала Кэрри. Все любили... Он никогда не приводил друзей домой. По крайней мере, она ни разу не видела. А когда они говорили о школе, он не упоминал никаких имен. Никогда не рассказывал о том, кого выберут в футбольную команду, или кто получил выговор, или кто с кем встречается.

— Все любили... — повторила она.

— Так с кем нам связаться? — спросила Лиа, доставая блокнот и ручку из сумки.

Учитель пожал плечами:

— Думаю, многие захотят прийти. Мы повесим объявление. Когда школа снова откроется.

— Назовите хотя бы его ближайшего друга, — сказал Броуди. — Всего одно имя.

Заминка.

— У нас большая школа. Тяжело назвать кого-то одного.

Иными словами, они не знали.

— А учителя? У него был любимый учитель?

От волны боли Кэрри едва устояла на ногах и ухватилась за его

рукав.

— Тим Локхарт. Учитель английского, — произнес второй учитель скороговоркой, словно выдавал тайну. — Мы с ним приятели. Он недалеко живет. Дэнби-террас, двадцать четыре.

Директор сердито глянул на подчиненного.

— Я бы посоветовал дождаться сведений от полиции и лишь потом говорить с кем-то из сотрудников школы.

— Разумеется, — согласилась Лиа, пряча блокнот. — Пойдемте, — сказала она Кэрри и Броуди.

Все трое вышли из кабинета. Кэрри медленно брела по нескончаемому школьному коридору, чувствуя себя ученицей, которой директор устроил разнос. Что же она сделала не так, что она сделала не так...

Подростки прибыли с родительницами, которые сейчас курили на улице, переругиваясь с дежурным сержантом и грозя подать в суд. Все как обычно. Матери не пожелали присутствовать на допросе, так что парни сидели в комнате одни. Оба выглядели намного моложе своих лет.

— Сколько вам лет, парни? — спросил Дэннис.

— Тринадцать, — хором ответили они. Прозвучало это как «тринац». Закон они знали, с этим не поспоришь.

— Ну да, а мне тогда двадцать один.

Они пожали плечами. Один начал ковырять прыщ на лбу, волосы у него были грязные. Другой тер глаза.

— Мы арестованы?

— Вы знаете, что нет. Я вам уже это сказал. — Дэннис взглянул на Джесс. Для человека, не покидавшего службу уже восемнадцать часов, выглядела она хорошо. — Мы хотим задать вам несколько вопросов. Надеемся на вашу помощь. Потом можете идти.

Парни обменялись ухмылками.

— Я назову ваши имена. Вам нужно их подтвердить. Просто скажите «да». Блэйк Сэммс и Оуэн Дрисколл.

— Ага, — ответили оба.

— Вы знаете человека по имени Макс Квинелл?

— Без понятия, — ответил Дрисколл. — Может, да, может, нет. — Он усмехнулся, показав желтые зубы.

— Он был убит ножом сегодня утром. — Мастерс взглянул на часы, чтобы удостовериться, что это действительно произошло еще сегодня.

— Ага, — сказал Сэммс. Видно, сообразительностью он не отличался.

— Так вы знаете Макса Квинелла?

— Ну так.

— Вы знаете, кто это сделал?

Пацаны замотали головой.

— Макс был членом банды?

Дрисколл рассмеялся.

— Ага, щас.

— Нет? Почему ты так решил?

— Да без понятия.

Ясно, у Дрисколла все будет «без понятия». Дэннису все это порядком надоело. Такими темпами допрос мог продолжаться бесконечно.

— Так, Оуэн, ты со мной. Блэйк, ты остаешься тут с детективом Бриттон.

Дэннис увел Дрисколла в другую комнату, усадил подростка на стул, сам остался стоять.

— Где ты был сегодня утром между десятью и одиннадцатью?

Дрисколл пожал плечами, нахмурился, посмотрел на потолок.

— В школе.

— Какой был урок?

Парень скривился:

— А я помню? Ну, типа, биология, химия.

— Но ты точно был в школе?

— Ну да. Конечно. Я же послушный. — Он ухмыльнулся. — Спросите Уоррена Лэйна. Он мой кореш.

Дэннис кивнул и, оставив парня с дежурным, вернулся к Сэммсу и задал тот же вопрос.

Сэммс понурил голову.

— Мы с Оуэном прогуляли школу.

— Значит, тебя и Оуэна Дрисколла сегодня утром в школе не было? А что там с этим третьим парнем, Уорреном?

— Ага. Мы тут... зашли в один магазин.

— И провели там все утро?

— Ага.

— Засунь-ка их в камеру на часик, — шепнул Дэннис Джесс и предостерегающе сжал ее руку, увидев, что она приготовилась возразить.

Джесс промолчала.

Осень 2008 года

Он не мог точно сказать, сколько времени они лежали на кровати. Час, два, четыре, десять? А может, всего минуту? Но этого хватило, чтобы перед мысленным взором пронеслось все его детство. Лежать рядом с ней было очень приятно. Может, он влюблен?

Макс смотрел в испещренный пятнами потолок спальни и вспоминал. Каждая из полустертых картинок была так драгоценна, будто сделана из тончайшего хрусталя или чистейшего шелка.

У него тогда были другие родители. Отец — моложе. Моложе по той силе, которая позволяла ему с легкостью поднять Макса под самый потолок. Он любил, когда отец щекотал его, а потом перекидывал через плечо и нес в сад играть в футбол.

А теперь — теперь его сильные руки в основном держали сигареты или ощупывали стену на пути в ванную или кухню. Еще, если Макс приходил к отцу на работу, он видел, как отец бешено жестикулировал этими руками, споря с коллегами или Фионой.

Вспомнить, какой была в те дни мать, было сложнее. Возможно, потому, что из них двоих она изменилась больше, хотя это ведь отец ослеп.

Он никогда не думал, что ее руки дают чувство защищенности, или могут развеселить его, или испугать. Она никогда его не шлепала, но нельзя сказать, чтобы она часто обнимала его, или играла с ним, или... Она кормила, купала и одевала его. Давала ему все необходимое. Конечно, она им не пренебрегала, этого бы никто не мог сказать. Их дом был уютным и гостеприимным, мать была радушной и веселой хозяйкой, у нее все шло по заведенному порядку.

— А у тебя дома бывают... ну, ссоры? — спросил Макс. Руке, которая все еще лежала на колене Дэйны, стало жарко.

Она рассмеялась.

— Спроси лучше, когда их не бывает. Да такого времени просто нет. Разве что когда Кев напивается и засыпает, а мама уходит играть в бинго. Тогда мы с Лорелл играем или я ей читаю. Вот это

настоящий покой.

— Знаешь, покоя тоже может быть слишком много. Когда все...

— Слишком хорошо? — закончила она.

— Нет... даже не хорошо. — Макс задумался. — Слишком идеально.

Дэйна удивленно хмыкнула. Она не понимала, о чем он говорит. А он говорил о матери. О своей идеальной матери.

Он поклялся, что никогда их не познакомит.

— Мне нужно идти. — Дэйна села.

Рука Макса соскользнула с ее колена. Пальцы покалывало, тепло волнами поднималось к груди. Макс подумал о том, что сейчас, рядом с ней, он пережил пусть и короткий, но по-настоящему идеальный момент.

Макс не захотел оставаться в квартире отца. К счастью, на обратной дороге они не встретили тех подростков, а Дэйна ничего не сказала о дыре, в которой живет его отец. Возможно, у нее дома было не лучше. Макс признавал, что, приглашая сюда Дэйну, он брал на себя ответственность за ее безопасность. Если они еще когда-нибудь здесь окажутся, он обязан показать, что он настоящий мужчина. Да, в следующий раз он будет готов.

Выйдя за пределы Вестмаунта, они расстались. Дэйна пошла по направлению к школе, неподалеку от которой жила, а Макс сказал, что встречается с друзьями. Вот только никаких друзей у него не было. Просто он не хотел, чтобы она знала, куда он направляется. А направлялся он домой, в Хэмпстед. В дом стоимостью восемь миллионов фунтов.

Макс быстро шагал, сунув руки в карманы и не отрывая взгляда от носков кроссовок. В Дэннингеме, его прошлой школе, все отлично знали, кто его мать: шоу Кэрри Кент смотрели миллионы, о ней регулярно писали гляцевые журналы. Она была знаменита, как Опра, и одиозна, как Джерри Спрингер. С другой стороны, родители прочих учеников Дэннингема были миллионерами, лордами, иностранными принцами. Если бы его мать не была знаменитой, он все равно выделялся бы — но тогда уже своей обычностью.

Охранная система в доме была трехуровневой. Сначала — распознающие лица камеры. Затем решетка с кодовым замком. Если ввести код неверно трижды, приезжала полиция. Затем вторая дверь, тоже с кодом. Пройдя через нее, он крикнул: «Я дома!» Потом повторил это еще раз, в холле. Он никогда не знал, застанет ли кого-нибудь. Матери чаще всего не было, и его встречала прислуга. Или охранники, или домработница.

— Привет, — услышал он с другого конца огромного, облицованного мрамором холла. Марта. — Я приготовила тебе еду, солнышко. Твоя мама уехала в Чарлбери. Вернется в воскресенье.

Макс прошел на кухню. В этом громадном помещении он чувствовал себя муравьем. Мать снесла заднюю стену и заменила ее стеклом. Это зрительно увеличивало пространство раз в двадцать. Все было белым — аж глаза болели.

— Спасибо. — Макс сел за стол, и Марта тут же поставила перед ним тарелку.

Неужели она весь день ждала, пока он вернется домой? Ему нравилось думать, что так оно и есть. Пожалуй, с Мартой он разговаривал чаще, чем с собственной матерью. Он ел с жадностью, чтобы показать, как вкусно она стряпает. Он любил Марту. Она всегда была добра к нему.

Чарлбери. Он не был там с Нового года, когда мать закатила коктейльную вечеринку. Он тогда напился и блевал в каменную вазу. Он знал, что очень разочаровал и подвел мать. Она предоставила прислуге с ним разбираться. Велела увести его и запереть в одной из дальних спален, чтобы он больше не позорил ее перед гостями.

— Объединение. Спасибо, Марта.

Она радостно улыбнулась. Жаль, что Марта не его мать. Эта неожиданная мысль застала его врасплох, но в то же время от нее почему-то сделалось тепло.

— Ты давно видел своего гениального папу? — Марта вытерла руки. Кухня сияла чистотой.

— Он тоже уехал, — ответил Макс. — Конференция. Похоже, я сирота. — Он ухмыльнулся.

— Ну, я пробуду тут до семи. Крикни, если тебе что-то понадобится, дорогой.

Макс подумал, что, выходя из кухни, Марта погладит его по голове, но она этого не сделала. Он нажал кнопку на пульте. В стене открылась панель, за которой прятался телевизор. Телефонный конкурс. «Сколько дней в неделе? Ваш шанс выиграть пять тысяч фунтов наличными. А) Один. Б) Семь. В) Триста шестьдесят пять».

Во рту у Макса пересохло, руки вспотели, сердце заколотилось. Он тут же набрал номер и прослушал длинное сообщение. Когда оно закончилось, он назвал свое имя, адрес и правильный ответ. Затем проделал это еще с десятков раз. Быстро доев обед, он оставил тарелку рядом со сверкающей белой раковиной и вышел из кухни. По сравнению с окружавшей его белизной он чувствовал себя грязным. И еще он почему-то чувствовал, что в этот раз не выиграет.

Максу отчаянно хотелось снова увидеть Дэйну. Он не мог забыть того ощущения близости, которое испытал, прикасаясь к ее ноге через ткань джинсов. И еще он не мог выбить из головы мысль, что, возможно, он и впрямь ей нравится. Он перебирал в памяти подробности их встреч: пикник, свидание в хижине, как он сделал ей подарок у школы, их поход в кино и то время, что они провели, лежа на кровати его отца. Не так уж мало.

Он ни с кем не разговаривал с тех пор, как вчера ушла Марта. С утра лил дождь. Прихватив еду, Макс отправился в гостиную, где мать принимала своих гостей и устраивала коктейли. Он плюхнулся в дорожное кресло, на обивку упало несколько капель шоколадного молока, и Макс быстро размазал их рукавом банного халата.

До чего же скучная комната. Ни телевизора, ни книг. Он принялся разглядывать картины, которые выбирала мать. Огромные абстрактные полотна, словно пульсирующие яркими красками, висели в каждом углу и каждой нише. Интересно, что они изображают? Может быть, обнаженное тело? На самом большом полотне, над камином, ярко-голубой и шоколадный цвета резко контрастировали друг с другом и представляли собой... неизвестно что. Макс знал, сколько стоили все эти картины. И он совершенно не понимал мать.

Он вернулся на кухню, открыл холодильник. Ничего вкусного. Салаты, разное мясо, завернутое в вощеную бумагу, сыры, какие-то паштеты, рыба, фрукты. Здорово было бы съесть сейчас пирог с мясом или сосиски с картошкой.

Макс достал телефон из кармана халата.

Хочешь встретиться?

Ответ пришел через пару секунд.

Да. Где?

Закусочная около школы.

ОК. X

X означает поцелуй. *Поцелуй.* Это сообщение он ни за что не удалит. Макс кинулся к себе и быстро натянул джинсы, футболку и свитер на молнии. Почистил зубы, пригладил волосы с помощью геля, прыщ на подбородке решил не трогать и, перепрыгивая через ступеньку, спустился обратно на кухню.

У него кружилась голова, как будто сегодняшний день должен был стать лучшим в его жизни.

Они поедят жареной картошки, возможно, спустятся к ручью и станут смотреть на проезжающие поезда. Потом он предложит пойти в хижину, они сядут вместе в автомобильное кресло, их плечи будут соприкасаться, а потом... Он так отчаянно хотел поцеловать Дэйну, что у него заныло в груди.

Он был так поглощен этими мыслями, своим волнением, желанием, страхом все испортить, сказать что-нибудь не то, что сам не заметил, как открыл шкаф в кухне. Впрочем, он не удивился, поймав себя на том, что любит деревянную панелью с ровными прорезями, в которые были вставлены десять ножей самого лучшего качества. Мать покупала только лучшее.

Возьму самый маленький, подумал он. Если что, пригодится для разрезания коробок с призами.

Он провел пальцами по рукоятке каждого ножа. Сердце забилось

быстрее, как будто он играл на некоем смертельном музыкальном инструменте.

Вот этот.

Он вытащил нож из прорези.

Провел большим пальцем по лезвию. Такой острый, черт возьми.

Он бедром толкнул дверцу шкафа, чтобы она закрылась, а сам все не отрывал взгляда от пятнадцати сантиметров сверкающей стали. Он уже чувствовал себя лучше. Защищенное.

Макс положил нож в застегивающийся на молнию карман коричневой кожаной сумки и вышел из дома. Он не мальчик, а настоящий мужчина.

Пятница и суббота, 24 и 25 апреля 2009 года

Дэннис Мастерс снова свел парней в одной комнате. Паршивцы сидели за столом, пиная друг друга и переругиваясь. Наверное, считают, что выглядят от этого более крутыми. В действительности же даже не дашь их пятнадцати-шестнадцати лет.

— Ну что, припомнили что-нибудь интересное? — На часах десять сорок. Его смена закончилась три часа назад. Хотя он так и не был дома с окончания предыдущей. Или еще раньше? Он сбился со счета. — Например, кто убил Макса Квинелла?

Подростки молчали.

— Но вы же там были, верно?

— Не-а.

— А что, если я говорил кое с кем, кто может подтвердить, что вы там были? — Дэннис хотел узнать побольше об Уоррене Лэйне.

Переглянувшись, мальчишки дружно пожали плечами. Именно из-за таких вот переглядываний Мастерс и решил допрашивать их вместе.

— Это неправда, — сказал Дрисколл сквозь зубы.

— Даже если мой свидетель готов дать показания в суде?

— Ага, — сказал Сэммс, которому придала духу смелость товарища. — Мы, блин, никого не трогали.

— А если мой свидетель — Уоррен? — Мастер в упор посмотрел на Оуэна.

Парень побледнел и опустил глаза.

— Если он чего и сказал, то он, сука, врет. Ни хрена он не знает.

— Вы являетесь членами банды? — спросил Мастерс.

— Да все сейчас в бандах, — ответил Оуэн Дрисколл. — А иначе, понимаете... — он чиркнул пальцем по горлу, — кранты

иначе.

Мастерс кивнул.

— Как называется ваша банда?

Парни снова переглянулись.

— Чем скорее вы мне скажете, тем скорее выйдете отсюда.

— У нас есть права вообще-то. — Сэммс пнул ножку стола. Посыпалась краска.

— Правда, что ли? — удивился Мастерс и повернулся к Джесс: — Еще час в камере, детектив. — Он направился к двери.

— Подождите... — Дрисколл вскочил. — «Бегущие по лезвию». Вот как мы называемся. Но мы никого не трогаем, ясно?

Мастерс развернулся и быстро подошел к столу.

— Сядь, живо. — Он опустил на стул напротив парней. — «Бегущие по лезвию», значит. И у вас у всех есть ножи, да?

Парни окаменели. Другого ответа и не требовалось. Разумеется, их обыскали, когда привезли, но при себе они ножей не держали. У них, конечно, было достаточно времени, чтобы выбросить оружие или спрятать его дома, прежде чем их увезли в участок. Он вспомнил, как в прошлом году по его рекомендации провели амнистию. В полицейские участки принесли тысячу триста ножей. Он тогда копался в куче смертоносного металла палкой от швабры. Вероятно, часть этого оружия к моменту амнистии уже успела побывать в деле.

— Зачем? Зачем вам ножи? — Конечно, он знал ответ, но не мог понять его.

Сэммс и Дрисколл посмотрели сначала друг на друга, потом на Мастерса.

— Потому что без них мы трупы, — сказал Дрисколл. — Вот и все.

Было очень поздно, но Мастерс решил позвонить Кэрри. Он до сих пор не мог поверить, что ее сын мертв. Он не был знаком с мальчиком, да и его отца сегодня увидел впервые. Он пару раз оставался ночевать у Кэрри, но она выпроваживала его либо до, либо после того, как Макс уходил в школу. Теперь его мучило странное

чувство вины. Как будто он вторгся в чужую семью, когда позволил страсти втянуть себя в короткий и бурный роман с одной из самых знаменитых женщин Англии. Хорошо хотя бы, что эта неудачная любовная история не помешала ему и Кэрри продолжить сотрудничество.

Телефонный звонок заставил его вздрогнуть от неожиданности. Обработаны материалы с уличных камер наблюдения, и ему стоит взглянуть на записи.

— Сейчас спущусь.

Мастерс уже давно толком ничего не ел и не мог вспомнить, когда в последний раз спал. Он остановился у кофейного автомата в коридоре, сунул деньги, нажал кнопки, но машина не сработала. Пнув ее от души, он пошел дальше.

Двое детективов отсматривали записи с камер, установленных вокруг школы.

Мониторы слабо освещали темную комнату.

— Что-то есть? — Мастерс придвинул себе стул.

— Вроде того, — ответила Деб Карри. Она перемотала запись назад и пустила на замедленной скорости. В правом нижнем углу кадра было указано время: 10:34, 24 апреля 2009 года. То есть сегодня утром. Или уже вчера, подумал Мастерс. — Видите? Пять подростков бегут по направлению от школы сразу после убийства. Они засветились на всех камерах от Боттл-роуд до Эктон-лейн. Я их отследила до самого вокзала Хэрлсден.

Дэннис наклонился к экрану, чтобы получше рассмотреть. Все в капюшонах.

— Лица есть?

Подростки бежали очень быстро, даже при замедленном воспроизведении их фигуры были размыты.

— Нет. По крайней мере, четко не видно ни одного. Я отправила несколько кадров экспертам, может, что и получим. И запросила материалы с камер наблюдения на вокзале, но их доставят только завтра.

Мастерс кивнул.

— Вот эта куртка, с белыми полосками на рукавах... Я только что познакомился с ней довольно близко. Пусть кто-нибудь узнает, где такие продают и много ли их в районе. Идентифицировать этих парней — лишь полдела, надо еще доказать, что они имеют какое-то отношение к убийству Макса.

Лег Мастерс в три часа утра, но через пять минут снова вскочил и заходил по комнате. Сна ни в одном глазу. Он раздумывал, спит ли она и можно ли ей позвонить? Лежит ли она одна в своей кровати, рыдая, или плачет в объятиях кого-то близкого? А может, крадется по лондонским улицам, зажав в кулаке нож, готовая собственными руками вершить правосудие.

Нет, скорее всего, решил он, Кэрри сидит одна, уставившись в стену. В руке у нее стакан воды. Иногда она делает глоток. Она ничего не ела со вчерашнего утра. Со стороны кажется, что она спокойна и полностью контролирует себя, однако в голове у нее бушует хаос из безумных мыслей, обвинений, раскаяния. Конечно, она думает и о возмездии. Дэннис Мастерс хорошо знал Кэрри и был уверен: она не успокоится, пока не найдет того, кто убил ее сына.

«Моя жизнь идеальна, — сказала она ему однажды, когда они лежали в постели. — Я сама сделала ее такой. И никому не позволю ничего в ней нарушить».

Кэрри держала в руке стакан воды и изредка делала глоток. Была глубокая ночь. Несколько часов назад она настояла на том, чтобы все ушли. Когда рядом находились люди — Лиа, полиция, Броуди, а потом еще и эта женщина, Фиона, — все было слишком настоящим, слишком больно, слишком невыносимо.

Оставшись одна, она придумала собственную реальность. Сначала она вообразила, что проснулась от того, что у нее скрутило живот, — и это чистая правда, все ее внутренности словно сжали в кулак, — поэтому она приняла таблетку и теперь сидит у окна, наслаждаясь прохладным ночным воздухом. Затем она представила себя маленькой девочкой, которая не может заснуть от волнения в ночь перед Рождеством.

Следующая ложь, которую она придумала, была связана с Броуди. Вот она ждет его возвращения после недельной конференции

в Штатах и не может уснуть, зная, что скоро он, такой красивый, ухоженный, подтянутый, теплый, будет лежать рядом с ней. И даже если они не займутся любовью, потому что он вернется уставшим, они прижмутся друг к другу, обнимутся и станут думать о том, как им повезло, что они вместе, что у них есть Макс, прекрасный дом, хорошая работа. И разве их жизнь не идеальна?

Кэрри вдруг затрясло.

Макса убили. Ее сына убили.

Нет ничего идеального. И никогда не было.

Когда она открыла глаза, было светло. Шея затекла, все тело ныло. Она все-таки заснула прямо в кресле. Потом она вспомнила.

В кухне она очистила банан. Взглянула на часы. Шесть пятьдесят. Обычно к этому времени она уже успевала провести двадцать минут на беговой дорожке, принять душ, выпить кофе, съесть фрукты, тост — или что там приготовила Марта — и сесть за компьютер, чтобы проверить почту и подготовиться к шоу... таким было ее вчерашнее утро. Но все вышло из-под контроля.

— Почему?! — крикнула она, швырнув остаток банана в стену.

Лорейн Пламмер. Ее сына ударили ножом на улице, когда тот пытался помочь пожилому человеку, которого только что ограбили. Кэрри помнила, что она тогда подумала: «Мне так повезло, а вам нет». Она всегда мысленно старалась провести границу между своей жизнью и жизнью героев шоу. Но разве есть что-то плохое в том, чтобы радоваться своему благополучию?

Звук открывающейся двери. Кто это? Броуди вернулся с работы... или Макс из школы?

Черт.

— Ох, дорогая, — слышался взволнованный голос Марты в холле. Она вошла в кухню, протянула руки: — Дорогая моя, я только что узнала. Передали в новостях по радио. Мне до этого никто не сообщил.

Расстояние, которое всегда существовало между двумя женщинами, исчезло: Марта преодолела его, обняв Кэрри за плечи. Какие, оказывается, сильные у нее руки. Как ей *хорошо* в этих руках.

— Не надо... — сказала Кэрри, хотя на самом деле она хотела лишь одного: чтобы Марта обняла ее покрепче и не отпускала, пока не утихнет боль.

Марта тут же отступила:

— Прости. Просто я подумала...

— Я знаю. Я знаю. — Кэрри выдвинула табурет и села.

Марта засуетилась, налила воду в чайник, включила, достала чашки. И не переставая качала головой.

— Уже известно, кто это сделал?

— Пока нет. — Она не сможет жить, если убийц не найдут.

— Я тоже потеряла сына. — Голос Марты звучал так, как будто для того, чтобы произнести эти слова, ей понадобилось все ее мужество, как будто боль подтачивала ее изнутри все эти годы.

Кэрри молча смотрела на нее. Говорить сил не было.

— Мой мальчик родился мертвым. Это было много лет назад. Он был со мной только те девять месяцев, что я его носила. Он родился с открытыми глазами. Так что сначала нам показалось, что все хорошо. — Марта почти рассмеялась. — Он все время пинался, все эти месяцы. А потом... ничего.

Две женщины, которых разделяла разница в возрасте, состоянии, внешности, положении в обществе, были теперь связаны общей болью. Кэрри никогда не думала, что Марта пережила такую потерю. Она ощутила сострадание, но лишь на секунду, а потом ее снова захлестнуло бесчувственное отчаяние.

Марта обошла стол и взяла руки Кэрри в свои.

— И не вздумай плакать одна. Я здесь, поняла? Я перееду. Макс был хорошим мальчиком. Очень добрым. Он бы хотел, чтобы я была сейчас с тобой. Макс любил, когда я бывала дома.

— Любил?

— Конечно. Иногда тут было так пусто и одиноко, и я видела, как он радуется. Радует, когда, возвращаясь домой, видит меня на кухне.

Господи. Как же перенести чувство вины?

— Меня вечно не было рядом, даже когда я была нужна ему.

— Ты хорошая мать.

Обе понимали, что на самом деле Кэрри не была хорошей матерью, но сейчас лучше притвориться, что это не так.

— Я приготовлю тебе чаю.

Кэрри кивнула. Зазвонил ее мобильный.

— Дэннис, — сказала она в трубку. — Нет, я не спала.

Она поставила босые ноги на перекладину табурета. В ее мозгу пронеслась мысль, что она сделала педикюр, когда Макс был еще жив, что ногти покрасили в розовый цвет, когда ее сын еще дышал.

— Правда? Ты их арестовал? Почему нет? — Кэрри выпрямилась. — Нет, как ни странно, я не знаю, чем займусь, детектив! Что предложите?

Небольшой отпуск, а может, недельку в спа-отеле? А может, лучше просто на работу вернуться и забыть обо всем? — Она задохнулась от гнева. Мастерс что-то ответил. — Просто поймай убийцу моего сына, Дэннис. — Кэрри выругалась в трубку, затем с силой швырнула ее на стол.

Весь следующий час она плакала.

Марта настояла на том, чтобы Кэрри переоделась. Принять душ сил не было, но чистая блузка, удобные льняные брюки и мягкий свитер позволили ей хоть на несколько секунд вспомнить, каково это — жить нормальной жизнью. Той жизнью, которая теперь казалась чем-то недостижимым.

— А теперь, дорогая, съешь вот это. — Марта придвинула к Кэрри тарелку с яичницей и тостом. Кэрри уставилась на еду, будто она была отравлена. — Ты ведь понимаешь, что тебе нужны силы, Да? — У локтя возникла чашка с чаем. Марта решительно добавила туда сахар.

Обычно Кэрри не пила сладкий чай. А сейчас ей вдруг стало стыдно от того, что она не замечала, как добра Марта.

Спасибо. — Она начала есть, преодолевая тошноту.

— Что они говорят? Что они делают?

— Вчера они допросили двух мальчиков в участке.

— Это хорошо.

— Но они их отпустили. — Кэрри вонзила ногти в ладони. Боль была как наслаждение. — Они поймали их, а потом отпустили.

— Но, дорогая, может, это были не те мальчики. Может, они просто знают что-то важное, а? — Марта хотела накрыть ладонь Кэрри, но та отдернула руку.

— Еще они нашли запись. Группа парней бежит от школы. Их зафиксировала камера наблюдения. Сейчас они пытаются обработать изображение, чтобы получить лица.

— Ну что ж, это уже кое-что. Видишь, сколько они уже знают. Скоро они их поймают. Полиция сейчас так хорошо работает.

Кэрри кивнула, вспоминая все те истории об ошибках следствия, которые Дэннис рассказывал ей в неформальной обстановке. Чаще всего — после секса.

— Я должна поговорить с этим учителем. По английскому.

Кэрри встала, принесла сумку и ключи. Нужно приниматься за дело. Она не верила, что Дэннис и его команда доберутся до самой сути дела — до эмоций, причин, повода. Вот что, считала она, в конечном итоге приведет их к убийце Макса. Это ее стихия, то, чем она занималась каждую неделю. Только она могла это сделать.

— Марта, я бы хотела, чтобы вы остались здесь. — Она слабо улыбнулась. — И Макс бы этого хотел.

— Тогда я съезжу домой за вещами. — Марта встала и собрала со стола посуду. — Будь осторожна, дорогая.

Дэнби-террас был ничем не примечательным районом. Красные кирпичные дома вдоль кривой улочки спускались к железной дороге. И все же это место выглядело намного более ухоженным, чем улицы, окружавшие школу, которую выбрал для себя ее сын.

Припарковаться было негде, так что она бросила машину в запрещенном месте. Пусть штрафуют. Пахло кебабом и острым соусом. Кэрри замутило еще больше. Ей казалось, что она никогда не избавится от этого чувства. Адреналин, чай, гнев — все заставляло ее

желудок болезненно сжиматься.

Она позвонила в дверь дома двадцать четыре. Долго не открывали, и она уже хотела позвонить снова, как на пороге появилась молодая женщина. Короткое домашнее платье, вытравленные перекистью волосы спутаны.

— Слушаю вас.

— Тим дома? — спросила Кэрри. — Тим Локхарт?

— А что вам угодно? — Голос был неприветливый. Очевидно, женщина не любила, когда в ее дом вторгаются посторонние. Поджав губы, она пристально оглядела Кэрри с головы до ног, словно узнавая, потом недоверчиво покачала головой.

— Я мама одного мальчика, которого он учит. Учил. — Кэрри не улыбнулась. Не могла себя заставить.

— Входите. — Женщина оставила Кэрри ждать в холле, а сама пошла наверх. Через минуту спустился мужчина. Лицо у него было заспанное, волосы торчали в разные стороны.

— Мистер Локхарт?

— Да. Чем могу помочь?

— Я мать Макса Квинелла.

Лицо мистера Локхарта внезапно стало каким-то пустым. Видимо, он считал, что именно такое выражение приличествует в обществе матери, только что потерявшей сына. Он сглотнул, затем резко выдохнул и с размаху опустился на коричневую софу, жестом пригласив Кэрри последовать его примеру.

— Мне так жаль, миссис Квинелл.

Кэрри не стала поправлять его. Только подумала, что всякий раз, как кто-то будет говорить ей, что ему жаль, комок боли в ее груди будет становиться все больше, больше, пока она наконец не задохнется.

— Я хочу поговорить с вами о Максе.

— Конечно. — Тим наклонился вперед. — Я вчера был на больничном, но вечером мне позвонил директор. — Он покашлял, как будто в доказательство того, что болен. — И конечно, это было в новостях.

Мимо двери прошла женщина, открывшая Кэрри дверь. Она уже успела одеться и явно желала узнать, что происходит.

— Я не смотрела. — Кэрри видела журналистов под своими окнами. Они, очевидно, ждали от нее заявления или хотя бы возможности заснять через окно рыдающую телезвезду. Лиа ответила на несколько вопросов. Дэннис закрыл все шторы и жалюзи и велел их не открывать. — Я плохо помню вчерашний день. — Она попыталась сосредоточиться. — Каким был Макс на уроках, мистер Локхарт?

Мистер Локхарт выпрямился, как будто они были в школе и он вызвал Кэрри, чтобы сообщить ей о плохих отметках ее сына.

— Он мог бы быть одним из лучших моих учеников. Макс всерьез интересовался литературой. Но...

— Но? — спросила Кэрри.

— Но он часто пропускал уроки. В этом году ведь предстоят экзамены, так что...

— Он пропускал уроки? — Кэрри была поражена. — Почему я об этом ничего не знала?

— Этими вопросами занимается директор, миссис Квинелл.

Кэрри старалась не терять нить разговора, хотя каждый вдох разрывал грудь, звук резал язык.

— Почему он пропускал уроки? Чем он занимался? Я хочу сказать...

— Да многие школьники считают, что тусоваться в парке и магазинах куда веселее, чем сидеть на уроках. Они там курят, едят всякую дрянь, балуются наркотиками.

Говорил учитель непринужденно. Он еще совсем молод — около тридцати, решила Кэрри, поэтому не забыл время, когда сам занимался тем, что перечислил только что.

— Послушайте, — продолжал мистер Локхарт, — я знаю, что он недавно поступил в нашу школу, и знаю, что ему было нелегко вписаться в новую компанию, но если это вас утешит, я скажу вам, что он все же был не совсем один. Я часто видел его с девочкой. Они вместе ходили на английский. Это еще одна светлая голова. Она пыталась уговорить его не пропускать уроки, делать домашние

задания.

— Как ее зовут?

— Вообще-то обычно я не сообщаю имена учеников...

— А вы думаете, я обычно прихожу домой к учителям, чтобы обсудить успехи моего умершего сына? — Кэрри привстала, впившись в Локхарта взглядом. На секунду в ней проснулась Кэрри Кент, известная всей стране.

Локхарт кивнул и поплотнее запахнул халат на груди.

— Дэйна Рэй. Она живет где-то в районе Горс-Вэйл. Если хотите наведаться туда, советую взять провожатого.

— Спасибо. — Кэрри направилась к двери. Ей нужен свежий воздух. В этом доме так душно.

— Подождите. — Учитель встал и прошел через стеклянную матовую дверь в столовую. Стол был завален книгами и бумагами. Он перебрал стопку листов, исписанных от руки, выбрал два. — Я хочу отдать вам это. Последнее сочинение Макса. Мы проходили «Ромео и Джульетту». Я поставил ему высший балл. Его мысли... они очень глубокие и в то же время внушают беспокойство.

Кэрри взяла листки. На миг закрыла глаза, кивнула и быстро вышла. Она знала, что должно пройти время, прежде чем она сможет это прочесть.

Горс-Вэйл буквально кишел хулиганского вида мелюзгой на мотоциклах и скутерах, большинству было не больше десяти. Их матери, без сомнения, с сигаретой и пивом сидели перед телевизорами. Кэрри остановилась.

— Зачем ты это делаешь? — Голос Броуди звучал устало. Полчаса назад она заехала за ним и настояла, чтобы он поехал с ней поговорить с подругой Макса. Он отказывался, твердил, что это бессмысленно, — хотя вчера утверждал обратное. Заявил, что лучший способ справиться с болью для него — просто лежать и курить. Больше он ни на что не способен.

— Я не могу ничего не делать, — сказала Кэрри. Они шли рука об руку. — В жизни Макса было что-то, о чем я даже не подозревала.

— И тебе станет легче, если ты узнаешь сейчас? Если найдешь эту девочку?

— Если бы ты мог видеть это место, ты бы понял, что я имею в виду.

Броуди вырвал руку.

— Наверняка выглядит нормально.

— Очень похоже на ту помойку, где ты сам живешь. — Кэрри снова двинулась вперед. Она знала, что Броуди будет следовать за звуком ее шагов. — Только у тебя, в отличие от этих людей, есть выбор.

Теперь остановился Броуди.

— Ты просто не можешь смириться, да?

Галдящие рядом дети замолкли и уставились на них.

— С чем?

— С тем, что твой бывший муж живет в плохом районе. Что отец твоего сына живет в помойке.

— Глупости. — Кэрри потянула его за рукав.

— Признай.

— Тут нечего признавать.

— Признай, что тебя просто убивает, что я живу в таком месте.

Она не хотела начинать этот разговор сейчас. И вообще никогда. Но Броуди не трогался с места. Кэрри вздохнула. У нее не было сил. В обычное время она ни за что бы не уступила, но обычное время закончилось.

— Так вот зачем ты это сделал? Ты столько лет живешь в этом месте, просто чтобы позлить меня? — Она рассмеялась. — Да ты родился слепцом, Броуди Квинелл.

Конечно, он прав — ее злило, что он живет в таком месте, и еще больше злило, что там немало времени проводил и Макс. Броуди схватил ее за запястье, дернул к себе, приблизил свое лицо к ее лицу.

— Нет, Кэрри Кент, это ты — единственный слепой человек, которого я знаю. Всю жизнь правда находилась прямо у тебя под носом, но тебе не доставало ума ее увидеть. — Гнев в голосе сменился

отчаянием. — В жизни нет ничего идеального. Ничего! И ты, хоть это может тебя и удивить, ничем не лучше остальных людей.

Кэрри закрыла глаза. Она не желала видеть правду.

Осень 2008 года

Дэйна как раз думала о нем, когда получила эсэмэску. Вот чокнутый, улыбнулась она. Хочет встретиться у этой тошниловки.

Она убрала книги, засунула сочинение в папку и прокралась через коридор в ванную. Кев спал. Если она его разбудит, ей здорово достанется. Она включила воду тоненькой струйкой. Посмотрела в зеркало. Подводка размазалась, так что она намочила палец и потерла под глазами. Теперь выглядело так, будто она плакала. Она взбила руками волосы, жалея о том, что не может позволить себе сходить в парикмахерскую, хотя бы в ту, на углу. Или на худой конец купить краску для волос.

В прихожей она бесшумно надела куртку. В кухне мать, наклонившись над мойкой, курила и тихо разговаривала по телефону. Это уже само по себе было странно. Обычно она кричала.

Лорелл сидела на полу в гостиной и умоляюще смотрела на нее. Макс это, скорее всего, не понравится, но черта с два она оставит Лорелл тут одну, чтобы ее снова выпороли или уложили голодной, потому что никому неохота возиться с ней.

Дэйна тихонько поманила сестру, обула, отметив, что ботиночки уже малы, надела на нее грязное пальтишко.

— Приключение, — прошептала девчушка ей на ухо.

Дэйна кивнула и взяла Лорелл за руку. Да, они собираются встретиться с Максом. Настоящее приключение. Потому что в его компании Дэйна всегда чувствовала себя так, будто может произойти все что угодно.

Он ждал у дверей кафе. Сказал, что хочет угостить ее. Она робко улыбнулась, ожидая, что он ее поцелует, — он вроде бы даже подался вперед. Но тут заметил Лорелл.

— Привет, — сказал он малышке. Казалось, его совсем не разозлило, что она привела сестру. Наоборот, он даже обрадовался.

— Лорелл, это Макс. Можешь сказать «Макс»? — Макс

попытался пожать детскую ладошку, но девочка испуганно отпрянула. — Обычно она не такая стеснительная.

Они зашли в закусочную.

— Чем сегодня занималась?

— Утром писала сочинение. Отчим вернулся пьяный в два часа ночи и столкнул маму с лестницы. Это было... интересно. — Дэйна попыталась улыбнуться. Ее пальцы покалывало от желания взять его за руку, но она не осмеливалась сделать первый шаг.

Макс кивнул, и Дэйна заметила, какой грустный у него взгляд.

— Да брось, у нас такое постоянно происходит. — Дэйна рассмеялась. Она не хотела портить свидание. — Им бы пойти на это шоу и разобраться друг с другом. Как оно там называется, «Правда в глаза», что ли? — Тут Лорелл потянула ее за рукав. — Дэйна нагнулась к сестренке. — Ей нужно в туалет. Мы сейчас вернемся.

В округе не было ни одного общественного туалета, так что Дэйна повела Лорелл в парк.

Девочка присела на корточки у дерева.

— Давай быстрее, малыш.

Дерево было в стороне от главной дорожки. Рядом — сломанные качели и ржавая изгородь. С другой стороны лужайки гуляла женщина с собакой.

Лорелл натянула штанишки. «Я все», — гордо сказала она.

Дэйна взяла сестру за руку и собралась идти назад, но вдруг застыла, как будто спиной почувствовав, что сейчас произойдет.

— Эй, ты!

Дэйна не шевелилась. Стояла, впившись ногтями в ладони, чтобы не впасть в панику. Оглянулась на закусочную. Она могла бы добежать, но Лорелл ни за что за ней не поспеть. Дэйна медленно повернулась.

— Эй, ты, уродина! Я с тобой разговариваю.

Ее передернуло от отвращения, когда костлявые пальцы сжали плечо. Лорелл прижалась к ее ноге и захныкала. Дэйна погладила сестру по голове. Затем стряхнула с плеча руку и сосредоточилась на

своим голосом. Она умирает от страха, но старалась говорить уверенно.

— Моя сестренка тут только что пописала. Смотри, куда ступаешь.

Она надеялась, что это заставит их уйти. Не сработало.

— А ты не собираешься писать?

Хриплый гогот.

— Ага, давай. Пописай.

— Ну-ка, посмотрим, какие у нее трусы.

— Если только они у нее есть, она же грязная сучка.

— Я пошла. — Дэйна подхватила Лорелл и попыталась протиснуться мимо парней. Девочка вцепилась ей в шею.

— Никуда ты не пойдешь.

Снова гнусный смех, с разных сторон тянутся руки, касаются ее спины, попы, волос... тянут за шипованный ремень джинсов... расстегивают молнию...

Послышался крик... ее крик... а потом она оказалась на земле. Холодная трава щекотала лицо. С нее стягивали джинсы, с плеча сорвали сумку. В рот набилась земля. Где Лорелл?!

— Оставьте ее в покое и отвалите.

Внезапно все затихло.

Дэйна повернула голову. Над ней нависали красные лица. Она вскочила и увидела Макса. Он пришел за ней.

— Стоп, стоп, успокойся. Мы просто пошутили, ясно?

— Валите и больше не возвращайтесь.

Дэйна встала рядом с Максом, схватила подбежавшую Лорелл за руку.

Макс спрятал нож в сумку.

Они вернулись в закуточную, купили еду и устроились за столиком на улице.

— А ты бы сделал это? Ну, ты знаешь... — Дэйна изобразила,

будто втыкает в себя пластиковую вилку. Лорелл засмеялась, и Дэйна тут же бросила вилку на стол.

Лицо Макса было серьезно. Он не побрился, заметила Дэйна, и солнце золотило мягкий пушок над верхней губой. Он посмотрел прямо ей в глаза и кивнул.

— Да.

В животе у Дэйны словно вспорхнула целая стая бабочек. Это было лучше, чем любой поцелуй.

Фиона часто спрашивала себя, в какой именно момент жизнь Броуди пошла наперекосяк. Она вообще любила строить догадки о прошлом мужчин, которые были в ее жизни, — мужчин, которые *действительно были* в ее жизни. Ее догадки бывали правильными, бывали и неправильными. Но она каждому сочинила свою историю: одного несчастное детство сделало неспособным к серьезным отношениям, другой женат уже в третий раз и просто не создан для прочной семейной жизни, третьему пора бы уже признаться себе, что он голубой и ищет в женщине только друга, четвертый просто бабник. Фиона была реалисткой, ее с детства учили не терять голову, слушать рассудок и не делать бездоказательных выводов.

С Броуди, однако, все обстояло иначе. Он так и остался для нее загадкой, для него историю сочинить никак не удавалось. В конечном итоге Фиона решила, что Броуди хочется, чтобы все, кто рядом с ним, разделили его недуг, чтобы все они тоже были слепцами. Он как ребенок, заигравшийся в прятки, думала Фиона, жуя свой неизменный сэндвич и глядя, как Броуди у себя в кабинете колотит по клавиатуре.

— Зажмурься покрепче — и будет казаться, что тебя тоже никто не видит, — пробормотала она.

— Второй признак, — слышался голос из-за соседнего стола. Обычно в обед на кафедре математики никого не было.

— Какой признак?

— Разговариваешь сама с собой. Второй признак безумия.

— А какой первый? — Фиона рассмеялась. Пит всегда старался ее развеселить.

— Работает на него, — улыбнулся Пит.

— Я уже столько лет с ним, а понимаю его не лучше, чем в первый день. Он никогда не говорит о том, как он... ну, как он ослеп. — Даже Фионе было трудно произнести эти слова. Сотрудники университета и студенты тоже предпочитали обходить эту тему молчанием.

— Говорят, это был несчастный случай.

— Я это тоже слышала.

Фиона следила за своим начальником через стеклянную стену его кабинета. Дверь была закрыта — значит, он работал над чем-то секретным. Ей разрешалось входить, но только после стука и после того, как Броуди удостоверится, что это действительно она.

Броуди поднес к уху телефон. Через секунду зазвонил ее мобильный.

— Мы уезжаем, — сказал он.

— Куда?

— За город.

Фиона озадаченно наблюдала за тем, как он выключает компьютер и надевает синее шерстяное пальто. Он точно знал, где находится каждая вещь. Броуди обмотал шею шарфом и вышел из кабинета. Для конца октября было прохладно, а Фиона утром надела только легкий плащ. Она быстро накинула его и взяла ключи и сумку.

— Увидимся, Пит. Я еду в очередное загадочное путешествие. — Она состроила гримасу, но обнаружила, что разговаривает сама с собой. Пита в комнате не было. «Ну точно, схожу с ума», — заключила она, беря Броуди под руку и направляясь к лифту.

Поездка на машине в Кембриджшир оказалась приятной. Снаружи моросило, а они сидели в тепле. Ей было уютно. К тому же она наслаждалась близостью Броуди, хотя и понимала, что не стоит слишком много об этом думать. Горячий кофе, который они, по настоянию Броуди, выпили на заправке, заметно поднял ей настроение. Фионе даже удалось перестать бесконечно думать о том, что мужчина, которого она знает дольше прочих мужчин в своей жизни, — даже дольше того, за кого чуть не вышла замуж, — никогда

не проявит к ней интерес. За эти десять лет Броуди ни разу не оказал ей ни одного знака внимания, выходящего за рамки простой вежливости.

— Может, наконец, скажешь, куда мы едем? — Фиона притормозила. Впереди была пробка. Броуди сообщил ей лишь координаты для навигатора.

— Ах, Фиона. — Он вздохнул, как ей показалось, безнадежно. — Это сложно.

— Все в жизни сложно. — На секунду она позволила себе вообразить, что имеет в виду их отношения.

— А в математике нет.

Она решила на всякий случай промолчать.

— Ты ведь не была замужем, Фиона?

Она изо всех сил сжала руль. Неужели он знает о Дэниеле? Броуди прежде не интересовался ее личной жизнью, вопросы на эту тему ограничивались дежурными «Что делаешь на Рождество?» или «Как провела выходные?», а сама Фиона не рассказывала о своей неудачной помолвке. Она считала, что если мужчина слишком много знает о женщине, то его интерес рано или поздно, но увянет. А этого она не хотела.

— Нет, — ровным голосом ответила она. — Должно быть, я не создана для семейной жизни. — И зачем она это сказала? Дура.

Степень близости их отношений несколько не соответствовала той роли, что она играла в его жизни. Боже мой, да она сотни раз бывала в его спальне, разбирала его личные вещи, выбирала для него нижнее белье, чистила его холодильник, сортировала почту. Она наблюдала за тем, как он стареет. В ее должностной инструкции все это не значилось, но Фиона ни разу не пожалела, что на нее свалилась столь неблагодарная работа.

Броуди снова вздохнул.

— Если когда-нибудь у тебя возникнет соблазн, не поддавайся ему.

Фиона, не отрываясь, смотрела на дорогу. И до конца поездки не произнесла ни слова. Броуди ведь любил тишину.

И лишь когда машина свернула с шоссе на узкую проселочную дорогу, петлявшую между симпатичными деревеньками, а затем на усыпанную желтыми листьями подъездную аллею, ведущую к воротам, украшенным золоченой надписью «Школа Дэннингем», — лишь тогда Фиона поняла, что поездка связана с Максом.

Суббота, 25 апреля 2009 года

Они нашли ее случайно. Сначала показалось, что маленький комок под деревом — единственным деревом во всей округе — еще один ребенок дошкольного возраста. Но когда ребенок привстал, стало ясно, что перед ними почти взрослая девушка. Кэрри спросила, не знает ли она, где живет Дэйна Рэй.

— Вы прикалываетесь, что ли? — Говорила девушка враждебно, явно привыкла давать отпор всем и каждому. Глаза у нее были сильно накрашены, но от слез косметика размазалась. Из носа текло.

— Нет, — ответила Кэрри мягче, чем собиралась. — Она нужна нам. Она вроде бы живет где-то здесь.

Девочка пристально посмотрела на Кэрри, и в глазах промелькнуло узнавание. Затем она смерила взглядом Броуди и махнула рукой куда-то за спину:

— Она живет там.

— Спасибо, — поблагодарила Кэрри.

— Но ее нет дома. А зачем она вам?

Худенькая, в черной кожаной куртке и узких джинсах. Черные волосы на концах посечены от краски, у корней — светлые и мягкие, как у ребенка. Кэрри подумала, что эта дурочка желает выглядеть на восемнадцать или девятнадцать, но на самом деле ей лет пятнадцать. Как Макс.

Заговорил Броуди. Его неожиданно громкий голос заставил девочку вздрогнуть.

— Нам нужно поговорить с ней.

Рука Кэрри потянулась к Броуди — чтобы направить его или чтобы найти у него поддержку, она и сама толком не знала.

— Хотим задать ей несколько вопросов. — Кэрри чувствовала, что вот-вот расплачется. Все было как во сне.

— Каких вопросов? — Девчонка трясущимися руками вынула из кармана пачку сигарет и закурила.

— Неважно. — Кэрри едва хватало сил говорить. — Спасибо.

— Подождите. — Девочка обогнала их и преградила дорогу. — Вы не та женщина с телевидения?

Кэрри кивнула. Хотя она уже и не знала, кто она сейчас.

— Я вас *видела*.

— Да. — Кэрри слабо улыбнулась. — Меня многие видели.

— Нет. Я вас *видела*. — Она глубоко затянулась, выпустила дым. — Вчера у школы, когда там все перекрыли после...

— Нам надо идти. — Кэрри потянула Броуди за руку, но тот не сдвинулся с места.

— Я там проходила, а вы приехали на машине. Вы... вы выглядели печальной. — Недокуренная сигарета полетела в сторону. — Вы собираетесь снять шоу о том... что там произошло?

Кэрри помолчала, затем повторила:

— Что там произошло?

— Макс. Убийство.

Его имя повисло в воздухе, Макс словно был рядом, между ними.

— Ты его знала? — Эту девочку и ее сына что-то связывало, и Кэрри вдруг почувствовала резкую боль, точно ее саму ударили ножом в сердце.

Кроме них и одинокого старика, поникшего за угловым столиком, в кафе никого не было. Кэрри и Броуди заказали кофе, а девочка — колу, хотя пить никто не хотел.

— Это я Дэйна, — сказала девушка.

Кэрри уже и сама догадалась.

Официантка, принявшая заказ, приветствовала Броуди как старого знакомого. В другое время Кэрри наверняка бы удивилась, но сейчас все ее внимание было сосредоточено на Дэйне.

— Пусто, — заметила Дэйна, оглядевшись. — Обычно по субботам с утра здесь тьма подростков. А сейчас как будто все

умерли.

— Черт. — Глубокий голос Броуди прокатился по гулкому помещению. За их спинами шипела кофе-машина.

— Ты знаешь, кто я? — спросила Кэрри. — Кто мы!

— Вы та ведущая с телевидения.

Дэйна сидела рядом с одной из самых известных женщин страны и при этом просто смотрела на Кэрри и хранила неловкое молчание, как будто та была ее тетей или учительницей, с которой она случайно столкнулась в магазине.

— Я мать Макса, Дэйна. А это его отец.

Лицо у девочки вытянулось от удивления. Интересно, она вообще знала, что Макс — сын знаменитости? Неужели... неужели Макс *не хотел* знакомить с ней своих друзей?

— Вы... вы мать Макса?

— Да. — Кэрри протянула руку через стол, и Дэйна робко ее пожала. Желтые от никотина пальцы с обкусанными ногтями — и холеные белые руки с французским маникюром.

— Но...

— Я знаю. — Они смотрели друг на друга, не отрываясь.

— Я... но он сказал... — Дэйна запнулась. — Это так ужасно. Как будто жизнь просто задули, как свечу. Кэрри содрогнулась от боли, которую причинили ей эти простые слова.

Она кивнула и закрыла глаза.

— Такое происходит только с другими, — прошептала она, зная, что Дэйна ее не поймет. В памяти пронеслись тысячи сюжетов. С *другими*, подумала она, отказываясь признавать, что со вчерашнего дня она сама превратилась в *других*.

Броуди был убежден, что это та самая девушка, которую Макс несколько раз приводил к нему домой. Он уже мысленно составил ее портрет по тем следам, которые она оставила в его спальне: легкий аромат дешевой косметики, запах кожаной куртки или кожаных ботинок и безошибочный душок подростковых гормонов — ничего конкретного, просто ощущения. Броуди будто бы сам снова стал

подростком и завидовал возрасту Макса и тому, что у него еще впереди.

— А он когда-нибудь рассказывал о своей предыдущей школе? — спросил Броуди.

— Она ему не нравилась, — ответила Дэйна. — В этом мы были похожи. Оба не любили школу.

Броуди услышал, как она открывает банку с коллой, делает глоток и ставит банку на стол.

— А вы... встречались? — спросила Кэрри.

Броуди и сам мог бы ответить на этот вопрос.

— Нет. Да. Не знаю. Сейчас это уже неважно, верно? — Она фыркнула, как бы желая сказать, что ей все равно, что о ней подумают, хуже ведь уже не будет.

— Он пару раз упоминал о тебе. Ты ему нравилась.

— Ага, — сказала она. И больше ничего.

Броуди уловил в ее голосе отчаяние.

— Дэйна, ты знаешь, кто... кто мог это сделать? — Голос Кэрри перекрыл внезапный шум. В кафе ввалились четыре юные мамы с колясками. Мамаши смеялись и галдели, один из младенцев орал благим матом.

— Это тебе не твоё чертово шоу, Кэрри.

— Броуди, пожалуйста. — И она, как он и ожидал, положила руку ему на плечо. Он стряхнул ее. — Дэйна, если ты что-то знаешь, ты должна нам рассказать.

— Нас никто не любил, — коротко сказала Дэйна.

Броуди услышал в этом сдержанном ответе ярость и тоску. Эти дети изо дня в день ведут отчаянную борьбу за место под солнцем, он понимал это. В отличие от Кэрри.

— Почему? — резко спросила она. — Что с вами было не так? Что было не так с моим сыном?

Броуди услышал, как Дэйна резко отодвинула свой стул.

— Нет, не уходи...

— Что *с нами* было не так? — Голос доносился уже откуда-то издалека. — Спросите себя лучше, что не так *с вами*, раз ваш собственный сын ни разу даже не упомянул о том, кто его мать?

И она ушла, оставив их наедине с правдой, которой ни один из них не готов был посмотреть в глаза.

Дэйна вернулась к дереву. Больше идти было некуда. Она прислонилась спиной к стволу, сползла на землю и ударилась о торчащий корень. Боль полыхнула по позвоночнику к голове. Боль была приятная.

Парочка придурков. Хотят втянуть ее в свою исковерканную жизнь. Но она ничего не расскажет. Какая сука. Хорошая же она мать, раз Макс ни разу о ней не упомянул. Долбаная Кэрри Кент.

Дэйна хотела заплакать, но не могла. Вытащила сигарету. Последняя. Закурила, стараясь делать как можно меньше перерывов между затяжками, чтобы не жечь табак впустую. Легкие саднило, но не от дыма, а от того, что они находились рядом с ее горящим от боли сердцем.

— Эй! — послышался крик с другой стороны вытоптанной лужайки. — Лови!

Дэйна инстинктивно подалась в сторону. Собачье дерьмо ударилось о дерево в нескольких сантиметрах от ее плеча. Она поморщилась от вони.

— Пошел вон, урод.

Подобрав камень, она швырнула его в каких-то сопляков, которые изучали содержимое мусорного бака в поисках еще какой-нибудь дряни, чтобы бросить в нее. Камень ни в кого не попал, но на Дэйну обрушился град ругательств.

— Достали! — заорала она, вскакивая. — Валите на хрен, маленькие говнюки!

Дэйна быстро пересекла замусоренную лужайку и схватила одного из мальчишек за шкуру. Его приятель успел оседлать велик и теперь улепетывал, отчаянно крутя педали.

— Выворачивай карманы! — прошипела она. Мальчишка нагло ухмыльнулся. Она с наслаждением влепила ему затрещину и сунула

руку в его карман.

— Эй, отвали, извращенка, — заверещал он.

Дэйна вытащила сигареты и улыбнулась.

— Такую маленькую сволочь, как ты, я живьем сжираю. — Она помахала у него перед носом конфискованной пачкой. — А теперь дуй отсюда и скажи своему дружку, что он следующий.

Сердце бешено колотилось. Дэйну переполняло ощущение силы от того, что она впервые дала отпор, пусть и молокососу. Зажав сигарету в зубах, она шла в единственное место, где чувствовала себя в безопасности, — в хижину. Оказавшись внутри, она первым делом запалила свечу — ту самую, что наполняла воздух ароматом в тот вечер, когда Макс пальцем проводил линии по ее руке — от одной родинки к другой. Потом уткнула лицо в колени и плакала, пока не уснула.

Об этом говорил весь Интернет.

Ей редко удавалось добраться до компьютера, но сегодня, если повезет, Кев надерется в баре и завалится спать, вместо того чтобы лазить по сайтам с голыми женщинами и детским порно.

Все вышло так, как она задумала. Когда она вернулась из хижины — получается, она ее теперь унаследовала, да? — Кев развалился на диване с псом под боком и храпел. Пасти у обоих приоткрыты, языки вывалились. Дэйну замутило от отвращения.

Компьютер стоял там же, в гостиной, в нише под лестницей. Старая рухлядь, вовсе не современное чудо техники, которое собирался подарить ей Макс. Монитор здоровенный, весь зарос пылью.

Экран мутный от того, что Лорелл вечно тыкала в него пальцами, когда смотрела свои любимые мультики или выбирала в интернет-магазине игрушки, которые, как она прекрасно знала, ей никто никогда не купит. Клавиатура пожелтела, буквы наполовину стерлись, а курсор мыши в панике бегал по экрану, будто досадуя, что он такой старый и никуда не годится.

Пока компьютер загружался, Дэйна наблюдала за Кевом. Пес, развалившийся у него в ногах, открыл один глаз и вяло помахал

хвостом. Наконец она зашла на сайт телеканала и нажала на раздел «посмотреть снова». На экране появился список из десятков разных программ: сериалы, ток-шоу, политические дискуссии. «Правда в глаза» была на первом месте по популярности.

Почему Макс не сказал, что его мать — его мать, боже ты мой — Кэрри Кент? Дэйна до сих пор не могла поверить, что это правда.

Когда открылась страничка шоу, Дэйна едва узнала в ведущей женщину, с которой несколько часов назад сидела за одним столиком. Идеально причесанная и накрашенная, Кэрри Кент обворожительно улыбалась с экрана, подняв руку в своем фирменном жесте, которым начиналось каждое шоу.

Дэйна нажала на ссылку, чтобы посмотреть одну из передач. Старый компьютер загружался целую вечность. Дэйна вывела звук на минимум, чтобы не разбудить Кева, и уткнулась носом в экран. Кэрри Кент была в центре кадра, в узкой красной юбке, черных туфлях на высоких каблуках и кремовой блузке с таким вырезом, на какой не осмелилась бы ни одна другая дневная ведущая. Внимание аудитории она захватила с первой же секунды. Просто потрясающая, подумала Дэйна.

— Сегодня в шоу «Правда в глаза» я познакомлю вас с самой молодой мамой Англии. Сейчас Джоди Барроуз шестнадцать, но свою первую дочь, Кристал, она родила в одиннадцать лет и десять месяцев. С тех пор Джоди родила еще двоих детей. Все они от разных отцов. Она до сих пор остается самой молодой матерью в стране. Ее собственной матери, Стейси, всего тридцать два, но она успела уже трижды стать бабушкой.

Пауза — отчасти из-за скорости загрузки, но отчасти потому, что паузы — это стиль Кэрри Кент. Пауза, заполненная изумленными вздохами из зала. Кэрри дает зрителям возможность как следует проникнуться информацией, только потом представляет публике гостью. Девчонка развязной походкой пересекает студию и гордо садится в одно из голубых кресел на сцене. Она жует жвачку с таким упоением, будто целую неделю не ела. Отвратительно, подумала Дэйна, чуть прибавив звук. Господи, одиннадцать лет.

— Джоди, добро пожаловать на шоу.

Аплодисменты утихают, и Кэрри подходит к девушке. Та равнодушно следит за ведущей из-под густо накрашенных ресниц.

Кэрри усаживается в соседнее кресло, скрещивает длинные ноги. Девушка молчит.

— Я пригласила вас сегодня, чтобы поговорить о вашем опыте материнства и отношений с мужчинами. Возможно, ваша история послужит предостережением для других подростков, которые собираются вступить в интимные отношения в раннем возрасте.

Джоди Барроуз слегка кивает в знак согласия, потом пожимает плечами и продолжает жевать. Это нисколько не обескураживает Кэрри Кент.

— «Наверное, ей кучу денег отвалили, — решила Дэйна. — Иначе кто согласится выставять себя душой перед всей страной?»

— Скажите, Джоди, — продолжает Кэрри, — ваша мать беседовала с вами о сексе до того, как вы забеременели?

— Не-а, — отвечает девушка и хихикает. — И в школе тоже. — Она ерзает в кресле, узкая футболка задирается выше пупа.

Дэйна подумала, что живот у нее достаточно плоский для женщины, родившей троих детей. У ее матери жир мощным валиком нависает над джинсами, а она родила только ее и Лорелл.

— Вы долго встречались с отцом вашего первого ребенка? Вы говорили о сексе перед тем, как это произошло?

— Да мы напились. Так надрались, что и не помнили, чего творим. Это на вечерине было. Там все в дымину угрохались. Да нормально все было. Типа само собой произошло. — Она явно наслаждается всеобщим вниманием.

— Сколько лет было мальчику, Джоди?

— Да тогда четырнадцать. Ему хотели изнасилование впаять. Посидел в тюрьме для несовершеннолетних, немного. А сейчас в гараже работает.

— Вы с ним видитесь?

— Он хороший папочка. Приносит мне пиво и сигареты. С Кристал тоже гуляет, чтобы я могла позаниматься.

Дэйна фыркнула: «Скажи лучше, чтобы ты могла напиться».

— Я учусь в колледже на косметолога.

— А где вы сейчас живете, Джоди?

— Да с мамой, но там тесновато, потому что...

Кев заворчал и сел на диване.

Дэйна быстро закрыла окно браузера. Подростковых беременностей ей и без того хватает. А вот про Кэрри Кент она почти ничего не узнала.

— Ты че там делаешь?

— Ничего.

— Где мать?

Дэйна пожала плечами.

— Тебе че, заняться нечем? — Кев спихнул с дивана собаку, встал и поплелся на кухню.

«Есть чем, — подумала Дэйна. — Только мне страшно».

Прошное

Кэрри, Лиа и их соседки по квартире только что вернулись из кино. Под дверью лежала записка. Увидев свое имя, Кэрри подняла ее и сунула в карман. Лиа плюхнулась на софу. Дженни и Тина готовили напитки.

— Сюжет неправдоподобный и какой-то извращенный. У меня аж мурашки по коже. — Неужели она единственный человек на Земле, которому не нравится фильм «Коктейль»? Кэрри повесила свое пальто на вешалку. Другие девушки побросали свои куда попало.

Лиа запустила в подругу подушкой.

— Ой, помолчи, вечно ты все портишь. Нам понравилось. — Она скинула туфли и открыла пачку чипсов, хотя в кино каждая из них съела по ведру попкорна.

— Вот, возьми-ка. — Дженни сунула Кэрри в руку большой стакан водки с тоником, льдом и лимоном.

Это был их обычный пятничный девичник. Они ели пиццу, шли в кино или на каток, а потом возвращались домой и пили самый дешевый джин или водку с тоником. Они сплетничали за коктейлями до трех или четырех часов утра, а потом всю субботу валялись в постели с головной болью — до самого вечера, пока не начинались танцы. Танцы, повторяли они, — лучшее средство от головной боли.

— Я в раю, — заявила Тина, делая глоток из своего стакана и откидываясь на спинку дивана. — А Мел что сегодня делает? — спросила она Лиа.

— Учится, конечно. — Лиа кисло улыбнулась. Досадно, что ее девушки с ними нет. — Я собиралась пригласить...

— Мне надо позвонить домой. — Кэрри смяла записку, вытряхнула из кошелька немного мелочи и быстро вышла из комнаты. Автомат был в коридоре внизу.

Она споткнулась на нижних ступенях лестницы, уцепилась за перила, чтобы не упасть, и сломала ноготь. Трубка была липкой,

провод перекручен. Ее трясло. В глубине души она уже знала, в чем дело.

Просунув в щель пятьдесят центов, Кэрри набрала номер.

— Ну же...

«Позвони домой. Срочно», — было написано в записке. Почерк незнакомый — наверное, писал кто-то из парней, живущих внизу, — может, тот, который всегда загораживал проход своим велосипедом.

— Алло? Мам?

Кэрри слушала. Кивала. Потом осторожно присела на плетеный стул, который хозяин дома поставил у телефона.

— Он не страдал — услышала она. — Все произошло мгновенно. Когда приехала «скорая», милая, было уже слишком поздно.

Кэрри закашлялась. Она надеялась, что кашель можно будет принять за рыдание, но получилось не похоже. Ее мать тихим голосом рассказывала подробности. Его лицо стало фиолетовым, ему делали массаж сердца, давали ему кислород и лекарства. Кэрри слушала все это, пытаясь вспомнить, когда видела отца в последний раз, что они сказали друг другу — или о чем умолчали.

— Ты приедешь домой? — спросила мать.

— На похороны, конечно, — ответила Кэрри. Она почти видела, как ее мать коротко кивает в знак согласия. Она знала, что эти несколько дней ее мать захочет побыть одна — подумать о своем умершем муже, об одинокой жизни, которая ей теперь предстоит, без развлечений и веселья — хотя их у нее и раньше не было. Надо все привести в порядок, разобрать одежду, организовать церемонию... Все это как нельзя лучше подходит для матери, подумала Кэрри спокойно, займет ее и отвлечет.

— Пока, мам, — наконец сказала она.

В комнате сладко пахло алкоголем. Увидев ее, подруги прервали болтовню.

Кэрри скорчила гримасу, стараясь не обращать внимания на то, что сердце холодным камнем застыло в груди.

— Вот досада, — сказала она, залпом выпивая свой коктейль.

Чтобы поехать на похороны, ей нужно было пропустить лекции. Динамику живого интервью вел Глен Макгоуан — вкрадчивый, как кошка, ведущий с Четвертого канала, известный своим дневным ток-шоу, которое смотрели миллионы скучающих домохозяек. Кэрри жутко бесило, что она не может пойти.

— Надо же было назначить похороны именно на этот день!

— Кэрри, ты говоришь ужасные вещи. Это же твой папа. — Лиа бросила ей черный свитер, но Кэрри тут же швырнула его обратно.

— Терпеть не могу черное на похоронах. Надену это. — Она сняла с вешалки ярко-розовую рубашку.

— Кэрри, так нельзя. Прояви уважение.

— Он меня никогда не уважал. — Она застегнула манжеты и надела сверху свое единственное пальто — синее шерстяное с огромными пуговицами и мохнатым воротником. Было начало ноября, и воздух был по-осеннему холодным. — Я правда лучше бы на лекцию сходила. Глен Макгоуан как-никак.

— После этой лекции все равно одни семинары. — Лиа помогла подруге завязать шарф. Потом взяла ее за плечи и посмотрела в глаза, явно желая сказать что-то, но не смогла найти слов.

— Может, я к тому времени уже вернусь. Я спишу твои конспекты. Макгоуан хорош, но я знаю, что могу быть лучше. Когда мы станем богатыми и знаменитыми, мы пригласим его на наше шоу.

— Ох, Кэрри, — вздохнула Лиа. — Когда мы закончим учиться, мы, как и тысячи других, будем искать работу и совершенствовать наши навыки приготовления гамбургеров в «Макдоналдсе».

— Говори за себя. — Кэрри засунула за ухо Лиа прядь ее непослушных волос. — Тебя, может, и устраивает ждать у моря погоды всю оставшуюся жизнь, а я точно знаю, чего хочу. — Кэрри поцеловала ее в лоб.

— Твое честолубие только могила исправит.

— Хороший выбор слов.

Кэрри взяла сумку и открыла дверь. Лиа застыла, в шоке от того, что ляпнула, и в такой день. Кэрри только рассмеялась. Когда она

вышла на улицу и холодный ветер ударил в лицо, смех стал истерическим. Она вдруг осознала, что больше никогда не увидит своего отца.

Сидя в такси, Кэрри перебирала в голове воспоминания детства. Казалось, все это было не с ней. Девочка, робко прячущаяся на лестнице, убегающая в сад при звуке шагов, такая тихая, — разве это могла быть она?

Никто не мог бы обвинить майора Кента в том, что он был жесток к своему единственному ребенку. Его жена и дочь жили в тепле, хорошо питались, не знали нужды и, когда он был в отпуске, ездили отдыхать в Дорсет и Уэльс. Он даже обещал им, что когда-нибудь они поедут во Францию. На пароме. Поездка так и не состоялась, но Кэролайн Кент никогда не забывала об этом обещании — одном из лучших. Она внесла его в свой список, который вела в маленьком блокнотике, и поставила ему отметку.

— Восемь из десяти, — сказала она тогда себе, жуя карандаш. Она сложила все отметки, которые поставила другим обещаниям. Получилось семьдесят два. Пересчитала во второй раз. Шестьдесят девять.

Она мечтала завести кролика. Она хорошо помнила тот день, когда наконец набралась смелости попросить его.

— Подожди просить, пока отец не поест, — посоветовала мать. — И не выпьет свою воскресную порцию шерри.

Кэролайн кивнула. У всех других детей были домашние животные. У Саймона были две крысы. У Келли этот жуткий паук. Она решила, что кролик уж точно гораздо безобиднее.

— Не будь душой, — сказал он. И даже не оторвал взгляд от газеты.

Она подумала, что стоило, пожалуй, подождать, пока он снимет форму, — может быть, тогда он стал бы более мягким, нежным отцом.

— Но все-таки, можно мне завести кролика?

Чарльз Кент был погружен в чтение новостей.

С каждой страницей его брови сдвигались к переносице все

ближе. Кэрри прочитала заголовок на первой полосе: «Бомбовый удар по Северной Ирландии».

— Они что, приедут на нашу базу?

Отец опустил газету на живот и спросил:

— Кто?

Его голос не звучал сердито или нетерпеливо, просто холодно, как будто она уже успела надоесть ему своими расспросами.

— Эти террористы.

— Нет.

Он снова надел очки и сдвинул брови. Читая, он постукивал пальцем по краю газеты. Кэролайн наблюдала за ним, спрашивая себя, обдумывает ли он ее вопрос о кролике.

— Я сама буду за ним ухаживать. — Она встала рядом с его креслом, выпрямившись и вытянув руки по швам. Все лучшие солдаты так стоят. Она знала, что ее папа важный человек в армии.

— Хорошо, — сказал он. — Будет тебе кролик. — На этот раз он не оторвал взгляда от газеты, чтобы взглянуть на дочь.

— Правда? — Она подумала, не стоит ли ей добавлять «сэр», когда обращается к отцу. Она хотела обнять его, но не стала. Это было бы неправильно.

— Я же сказал.

Кэролайн побежала рассказать маме. Та мыла посуду.

— Папа сказал, я могу завести кролика! Он так сказал!

Несколько дней о кролике никто не упоминал — даже Кэролайн. Она боялась сглазить.

— Когда я вырасту, — сказала она себе вечером, с зубной щеткой во рту, глядя в зеркало, — я буду делать, что захочу. — Она выплюнула зубную пасту. — И у меня будет сто кроликов.

На следующий день за ужином майор Чарльз Кент устроил свой дочери сюрприз. Кэролайн взяла нож и вилку, чтобы начать есть жаркое, которое приготовила мать. Отец, как всегда, прочитал молитву, а затем посмотрел прямо на нее.

— Ты хотела кролика, — сказал он с большей теплотой, чем

Кэролайн когда-либо приходилось слышать от него.

— Да, очень, — ответила она с набитым ртом. Наверное, кролик за дверью, сидит в клетке, и сейчас она сможет погладить его.

— Приятного аппетита. — Больше Чарльз Кент не вымолвил ни слова до конца ужина.

Осень 2008 года

Они посадили Лорелл на качели, Макс осторожно толкал пластиковое сиденье, а Дэйна стояла перед качелями и каждый раз, когда Лорелл летела к ней, корчила смешные рожи. Лорелл заливалась счастливым смехом.

Макс прежде не имел дела с маленькими детьми. Разве что совсем в детстве, когда они жили еще все вместе. К ним тогда приехали родственники отца с Ямайки, с двумя маленькими девочками. Макс помнил, как мать носилась по дому, вытирая отпечатки липких детских пальчиков. Неудивительно, что ямайские родственники ограничились тем единственным визитом.

— А ты видишься с родными твоего отца? Ну, с тех пор как твои родители развелись?

Дэйна покачала головой.

— Я тоже нет. — Макс перестал раскачивать качели — и так слишком высоко. Когда у него будут свои дети, они будут счастливы.

Он посмотрел на Дэйну. Интересно, кто станет матерью его детей и сколько ему самому будет лет, когда они у него появятся? Сначала надо найти работу, купить дом, ну и все такое. Может, ему уже все тридцать стукнет. Было бы здорово, если бы они с Дэйной к тому времени не потеряли Друг друга из виду.

— Ты для нее как мама, — сказал он.

— А больше и некому.

Она остановила качели и сняла Лорелл. Девочка тут же кинулась к облезлой красно-зеленой карусели.

— Залезайте! — предложил Макс.

Он схватился за ржавый поручень и побежал. У него самого закружилась голова, и он вскочил на сиденье рядом с Дэйной. Ее сестренка сияла от восторга.

Макс покачнулся и ухватился за Дэйну.

— Класс! — выкрикнул он.

Их лица были так близко, и он видел лишь глаза Дэйны, остальной мир бешено вращался вокруг.

— Как будто краску разлили, все такое размытое, — сказала Дэйна. — Но ты все равно красивый.

Макс замер.

Красивый. Это она о нем.

Она думает о том же, о чем и он? Он схватил лицо Дэйны обеими руками и прижался губами к ее губам. Ее соленые от чипсов губы были такими мягкими, такими податливыми, таили столько несказанных слов.

Дэйна ответила на поцелуй. Ее губы раскрылись. Она положила руку ему на затылок.

Они кружились. Вместе. С ними ничего не могло случиться.

— Фу! — закричала Лорелл. — Фу, гадость!

— Прости, — пробормотал Макс, не отрывая губ от Дэйны.

Он первый раз в жизни целовал девушку и надеялся, что все делает правильно. Кончик языка Дэйны уперся ему в зубы, и тут что-то ударило его по ногам.

Все закончилось. Мир снова встал на свое место, и они рассмеялись, глядя на Лорелл, которая, успев спрыгнуть с карусели, пихала их веткой.

— Мороженое, — потребовала хитрюга.

Дэйна затащила ее обратно на карусель, обняла и посмотрела на Макса.

— Я еще ни разу этого не делала, — призналась она. — Было здорово.

— Фу! — подтвердила Лорелл.

Макс улыбался. Внутри бушевал настоящий ураган. Он поцеловал Дэйну. Она ответила на его поцелуй. Это была реальность. Ему нужно побыть одному, подумать обо всем этом. Но и расставаться с Дэйной он не желал — ни на секунду.

Интересно, он теперь выглядит как-то иначе? Макс коснулся своего лица, когда Дэйна повернулась к Лорелл, которая упорно

ныла, что хочет мороженое.

— Ох, лучше купить ей мороженого, а то не угомонится, — сказала Дэйна. — Не забудь свою сумку.

Спрыгнув с карусели и взяв сестру за руку, она направилась к выходу из парка.

— Подождите! — крикнул Макс, сдергивая сумку. Он вспомнил о ноже, лежащем внутри, и подивился, сколь непохожие чувства одолевали его еще час назад.

Он нагнал девочек. Дэйна сердито отчитывала сестру.

— Деньги есть? — спросила она Макса тем голосом, каким разговаривала в школе, — жестким, почти угрожающим. Этот голос явно давал понять, что ей на все наплевать.

Макс сунул руку в карман.

— Да, конечно. Но почему ты...

— Спасибо. — Дэйна взяла монеты.

Они вошли в магазин на углу, и Лорелл принялась выбирать мороженое. Макс стоял позади них, вдыхая запах волос Дэйны.

— Давай быстрее, Лорелл, — велела она.

В магазин ввалилась компания старшеклассников из их школы. Они хотели купить пиво, но продавец потребовал у них документы. Завязалась ссора, но Макс ничего не слышал.

— Дэйна, прости. Я не хотел...

— Да заткнись ты, Макс. — Она вырвала эскимо из рук Лорелл, как только та достала его из холодильника, захлопнула дверцу и направилась к прилавку.

— Фунт сорок девять, — сказал ей продавец поверх голов подростков. Дэйна протянула две фунтовые монеты. Лорелл подпрыгивала рядом, не сводя глаз с эскимо.

— В чем дело, Дэйна? Что с тобой?

— Да она просто глупая сучка, вот что с ней. — Парни расхохотались.

Кулаки Макса сжались. Он не раз видел этих парней в школе. От них можно ожидать чего угодно. Он потрогал сумку, напоминая себе,

что вооружен. Но не доставать же нож прямо здесь, в магазине, когда прямо на них смотрит зрачок камеры видеонаблюдения.

Парни, смирившись наконец с тем, что пиво им тут не обломится, вышли из магазина. По пути один из них толкнул Макса в спину.

На улице Лорелл разорвала упаковку от эскимо и бросила ее на тротуар рядом с дверью в магазин.

— Нет, Лорелл, — сказал Макс. — Подними бумажку и брось в урну.

Малышка послушно сделала, как он велел. Розовое эскимо торчало у нее изо рта. Макс взял Дэйну за плечи и развернул к себе.

— Мы целовались, — ровным голосом сказал он. — Теперь ты расстроена. Прости.

Глаза Дэйны наполнились слезами.

— Не извиняйся, — прошептала она. — Ты тут ни при чем.

— Тогда в чем дело?

Лорелл ухватила сестру за руку.

— Просто... Просто... — Дэйна посмотрела куда-то вверх и всхлипнула. — Я почувствовала что-то такое горячее в сердце, я не знала, как это вынести. И еще я разозлилась.

— Почему? — Макс едва осмеливался дышать.

— Потому что... понимаешь, таких, как мы с тобой, никто не любит.

— Таких, как мы с тобой?

Дэйна отвернулась и негромко сказала.

— Знаешь, со мной всю жизнь плохо обращались. Я уже перестала это замечать. Стала неуязвимой к насмешкам и издевательствам. Как будто на мне броня. Но только...

Почему она считает, что именно это их объединяет? С другой стороны, здорово, что она считает их похожими. Макс прекрасно понимал, каково это — ходить в броне.

— Но только что?

— Только теперь я стала уязвимой. Броня пробита. Мое сердце все чувствует.

Дэйна покраснела и потащила Лорелл прочь.

Макс смотрел им вслед. Он понял, о чем говорила Дэйна.

Крыша хижины протекала. Часть коробок намокла. Макс разорвал парочку и проверил содержимое. Расставил тарелки на сухие коробки. Тарелки были уродливые, точь-в-точь как в доме чокнутой старушенции. Грязно-бежевого цвета, с жуткими цветочками, яблоками и виноградинами. Макс запустил тарелкой в стену.

— Обеденный сервиз на двенадцать персон. Теперь на одиннадцать.

Он схватил суповую тарелку и разбил ее тоже. Фаянсовые осколки усеяли лачугу.

Скоро от сервиза ничего не осталось. Макс ногой вышвырнул коробку на улицу. Снова полил дождь. Макс плюхнулся в автокресло и закурил.

— Неуязвимы, — прошептал он. — Мы с тобой неуязвимы.

Он зажмурился и глубоко затынулся. Перед глазами стояло лицо Дэйны, а вокруг вращался размытый мир.

Незнакомые ощущения оглушали его. Он тряхнул головой. Нужно передвинуть линолеум, пока все тут не пришло в негодность. Он потрогал мокрые коробки. Утюг. Он бы подарил его кому-нибудь, но кому нужен утюг. А вот соковыжималка и набор для вышивки. Набор он положил на кресло. Отдаст его Лорелл. Будет повод увидеться с Дэйной, узнать, как она.

Макс набрал цифры на кодовом замке. Вставил ключ. Каждый раз дверь будто становилась все более чужой. Ручка и дверной молоток сверкали — спасибо Марте. В холле пахло только что срезанными лилиями — мать настаивала на том, чтобы цветы меняли каждые три дня.

Он скинул ботинки и зашвырнул в шкаф. Мать взбесится, если узнает, что он разгуливает по дому в башмаках. «Ты тащишь

уличную грязь в наш дом». Честно говоря, Макс с трудом мог назвать это место своим домом.

Он прислушался. Марта уже должна уйти. Мать — ну, она могла быть где угодно, от Нью-Йорка до Селфриджа. Может, она в студии. Ему было все равно. Всякий раз, пересекаясь дома с матерью, Макс лишь убеждался, насколько он не вписывается в эту жизнь. Он, конечно, рад, что эта инакость сблизила его с Дэйной, но он хотел бы быть как все. Достаточно того, что он внешне выделяется.

— Макс? Это ты? — Голос был резкий, повелительный.

Он застыл на лестничной площадке.

— Ага.

— Зайди на минуту.

— Что, мам?

Мать сидела за своим рабочим столом в кабинете, коричневый кожаный портфель с бумагами лежал у ее ног. Волосы сияли золотом, губы, казалось, тоже светились. Мать выглядела потрясающе. И почему он раньше этого не замечал? Это поцелуй с Дэйной его так изменил?

— Просто хотела тебя увидеть. Узнать, как ты. Присядь. — Она указала на кожаное кресло в другом конце комнаты. Макс убрал с кресла мохеровое покрывало и сел, надеясь, что джинсы у него чистые. — Как у тебя дела?

О господи, похоже, назревает один из тех разговоров, которые он терпеть не мог. Скорее допрос, чем беседа между мамой и сыном. Макс даже не помнил, когда видел мать в последний раз, — может, на прошлой неделе, когда у нее были гости? Ну да, точно. В дом набилась целая толпа стариканов с хрипыми голосами, весь вечер трепались про виагру и поло. Да еще врубили какую-то жуткую попсу, так что пришлось по-быстрому уматывать к отцу. Спать на его диване в сто раз лучше, чем наблюдать, как мать тусуется всю ночь со своими тупыми богатыми друзьями.

— Макс?

— Ага. У меня все в порядке.

— Как новая школа?

Вопрос прозвучал глупо. Безусловно, она помнила, как они ссорились из-за его новой школы.

— Отлично.

— Много уроков?

В этой ярко-розовой юбке и бледно-розовой блузке он видел ее по телевизору. Надо признать, наряд ей очень шел. Несколько парней из Дэннингема говорили ему, что «они бы с ней не прочь». От этого ему одинаково хотелось умереть и убить их.

— Ага. Полно.

Кэрри вздохнула. Наверное, досадует, что ничего не может от него добиться. Не то, что от этих несчастных лузеров из ее шоу.

— А друзья? Подружился с кем-нибудь?

Макс насторожился. Неужели она знает про Дэйну?

— Наверное, скучаешь по старым приятелям.

Теперь понятно, куда она клонит.

— Да они те еще придурки.

— Ох, Макс...

Кэрри подалась вперед. Наконец-то она добилась от него какой-то реакции, чего-то, с чем можно было работать. Макс знал, что это ее метод.

— Может, мне поговорить с директором Дэннингема? Если там у тебя были проблемы, это не значит, что именно ты должен был уйти.

— Мам, все в порядке. Мне здесь нравится. Полно отличных ребят, и уроки интересные. Не волнуйся. Этим летом я сдам экзамены на сертификат о неполном среднем образовании, а потом подумаю о сдаче на полное. Может, поступлю в университет. — По лицу матери он понял, что она ему не верит.

— Хорошо, Макси. Я не для того тебя родила, чтобы ты якшался с отбросами общества и наркоманами. Поверь, на моем шоу и так полно подонков, не хватало еще, чтобы ты с ними связался. Ты знаешь, как одно тянет другое: наркотики, алкоголь, преступность. Опомниться не успеешь, как начнутся проблемы с полицией или

какая-нибудь девчонка от тебя зеберемене...

— Хватит!

Макс вскочил. Мать резко выпрямилась. Не отпрянула, этого бы она не сделала, но ее явно удивил его тон.

— Я сам могу о себе позаботиться, мам. — Он уже взял себя в руки. — Со мной ничего не случится.

Почудилось? Или в ее глазах и вправду блеснули слезы?

— Хорошо, — сказала она, разворачиваясь к компьютеру. — Я просто хочу, чтобы ты был счастлив.

В голосе было что-то такое, что почти заставило Макса поверить ей, — легкий намек на любовь, мгновенно проникший в самое сердце. Макс поплелся наверх и заперся у себя. Неужели это все из-за Дэйны? Неужели теперь, после поцелуя, он перестал быть неуязвимым? Он взял маркер, повалился на кровать, закатал левый рукав и написал вдоль всей руки: ДЭЙНА.

Суббота и воскресенье, 25 и 26 апреля 2009 года

— Она знала его, Лиа. Эта девочка, Дэйна, знала Макса. Наверное, она знала его лучше, чем я.

— Это неправда. — Лиа подлила виски. Они уже выпили по несколько порций, но не чувствовали даже легкого опьянения.

— Она сказала, что их никто не любил. — Кэрри вскинула голову, но слезы все равно поползли по щекам. — «Нас никто не любил». Что значит «нас»? Они что, были вместе? Или просто они оба были изгоями?

— Хватит, Кэрри. Ты себя с ума сведешь.

— Моего сына убили. — Кэрри произнесла эти слова очень четко. — Я буду анализировать, сколько захочу. — Она одним глотком осушила стакан. Горло саднило.

— Просто ты пытаешься найти скрытый смысл там, где его нет. Я волнуюсь за тебя. Это же хорошо, что она была его другом.

— Ты ее не видела.

— Нет. — Лиа закрутила крышку на бутылке. — Но если бы увидела, это бы ничего не изменило.

— Ты не понимаешь, Лиа. Она сказала, что их никто не любил. Их. Их, черт возьми. А я даже не знала. — Кэрри потянулась к бутылке, но Лиа перехватила ее руку. Тогда Кэрри привалилась к Лиа и зарыдала. Рыдания были горькими, гневными. — Такое не должно было произойти со мной.

— Детектив Мастерс, эту девочку надо допросить.

Сдержанность стоила ей больших усилий. Голова Кэрри раскалывалась, но ей было все равно. Она была даже рада этой боли. Телефон пискнул — батарейка вот-вот сядет.

— Мы уже допрашивали ее, Кэрри. Дважды.

— И?

— Она не знает, кто это сделал.

— Да чтоб тебя...

Она не могла найти слов. Все изменилось. Она больше не была Кэрри Кент. Она была обычной женщиной, у которой убили сына. Такой же, как другие.

— Послушай, — сказал Мастерс, — приходи утром в участок с отцом Макса, и я расскажу вам, что мы нашли. Я буду там с восьми.

— Нашли? — прошептала Кэрри. Нашли. Это слово означало какой-то прогресс. Она не могла заставить себя спросить, что именно они нашли. Она хотела оставить себе хоть слабую тень надежды, чтобы пережить ночь. — Хорошо, — ответила она и дала отбой.

— Я твоя подруга. И буду с тобой, сколько потребуется.

Лиа переночевала у нее, а утром настояла, чтобы Кэрри приняла душ, перед тем как ехать в участок. Она приготовила для нее одежду и выбрала из огромного гардероба Кэрри брюки и топ для себя.

Пока Кэрри сушила волосы, Лиа нарезала фрукты и поджарила тосты. Есть они не хотели, но понимали, что это необходимо. Лиа налила кофе.

— Думаешь, Броуди приедет?

— Я оставила ему сообщение. Что я еще могу сделать? У него есть эта женщина, которая его везде возит. То, что наш сын умер, еще не значит, что мы теперь лучшие друзья.

— Кэрри, не жди слишком многого от визита в полицию. «Нашли» может обозначать что угодно. Ты же знаешь полицию...

— Это Макс, Лиа. Макс. — Кэрри стянула волосы сзади резинкой. Краситься она не стала. И к лучшему, подумала Лиа. Так ее труднее узнать. — Это Макс, а не безнадежный человеческий мусор из «Правды в глаза».

Вот в чем разница между нами, подумала Лиа. Вот почему ты в свете софитов, почему именно ты вскрываешь душевные раны всех этих преступников и их жертв. Лиа никогда бы не назвала людей, которые приходят на шоу, безнадежным мусором. Да, они несчастны

и сломлены. Некоторые настоящие чудовища. Но у каждого ведь своя история. Кто-то рассказывал ее добровольно, из других Кэрри приходилось вытягивать правду. После шоу каждому из участников предоставлялась психологическая помощь. Благодаря передаче у некоторых снова появлялась надежда. По мнению Лиа, только ради этого и стоило делать программу.

Дороги были пустыми. Лиа выехала из Хэмпстеда и повернула на запад. Повсюду бутылки, картонки из-под еды, банки — отпечаток субботнего веселья.

— Спасибо, Лиа. Спасибо, что ты со мной. — Кэрри дотронулась до ее руки. — Не только сегодня, а вообще.

Лиа посмотрела на Кэрри:

— Ты справишься с этим. Не сейчас. Но со временем.

Передвигался Броуди обычно очень уверенно, но на крыльце полицейского участка вдруг споткнулся, и Фиона не успела удержать его. Он упал, беспомощно выставив руки, и ударился головой прямо о ребро бетонной ступени. Охнув, Фиона бросилась к нему, опустилась на колени.

— Господи, у тебя кровь. — Она достала из сумки упаковку бумажных платков. — Не шевелись. Прости меня, Броуди. Я не думала...

— Это не твоя вина, что я ни хера не вижу.

— Но я обязана ограждать тебя от неприятностей.

— Нет. Ты должна помогать мне из них выбраться.

Фиона промолчала. Ссадина была большая и сильно кровоточила.

— Прости, — снова повторила она.

— Я... не смотрел, куда иду. — Лицо Броуди было совершенно серьезным. Фиона понимала, что он говорит вовсе не об этом падении.

— Думаю, нужно промыть. И продезинфицировать. — Она потянула Броуди за руку, помогая встать.

Он поморщился, растирая спину:

— Я старею.

На взгляд Фионы, ему было не дать его сорока шести. Вот бы он увидел себя в зеркале. Но его глаза всегда были устремлены только вперед, что бы он ни делал. Иногда Фиона как замороженная наблюдала за его ртом, когда Броуди работал, — Как он кривит губы, как они что-то шепчут или расползаются в улыбке, — наблюдала и гадала, кто последним целовал эти губы.

— Подожди, — сказала она, доставая еще один платок. — Прижми к ране.

В участке их проводили в комнату для допросов. Принесли кофе и тарелку с крекерами. Как будто им сейчас до угощения, неприязненно подумала Фиона.

— Здесь как-то мрачно. — Броуди отказался садиться. В ожидании главного инспектора Мастерса он мерил комнату шагами.

«А у тебя дома разве нет?» Фиона знала, что представление о комнате складывается у него из стука подошв по линолеуму, из едва уловимого запаха антисептика, оставшегося после уборки.

— Да, мрачно. — Она подошла к нему. Кровь уже пропитала бумажный платок, но Броуди отказался от помощи. — Не хочешь сесть? Тут есть кофе.

— Нет. — Броуди подошел к окну, закрытому решеткой. — Сюда приводят преступников, — пробормотал он. — На допросы.

Фиона не уставала удивляться тому, как быстро он ориентировался в незнакомом месте.

— Думаю, ты прав.

Внезапно Броуди обернулся. Его зубы блеснули в свете лампы, хотя он не улыбался.

— Это мы преступники. Кэрри и я. Мы виноваты в том, что случилось. — Он протянул руку, будто хотел обнять Фиону, но замер. Прежде чем она успела ответить, открылась дверь.

— Это Кэрри и ее подруга. И два детектива, — прошептала Фиона.

— Что с тобой случилось? — Кэрри внимательно посмотрела на Броуди.

Он не ответил. Подруга Кэрри, которую представили как Лиа, села рядом с ней. Никто не разговаривал, пока главный инспектор Мастерс не прервал молчание.

— Это были длинные сорок восемь часов. Ужасные сорок восемь часов для всех, кого коснулась эта трагедия. Но мы продвинулись вперед.

Кэрри сцепила руки. Фиона подумала, что она выглядит совершенно иначе, чем на экране. Уверенность в себе, агрессия — все исчезло. Это была не Кэрри Кент, а пустая скорлупа от нее. Фиона завороченно наблюдала за женщиной, которую когда-то любил Броуди.

— Мы проанализировали записи с камер наблюдения. И получили несколько многообещающих кадров, которые продолжаем изучать. На записи группа подростков убегает от школы примерно в то время, когда произошло убийство.

Он не упомянул имени Макса, отметила Фиона и взглянула на Броуди. Платок к ссадине он больше прижимал. К счастью, кровотечение прекратилось. На темной коже белели прилипшие обрывки бумажного платка.

— Кто это был? Что за подростки? — тихо спросила Кэрри.

— Пять человек, Кэрри. На записи видно, что они бегут от школы, но мы не можем точно сказать, были ли они собственно на территории школы. К сожалению, в момент убийства система безопасности в самой школе не работала. На ее починку нет денег. — Дэннис вздохнул. — Сейчас мы изучаем их одежду и, когда получим обработанные снимки, покажем свидетелю.

Кэрри вздрогнула.

— Свидетелю...

— Да. Как вы знаете, у нас есть свидетель. Девушка. — Мастерс подбирал слова с большой осторожностью. — К тому же мы прочесываем местность на предмет орудия убийства. Отчет о результатах вскрытия будет у меня к концу дня. У криминалистов есть несколько зацепок, надеюсь...

— Девушка? — Броуди неловко встал, уронив стул. — Как ее зовут?

Фиона посмотрела на детективов. Броуди позже потребует рассказать, как они реагировали.

Заговорил второй детектив.

— Мы уже побеседовали с ней. Мы думаем, что она обладает нужной информацией. Однако в данный момент она еще не оправилась от потрясения, и мы не можем давить на нее слишком сильно.

— От потрясения? — Кэрри тоже вскочила. Она обошла стол и встала рядом с Броуди. Сердце Фионы учащенно забилося. Теперь она ясно представляла этих двух людей вместе. Даже сейчас, сломленные, они были великолепны — каждый по-своему.

— Иногда у свидетелей бывает что-то вроде посттравматического стресса, — вновь заговорил Мастерс. — Память блокирует увиденное. Особенно часто такое случается с детьми и подростками. Это защитный механизм. Девушка стала свидетелем страшного преступления. И это изменило ее жизнь. Некоторые люди не готовы принять последствия таких событий, и их мозг просто делает вид, что ничего не произошло. Но со временем мы заставим ее говорить. Я уже сталкивался с таким. Ей нужно время. Если понадобится, с ней поработает детский психолог.

Фиона переводила взгляд с Броуди на Кэрри, потом на детектива.

— Как зовут свидетеля? — спросила она, понимая, что Броуди хочет это знать.

Мастерс нахмурился.

— Извините. Разглашать подобные сведения я не вправе.

Но в глазах Кэрри было столько мольбы, что он уступил.

— Ее зовут Дэйна. Но больше я ничего не могу сказать.

Прошное

Каждый знал, о чем думает другой. Они едва сдерживали улыбки, стоя у алтаря.

— Кэролайн Элизабет Кент, берешь ли ты Броуди Натана Квинелла в свои законные мужья...

Она повторяла клятвы на репетиции, читала их про себя тысячи раз, пытаясь уловить все оттенки значения слов. Но что в них было заключено именно для нее? Она посмотрела на Броуди. Его глаза сияли, иногда он кивал, словно в знак согласия. Кэрри подумала, что галстук у него слишком затянут.

В горе и в радости, в богатстве и в бедности, в болезни и в здравии...

Мужчина, который через несколько минут станет ее мужем, внимательно слушал священника. Тот, наверное, уже сотни раз произносил эти слова, они же услышат их лишь однажды. Это контракт — вот что она знала точно. Обещание, что они вместе встретят все, с чем бы им ни пришлось столкнуться в жизни. А еще, хотя Кэрри и не хотела быть слишком сентиментальной в день своей свадьбы, этот контракт связывал их духовно и физически на всю жизнь. Шел 1993 год, и «вся жизнь», казалось, только начинается.

Пока смерть не разлучит вас...

Внезапно ее охватил страх, такой сильный, всепоглощающий, что Кэрри едва устояла на ногах.

— Кэролайн? — Услышала она спокойный, теплый голос священника.

Она опомнилась и улыбнулась.

— Согласна, — искренне сказала Кэрри и посмотрела в глаза Броуди. Да, она действительно согласна стать его женой. Его темные глаза были центром ее мира. Она любила просыпаться рядом с ним и смотреть, как дрожат во сне его веки. Он грезил — во сне и наяву. Кэрри любила его за это — за сотни сюрпризов, которые таил в себе этот человек.

Броуди Квинелл, берешь ли ты...

Кэрри не могла бы точно сказать, кто поймал ее букет. Да и вообще она мало что помнила о своем «особенном дне». Все так быстро пролетело. Она опомнилась только тогда, когда они с Броуди поехали в Костуолд, где им предстояло провести короткий медовый месяц. Броуди мог отлучиться с работы лишь на несколько дней.

Каменный коттедж недалеко от Чиппинг-Нортон был собственностью одного из коллег Броуди по университету.

— Так тихо. — Кэрри стояла у окна, за которым открывался вид на темные поля. — Но думаю, я не смогла бы тут жить. Я бы скучала по городу.

— Боб тут и не живет. Он обычно приезжает на выходные. И симпатичных студенточек привозит, наверное.

Кэрри рассмеялась.

— Броуди, что ты несешь в нашу брачную ночь. Вот чем ты, значит, собираешься заниматься, когда я постарею? Будешь развлекаться с юными Дарованиями? Давать им частные уроки?

— Даже не собираюсь отвечать на столь гнусные инсинуации.

Большие руки Броуди ловко справились с крошечными пуговицами на ее блузке. Ткань соскользнула с плеч. Он расстегнул лифчик, и они перебрались поближе к камину, в котором Броуди разжег огонь. Владелец коттеджа оставил им достаточно поленьев, а также шампанское в холодильнике.

— У нас хорошие друзья, — сказала Кэрри.

Броуди обнимал ее, зарывшись лицом в волосы, и ничего не ответил.

Потом они лежали, завернувшись в одеяло, у огня, пили шампанское и ели канапе, которые еще утром доставили сюда из Оксфорда.

— Это ведь навсегда, понимаешь, — сказала Кэрри. — Ты, я, дом, дети, собака, каникулы. С нами ведь никогда ничего не случится, да?

— Я об этом позабочусь, — ответил Броуди, целуя ее в лоб.

Осень 2008 года

Дэйна не раз слышала болтовню девчонок о сексе. Они вечно трепались об этом на переменах: со сколькими парнями уже переспали, когда надо пить противозачаточные таблетки, не подцепили ли какую дрянь, маленький или большой у того парня, брали ли они в рот.

И в разговорах этих не было ни слова о любви — по крайней мере, о настоящей любви. Ее поколение выработало стойкий иммунитет к этому чувству. Дэйна считала, что это относится и к ней самой. Вернее, считала раньше.

— Ты на что уставилась, уродина?

На нее зло смотрела высокая блондинка с прямыми длинными волосами.

— На тебя. — Ей было все равно, разозлится девушка или нет. Ей вообще все сейчас было все равно. Дэйна ждала Макса. Им надо было поговорить.

Блондинка визгливо захохотала. Группа из пяти девушек, похожих друг на дружку настолько, что их запросто могли принять за сестер, окружила ее.

— Так ты на меня пялишься? Ты что, лесба?

Вся компания зашлась в хохоте.

— Типичная лесба, — сказала другая крашеная блондинка.

— Не смей на меня пялиться, усвоила? Нечего таращить на меня свои лесбийские зенки. — Девушка закурила. Ногти у нее были ухоженные, выкрашенные розовым лаком. — Ну, чего молчишь, лесба? — Она скрестила руки, выставила вперед бедро.

— Я не лесбиянка, — сказала Дэйна так тихо, что сама была не уверена, произнесла ли она это вслух. Опыт подсказывал, что следует втянуть голову в плечи и опустить взгляд, тогда ее скоро оставят в покое. Но какая-то неведомая прежде часть ее существа рвалась ударить, пнуть, укусить, разорвать в клочья эту дрянь, что стояла перед ней.

— Ну-ка, погромче. Нам не слышно.

— Так по кому из нас ты сохнешь?

Снова дружный смех.

Дэйна молчала. Прилив адреналина спал, уступив место привычному страху. Она смотрела на свои башмаки, зная, что через минуту, через две, через час, но все это закончится. Она думала о Лорелл, которой это только предстоит. Как ее защитить? Как оградить сестренку от всего этого дерьма?

— Я спросила, на кого из нас ты запала, лесба?

Дэйна подняла глаза, постаравшись унять дрожь.

Похоже, эта блондинка здесь главная.

— Может, мы ей все нравимся, — хихикнула одна из подружек.

— Никто из вас мне не нравится, — неожиданно для себя ответила Дэйна. — По-моему, вы все отвратительные.

Она задержала дыхание, надеясь, что это поможет скрыть охватившую ее панику. Глаза у всех девчонок как по команде расширились, рты приоткрылись от удивления.

— Вломим ей!

Дэйна кинулась к школьным воротам. В отличие от других девушек, она предпочитала армейские башмаки, а потому на каблуках за ней не угнаться. Да и адреналин прибавил сил.

— Эй, ты, сука драная! — неслось ей вслед. — Мы тебя найдем!

Она все бежала и бежала, мимо заброшенной парковки, через замусоренную школьную территорию, вдоль канала, где они с Максом устроили как-то пикник. Спустившись к воде, она наконец остановилась и согнулась пополам, пытаясь отдышаться.

Злые слезы текли по ее щекам. Как же она их всех ненавидит! Почему они не оставят ее в покое? Она же им ничего не сделала. Дэйна подобрала камень и с силой швырнула, камень звякнул, угодив в старую тележку из супермаркета. Дэйна представила себе, как окунает голову блондинки в грязную воду канала и ждет, пока на поверхность перестанут подниматься пузырьки. Больше всего на свете ей хотелось причинить боль, неважно кому, только бы избавиться от злости и тоски, что скопились внутри.

В школу она решила не возвращаться, вместо этого пойти в хижину Макса. Она знала, что не застанет его там, что ж, подождет. Черкнет эсэмэску, если деньги на телефоне остались. Сегодня у них английский, должны были раздать сочинения. Эти стервы подчинили себе всю ее жизнь: нужно выбирать коридоры, чтобы добраться до класса, не попавшись им на глаза, нужно думать, идти в столовую или сегодня придется прятаться с банкой колы в школьном дворе. И вот теперь из-за этих тварей приходится пропускать единственный любимый предмет.

По мосту загрохотал поезд. Странно, что эта лачуга простояла так долго, от поездов мост так и ходит ходуном. Дэйна подошла к двери и повернула ручку. Дверь поддалась. Дэйна отпрянула. Макс сейчас в школе. Может, там грабители? У Макса полно добра...

Она медленно отступала, стараясь не производить шума. Дверь резко распахнулась.

Человек, возникший на пороге, выставил перед собой нож.

Дэйна вскрикнула. Но в следующий миг поняла, кто перед ней.

Какого черта... — Она едва могла говорить. — Я думала, ты в школе.

— Я там и был. — Макс опустил нож и повернулся к ней спиной.

— Эй, подожди. — Дэйна схватила его за плечо, развернула к себе. — Ты плакал.

— Ну и что? — Он стряхнул ее руку и вошел в хижину, Дэйна следом.

— Что случилось? — Она толкнула его в автокресло, рядом с которым на ящике лежал дымящийся косяк и стояла банка пива. Затянувшись, она передала косяк Максу. Потом отпила пива и поморщилась. — Рассказывай.

Понадобилось пятнадцать минут, чтобы сердце Макса перестало бешено колотиться. Он не хотел показывать, как испугался, когда услышал, что кто-то открывает дверь хижины, но Дэйна все равно все поняла. Как она узнала, что он здесь? Неужели ей уже известно и остальное?

— Рассказывай, — повторила Дэйна.

Макс понимал, что только она одна во всем мире сможет понять его, но после их поцелуя... разве мог он рисковать? Разве мог разочаровать девушку, которая ему по-настоящему нравится? Да, ему и прежде нравились девушки. В старой школе. Но именно из-за них он оттуда и ушел. Его тогда разыграли, подстроили все так, чтобы высмеять. А учителя прикинулись, будто ничего не произошло, будто так и надо. Выходит, пока ты не пройдешь испытания из насмешек, издевательств и унижений, тебе не стать настоящим учеником Дэннингема.

Макс отвернулся.

— Да ничего не случилось. Просто плохой день. — То же самое он сказал классному в Дэннингеме. — А ты? Ты что, бежала?

— Да. Пришлось убегать от этих сучек. — Она ухмыльнулась с наигранной бравадой.

— Что они сделали?

— Да как обычно. Только я бегаю быстрее. — Дэйна рассмеялась, взяла из его пальцев косяк и затянулась. Помолчала. Вернула косяк, чуть влажный от ее слюны. — А теперь ты рассказывай. Хватит строить из себя крутого.

Хватит строить из себя крутого. Перед закрытыми глазами замелькали картинки того, что случилось в Дэннингеме. Они напали на него в душе, ударили ботинком в висок, отобрали все деньги и смеялись, смеялись. Как давно-давно, когда в детском саду мальчишка отодвинул стул и он с размаху шлепнулся на пол, а родители лишь посмеялись; и позже, когда его столкнули с лестницы и он сломал ногу, а родители были слишком заняты, чтобы расспросить, что же случилось; и все эти мелкие происшествия, в столовой как-то сыпанули целую солонку в суп и заставили есть; и все это барахло, что у него вечно отбирали, калькулятор, телефон, часы, что подарил отец, деньги на завтрак; и все эти шуточки, все эти прозвища и клички, все эти насмешливые улыбки учителей и гогот одноклассников, и как никто не желал быть с ним в паре на лабораторных...

— Макс?

Он почувствовал, как Дэйна пальцем провела по его щеке, смахивая слезу.

— Что случилось? Расскажи мне.

— Просто устал от всего. Бывает. — Он улыбнулся и глотнул пива. Но никакое пиво не могло уничтожить вкус мочи.

Воскресенье, 26 апреля 2009 года

Главный инспектор Мастерс считал, что боль в груди, которая появилась после того, как Кэрри и Лиа покинули участок, — это обычная невралгия от несварения. Отец Макса и его ассистентка уехали, и Мастерс и Марш попытались хоть как-то утешить женщину, которая прежде никогда не нуждалась ни в чьих утешениях. Внезапно его партнерские отношения с Кэрри превратились в отношения между полицейским и жертвой преступления. Погиб мальчик. Сын знаменитой матери. Женщины, с которой полиция давно и тесно сотрудничала. Эфирное время, что Кэрри предоставляла лондонской полиции, да еще и специальные репортажи каждые три недели были просто бесценны с точки зрения раскрытия преступлений. К тому же, если быть до конца честным, Мастерсу нравилась атмосфера телестудии. Работа с Кэрри имела много плюсов.

— Полная катастрофа, — сказал Алан Марш, когда Лиа вывела из комнаты тень, которая была когда-то Кэрри Кент.

— Катастрофа для нашего участка, — резко сказал Мастерс. — Кровь из носу, нам нужно поймать ублюдков.

Он помассировал грудь. Несварение тут ни при чем, понял он. Вероятно, это сострадание.

— Я должен снова поговорить с вашей дочерью, миссис Рэй.

По привычке он предъявил удостоверение. Женщина на него даже не взглянула.

— Она что, еще не все сказала? Дэ-эйна! Полицейский опять пришел.

В гостиной на диване развалился мужчина. В ногах у него растянулся пес. Больше сесть было некуда. Тут сзади раздался голос Дэйны:

— Здравствуйте.

Казалось, она почти рада его видеть.

— Дэйна, я хотел бы еще раз с тобой поговорить. — Он взглянул

на мужчину, который, похоже, не собирался двигаться с места. — Может, пройдемся?

— Ладно.

Глядя, как она натягивает куртку, которая ей явно мала, Мастерс спрашивал себя, смывается ли вообще черная подводка с ее век. Он заметил, как девушка ласково, но твердо отказала младшей сестре, которая просилась пойти с ними.

— Взрослые разговоры, Лорелл, — сказала она, погладив девочку по голове.

Они шли по улице. Макияж придавал ее лицу суровость, которой на самом деле не было. Черные волосы спереди были коротко подстрижены, но сзади падали на плечи неровными прядями, некоторые были выкрашены в оранжевый цвет. Ногти короткие и грязные, пальцы желтые от никотина.

— Хочешь сигарету? — Сам Дэннис не курил, но всегда держал в кармане пачку.

— Да.

— Я знаю, что тебе тяжело об этом говорить, но мы должны прояснить все факты, пока твои воспоминания еще свежи, — объяснил он, давая ей прикурить.

Дэйна кивнула и затянулась.

— Ты — наш единственный свидетель. И это твой шанс оказать Максу последнюю услугу.

Она шмыгнула, помолчала, затем сказала:

— Да, вы правы. Что вы хотите знать?

— Начни со вчерашнего утра. Перед тем как ты встретила Макса...

— Я зашла купить чипсы. — Она замолчала, как будто ждала, что он ее отругает. — Я прогуливала. Ненавижу биологию, потому что эти девчонки со мной в одной группе.

— Где ты купила чипсы? — Он старался идти помедленнее.

— В ларьке недалеко от школы. Все туда ходят.

— Что было потом?

— Я вернулась в школу. Хотела сесть где-нибудь на школьной оgrade и поесть. Дождаться Макса. Он тоже не любил биологию.

— Итак, ты сидела на оgrade?

— Ага. Там все курят. Учителям по фигу.

— Долго ждала?

Дэйна подумала.

— Минут десять, наверное. Я не успела съесть все чипсы.

— Макс сел рядом с тобой?

Она раздавила окурок носком ботинка.

— Ага.

— Какое у него было настроение? Я слышал, что он... немного не вписывался в коллектив.

Дэйна горько рассмеялась.

— Немного чего?

Мастерс не ответил. С минуту они шли молча. Мастерс злился на себя. Идиот.

— Вы просто не понимаете, да? — наконец спросила Дэйна. — Не понимаете, как это все устроено. Как ведут себя другие подростки и вообще как это — быть другим.

— Когда-нибудь ты мне расскажешь. А сейчас я хочу знать, что случилось в пятницу. Итак, ты сидела на оgrade, ела чипсы, а потом?

Дэйна глубоко вздохнула.

— Потом появились они. Внезапно, вроде как ниоткуда.

— Кто?

После разговора Мастерс собирался отвезти Дэйну в участок. Если она расскажет всю правду сейчас, в личной неформальной беседе, то есть шанс, что затем даст и официальные показания.

— Банда. Восемь, девять, может, десять человек. И начали наезжать на Макса.

— Ты, должно быть, испугалась?

Камеры наблюдения зафиксировали только пять подростков.

— Да.

— Что они говорили и делали?

Дэйна вдруг словно опомнилась.

— Не знаю. Типа, насмехались над ним.

— Почему?

Она остановилась и повернулась к нему:

— Он только в пятницу умер, понимаете? — Губы у нее мелко подрагивали.

— Вот. — Дэннис протянул ей еще одну сигарету.

— Да все как обычно было. Хотели отобрать у него деньги. И телефон. Они все время над нами издевались.

— Он отдал им то, что они хотели?

Дэйна запнулась, потом заговорила:

— В этот раз нет. Поэтому... — Она выдохнула дым. — Поэтому все так и закончилось. Они просто подходят и требуют все им отдать, понимаете?

Мастерс кивнул.

— Значит, Макс отказался отдать им телефон. А вы оба в этот момент сидели на ограде?

— Нет, конечно. Они сразу, как подошли, выбили чипсы у меня и стащили нас оттуда. У меня ссадины на ногах остались.

Дэннис представил место преступления, понял, о какой ограде идет речь. Она находилась метрах в трех от того места, где убили Макса. И забрызганные кровью чипсы валялись рядом с телом.

— Они вас обоих стащили?

— Да. Макса за руки, а меня за волосы.

Мастерс покосился на оранжевые пряди. Надо будет проверить отчет о вскрытии — есть ли на руках синяки.

— Потом они окружили нас. Один схватил меня за зад. Меня трясло. Я дико испугалась.

— Представляю. — Не надо больше ничего спрашивать. Пусть

просто говорит.

— Вдруг появился нож. Они сказали, будто слышали, что Макс любит подраться, и что они хотят это проверить. Знаете, такой нож-бабочка. Я не заметила, кто его достал. Раз — и он уже есть. Как в фокусе. — Она быстро затянулась, потом еще. — Но я не думала, что они пустят его в ход. Они всегда только угрожают, ну и все такое.

— Так ты их знаешь? — Дэннис не хотел ее прерывать, но этот вопрос задать необходимо. — Они и раньше вам угрожали?

— Да сколько раз. Но я не знаю, как их зовут.

— Они учатся в вашей школе?

— Может быть. Только после всего этого они в школу вряд ли пойдут.

— Но ты могла бы их опознать?

Дэйна пожала плечами. Она выглядела абсолютно несчастной.

— На них были капюшоны. Лиц почти совсем не видно.

Дэннис кивнул. На записи то же самое.

— А что на них было надето, помнишь?

— Ничего особенного. Тренировочные штаны. Белые. Куртки с капюшонами. У одного были полосы на рукаве.

В участке он покажет ей снимки. Вечер предстоит долгий. Но в одном Мастерс не сомневался. Дэйна Рэй не вернется домой, не дав показаний или четкого описания убийц Макса.

Мать пришла в ярость, узнав, что Дэйна не сможет пригласить за Лорелл вечером. Они с Кевом, как обычно, намылились в паб.

— Мы каждый вечер ходим в паб! — разоралась она, когда полицейский сказал, что забирает Дэйну в участок и ей стоит сопровождать дочь. — А эту куда девать? — Она указала на Лорелл, которая возилась на полу с псом. — Я же не могу ее оставить.

Но Дэйна знала, что именно так мать и поступит.

Дэннис Мастерс разрешил ей называть его по имени. От этого Дэйна вдруг ощутила собственную значимость, и на недолгое время чувство это немного потеснило тоску. Уходила она под

аккомпанемент скандала между матерью и Кевом, как всегда — из-за денег. На сковороде шипели консервы, по дому лился ужасный запах. Как хорошо, что можно отсюда уйти, хоть ненадолго. После смерти Макса дома стало совсем невыносимо. Горевать по нему в полицейском участке даже лучше, чем горевать по нему дома. Здесь всем на нее наплевать. А этот полицейский за последние двое суток уделил ей больше внимания, чем ее собственная мать за всю жизнь.

— Что это? — спросила она в машине.

— Рация, — ответил Мастерс. — Чтобы я мог связаться с другими детективами.

— То есть музыку не слушаешь?

Максу наверняка бы понравилось ехать в полицейской машине. Дэйну никогда не арестовывали, но другие в школе часто хвастались, что провели ночь в камере за пьяную драку или наркотики.

По дороге Дэйна обдумывала, что скажет в участке. Дэннис уже объяснил ей, что придется снова рассказать все с начала до конца ему и другим детективам, а он будет записывать ее показания. Они еще и диктофон включают, чтобы ничего не перепутать. Она сжала кулаки так сильно, что пальцы онемели. Из динамиков донесся чей-то голос. Дэннис ответил, но она не поняла, о чем они говорят.

— Не верю, что он умер, — пробормотала она.

Дэннис молчал. Она решила, что он, наверное, не услышал, но он вдруг произнес:

— Я тоже.

Дэйну оставили с женщиной, поначалу показавшейся ей бесчувственной крысой. Но уже через несколько минут Дэйна передумала.

— Меня зовут Джесс Бриттон. — Женщина обняла Дэйну за плечи и повела по коридору. — Я детектив, как и Дэннис. Хочешь горячего какао? Надеюсь, автомат работает.

— Спасибо.

На самом деле ей хотелось не какао, а покурить. Они с Джесс были одного роста, отметила Дэйна, исподтишка разглядывая свою

опекуншу. Интересно, есть ли у нее пистолет. Черные узкие брюки и белая блузка придают ей строгий вид, хотя это и не полицейская форма. Из-за короткой стрижки она немножко похожа на мужчину, хотя очень хорошенькая.

Они остановились посреди коридора — серый линолеум, серые стены, — и Джесс засунула две монетки в автомат с напитками. Пахло дезинфицирующей жидкостью, как в школе по понедельникам. Джесс пнула автомат, и он выдал пластиковый стаканчик, полный какао с пенкой. Стаканчик обжигал пальцы. Дэйна сказала спасибо и даже улыбнулась, но ей уже стало не по себе от здешней атмосферы. Дэннис сказал: «Будет трудно, но ты справишься». Что же ей предстоит?

— Сюда, Дэйна. — Джесс открыла дверь в комнату, которая была больше, чем весь нижний этаж их дома. — Садись. Остальные сейчас придут. Мы просто еще раз пройдемся... ну, по событиям того утра.

Дэйна молча смотрела на эту элегантную женщину с рацией у пояса и золотой цепочкой на шее. Хотела бы она стать когда-нибудь такой, как Джесс. Стать женщиной, на которую все смотрят и думают: «Хочу быть такой, как она».

— Можно закурить?

Джесс открыла окно:

— Только в окно.

Дэйна похлопала себя по карманам:

— Ой, у меня нет сигарет.

Джесс покопалась в ящиках стола, выудила пачку:

— Лови.

Дэйна прикурила и как можно дальше высунулась наружу.

Полицейские просто спросят ее про пятницу, вот и все. Она расскажет им, что произошло, и ее отпустят. Остальное — дело полиции, верно? Все будет хорошо. Только вот Макс так и останется мертвым, а ее жизнь без него снова превратится в полное дерьмо. По щекам покатились слезы.

Прекрати, дура, велела себе Дэйна.

Расскажи им, что случилось. Просто расскажи.

Неужели это так трудно? Неужели ты не хочешь, чтобы этих подонков посадили? Макс бы этого хотел. Так им и надо за все, что они сделали.

— Пора, дорогая. — Джесс похлопала ее по спине. Дэйна в последний раз затянулась и выбросила окурок на улицу. — Начнем.

Джесс села за стол в центре комнаты. Вошли Дэннис и еще двое полицейских. Один из них приходил с Дэннисом к ней домой.

— Ну что, наслаждаешься чашечкой нашей лучшей бурды? — спросил Дэннис.

Никто не рассмеялся.

— Не такая уж бурда. — Вообще-то Дэйне действительно понравилось какао.

— Дэйна, мы собираемся записывать этот разговор на бумаге и на диктофон. — Дэннис обвел коллег взглядом.

— Ладно. Как хотите.

— Тебе может временами казаться, что мы снова и снова задаем одни и те же вопросы, но сейчас расследование находится на очень важном этапе, и мы не хотим ничего упустить.

Дэйна тоже не хотела, чтобы они что-нибудь упустили. Не хотела, чтобы эти сволочи продолжали наслаждаться жизнью на свободе. Макс умер. А он не сделал ничего плохого. И она тоже. Они просто болтали, курили, обнимались, дружили... ну и все такое.

— Я постараюсь помочь вам, — громко сказала она. — Я хочу, чтобы вы их поймали. Я помогу. — Она глотнула какао. Никакая это не бурда.

Кэрри не могла находиться дома. Повсюду вещи Макса. Ужасная еда, которую он запихивал в Холодильник, а она обычно выбрасывала, его зубная щетка в ванной, его куртки в прихожей, его велосипед в гараже. Пусть Марта этим займется. Кэрри никогда не найдет в себе сил, чтобы убрать все это. И дело не только в том, что он умер. Уж она-то перевидала достаточное количество осиротевших семей, чтобы понимать: со временем она очнется и у нее появится

шанс на какое-то подобие нормальной жизни. Нет, дело было в том, что он *не должен* был умереть. Дело было в ней и Броуди, в их равнодушии и невнимательности, в их вине...

— Отвези меня к дому этой девочки. Я хочу ее видеть.

— Кэрри, я не думаю...

— Ладно. Я сама сяду за руль.

— Это тоже плохая...

— Лиа. Ты помнишь, когда мы учились в университете, умер мой отец?

Лиа сжала руль. Они медленно продвигались по запруженным улицам.

— Да. После похорон тебе было очень плохо. Ты пыталась притвориться, будто тебе все равно.

— А я ведь его даже не любила.

— У тебя были психологические проблемы. Я старалась помочь тебе справиться с ними.

— Да. — Кэрри резко повернулась к Лиа. — Да, ты сидела со мной ночи напролет, мы обсуждали мое детство снова и снова, ты пыталась помочь мне понять, что же я делала не так, почему отец не замечал меня. А потом ты поехала вместе со мной туда, где я жила, устроила так, чтобы нас пустили в старые офицерские квартиры. Чтобы я попыталась вспомнить... Вспомнить, что же я делала неправильно.

— Но, Кэрри, ты все делала правильно. И теперь ты это знаешь.

— Да, да, конечно. Неужели ты не понимаешь, Лиа? Сейчас то же самое. Только в этот раз я все же *сделала* что-то не так. И если я не пойму, что именно, я не смогу жить.

Лиа согласилась, что ничего плохого не случится, если они проедут по району и попробуют найти дом этой девочки.

— Посмотри на них, — сказала Кэрри, словно впервые в жизни видела неприкаянных подростков. — Ты только посмотри на них.

— Просто дети, Кэрри. Люди. Такие же, как ты и я, просто им меньше повезло в жизни. Это не их вина.

Слова Лиа задели Кэрри за живое. Впервые после смерти Макса она почувствовала что-то, кроме горя.

— При чем тут везение, Лиа?

Она много раз произносила эти самые слова на шоу. В последний раз они были обращены к несчастной женщине, которая жаловалась на то, как тяжело быть матерью пяти детей от пяти разных мужчин. Первого ребенка она родила в пятнадцать.

— При чем тут везение, когда речь идет просто о том, чтобы не спать с кем попало? — отрезала Кэрри, когда женщина принялась сетовать, что ей не везет в жизни. — При чем тут везение, если вы прогуливали школу, вместо того чтобы получать образование? При чем тут везение, если вы просто пренебрегаете собственными Детьми и даже не даете себе труда выйти из дому, чтобы поискать работу, любую работу? Но в чем мне действительно повезло, — Кэрри почти жалела, что произносит эти слова, — так это в том, что, выйдя из студии, я смогу забыть и о вас, и об этом наркодилере, с которым вы живете. А вы, дорогая моя, не сможете. До конца ваших дней.

Зрители в студии аплодировали и свистели, и, как это часто бывало, Кэрри не знала, кого они освистывают — ее за безжалостность или гостей. Но ее это не трогало. Реакция зрителей в студии означала, что шоу получит хорошие рейтинги, а только это и требовалось.

— Это где-то здесь. Видишь вон то дерево?

Лиа притормозила, но на улице никого не было, лишь какие-то ребятишки палками гоняли по земле шуршащий пакет.

— Спросим у детворы? — предложила Лиа. — Странно, что они гуляют одни. Совсем ведь мелюзга. Она опустила стекло. — Эй! Привет! Знаете, где живет девочка по имени Дэйна?

Четыре пары глаз уставились на нее. Три мальчика и девочка, все не старше шести лет. Девочка выставила палку. Лиа показалось, что она собирается атаковать «мерседес».

Кэрри перегнулась через Лиа:

— Слушайте, я дам вам пятьдесят фунтов, если вы покажете мне дом Дэйны.

Девочка выступила вперед.

— Я покажу.

— Забирайся в машину, — Кэрри открыла заднюю дверцу.

— Кэрри, так нельзя! — Лиа в ужасе наблюдала, как девочка проворно залезает в машину. Палку она взяла с собой.

— Куда? — спросила Кэрри, обернувшись.

Девочка ткнула пальцем и пискнула от восторга, увидев, что ее приятели гонятся за машиной на велосипедах.

— Это далеко? Ты знаешь номер дома?

— Здесь, — вдруг сказала девочка и, наклонившись вперед, просунула голову между передними сиденьями. От нее пахло чем-то до отвращения сладким.

Лиа припарковалась.

— Неужели ты туда зайдешь?

— Конечно.

Кэрри собралась поблагодарить девочку и дать ей деньги, но та уже вылезла из машины. Они проехали всего метров сто.

— Мне придется идти одной?

Лиа вздохнула:

— Нет, конечно, хотя я не понимаю, чего ты хочешь добиться.

Кэрри вылезла из машины. Девочка уже исчезла.

У стены дома лежало несколько букетов в оберточной бумаге. Кэрри с удивлением тронула один и вскрикнула.

— О боже... О боже, ты только посмотри.

Лиа заперла машину и подошла к Кэрри:

— В чем дело?

Все головки у цветов были срезаны. Букет был просто пучком стеблей. Лиа обняла Кэрри за талию.

— Макс тут ни при чем. Ты просто сейчас все воспринимаешь слишком близко к сердцу.

— *Ты следующая*, — прочитала Кэрри записку, прикрепленную к бумаге. — Лиа, что это значит?

Лиа развернула второй букет. На землю посыпались листья крапивы, сорняки и еще какая-то дрянь. Все это было обернуто мокрой туалетной бумагой и воняло.

— Мило, — сказала Лиа, стараясь, чтобы ее голос звучал спокойно. — Чего только люди не бросают на улице. Вот идиоты. Должно быть, детки резвятся.

Кэрри закрыла глаза. Она уже собиралась порвать записку, но вдруг подумала, что нужно бы отдать ее Дэннису, и аккуратно положила в сумку.

— Кэрри, думаю, нам не стоит... — начала Лиа.

Но Кэрри уже стояла на крыльце.

— Да? — Дверь открыла женщина в джинсах и футболке. Лицо раздраженное. За ее ногами пряталась девочка. Та самая, что показала дорогу.

— Ой, это ты, — удивилась Лиа.

— Она опять напакостила? — Женщина положила руку девочке на голову и развернула ее в сторону от двери. — Что вы хотите?

— Там у стены лежит...

— Что там еще лежит? — Женщина выставила голову на улицу, стараясь разглядеть, о чем речь.

— Вы знаете, кто это оставил? — спросила Кэрри.

— Ясное дело, нет. Здесь всякое дерьмо бросают. — Она собиралась уже закрыть дверь.

— Подождите. Дэйна дома?

Женщина скривилась.

— Я так и поняла, что вы из полиции. Опять пришли про убийство спрашивать? Опоздали. Ее уже увезли. Давно уже. Этот, как его, Мастерс. Да пусть хоть насовсем ее оставит, мне-то что. Она все равно валяется целыми днями у себя в комнате, ни хрена от нее не добьешься.

Кэрри оглянулась на Лиа, та вздохнула. Они вернулись к машине. Злобный голос все еще звучал у них в ушах.

К радости Мастерса, Дэйна повторила свой рассказ. Здесь, в участке, девушка вдруг словно повзрослела. Судя по всему, она полностью осознала, насколько важны ее показания.

— Они все не отставали. Стало понятно, что сейчас что-то произойдет. А потом вдруг возник нож, словно из ниоткуда.

— Ты смогла бы опознать этот нож, если бы мы его нашли? — спросил Дэннис.

— Думаю, да. Такой, знаете, нож-бабочка.

— Значит, парень с ножом стал угрожать Максусу?

Дэйна задумалась.

— Ну вроде бы. Они все угрожали, я же сказала. А потом все стало совсем ужасно.

— В каком смысле?

Дэннис наблюдал за лицом девушки. Ему не хотелось заставлять ее переживать все это снова, но иного пути не было.

— Ну, они стали толкать нас, потом бить. Убежать мы не могли. Что мы им сделали? Просто ели чипсы и... и болтали.

— Тот парень с ножом, он ударил им Макса?

Лицо Дэйны внезапно словно закрылось. Она молчала.

— Дэйна. Ты видела, Дэйна? Это был он?

Девушка в упор посмотрела на Мастерса.

— Да. — Ее глаза наполнились слезами. — Снова и снова, — прошептала она, вцепившись в край стола. — Нож вонзился в него, и все закричали, кроме Макса... Нож вошел очень быстро, а вышел медленно. А когда... когда он понял, что натворил, он вроде как должен был делать это опять и опять. Как будто у него не было выхода.

— А Макс?

Дэйна покачала головой.

— Он просто стоял. Его глаза стали какими-то другими, и он все смотрел на меня, как будто хотел что-то сказать. А кровь хлестала. — Дэйна уронила голову на руки. — Он упал на колени, а потом на землю.

— А когда убежали те парни?

Дэйна подняла голову.

— Он уже лежал на земле. Я закричала, и они тоже закричали. Потом они побежали, когда поняли, что случилось. Можно закурить? Мне нужна сигарета.

Джесс встала и принесла пепельницу. Про окно она даже не вспомнила.

— Значит, как только Макс упал, парни убежали.

Дэйна кивнула.

— Куда они побежали?

— Не знаю. К воротам, наверное. Я не смотрела. Я пыталась помочь Макс. Я ничего не могла сделать. Он умирал у меня на глазах. Я вызвала «скорую» и старалась вспомнить, как оказывать первую помощь.

— Ты все сделала правильно, дорогая, — сказала Джесс. — Мы опросили очень многих в школе. Никто не видел, как именно это случилось, но несколько человек видели, как убегали парни. А теперь подумай хорошенько и скажи вот что: возможно ли, что они покинули территорию школы каким-то другим путем?

Дэйна нахмурилась. Мастерс сердито взглянул на Джесс. Что она делает? Ведь она практически в открытую сообщила Дэйне, что ее показания расходятся с другими свидетельствами.

— Джесс хотела спросить: ты уверена, что они выбежали из главных ворот школы?

— Ну да.

— А тот парень, что ударил Макса ножом, он все еще держал его в руке, когда убегал?

— Наверное.

— Они что-то сказали напоследок?

Дэйна всхлипнула, закашлялась.

— Ну, они не стали прощаться, если вы об этом.

Дэннис почувствовал себя глупо. Конечно, он имел в виду другое.

— Дэйна, ты помнишь еще что-нибудь?

— Один из них крикнул «смываемся».

— Ты сказала, что они издевались над вами, били тебя и Макса, — снова вступила Джесс.

— Да. Очень сильно.

— Куда они тебя ударили?

— По ногам. По голени.

— У тебя есть синяки?

Дэйна помолчала, потом ответила:

— Не знаю. Я не смотрела.

— Можешь подтянуть штанины?

Дэйна медлила.

— Это нам поможет, — сказала Джесс.

Дэйна наклонилась и задрала штанину на одной ноге до колена.

— Вот здесь. И на другой ноге тоже.

Мастерс поймал взгляд Джесс и качнул головой, давая понять, что не нужно давить.

— Я не вижу синяков, — сказала Джесс. Дэйна принялась грызть ногти. Потом взяла сигарету из пепельницы, стала разминать.

— Но ноги у меня до сих пор болят.

Дэннис поерзал на стуле. Он боялся, что своими вопросами Джесс может все испортить.

— Просто синяков не осталось, — сказал он, пытаясь разрядить обстановку, — так бывает.

Он чувствовал, что Дэйна вот-вот запаникует. Девочка кивнула:

— Ага.

— Но ты же сказала, что они тебя избили, — продолжала упорствовать Джесс.

Господи боже, подумал Мастерс.

— Давайте сейчас забудем про побои, ладно?

Однако ни Джесс, ни Дэйна не обратили на него внимания.

— По-вашему, я вру?

— Нет, просто хочу все выяснить. Это важно. Ты сказала, что они тебя сильно избили. Но я не понимаю, почему же тогда нет синяков.

— Не знаю. Может, и не очень сильно. Я реально стараюсь все вспомнить. Правда. Я хочу, чтобы вы их поймали. Мой лучший друг умер.

Джесс перелистнула блокнот.

— Давай немного вернемся назад, Дэйна. Я хотела бы знать, кто был врагом Макса, а поскольку ты его лучшая подруга, ты наверняка знаешь.

Дэйна засмеялась, и тут же брызнули слезы. Это была истерика. Она начала шарить по карманам в поисках платка, не нашла, и Джесс протянула ей коробку салфеток.

— До вас просто не доходит, да? — Дэйна высморкалась. — Нас никто не любил, понимаете? Все были нашими врагами. Все нас ненавидели.

— Ты говоришь «нас», Дэйна. Значит, тебя все ненавидели до того, как ты познакомилась с Максом?

— Ну конечно. Нас ненавидели одни и те же люди. Получилось, Макс как будто унаследовал эту ненависть от меня, потому что стал моим другом. Он же недавно пришел в нашу школу. А я провела там уже несколько лет, и все успели понять... понять, что я другая, не такая, как они. Что я фрик. — Она с отвращением выплюнула последнее слово.

— Почему? — спросила Джесс. — Почему другие школьники над тобой издеваются?

Дэйне не нужно было обдумывать ответ.

— Потому что я другая. Я не в банде, я не быдло, и я не эмо. Все же любят навешивать ярлыки.

— Так кто ты? — спросила Джесс.

Дэйна пожала плечами и покраснела.

— Да просто... я.

— А Макс входил в какую-то группу? — вмешался Дэннис.

— Нет. Он же пришел из этой странной школы. Она была частная и стоила целое состояние. Не думаю, что он особо о ней рассказывал, но слухи все равно гуляли. И это было, ну, как масло в огонь. — Дэйна сглотнула. — Он хорошо учился и все такое. Он умный, но это же зоопарк, а не школа.

— Значит, можно сказать, он был одиночкой?

Она кивнула.

— Мы просто хотели, чтобы нас оставили в покое.

— Что Макс любил, Дэйна? Чем он занимался в свободное время?

Нужно составить портрет Макса. Он не мог спрашивать об этом Кэрри — чувствовал, что она просто не выдержит расспросов. Так что пока придется обойтись показаниями Дэйны. Его задача — выудить любые сведения о Максе. Интуиция подсказывала: что-то здесь не сходится. Вот только что...

— Он любил проводить время в... он любил загадки.

Мастерс отметил, как девушка оборвала себя на полуслове.

— Какие загадки? Судоку?

— Нет. Ну, не совсем загадки. Скорее конкурсы. Он постоянно участвовал в конкурсах.

— И что-нибудь выигрывал? — Вот и еще одна причина, по которой Макс должен был чувствовать себя неудачником.

Дэйна поерзала на стуле. Покосилась на сигареты, и Джесс пододвинула к ней пачку. После долгой паузы девушка вновь заговорила:

— Он никогда не выигрывал. Ну, может, раз ручку получил.

Мастерс кивнул. Так и есть. Парень просто хотел сбежать от реальности.

— Он любил музыку, машины, компьютерные игры?

— Да. Немного. Он любил читать, как и я, и мы иногда ходили в кино. И однажды он приготовил для меня пасту.

Дэйна выглядела совершенно разбитой, ее мир был разрушен.

— А еще эти парни из дома его отца. Они вечно прикапывались к нему, когда он ходил к отцу. Наезжали на него, что он таскается по их территории.

Мастерс вздохнул. С таким он сталкивался ежедневно.

— Они когда-нибудь его били?

— Однажды... Однажды отобрали у него компьютер. Он хотел подарить его мне.

— Хотел подарить тебе компьютер?

— Ну, знаете, старый. — Дэйна покраснела.

Ясно, подумал Дэннис. Кэрри, видимо, собиралась его выбросить.

— Еще что-то было? Макс носил при себе нож?

Казалось, прошла целая вечность, прежде чем Дэйна прошептала.

— Нет. Не было у него никакого ножа.

Дэйна сбежала бы, но ноги словно парализовало. Словно кто-то залил башмаки свинцом, перерезал сухожилия.

Черт бы их побрал. Она прислонилась к стене. Через окно в туалете не протиснуться, да и высоко. Почему она должна отвечать на все эти идиотские вопросы? Снова и снова одно и то же. Почему они не могут просто оставить ее в покое? Макс умер. Его не вернешь.

— У тебя все нормально, дорогая?

Снова эта Джесс. А ведь сказала, что подождет в коридоре.

— Да. Еще пять секунд. — Дэйна отмотала туалетной бумаги и высморкалась. Вышла из кабинки, вымыла руки.

— Я знаю, это было тяжело, но теперь уже все позади.

— Мне можно уйти?

— Да, на сегодня мы закончили. Я отвезу тебя домой.

Дэйна тотчас почувствовала прилив сил.

— Не надо. Я сама дойду. Тут недалеко.

— А ты...

Но Дэйна уже не слышала. Она пронеслась мимо стола дежурного офицера, у которого дожидался своей очереди на допрос очередной подозреваемый. Дэйне показалось, что она узнала парня, когда он скользнул по ней мутным от наркотиков взглядом. И вот она уже на улице, летит со всех ног, словно ее выпустили из заключения.

Первым делом нужно отдать все это барахло в коробках, что лежит в хижине, на благотворительность. Нечего полиции копаться в обломках жизни Макса. Их это не касается. От бега закололо в боку, и Дэйна остановилась, уперлась ладонями в колени, постояла так, пытаясь выровнять Дыхание. Рядом притормозила большая машина.

— Тебя подвезти?

Лицо Кэрри Кент скрывали огромные темные очки. Она сняла их. Глаза были красными, опухшими. Бледные щеки ввалились, губы тонкие, серые. Если бы она не заговорила, Дэйна ее ни за что бы не узнала.

— Куда?

— Ко мне домой, — сказала Кэрри. — Лиа нас отвезет.

Мысль о том, что она окажется в мире, где жил Макс, что его мать позаботится о ней, что она поедет в ее большой шикарной машине, внезапно утешила Дэйну. Хижина подождет.

— Хорошо. Я поеду.

Она открыла тяжелую дверь и забралась в машину. Заклепка на башмаке корябнула бежевую кожу обивки.

— Я была у тебя дома. Твоя мать сказала, что ты в полиции.

— Да. Они хотели, чтобы я рассказала им, что произошло.

— Я тоже этого хочу. Но сначала давай доедем до дома. — И она оглянулась на Дэйну.

В ее глазах только горе, подумала Дэйна. Она видела такие же глаза в зеркале каждый день.

Дэйна в изумлении оглядывалась по сторонам. А ведь это только

гараж.

Кэрри нажала какие-то кнопки на одном пульте, на другом, ввела код, потом они поднялись по внутренней лестнице из непонятного белого материала. Дэйна в жизни не видела ничего подобного. Почти как белое стекло, подумала она, с опаской наступая своими тяжелыми ботинками на полупрозрачные ступени.

— Сюда, — сказала Кэрри.

Дэйна почувствовала на плече руку той, второй женщины, подтолкнувшей ее в нужном направлении. Наверное, прислуга.

— Вот черт! — не удержалась Дэйна, когда они вошли в огромный белый холл, в конце которого находилась еще одна винтовая лестница.

Все тут было из белого мрамора или какого-то другого белого камня, и повсюду шизанутая мебель странной формы, столики с огромными вазами, полными белых цветов. Цветы, наверное, искусственные, подумала Дэйна, а вслух произнесла:

— У меня дома все не так.

Кэрри слегка улыбнулась, сняла куртку и повесила на закругляющийся конец перил.

— Макс никогда не рассказывал, ну, обо всем этом.

— Поэтому я и хочу поговорить с тобой, Дэйна. Хочу узнать... про тебя и Макса. Он мне про тебя тоже не рассказывал, но мне кажется, вы были близки.

Они вошли в кухню, еще один образец минимализма и лаконичных линий, с блестящими шкафами и гладкими каменными столешницами. Помещение сияло чистотой. Дэйне тут же вспомнилась собственная кухня. Все там пропахло прогорклым жиром, на котором мать жарила для Кева картошку. Этот мерзкий жир тонкой пленкой покрывал на кухне все. Даже потолок.

— Макс был хорошим другом.

У Дэйны внезапно закружилась голова, но она не знала, можно ли ей присесть. Несколько табуреток на блестящих ножках с виду были такие хрупкие. Она оперлась о каменную столешницу, но тут же отдернула руку, испугавшись, что заляпает сияющую поверхность.

— Вы встречались? — спросила Кэрри.

Она наливала воду в чайник. Во всяком случае, Дэйна решила, что это чайник. У них дома воду кипятили в старом уродце со свистком. А этот больше похож на инопланетный прибор.

— Думаю, можно и так сказать.

Ей показалось, что Кэрри вздохнула. Да и понятно. Дэйна уже сообразила, что для Макса, жившего в этом роскошном дворце, она была неподходящей парой. Интересно, Макс тоже чувствовал себя здесь грязным? Он ведь столько времени проводил в доме своего отца и в хижине.

— Мы целовались.

Кэрри закрыла глаза.

— Он меня любил, — упрямо сказала Дэйна.

— А ты его любила?

— Да! Но... — Она запнулась, вспомнив, с кем разговаривает. Пусть они были не в эфире, а Кэрри не накрашена и без микрофона, но это не значит, что она не использует любое ее слово в своем шоу. То, что было у них с Максом, никого не касалось.

— Как вы познакомились? — Кэрри села на один из табуретов и жестом предложила Дэйне последовать ее примеру.

— В школе. На английском. Это наш любимый предмет.

— Ясно.

Казалось, Кэрри удивлена. Дэйна догадалась, что та ничего не знает о жизни Макса, что ему нравится, а что — нет. Но ведь и ее мать о ней, Дэйне, тоже ничего не знает. Мать вряд ли в курсе, в какую школу она ходит, что уж говорить о любимых предметах.

— У нас получают хорошие сочинения. *Получались.* — Она не собиралась возвращаться в школу.

— Макс раньше ходил в приличную школу, — сказала Кэрри. — Ему не стоило ее бросать.

— Думаю, он все равно бы умер! — вырвалось у Дэйны. — То есть я хочу сказать, что некоторые вещи не изменить.

— Макс с детства считал, что лучше всех все знает. Даже когда

был совсем малышом. — Кэрри коротко рассмеялась, а Дэйна подумала, что смех сейчас совершенно неуместен. Она огляделась в поисках пепельницы, заранее зная, что Кэрри Кент, разумеется, не курит и лучше об этом даже не заикаться.

— Он угощал меня всякой вкуснятиной, — сказала Дэйна. Она уже заметила огромный встроенный холодильник и представила, как Макс выбирает, что бы взять на пирушку в хижину или на пикник у канавы. Копченый лосось, фуа-гра, вареные утиные яйца, неведомые фрукты, на вкус как сладкая плесень. Они пробовали все это и смеялись, наслаждались вкусом или морщились от отвращения, целовались и курили.

— Он мог бы делать все что угодно. Поступить в Оксфорд, Кембридж, поехать учиться в Штаты.

— А он этого хотел? — Дэйна с подозрением посмотрела на прозрачную стеклянную кружку, которую протянула ей Лиа. В горячей воде плавало что-то зеленое.

— При чем тут хотел или нет?

Дэйна подумала, что это не ответ на ее вопрос, но тут же признала, что она тоже часто должна делать то, чего ей делать совсем не хочется.

— Мне часто приходится возиться с младшей сестрой. — Она попробовала напиток. Он был мятный на вкус и очень горячий. — А мне не всегда этого хочется.

Лицо Кэрри было очень белым, как и все вокруг. Волосы она, похоже, давно не расчесывала.

— Кто это был, Дэйна? Пожалуйста, скажи, кто убил моего сына.

Дэйна сделала большой глоток и обожгла рот. Она посмотрела в глаза Кэрри, ощущая себя гостьей на ее шоу. Теперь она понимала, почему люди выбалтывают этой женщине свои самые сокровенные тайны. Даже сейчас, не в лучшей своей форме, Кэрри Кент излучала силу, которой тяжело было противостоять.

— Я не знаю. Правда, не знаю. Там было много парней, целая банда, и все в капюшонах, все произошло так быстро. Я пыталась помочь Максy. Может, я должна была сделать больше, но я...

— Как долго? — холодно спросила Кэрри.

Дэйна нахмурилась, не понимая, что она имеет в виду.

— Как долго Макс умирал?

Дэйна вспомнила лицо Макса. Да, он знал, что умирает.

— Не долго, — прошептала она.

Ее затрясло. Судорога стиснула голову, волной сбежала по шее, скрутила плечи, ввинтилась в позвоночник, охватила руки и ноги. Все тело стало словно чужое, Дэйна подумала, что сейчас ее вырвет.

На нетвердых ногах она подошла к стеклянной стене, отделявшей идеальный дом от внешнего мира. Прижалась к холодному стеклу лицом. Разрыдалась.

Колени подогнулись, и она сползла на пол.

Кто-то поднял ее. Перед лицом возник стакан с ледяной водой. Рядом она ощущала чье-то тепло.

Мать Макса. Часть Макса.

Он был везде.

Его мать держала ее в объятиях и тоже рыдала.

Горе объединило их — Кэрри Кент, женщину из идеального мира, и Дэйну, девочку из трущоб.

Кэрри убрала волосы с лица Дэйны.

— Я его любила. Правда. Ужас в том, что он, похоже, этого не знал. — Под глазами у нее залегли глубокие тени. — Я так рада, что у него был кто-то, кого он любил.

Дэйна скорее почувствовала конец этой фразы, которую Кэрри не договорила. *Даже если это такая девушка, как ты.*

Она ни за что не смогла бы сделать это одна. Почему-то ее присутствие помогало, как будто они вместе просто ждали, пока Макс вернется из школы. Кэрри вошла первой, хотя больше всего ей хотелось втолкнуть Дэйну в комнату, захлопнуть дверь и оставить ее наедине с призраками. Эта девочка, очевидно, была близка с ее сыном, но Кэрри ее совсем не знала, и от этого было легче — как будто она просто наняла кого-то, чтобы прибраться в доме.

Воздух в комнате был немного затхлый. Пахло нестираной

одеждой, заветрившейся едой. Кэрри щелкнула выключателем и сощурилась — не от яркого света, а от вида всего того, чего больше не было в ее жизни, — чего *никогда* не было в ее жизни.

— Большая комната, — сказала Дэйна. — И неприбранная, — добавила она со всхлипом, который в лучшие времена мог прозвучать как смешок.

— Я не заходила сюда... очень давно. — Признаваться в этом чужой девочке было легко. Она ведь, наверное, больше никогда ее не увидит.

— Как это?

— А твоя мама заходит к тебе в комнату?

На незастеленной кровати валялись пижамные штаны — штанины раскиданы в стороны. Как контуры тела на асфальте.

— Ну... иногда.

Кэрри почувствовала, что ее столкнули еще на несколько ступенек вниз с пьедестала хорошей матери. Даже мать этой девочки лучше, чем она. А им с Броуди остается взирать на сына снизу вверх, ведь он теперь на небесах.

— У тебя хорошие отношения с мамой?

Дэйна рассмеялась:

— Вот уж нет. Мы вечно грыземся.

Кэрри приободрилась. Надо бы встретиться с этой женщиной, подружиться с ней, уделить ей немного времени — нет, *много* времени. Но у нее нет сил. Ни на что нет сил.

— Так тяжело, — прошептала она.

Девушка коснулась ее руки.

— А у него много журналов. И книг. — Дэйна склонила голову, читая названия на корешках. — Нам нравятся... нравились одни и те же книги. — Она взяла с полки потрепанный томик «Ромео и Джульетты». — Мы читали это на уроке английского.

— Вас из-за этого травили?

Может, для обычной школы Макс был слишком умен, образован, начитан?

— Нет, конечно. На учебу всем плевать.

— Тогда почему? В чем причина? — Голос Кэрри сорвался. — Макс был хорошим мальчиком. Он не делал ничего плохого. Не носил странную одежду.

Дэйна медленно качнула головой.

— Он просто не был похож на других. Как и я.

Но ты-то жива, подумала Кэрри, подавив желание произнести это вслух.

— Он не пытался вписаться, стать своим. Мы для остальных были чужие. Враги. И они воевали с нами, хотя мы им ничего плохого не делали. Ему просто не повезло.

— Не повезло?!

Кэрри схватила пижамные штаны, прижалась к ним лицом. Она старалась уловить запах сына, но... ничего не почувствовала. В углу комнаты стояла корзина для грязного белья. Кэрри подняла крышку.

— Как будто я собираюсь их стирать, — тихо прошептала она, не глядя на Дэйну.

Дэйна жалела эту женщину, но себя она жалела еще больше. Она ходила по комнате Макса и разглядывала его вещи. Как будто он оставил ей в наследство часть своей жизни, о которой она узнала только сейчас, после его смерти, когда слишком поздно с ней знакомиться.

— Я скучаю по нему, — сказала Дэйна. — Мы вместе курили, смеялись и болтали. — Перехватив взгляд Кэрри, она поспешно добавила: — Это нормально. Все курят. Ничего страшного.

Глаза Кэрри сузились, и Дэйне показалось, что сейчас она взорвется. Но тут же все прошло. Осталась лишь глубокая печаль, такая глубокая, что Дэйне захотелось обнять ее, — желание, которого она никогда не испытывала по отношению к собственной матери.

— Может, вам присесть? Давайте сядем и вместе посмотрим на все эти вещи.

Дэйна подобрала с пола кипу бумаг. Почему он ни разу не привел ее сюда?

— Что это? — Кэрри позволила усадить себя на кровать.

— Журналы. Вырезки из журналов. А это флаеры и распечатки из Интернета. — Дэйна пролистала бумаги и протянула Кэрри несколько вырезанных анкет. — Ну, для конкурсов.

— Что?

— Он любил участвовать в конкурсах. У него прямо зависимость была конкурсная.

— Я не понимаю, о чем ты говоришь.

Дэйна наблюдала, как Кэрри листает наполовину заполненные анкеты. Почерк у Макса был неразборчивый.

— Он кучу всего... — Дэйна запнулась. Чуть не проболталась.

— Он что-то выигрывал?

Дэйна вспомнила аккуратную башню из коробок.

— Ему часто везло.

Сотни вопросов вертелись у Кэрри в голове, но она не станет спрашивать Дэйну — девочку из бедного района, которую никто не любит. Откуда ей знать?

Повисла долгая пауза.

— Это было ужасно, — наконец прошептала Дэйна. — Никогда не забуду его лицо в ту минуту.

— Думаешь, что ты теперь особенная? — Дэйна испуганно вскрикнула, когда Кэрри внезапно схватила ее за плечи и тряхнула. — Ты думаешь, что раз видела, как он умирает, раз ты была с ним в конце, то тебя он любил больше?

— Нет, я...

— Ну так вот, а я была с ним с самого начала. Я выносила его, и родила, и не спала ночами, когда он болел. Я работала до полного изнеможения, чтобы у него было все самое лучшее. Я...

— Хватит! — Дэйна вырвалась.

В голове снова замелькали белые тренировочные штаны, мигалки, сирены, крики, кровь...

Не понимая, что делает, Дэйна хлестнула Кэрри по лицу. Ярость

затопила ее.

— *Так получилось!* — крикнула она. — Нож появился из ниоткуда. Вот и все.

Дрожа, она смотрела на Кэрри. Одна щека у той наливалась красным.

— Ты расскажешь мне, кто убил моего сына. — Каждое слово было угрозой, каждый слог — точным ударом. Кэрри сейчас не использовала ни одного из своих приемов. Но от ее голоса Дэйну пронзил страх. Кэрри дотронулась до покрасневшей щеки. — Ты расскажешь мне правду.

Прошлое

Кэрри никогда в жизни не нервничала. Бывало, она чувствовала неуверенность, особенно в детстве, — ведь смену настроений ее отца невозможно было предсказать. Случалось, испытывала тревогу — она сильно рисковала, бросая свою журналистскую карьеру ради телевидения. А иногда и страх — он одолевал ее всякий раз, когда она размышляла о сыне. Но она никогда не нервничала. До сегодняшнего дня. Она брала интервью в прямом эфире национального телевидения — у человека, которого полиция подозревала в убийстве своей семьи.

Полиция хотела спровоцировать его на признание.

1999 год. «Правда в глаза» была в сетке всего три месяца, но продюсеры и начальство канала уже после четвертого выпуска решили, что шоу будет выходить и в новом тысячелетии. Рейтинги были выше, чем у большинства других программ, выходящих в эфир в это же время, а Кэрри, до этого никому не известная ведущая, в считанные недели стала звездой первой величины. Ее лицо улыбалось с обложек всех женских журналов, интервью с ней добивались все таблоиды, все ток-шоу — и утренние, и вечерние — желали заполучить ее к себе.

Последние недели дались Кэрри нелегко. У нее был сорван голос, она чуть не вывихнула ногу, когда ее новоиспеченные фанаты проникли за сцену и набросились на нее, требуя автографов. *Они же меня не знают*, думала Кэрри. Разогнав толпу, охранник сгреб Кэрри в охапку и буквально запихнул в машину. По дороге домой лодыжка так распухла, что пришлось разуться.

— Я не могу надеть туфли, — пожаловалась она стилисту на завтра за час до шоу. — Подберите мне что-нибудь на плоской подошве.

Обычно Кэрри ничего не просила. Каждое утро она просыпалась с мыслью о том, как же ей повезло, до чего же удачной оказалась ее идея шоу «Правда в глаза». И она не собиралась искушать судьбу, дурно обращаясь с персоналом.

— Я просто не смогу в них ходить.

Она сняла кремовые шпильки. Они великолепны, но сегодня не годятся. Боковым зрением Кэрри заметила, как в студии появился человек, у которого ей предстояло брать интервью, — или, как выразился Дэннис, «вырывать признание». Сердце вдруг учащенно забилося, Кэрри почувствовала, что ее прошиб пот. Впервые в жизни Кэрри Кент разнервничалась. Их взгляды в зеркале встретились, глаза гостя были пустые, холодные, лишенные жизни. Но ведь вся его семья, жена и две дочери, совсем недавно погибли во время пожара.

— И мне не нравится вырез этой блузки. Я в ней выгляжу как старая училка. — Несколько пар рук немедленно начали расстегивать крошечные пуговицы.

— Может, это? Или это? Или вот? — Стилист услужливо перебирала на кронштейне вещи, идеально подходившие к ее светло-серым брюкам.

Дизайнеры забрасывали Кэрри предложениями предоставить для шоу свои последние модели. Не то что в других программах, как сказала стилистка, и добавила: «В таких условиях работать одно удовольствие». Она протянула Кэрри нежно-голубую блузку.

— Нет, — отрезала та. — Я это не надену.

— Но цвет...

— Ужасный.

Кэрри подошла к вешалке, буквально ломившейся от одежды, и через минуту вытащила черную футболку. Она помнила, что должны быть и темные вещи. Она надевала их на прошлой неделе, когда решила выйти из студии и подышать свежим воздухом.

— И дайте мне вон те ботинки. Серые.

Не сводя с нее изумленного взгляда, стилист подала ботинки.

— Я не думаю, что Лиа будет...

— Лиа *будет*, — твердо сказала Кэрри и направилась в раздевалку.

Когда она вернулась через несколько минут, стилистка испуганно вскрикнула. Кэрри выглядела более чем затрапезно — в таком виде она могла отправиться в супермаркет или в школу за

Максом. Стилистка подскочила к ней, держа наготове халат.

— Прекратите, Сью. Я уже решила.

Кэрри вышла в коридор, приложила ладони к стене, за которой находилась студия, и прошептала:

— О боже...

Руки ничего не чувствовали, под ложечкой разрасталась ноющая боль. Дэннис все уши ей прожужжал, насколько важное дело ей предстоит. Он арестовал этого человека на прошлой неделе, но вынужден был выпустить, не предъявив обвинений. Тот находился в командировке на континенте, когда его жена и две дочери были убиты, а дом сожжен. Останки удалось опознать только по зубам. Всем трем выстрелили в голову. Убитый горем отец и муж согласился прийти на шоу в надежде, что это может побудить кого-нибудь сообщить полиции полезную информацию. Он не меньше остальных хочет найти подонков.

Но Дэннис все равно был уверен, что именно он стоит за этим тройным убийством. Все они были застрахованы на крупную сумму, причем совсем недавно, а глава семьи в последнее время испытывал серьезные финансовые затруднения. Участие в шоу — это попытка замести следы, считал Дэннис, но, если Кэрри хорошо разыграет свои карты, все обернется признанием.

— Он расколется, — сказал Дэннис накануне, когда Кэрри читала материалы по делу. — Он нестабилен. Ходит по острию ножа с того дня, как это произошло. Когда мы арестуем его снова, у нас должны быть для этого веские основания. А ты просто делай то, что у тебя получается лучше всех. Говори.

Осень 2008 года

Макс окликнул ее, когда она уже стояла у двери. Дэйна обернулась и выжидающе посмотрела на него, скрестив руки на груди.

Макс только сейчас заметил, какая она худенькая. Ему захотелось обнять ее. Дэйна нахмурилась.

Может, он ей уже надоел? Может, ей не нравится, как он целуется?

— Подойди сюда, ладно? — Он задержал дыхание. Она от него всего в трех метрах, а кажется, что в трех километрах. Кажется, она слегка улыбнулась. Тепло разлилось по всему телу. Кончики пальцев закололо.

— Зачем? — Она склонила голову набок. Улыбка стала шире.

Макс протянул к ней руки. Как будто чужие руки. Как будто кто-то дергал за ниточки. Дэйна подошла к нему, пальцы их переплелись.

Он застыл. Во рту пересохло. Макс подумал, что сейчас умрет от стыда. Слова застряли в горле.

Я люблю тебя.

Она слышала? Она разобрала эти три слова, которые от волнения слились в невразумительное бормотание? Да и произнес ли он их?

Стены лачуги затряслись. На мост влетел поезд. Макс вздрогнул. Дэйна не двинулась с места и руки не высвободила. Стоять бы так вечно.

А потом она ушла. И в сердце словно нож вонзили. Этот ее взгляд — робкий, исподлобья...

Он смотрел ей вслед, пока она пробиралась через кусты, поднимаясь по склону холма к дороге.

Макс вернулся в хижину. Зажег эту дурацкую ароматическую свечу и прикурил остаток косяка. Подобрал с пола газету и продолжил заполнять очередную анкету.

Закончите предложение — и получите шанс выиграть пару восемнадцатискоростных горных велосипедов с суперсовременным подвесом. Любая дорога покорится вам!

Каждому по велосипеду, думал он, глядя на картинку и пытаясь вытеснить из сознания убегающую прочь Дэйну. Велосипеды отличные, не то что та рухлядь, на которой он ездит. Они смогут кататься вместе. Смогут куда угодно уехать.

Хорошо ехать по крутой горной дороге Шерано-Роки-роуд, потому что...

Макс пожевал карандаш. Затянулся. Вытер слезы. Он понятия не имел, как закончить предложение. Вокруг не было ничего хорошего. Он чувствовал себя таким одиноким. Если захочется повидать мать, то можно просто включить телевизор или открыть какой-нибудь паршивый журнал. Куда вернее. Отец — ну что ж, тут дело обстоит лучше, но все равно он практически слеп ко всему, что не касается его работы. Если не считать встречи с Дэйной, в этой школе даже хуже, чем в Дэннингеме. Мальчишки в старой школе, конечно, изводили его днем и ночью, но эта школа — просто царство зла какое-то.

Да что же с ним не так?

...потому что нет дороги круче той, по которой я уже еду.

Понедельник, 27 апреля 2009 года

Кэрри проснулась с чувством, что в конце темного туннеля, куда ее заточили в пятницу, вдруг забрезжил свет.

— Я знаю, это лекарства, которые мне дают.

Сидевшая на краю кровати Лиа кивнула.

— Я приготовила тебе чай. — Она протянула Кэрри кружку. — Тебе звонили. Я вызвала такси, чтобы отвезти девочку домой.

Воспоминания возвращались медленно. Дэйна... спальня Макса... хаос... слова девочки... Все это никуда не делось, но уже не причиняло сильной боли.

— Думаю, она тоже в шоке, — сказала Лиа. — Я попробовала поговорить с ней, но она молчит. Мне кажется, она что-то знает.

— Конечно, знает. — Кэрри и сама удивилась, как спокойно прозвучал ее голос. — Ты помнишь того парня, который убил всю свою семью? (Лиа кивнула.) Я так нервничала во время того шоу.

— Но ты его разделала.

Лиа подняла жалюзи. Комнату залил солнечный свет.

— Помню, как все повторяла про себя: он знает, что случилось; заставь его рассказать.

Они молча пили чай. Рука Кэрри, державшая кружку, задрожала.

— Я опять нервничаю. Впервые за долгие годы я не контролирую ситуацию. Еще три дня назад все шло своим чередом. Если бы я знала хотя бы десятую часть того, что случилось, я бы...

— Это жизнь, Кэрри. Если бы я верила в Бога, я бы сказала, что он хочет, чтобы мы наслаждались каждым ее моментом так, будто он последний.

— Я была плохой матерью, да?

— Зачем упрекать себя. Это не вернет Макса. — Лиа протянула Кэрри халат: — Примешь душ? — Она помедлила. — Звонил Дэннис. Они что-то раскопали. Нам нужно к десяти в полицию. Если ты,

конечно, сможешь.

— Смогу. Я смогу. Ты помнишь, как я это сделала?

Кэрри встала и перед глазами все поплыло. Она прислонилась к стене.

Что они раскопали?

— Что сделала? — Лиа бережно приобняла ее.

— Заставила того человека признаться. Он ведь не был на континенте в момент убийства, как считала полиция. Он заплатил кому-то, чтобы тот уехал по его паспорту. А сам застрелил жену и детей, пока они спали. А потом поджег дом.

— Из-за страховки.

— Да, и из-за любовницы. Он вел двойную жизнь. — Кэрри надела халат, затянула пояс. В дверях ванной комнаты она обернулась. — Я стала его другом, Лиа. За эти тридцать минут я стала единственным человеком в мире, которому он Доверял. Как будто не было ни камер вокруг, ни людей в студии, ни миллионов телезрителей. Он просто не мог жить с чувством вины. Не мог вынести, что он единственный, кто знает правду. И он Должен был рассказать об этом кому-то. Мне.

— Я помню. Ты была великолепна.

— Лиа, я хочу, чтобы эта девочка пришла на шоу.

Дверь ванной закрылась.

Броуди не хотел звонить Фионе, но у него не было выбора.

— Это моя работа, — мягко сказала она. Он знал, что уже через двадцать минут она подъедет к дому, поэтому решил подождать ее внизу.

— Как дела, чувак? — Несколько парней лениво долбали мяч об стену.

Из соседнего окна выглянула женщина с полотенцем, обернутым вокруг головы, лицо у нее было усталым.

— Хорош колотить. Я всю ночь работала.

Окно захлопнулось. Парни рассмеялись и продолжили лупить по

мячу.

— Мой сын, — сказал Броуди, пнув бордюрный камень. — Знаете его? Так вот, он умер.

Парни замерли.

— Да ты че.

Он знал этих ребят, различал их по голосам. Поначалу они пытались его задирать, потом стали выпрашивать выпивку. По сути, они были не такими уж плохими парнями. Скорее просто защищали свою территорию. Их с детства учили с подозрением относиться к чужакам.

— Ударили ножом около школы.

Невнятное бормотание. Броуди представил, как мальчишки смотрят в землю, не зная, что сказать.

— Я же предупреждал, что тут плохой район, мужик. Здесь опасно. Я знаю твоего сына. Такой тощий парнишка, молчал все время.

— Похоже, он, — ответил Броуди.

Наконец подъехал «лексус» Фионы.

— Привет. — Она вышла из машины и усадила Броуди на пассажирское сиденье.

— Не стоило ему молчать, — пробормотал Броуди, садясь в машину. — Тогда, может, был бы сейчас жив.

— Давайте к делу, детектив.

Броуди хотел услышать все, пока не приехала Кэрри. Они сидели в уже знакомой ему комнате для допросов. Тот же застоявшийся запах сигаретного дыма, та же акустика. Распахнулась дверь, и Броуди понял, что это Кэрри, еще до того, как она заговорила. Ее запах. Звяканье браслетов. Ее шаги. Броуди напрягся. Наверное, она на всех оказывает такое действие, но он реагирует сильнее остальных, потому что не видит ее.

— Что? — спросила бывшая жена. — В чем дело?

Броуди удивил ее спокойный голос. Он услышал, как она взяла

стул и села. Теперь их было четверо: он попросил Фиону остаться, поскольку не был уверен, что справится в одиночку с тем, что предстоит услышать.

— Броуди, в чем дело?

Он промолчал.

— Раз вы оба здесь, я могу сообщить вам, что сегодня рано утром мы нашли нож. На берегу канала, у железной дороги. Это заброшенный клочок земли в полукилометре от школы. Нож был обернут в полиэтиленовый пакет и спрятан в сточной канаве.

— Да уж, просто прорыв. — Броуди хотелось воды.

— Мы думаем, что это может быть орудием убийства.

— Почему?

Голос Кэрри звучал монотонно. Броуди почти ощущал запах лекарств, которыми она была напичкана.

— Разумеется, пока мы не знаем этого точно. Криминалисты заняты экспертизой. Через пару часов будет известно, совпадает ли группа крови.

— Кровь? — хором спросили Броуди и Кэрри.

— На ноже кровь, да. — Мастерс вздохнул.

Броуди догадался, что еще не все.

— Нож необычный. Местная молодежь предпочитает запрещенные к продаже ножи. Пружинные, например. Их можно купить на черном рынке.

— Так что это за нож? — спросил Броуди.

Зашелестела бумага. Раздался слабый вскрик Кэрри:

— Боже...

— Да в чем дело, черт возьми? — спросил Броуди.

— Это снимок кухонного ножа, — ответил Дэннис.

— Моего кухонного ножа, — прошептала Кэрри.

Броуди сразу представил его — без сомнения, очень дорогой нож, купленный в самом лучшем магазине. И кровь — темная, застывшая на лезвии, шелушащаяся на рукоятке.

— Ты уверена? — спросил Дэннис Мастерс.

— Могу показать весь набор. По моему заказу привезли из Японии. Ручка из морского ушка, лезвие из лучшей в мире стали. Каждый стоит почти триста фунтов.

— А ты не заметила, что один пропал?

— Нет. Я не готовлю.

— Так что это значит? — Броуди встал.

— Я тоже задаю себе этот вопрос, профессор. Возможно, Макс носил с собой этот нож для самообороны. Такой вывод напрашивается. Если так, то, вероятно, кто-то из банды отнял его у Макса во время потасовки.

— О нет... Его убили одним из *моих* ножей. — Кэрри застонала.

— Нужно подождать результатов экспертизы, но похоже на то. Я понимаю, что вы ждете, когда мы арестуем убийц, но это большой шаг вперед. Наверняка скоро появятся и другие улики, которые приведут к аресту виновных.

Броуди не слушал Дэнниса. Он чувствовал, что и Кэрри тоже не слушает.

— Сообщите нам, как только появятся результаты.

Броуди вытянул руку, давая Фióне понять, что хочет уйти.

— Подожди, — раздался голос Кэрри, сопровождаемый звуком отодвигаемого стула. Но для него встреча закончилась. Говорить было больше не о чем. Никакие разговоры не вернут Макса.

Капот машины был все еще теплым. Броуди привалился к нему. За спиной слышались знакомые шаги.

— Зачем он это сделал? — спросила Кэрри. — Зачем взял нож?

Броуди пожал плечами и затаился.

— Когда все пошло наперекосяк, Кэрри? — Он представил, как она морщится от дыма.

— В прошлую пятницу, — тихо сказала она.

— Чем тебя накачали?

— Понятия не имею. Лиа всем занимается.

Броуди горько рассмеялся.

— Похоже, нам обоим нужно, чтобы кто-то за нами приглядывал?

Фиона уже сидела в машине, говорила по мобильному, перенося его рабочие встречи.

— Похоже, — согласилась Кэрри.

— И когда это началось? — Броуди ощутил на пальцах жар и отшвырнул окурок. — Может, в тот момент, когда мы разлюбили друг друга? Когда поняли, что оба одиноки, но были слишком горды, чтобы признать...

— Броуди, хватит! Я не могу сейчас говорить об этом. Пожалуйста.

— Правду всегда слышать больно.

— Ты так и не можешь пережить то, что я ушла от тебя, да?

В голосе ее зазвучал гнев. Броуди этого и добивался.

— Не можешь смириться с тем, что наши дороги разошлись, что... что...

Броуди разочарованно слушал, как затихает ее голос. Он наклонился, нашарил ее плечи.

— Я бы со всем справился, Кэрри. Я уже почти нашел решение всех наших проблем, но ты не дала мне шанса. Это ведь ты отдалилась, делала свою головокружительную карьеру.

— Жизнь — это не математика, Броуди. Нельзя придумать формулу любви и счастья.

— Я ездил в Дэннингем прошлой осенью.

— Зачем?

— Хотел понять, почему Макс ушел оттуда.

— Мы знаем, почему он ушел. Это был бунт. Против меня.

— Это не так, Кэрри. Я разговаривал с одноклассниками Макса.

— И?

Вот оно. Проблеск надежды в ее глазах, жилки на ее шее, которые становятся заметными, только когда она волнуется. Он знал, что все это не изменилось. Броуди прижал ее к себе. Тело было податливым, безвольным.

— Ему там было плохо. Кэрри.

— Да?

— Я встречался с заместителем директора. Доктор Дженсен был на больничном, из-за стресса. Его заместитель рассказал, что в последние годы в школе серьезные проблемы. Его попросили занять место директора, чтобы во всем разобраться.

— Но доктор Дженсен был таким... милым.

— Но некомпетентным.

— Но при чем тут Макс?

— Я уверен, что над ним там издевались.

— Нет... этого не мо...

— И в здешней школе было то же самое. Даже хуже. Все эти подростковые банды...

— Откуда ты знаешь?

Броуди закурил. Он сейчас выкурит всю пачку, одну сигарету за другой, потом купит еще и еще и не остановится, пока не откажут легкие и он не умрет.

— Знаю, — сказал он, выдыхая дым. — Я все знаю.

Январь 2009 года

Это произошло на уроке английского. Внезапно он осознал, что Дэйна удивительным образом избавила его от того непонятного, что преследовало его всю жизнь. Что она сделала его сильным. Изменила его.

Ему было неприятно, что она сидит с Шейном. И ведь он даже не мог ненавидеть этого парня. Шейн был одним из тех немногих, кто ни разу не ударил его, ничего у него не украл и не превращал его жизнь в кошмар издевательскими насмешками.

Вот только рука Шейна лежала на спинке стула Дэйны. Это было хуже, чем любые издевательства.

— Мне нужно в туалет, сэр, — не выдержал Макс.

— Потерпишь, Квинелл.

Обычно мистер Локхарт отвечал куда мягче. Проигнорировав запрет учителя, Макс вскочил и направился к выходу. Проходя мимо Шейна, он сбросил его руку со стула Дэйны и прошипел:

— Убери лапы от моей девушки.

В кабинке он привалился к разрисованной граффити двери. Его трясло. Конечно, есть риск, что Шейн с приятелями подкараулит его после уроков и вломит, но это была ерунда по сравнению с тем, что он только что сделал. После всех этих месяцев недомолвок он наконец прямо сказал Дэйне, что считает ее своей девушкой.

— И к чему была вся эта сцена? — Дэйна открыла упаковку копченого лосося, которую Макс принес из дома, и понюхала рыбу.

После урока они спустились в бойлерную, чтобы поесть. Для пикников на воздухе стало слишком холодно. Лампочка перегорела еще в их первый визит, так что они принесли свечи. Окон в подвале не было, но Максу это даже нравилось.

— Не знаю. — Он выглядел смущенным. Хотелось сказать, что он ее любит, — на этот раз по-настоящему сказать. — Меня разозлил

Шейн. Он тебя почти обнимал.

Дэйна рассмеялась.

— Ты сказал, что я твоя девушка.

— Да? — Внутренности скрутило в узел. — А разве нет?

— Я бы хотела этого. Мы с тобой дружим, Макс. И мы целовались. Мы понимаем друг Друга.

— Я хочу поцеловать тебя снова. — Он сам не верил, что произносит эти слова. Как у него хватило духу? Может, это потому, что он дал отпор Шейну и проигнорировал мистера Локхарта? Может, если грубить, не бояться отвечать ударом на Удар, не обращать внимания на окружающих, это пошатнет их уверенность в себе? Что ж, если так, то он, кажется, понимает, почему все над ним издеваются.

— Макс, ты ужасно смешной.

Дэйна рассмеялась и принялась за рыбу.

Макс тоже засмеялся. Когда он был с ней, видел ее глаза, слышал ее голос, жизнь становилась осмысленной. И прекрасной.

Он знал, что скоро звонок на урок. Он потянулся к ней, чтобы поцеловать. Они опять сидели в бойлерной, на мебельных чехлах, сваленных в углу. Как постель, подумал Макс, когда они расстилали их на полу.

Он провел пальцами по ее колену, по плотным колготкам. У него кружилась голова.

— Ненавижу форму, — буркнула Дэйна, глядя на серую школьную юбку.

Может, она хочет, чтобы он снял ее с нее, спросил себя Макс. Никогда он на такое не решится. Даже через миллион лет. Их губы все еще разделяло несколько сантиметров. Нужно лишь чуточку наклониться, закрыть глаза, и...

— Поцелуй меня.

Макс резко отстранился. Зачем она это сказала? Теперь он не знал, что делать.

— Да не секс, глупый. Просто поцелуй.

Дэйна закрыла глаза в ожидании. Он уловил запах печенья, которое она только что грызла. На щеках редкие брызги веснушек. Он хотел бы прикоснуться губами к каждой из них.

— Что ты там делаешь? — Дэйна открыла глаза.

И в самом деле, что он делал?

— Прости, — хрипло сказал он. — Просто...

Он не смог закончить, потому что губы Дэйны прижались к его губам. На этот раз все было по-другому — не было смущения, он не спрашивал себя, можно ли ему сделать это или нет. Теперь он не сомневался, что она хотела его так же, как он хотел ее. Долгие недели, даже месяцы они молчали о своих чувствах. И то, что происходило сейчас, было как взрыв.

Боже, он никогда не испытывал такого. Макс не понял, как это случилось, но вдруг почувствовал, что обнимает ее. Даже после того робкого единственного поцелуя в прошлом году он не мог себе представить, что такое возможно.

Этот момент искупал все: годы страданий, ненависти, все те бесчисленные дни, когда он хотел лишь одного — умереть. Этот поцелуй, этот восхитительный, бесконечный поцелуй изменил все. Макс растворился в ощущениях. И вдруг...

Она сказала, что не хочет секса.

Макс застыл. Что она имела в виду? Он отстранился.

— Что со мной не так?

— Макс? — Дэйна с удивлением глядела на него.

— Почему ты не хочешь заняться со мной сексом? Что со мной не так?

Губы Дэйны растянулись в улыбке.

— Глупый, — сказала она, прижимаясь к его руке, — просто не сейчас. Не здесь. Это должно быть что-то особенное, верно?

Он не понимал. Он больше ничего не понимал.

— Но почему я тебе нравлюсь? Ведь меня все терпеть не могут.

Стены подвала эхом подхватили его крик.

— Потому, — сказала Дэйна, сжав в ладонях лицо Макса. От ее рук словно исходил электрический ток. — Потому что ты другой. И потому, что ты такой же, как я.

Понедельник, 27 апреля 2009 года

— Что ты думаешь об этом? — Мастерс пил уже третью чашку кофе за час.

— Да они просто водят нас за нос, вот что. Они же знают, что чем дольше пробудут в камере, тем больше их потом будут уважать приятели.

Дэннис не мог понять, как Джесс удастся так хорошо выглядеть, — она пришла на работу бодрой, отдохнувшей и, что еще больше раздражало, со свежей головой. Жалко, замужем, а то он точно бы за ней приударил. Про Кэрри сейчас, понятное дело, можно забыть. К тому же он все еще помнил ее прощальные слова: «*Этого никогда не было*». Они нанесли такой же удар по его самооценке, как и это убийство, очередное нераскрытое убийство на его участке. Расследование не продвинулось ни на шаг, несмотря на бесчисленные допросы.

Мастерс взял со стола досье Сэммса и Дрисколла. Конечно, их уже и раньше арестовывали. Сэммса за угон, а Дрисколла, пожалуй, за все, кроме убийства.

— Не думаю, что это сделал кто-то из них. — Он бросил бумаги на стол.

— Почему ты так уверен?

— Все, что у нас есть, — показания нескольких школьников. Двое из них говорят, что, кажется.

Сэммс и Дрисколл находились поблизости от места убийства. Кажется!

— Но мы не можем отмахнуться от этих показаний.

— Ладно, привези сюда девчонку. Она явно что-то скрывает. Криминалисты подтвердили, что кровь на ноже принадлежит Макссу. Так что оружие найдено.

— Уже легче.

— Ничуть не легче. Девчонка лжет, это ясно. Она же говорила

про нож-бабочку. Кого-то выгораживает? Или боится?

Джесс покачала головой.

— Дэннис, сам подумай: у девочки психологическая травма, ее не любят дома и издеваются в школе. Что удивительного в ее скрытности? Я ее привезу, но надо быть с ней помягче.

— Это ты *мне* говоришь? — проворчал Дэннис. — Кстати, судя по ранам, убийца ниже жертвы.

— Под это описание подходят и Сэммс, и Дрисколл. Оба засранца малорослые.

— Макс был под метр девяносто. Так что по сравнению с ним все такие. И удары были нанесены из-под руки. Как будто ножом пользовался кто-то неопытный.

На все вопросы Мастерса Дэйна Рэй отвечала: «Без комментариев». На этот раз она приехала с матерью, которая, очевидно, прослышала, что здесь раздают бесплатные сигареты. Она курила безостановочно, не забывая твердить Дэйне, чтобы та ни слова не говорила «этим свиньям». Девочка вышла в слезах. Мать одной рукой тянула ее за собой, сжимая в другой мятую полупустую пачку. Когда они ушли, Дэннис взглянул на Джесс сквозь густую завесу дыма.

— Приятная женщина.

Он так устал, что, казалось, больше никогда не заснет.

— По-моему, было интересно. — Джесс Бриттон так и не успела объяснить, что именно показалось ей интересным. В комнату заглянул молодой полицейский.

— Для вас сообщение, сэр. — Он протянул Дэннису записку и вышел.

Дэннис прочел и передал листок Джесс. Та присвистнула.

— Что будем делать?

— Пусть выходит в эфир, — решил Мастерс. — Если кто и может разговорить девчонку, то лишь Кэрри.

— Это доказывает, что когда-то все было нормально. — Кэрри все еще чувствовала неестественное спокойствие. Казалось, она спит и вот-вот проснется.

Она сидела на полу, на коленях лежал альбом с фотографиями.

— Может быть, не стоит смотреть сейчас... ну, ведь прошло так мало времени...

— Прежде я не понимала, зачем нужны фотографии. Если бы я хоть раз об этом задумалась, когда ругала Макса или жаловалась, что Броуди поздно возвращается... если бы я знала, что когда-нибудь ничего этого не станет... что это просто исчезнет... Я... Я...

— Вот, выпей. — Лиа села рядом и протянула две таблетки и стакан воды. — Сейчас приготовлю поесть, если хочешь.

Нет, таблеток вполне достаточно. Кэрри снова принялась листать альбом. Она всегда подписывала все фотографии и указывала даты, альбомы же расставляла на полке в строгом хронологическом порядке. Броуди вечно смеялся над ней. Свои снимки он держал в обувной коробке.

— Вот в чем разница между нами, — однажды сказала она мужу. — Мне нужно все контролировать, а тебе нет.

Кэрри всегда считала странным, что Броуди, будучи математиком, любил беспорядок.

— Нет ничего более хаотичного, чем математика, — убеждал он ее за пару месяцев до свадьбы. — Приходи как-нибудь ко мне на урок. Ты будешь поражена.

Кэрри устроилась на задней парте лекционного зала и приготовилась слушать о «Красоте математики», как называлась его вводная лекция. Она ни слова не поняла из того, что ее будущий муж рассказывал тридцати восьми сбитым с толку первокурсникам, но зато поняла, что он убедил всех — за одним исключением, — что математика прекрасна.

— Но разве есть красота в заблуждении? — спросила одна девушка. Она явно нервничала и встала, чтобы задать вопрос, но Броуди махнул рукой. Кэрри понравился его неформальный стиль общения со студентами.

— Ага! — воскликнул он, явно обрадовавшись. — А вот и

настоящий математик среди нас. Наши ошибки, мисс...

— Колдуэлл.

— Наши ошибки, мисс Колдуэлл, — это самая прекрасная часть математики. Только совершая их, мы становимся способны увидеть абсолютное совершенство правильного решения.

— Так что было бы, если бы никто не совершал ошибок?

— Тогда, мисс Колдуэлл, мы навсегда остались бы слепы к самым удивительным, потрясающим моментам нашей жизни.

— Знаешь, — сказала Кэрри, сидя за кухонным столом, — незадолго до того, как ослепнуть, он завел привычку измерять все подряд. — Перед ней стояла тарелка с супом. В руке подрагивал стакан с водой.

— Броуди?

— Я тогда понятия не имела зачем. В нашем доме он измерил буквально все: расстояние между мебелью, расстояние от ламп до пола, размер дырок в дуршлаге. Покончив с домом, он проделал то же самое в саду. Это была мания, Лиа. А после того, как он все-все измерил, зрение ему отказало.

— О боже... — вздохнула Лиа. — Как странно.

— А когда ослеп, то вызвал людей, чтобы они переставили всю мебель в доме. Заявил, что красота в ошибках. Что он хочет познать эту красоту совершая сотни ошибок каждый день.

— Даже как-то жутко. — Лиа пододвинула к ней тарелку. — Тебе нужно поесть.

— Интересно, видит ли он красоту в этом? Это он виноват, — прошептала Кэрри. — Все происходило у него под носом, но он был слишком глуп, чтобы это заметить.

— Кэрри...

— Лиа, он сказал, что все знал. — Кэрри встала, но тут же упала обратно на стул. — Броуди сказал, что он знал про издевательства над Максом, знал, но ничего не сделал. Ведь кто-то же должен быть виноват. Макс проводил много времени с Броуди в этой дыре. Неудивительно, что мальчик попал в плохую компанию. О чем

Броуди только думал, когда разрешал ему приходить туда?

Если сам хочет так жить — это его выбор, но заставлять нашего сына там находиться...

— Кэрри, прошу тебя...

Внезапно Кэрри схватила тарелку с супом и запустила в стену.

— Это его вина! — закричала она. — Броуди убил нашего сына! Пусть попробует теперь сказать что-нибудь про красоту ошибок.

Она выбежала из кухни, схватила ключи от машины, быстро обулась и распахнула дверь. Тысячи вспышек встретили ее на пороге. Она подняла руку, защищаясь.

— Черт! — раздался за ее спиной голос Лиа.

И на Кэрри хлынула лавина вопросов.

Это правда, что ваш сын был членом молодежной банды, мисс Кент?

Это правда, что его исключили из частной школы?

Его убили, чтобы отомстить вам?

Как вы чувствуете себя, лично столкнувшись с проблемами, благодаря которым сделали свое состояние?

Кэрри опустилась на крыльцо и разрыдалась.

Январь 2009 года

Желание заняться сексом с Максом жгло Дэйну изнутри. Она никогда не делала этого раньше. А он?

— Большинство просто ужасны. — Мистер Локхарт ходил по классу, раздавая сочинения. — Это, конечно, относится к тем, кто удосужился написать хоть что-то. — Он остановился у стола Дэйны. — Это же ваше семестровое сочинение, вы, кучка лузеров. Если вы хотите хоть чего-то добиться в жизни, если не намерены вкалывать всю жизнь официантами в местной закусочной, нужно начинать работать. А это значит — писать что-нибудь вроде вот этого. — Мистер Локхарт поднял над головой сочинение Дэйны.

— Спасибо, сэр, — вспыхнула Дэйна.

Конечно, раздались обычные комментарии: она тоже лузер, она трахается с учителем, она скатала сочинение из Интернета. Честно говоря, Дэйна знала, что сочинение не очень удалось. У нее всегда было много ошибок — она ведь научилась читать и писать только в девять лет. Блестяще сдать экзамены она не надеялась, но рассчитывала, что наберет достаточно баллов и сможет поступить в колледж. И уедет отсюда.

— Это грустно, да?

Дэйна подняла глаза:

— Что?

Оказывается, мистер Локхарт обращался к ней.

— Ну, история об этих детях. Все эти убийства, вражда между семьями.

— Э-э-э... ну да.

Что-то стукнуло в голову сзади. Дэйна потрогала волосы. Жвачка прилипла точно под заколкой.

— Можно ли сказать, что драма не утратила своей актуальности до сих пор? Что молчите? Тогда ваше задание на следующий раз, если кто-то удосужится его выполнить, — сравнить отношения

между подростками в наши дни и проблемы, с которыми сталкиваются герои «Ромео и Джульетты». Понятно?

После урока она догнала Макса:

— Тебе что поставили?

— Пару, — сказал он, не глядя на нее.

Она вздохнула.

— Ты не принес еды?

— Не-а. Вчера был у папы. Мы ели готовую лапшу.

— Хочешь, купим чипсов?

— Я не голоден. Пока. — Макс ускорил шаг.

— Эй, подожди. В чем дело?

Они вышли на улицу. Воздух был такой холодный, что у Дэйны перехватило дыхание.

— Почему ты злишься?

Макс повернулся к ней:

— А ты не знаешь?

— Нет. — Она схватила его за руку, но он вырвался.

Мимо прошла компания парней, каждый счел своим долгом пихнуть их. Один из парней предложил трахнуть ее прямо сейчас и загоготал довольно.

— Вот в чем дело, ясно? — яростно сказал Макс.

— В чем?

После всего, что произошло за последние несколько месяцев, после всех этих часов, которые они провели вместе, болтая, заполняя анкеты для конкурсов вместо уроков химии, сидя у канала, бросая камни в воду, после вечеров, когда они покупали конфеты и объедались ими, пока не начинал болеть живот, она считала, что он не может так обращаться с ней. И они же целовались.

— Просто мы ведь так и не сделаем этого, да?

Внутри у нее снова разгорелся огонь.

— Я же сказала, что хочу, помнишь?

— Да, но ты никогда не показываешь этого. Откуда мне знать, так ли это до сих пор. — Макс нервно провел рукой по волосам. — Получается, они все правы. Я просто долбанный лузер.

— Так что, получается, ты хочешь переспать со мной, только чтобы доказать всем, что ты не лузер? Может, ты еще фотки собираешься повесить на фейсбук? — Желание уступило место гневу.

— Дэйна... — Макс остановился. — Другие тут ни при чем. Ты мне очень нравишься, просто... не знаю...

— Сейчас, — решительно произнесла Дэйна. Школьный двор почти опустел. — Давай сделаем это сейчас.

Лицо Макса мгновенно изменилось. Будто повернули выключатель. Скулы — она всегда думала, что они очень красивые, — выступили еще резче, отчего выражение лица сделалось угрожающим. Дэйна судорожно вздохнула. Она любит его. И сделает все, что он хочет. Ведь иначе она его потеряет.

— Давай сделаем это. Сейчас. В подвале.

Наверное, и в ней повернули выключатель, потому что вдруг она осознала, что тянет Макса за собой обратно в школу. Они собирались пойти на химию, но теперь ничего на свете не имело значения, лишь ее желание доказать Макс, как сильно она его любит. Она не позволит, чтобы они, как Ромео и Джульетта, расстались из-за других людей.

Они сбежали по лестнице, она потянула его к двери в бойлерную рядом со стопкой ведер и швабрами. Даже в темноте она видела, как блестят глаза Макса.

— Молчи, — сказала она. — Все будет хорошо.

На чехлах для мебели, которые они расстелили на полу, остался мусор после прошлого раза. Чем-то воняло, наверное, остатками паштета — Макс заметил жестянку в углу.

Неужели они займутся сексом сейчас, здесь? Он никогда не мог до конца понять Дэйну. Иногда ему казалось, что она дразнит его, а иногда она была такой холодной и отстраненной. В ней он видел свое отражение.

— Макс...

Она мягко нажала на его плечи, и он опустился на колени. Цементный пол обжег холодом даже через джинсы.

— Я не понимаю тебя, Дэйна Рэй.

Она его дразнит, ведь все это опять закончится ничем. Сколько раз уже она плакала у него на плече или засыпала в хижине, положив голову ему на колени?

— Мы ведь встречаемся, верно? — Она сняла рюкзак с его плеча и бросила рядом со своим.

Макс хотел ее — она была такая изящная и хорошенькая под всеми этими черными тенями и подводкой, — но какая пропасть между желанием и реальностью.

Может быть, завтра ее уже не будет?

— Конечно, встречаемся. — Неужели это действительно случится? — Слушай, извини, что я сорвался. Это все из-за тех козлов.

— Теперь ты со мной. Все будет хорошо.

Макс почувствовал, что внутри всколыхнулось то, чему он обычно не позволял выйти на поверхность. Желание было столь мощным, что причинило ему физическую боль.

— Дэйна...

Он хотел провести пальцами по ее щеке, но она поймала его ладонь и поцеловала. Боже, подумал он. Боже мой. Это происходит. Это не поцелуй украдкой в парке или торопливое объятие во время большой перемены. Дэйна хочет заняться с ним любовью.

Любовью.

Даже если больше ничего не будет, лишь того, что она поцеловала его руку, уже достаточно.

У него закружилась голова. А через мгновение обнаружил, что ладонь лежит на ее груди. Через тонкую ткань он ощущал жар ее тела. Оба застыли. Разве может быть момент прекраснее, подумал он. И вдруг ее взгляд скользнул вниз.

— Это не то, что ты думаешь, — пробормотал он и тут же

возненавидел себя.

Надеюсь, именно то. — Ее уверенный смешок заставил его спросить себя, делала ли она это раньше. Думать об этом не хотелось.

Больше они не разговаривали. По крайней мере, Макс не мог припомнить слов. Дэйна стянула с него школьный блейзер. Ее лицо было так близко, ее дыхание щекотало кожу. Должен ли и он снять с нее что-нибудь? Ее пальцы принялись расстегивать пуговицы на его рубашке. Макс знал, что он худой. Может, ей не нравятся скелеты. Как бы он хотел выглядеть как мужчина, а не мальчишка. Может, схватить свои вещи и убежать, пока не поздно?

Дэйна поцеловала его грудь. Поцелуй проник прямо до самого сердца.

Осторожно, но уверенно она потянула его вниз, на ледяной пол. Он весь дрожал — от предвкушения и страха. Конечно, он все испортит, в этом можно не сомневаться, но, похоже, пути назад больше нет. Он пожалел, что не занялся этим в первый раз с кем-нибудь, к кому был бы равнодушен, для практики.

Макс понял, что брюки расстегнуты, но Дэйна отодвинулась. Он открыл глаза. Их взгляды встретились, и в ее глазах он увидел желание. Возбуждение захлестнуло его. Он и не думал, что такое бывает. Он боялся, что если пошевелится, то все закончится и он проснется один в своей постели.

Дэйна сняла блузку. У Макса закружилась голова от вида ее обнаженной кожи. Она коснулась губами его шеи, и они неловко опустились на грязные мебельных чехлы.

— Эй... — пробормотал он.

Они целовались, его руки гладили ее спину, ее грудь. В классе над ними начинался урок, они слышали шаги и скрип стульев. Макс пришел в ужас от мысли, что их могут застать тут.

Он начал раздевать ее. Быстро снял лифчик, колготки и трусики. Юбку снимать не стал.

Он действительно сейчас это сделает.

Конечно, наверняка что-нибудь пойдет не так. Например, его вырвет.

Макс точно не знал, что должен делать дальше. Он поднял ее

юбку...

Болезненные вскрики сменились тихими стонами, она прекратила судорожно царапать его спину, и блаженство, которое, как Макс думал, он никогда не испытает, поглотило его.

А потом все закончилось.

Он рухнул на нее, заставив ойкнуть. Нашарил штаны, достал из кармана ключ. Ключ от его лачуги и его сердца. Молча протянул его Дэйне. Он знал, что влюблен.

Так же молча она взяла ключ, оделась и исчезла.

Дэйна шла домой одна. Но, как ни странно, не чувствовала себя одиноко. Кто-то незримый шел с ней рядом. Она думала об этом, входя в дом, где мать как раз в этот миг шваркнула стеклянную банку о стену. Во все стороны полетели осколки вперемешку с соусом карри, забрызгав голову Кева.

— Ты где шлялась? — заорала мать.

Дэйна сбросила рюкзак у порога. Блаженное ощущение не исчезло. Под ногами захрустело стекло.

Они с Максом занимались любовью. Теперь она женщина.

Она хотела сказать ему, что любит его, но не смогла выговорить эти слова.

Февраль 2009 года

Броуди остановился и принялся. Моющее средство. Он захлопнул дверь и сбросил сумку с плеча.

— Стоп! Ты что делаешь?

Он представил маленького Макса, стоящего на стуле у мойки, в розовых резиновых перчатках до локтей, с щеткой для посуды в руках, а вокруг летают мыльные пузыри. Как он ни пытался, ему было невероятно сложно думать о своем сыне как о молодом человеке, почти мужчине.

— Опять у тебя тут бардак, пап. Так нельзя жить.

— Очень даже можно. — Броуди ощупал стол в поисках стакана. — Что ты сделал со всеми моими вещами?

— Помыл. Убрал. — Макс слил воду из мойки и вытер лужу на столе. — Так нельзя, папа. Тебе нужно как-то приспособиться. Ты ведь уже много лет назад ослеп.

— Я же все-таки выжил, нет? — Если бы он знал, куда Макс убрал всю посуду, он бы просто сбросил ее на пол, чтобы показать, насколько ему плевать на порядок. — Ты как твоя мать. Когда мы были вместе, она все время приставала ко мне с тем же.

— Мама приставала, чтобы ты прибрался? — Макс рассмеялся. — Да она в жизни ни к чему дома не притрагивается. Все делает Марта, а еще к нам каждую неделю приходят сто уборщиц.

— Я знаю, сын, я хорошо знаю твою мать. — Броуди вздохнул и прислонился к стене.

— Но ты же ее уже столько лет не видел.

— Да. — Броуди не признался, что слушает повторы шоу Кэрри в Интернете. Он снова и снова вслушивался в звук ее голоса, вспоминая их общую жизнь, спрашивая себя, почему все так вышло. — Она не счастлива, да? — Броуди протянул руки и дотронулся до лица сына. — Ты красивый парень, Макс. Я горжусь тобой.

Макс отстранился.

— Я... Я не знаю, счастлива она или нет. Мы мало разговариваем.

— А ты? Ты счастлив?

— Не знаю. Да, наверное. — Голос Макса был слишком ровным.

— Как дела с той девушкой?

— Я тебе уже говорил. Нет никакой девушки.

— Ну, значит, все женщины, которых ты сюда приводишь, пользуются одинаковыми духами.

— Я не привожу сюда *женщин*. — Макс с силой захлопнул дверцу буфета.

Броуди схватил сына за руку:

— Макс, почему ты не хочешь поговорить со мной? Почему я чувствую, что между нами пропасть?

— Ты тут ни при чем, это я виноват. — Макс высвободил руку и направился в гостиную; Броуди пошел следом. — Просто вся эта фигня, которая происходит... всегда происходила.

Броуди услышал, как скрипнул стул.

— Я не такой, как все, и поэтому все так фигово...

— Она тебя бросила?

Тишина. Было слышно только, как дети играют снаружи на галерее.

— Нет, — наконец ответил Макс.

— Она встречается с кем-то другим?

— Заткнись, ладно?

— Но все из-за нее, да? — Броуди счел молчание знаком согласия. — Знаешь, когда я жил с твоей матерью, мне постоянно хотелось повеситься.

— Тогда почему ты на ней женился?

— Потому что она была ни на кого не похожей.

Именно из-за этой непохожести он влюбился в Кэрри. И именно

из-за нее они расстались. Кэрри определила их брак как одно сплошное и непреодолимое разногласие, а Броуди не стал спорить. Сейчас он сожалел о том, что так легко сдался. Тогда он решил наказать себя и переехал в Вестмаунт. Чтобы всегда помнить, что же он потерял.

— Твоя девушка... она тоже непохожая? — Броуди знал ответ, но хотел услышать его от Макса.

— Почему вы с мамой расстались? — вместо этого спросил сын. — Из-за того, что она стала знаменитой?

Броуди рассмеялся.

— Думаешь, она бросила занудного профессора математики с его маленькой зарплатой ради своей звездной карьеры?

— Типа того.

— Твоя мать всегда была и остается самостоятельной женщиной, Макс. Она любит все держать под контролем, а когда... — Подобрать слова было трудно, но он хотел, чтобы Макс хотя бы отчасти понял. — А когда она чувствует, что теряет контроль, она пугается и старается сбежать. Чтобы избавиться от этого чувства.

— Так она что, потеряла контроль над тобой?

Броуди снова рассмеялся.

— Возможно, — сказал он, вспомнив день, когда зрение окончательно отказало ему, когда погас свет. — Моя слепота и для нее тоже стала ударом. Мы с ней буквально оказались в разных мирах.

Броуди попытался представить своего сына, как он вот сейчас сидит напротив, как напряжено его лицо, как сосредоточен взгляд.

— Но я не настолько ослеп, чтобы не видеть, что происходит с тобой, сын, поэтому предлагаю тебе выложить мне все за пиццей. — Он надеялся, что тогда Макс хотя бы еще на пару часов останется у него. Его беспокоило, что Макс стал реже приходить.

— Нет, спасибо, пап. Мне еще уроки надо сделать.

Ответ неверный, подумал Броуди.

— Мне хотелось бы с тобой поговорить.

Броуди чувствовал, что напряжение возрастает, и ждал, когда плотина прорвется.

— Поговорить?! — заорал вдруг Макс. — Поздновато для разговоров! — Он застонал, и сердце Броуди сжалось. Раздался грохот — Макс что-то перевернул. Броуди вскочил и попытался нашарить сына, но споткнулся.

— Макс, не надо...

Снова стук переворачиваемой мебели, невнятные вскрики. Броуди удалось схватить край рукава Макса.

— Пожалуйста, Макс, успокойся. Давай поговорим. Я знаю, в твоей жизни много всякого дерьма... (Что-то ударилось об стену.) Я знаю об этих парнях...

— Ни фига ты не знаешь! Ты слепой! И всегда был слепым!

Хлопнула входная дверь. Макс ушел. Броуди, спотыкаясь, пробирался через перевернутую мебель. Наклонился, пошарил по полу. Порезал палец о битое стекло. Закурил. Поискал пепельницу и, найдя, пробрался к окну. Закрыл глаза. Ничего не изменилось. Можно их больше не открывать.

Вторник, 28 апреля 2009 года

Броуди позвонил на студию и оставил Кэрри сообщение с просьбой перезвонить ему. Домашний телефон Кээри не отвечал, а номера мобильного он никогда не знал.

Звонок не заставил себя ждать.

— Кэрри? — Он едва узнал ее безжизненный голос. — Детектив тебе тоже позвонил? Ты уже знаешь, что найденный нож — это орудие убийства?

— Броуди, ты можешь приехать? — Кэрри всхлипнула.

— Конечно. Буду у тебя через...

— Я не в Лондоне, Броуди. Я пришлю за тобой водителя. Он отвезет тебя в аэропорт.

Броуди давно привык к аэропортам. Ему постоянно приходилось бывать на конференциях, в самых разных концах света. И всегда его сопровождала Фиона — следила за вещами, расписанием, документами. В этот раз, однако, он доверился водителю Кэрри и позволил провести себя через Лондонский аэропорт к вертолетной площадке. Как ни странно, ему было приятно, что Фионы нет рядом.

— Не волнуйтесь, сэр, проблем в полете не будет, — сказал пилот вертолета.

Броуди пристегнулся, хотя ему было все равно, шлепнутся они на землю или нет. Раздался шум лопастей, пилот о чем-то коротко переговорил с диспетчером, и через несколько минут они взмыли в воздух.

Во время полета Броуди думал о короткой жизни сына. Его подташнивало, но не от вертолетной качки. Как же получилось, что ни он, ни Кэрри не понимали, что они творят с собственным сыном. Картинки в его голове быстро сменяли одна другую: Макс после каникул летит в Дэннингем на частном вертолете... Макс пинает мяч у разрисованных граффити стен в Вестмаунте... Макс проводит выходные в шикарном загородном особняке Кэрри... Макс спит на

продавленном диване у него дома... Макс ходит в частную школу, год в которой обходится в тридцать тысяч фунтов... Макс прогуливает уроки в одном из самых криминальных районов Лондона...

Что же они сделали со своим сыном?

Еще один водитель доставил Броуди в загородную резиденцию Кэрри. Он не взял с собой никаких вещей и понятия не имел, когда вернется в Лондон. Он знал только, что сорваться с места его заставила невыразимая тоска, звучавшая в голосе Кэрри. Фиона заявила, что путешествовать без нее — *в твоём состоянии* — плохая идея. Но Броуди хотел быть рядом с Кэрри, только вдвоем они могли хоть как-то совладать с горем.

Кэрри лежала на полу. Она отпустила всю прислугу и велела ее не беспокоить. Она лежала у холодного камина, прикрыв ноги кашемировым пледом, и вспоминала, как Макс любил вынимать бревна из корзины и строить из них домик на персидском ковре. Неужели вся ее жизнь будет теперь состоять из осколков и боли? Неужели каждый раз, поворачивая за угол или открывая дверь, она будет видеть там Макса?

Она настояла на том, чтобы Лиа осталась в Лондоне и подготовила все к пятничному шоу. «Ты не в себе», — только и сказала Лиа, перед тем как Кэрри бросила трубку. Никто не поддержал ее идею взять интервью у Дэйны Рэй. Никто не понимал, что это не прихоть, а долг.

Звук старинного дверного звонка гулко прокатился по первому этажу. Залаяли собаки. Кэрри не услышала привычной суеты прислуги и тут же вспомнила, что совсем одна в доме.

На пороге стоял Броуди. За его спиной ждал дальнейших указаний водитель.

— Спасибо, Тони. Можете идти домой. — Кэрри автоматически растянула губы в улыбке.

Броуди выглядел ужасно, но почему-то ей показалось, что он примчался спасать ее. Может, если он останется здесь, произойдет чудо и они вернутся в прошлое?

— Проходи, — сказала она, отступая.

Броуди вытянул руку, нашел дверь и сделал осторожный шаг.

— Прости. — Она взяла его за руку. Ладонь была холодная. А прежде руки у него всегда были такие теплые. Броуди весь был теплым, точно грелка, к которой так приятно прижаться зимней ночью.

— Спасибо.

Он не возражал, когда она за руку вела его через холл в комнату с камином.

— Ты держишь собак, — сказал он.

— Ты по запаху определил?

— Нет, просто слышу, как постукивают когти по полу, — сказал он с коротким смешком.

— Нужно зажечь огонь. — Кэрри внезапно осознала, как холодно в доме.

— Не думал, что ты сама это делаешь, — заметил Броуди. Он опустился на большой диван. — У таких, как ты, обычно полный дом челяди.

Кэрри поморщилась.

— Я в состоянии и сама разжечь камин.

Она сердито смотрела, как ее бывший муж устраивается поудобнее на диване. На таком диване чудесно валяться, пить вино, болтать и смеяться, но только не вести разговоры с бывшим мужем о погибшем сыне.

— Сейчас разгорится, — пробормотала Кэрри, засовывая растопку под поленья.

Через несколько минут дрова трещали, тепло поплыло по комнате. Хотя вряд ли что-нибудь могло согреть их сердца.

— Ты хотела, чтобы я приехал, — сказал Броуди.

Ты хотела, чтобы я приехал. Только сейчас Кэрри сообразила, что ее звонок был мольбой о помощи. Как странно, подумала она, пытаюсь припомнить, когда в последний раз просила о помощи.

— Я подумала, что нам нужно встретиться. Обсудить.

Броуди слегка кивнул.

— Думаешь, они найдут виновного?

Кэрри села в кресло напротив Броуди, поджала под себя ноги.

— Какой в этом прок, даже если найдут?

— Прок в справедливости. Кто-то должен заплатить за то, что произошло. Кто-то должен сесть в тюрьму.

Кэрри внезапно покраснела. Броуди смотрел на нее так, что она не сомневалась: он все видит.

— Мы уже там, — ответил он.

Февраль 2009 года

— Потому что...

Дэйна не могла заставить себя произнести эти слова. Она чувствовала на своем затылке взгляд Макса. Они не разговаривали все утро. Ей казалось, что Макс уже несколько дней ее избегает. Обычно он так себя не вел. После того, что произошло в подвале, он стал к ней особенно внимателен, особенно заботлив, а потом вдруг резко изменился, замкнулся, отделялся молчанием. Она не знала, что и думать.

— Потому что они были влюблены друг в друга, но никто их не понимал. — Дэйна покраснела. Впрочем, все равно никто ее не слушал.

— Ты действительно в это веришь, Дэйна? Что они могли полюбить друг друга за столь короткое время? Или их просто влекло друг к другу именно потому, что они не должны были влюбляться, потому что их семьи враждовали? Подростковый бунт и все такое. — Мистер Локхарт ожидал, что класс рассмеется, но все были заняты своими делами.

— Ну, может, и так. А может, они просто один раз посмотрели друг на друга — и все. Их глаза встретились, ну и все такое. Иногда так бывает. — Дэйна вспомнила, как посмотрела на Макса, когда он впервые появился в школе. Она не думала, что он сразу ее заметил, но она-то заметила его тотчас. Ей было безумно жаль Ромео и Джульетту. Безумно жаль себя и Макса. Любить так трудно.

— Я хотел бы верить, что это правда, Дэйна. Что касается вас, бездельники... — Мистер Локхарт стукнул книгой по столу. Никто не обратил внимания. — В выходные беритесь за сочинение. И чтобы работы лежали у меня на столе в конце семестра. Я хочу, чтобы вы раскрыли две темы. Первая: эпоха. Я хочу знать, что вы думаете о том, могла бы история Ромео и Джульетты произойти в другое время. Вторая: судьба. Какую роль сыграл рок в судьбе героев?

Дэйна поймала взгляд Макса и робко улыбнулась, но его лицо осталось бесстрастным. Да что с ним такое?

В столовой Дэйна нагнала его:

— Привет.

Макс постукивал пальцами по подносу, стоя в очереди.

— Пирог, — сказал он. — И еще картошку с соусом.

Дэйна хотела коснуться его, взять за руку...

— Ой!

Она качнулась от сильного толчка в спину, упаковка с соком шлепнулась на пол, лопнула, и на ноги брызнула сладкая жидкость.

— С дороги, сука.

Дэйна замерла. Она ждала, что Макс вступится за нее, хотя бы наклонится за подносом. Но он, казалось, ничего не заметил. Взял свой заказ и прошел к кассе. Девчонка, толкнувшая Дэйну, со смешком протиснулась к стойке. К ней буквально приклеился парень, губами елозивший по ее шее.

— Эй, Макси, детка, — крикнул он тоненьким голоском, отрываясь от своей подружки, — можно я пососу твой член, а, Макси, детка?

Дэйна в ужасе замерла. Она боялась даже дышать. Плечи Макса напряглись, но он не обернулся. Вокруг захихикали.

— Эй, козел, я с тобой разговариваю. — Парень прицельно швырнул куском хлеба Макс в голову.

Макс резко обернулся:

— Какого...

— Я с тобой разговариваю, хрен с горы, — прорычал парень. — Ты что, не можешь справиться со своей девкой? Не слышишь, что все вокруг говорят?

Макс не шевелился. Дэйна тоже. Обычный гвалт в столовой продолжался, а они словно застряли во времени.

О чем это он?

Внезапно Макс швырнул свой поднос на пол. Еда и приборы разлетелись во все стороны. Пирог шлепнулся у ног Дэйны. Макс шагнул к ней, с силой наподдал пирог ногой и выскочил за дверь.

Вторник, 28 апреля 2009 года

Кэрри нашла в себе силы приготовить чай. Без прислуги дом казался необитаемым, но присутствие Броуди делало его хоть чуточку уютнее.

— Осторожно, ступенька, — предупредила она, ведя его за собой к столу. Собаки остались лежать у огня.

Шел четвертый день после гибели Макса.

Кэрри поставила чашку перед Броуди на стол, села рядом с бывшим мужем.

— Прошлой осенью Макс оставил у меня дома свой мобильный, — неожиданно сказал он.

Кэрри вспомнила ужасное место, где жил Броуди. Она не понимала, почему он выбрал его, но не осмеливалась спросить. Дело было явно не в деньгах. Затхлый запах, царивший во всем Вестмаунте, до сих пор преследовал ее. Он был словно фоном для ее мыслей.

— Он был такой рассеянный.

Не перечесть, сколько раз она посылала своего водителя в Дэннингем со спортивной формой и учебниками, которые Макс забывал взять с собой после каникул. Она не знала, забывал ли он школьный скарб в последнее время. Если говорить начистоту — а это ей сейчас давалось с трудом, — она совершенно не интересовалась школьной жизнью Макса с тех пор, как он бросил Дэннингем.

— Раньше. Я не знаю, каким он был... в новой школе.

— Не *хотела* знать, если точнее.

Кэрри сглотнула.

— Макс сам выбрал эту школу, Кэрри. Я же тебе говорил, ему было плохо в Дэннингеме.

— А сейчас ему хорошо? Может, в новой школе все было замечательно?

Броуди не стал возражать.

— Так вот, ночью телефон запищал. Голосовое сообщение.

Кэрри попыталась сосредоточиться. Это было нелегко.

— Телефон у него другой модели, не такой, как у меня. Я хотел его просто выключить, чтобы не раздражал своим писком, а в результате включил сообщение. И, услышав начало, дослушал до конца. Вообще-то их было несколько, этих сообщений...

— Ну говори!

— Ничего хорошего я не услышал.

— Но что там было? Кто их оставил?

Броуди вздохнул.

— Какие-то мерзкие подростки. Ну, знаешь, обычное дело. Оскорбления, унижительные комментарии. Угрозы.

— Угрозы? Почему ты не рассказал Дэннису?

— Почему же, рассказал. Описал парня. И даже дал номер телефона. После прослушивания сообщения можно было перезвонить абоненту, я так и сделал. А когда он ответил, то я сказал, что ошибся. Парень спросонья плохо соображал и послушно продиктовал свой номер. Я его записал.

— Но как ты мог его описать? Господи, Броуди, это ведь может быть убийца Макса.

Броуди медленно отхлебнул чай. Пытается увильнуть от ответа, зло подумала Кэрри.

— Я тебе объясню, — наконец сказал он. — Мне несколько раз звонили из школы по поводу прогулов. Макс дал оба наших телефона. Но похоже, с тобой они не смогли связаться, поэтому звонили мне. В общем, я попытался поговорить с Максом. Я ему рассказал и про эти сообщения.

— Ну и что же он ответил?

— Сказал, что это ерунда. Что все у него в порядке. Что парни, которые оставили сообщения, — просто его приятели, что это просто такая шутка. Он на меня тогда жутко разозлился. А еще заявил, что все в школе прогуливают. Так что, мол, нечего париться на этот счет.

Так он выразился.

— Но кто...

— Он назвал несколько имен. И рассказал о кафе, куда часто заглядывает. Но Максу не удалось убедить меня, что все у него в порядке. И я решил навестить в то кафе и взял с собой Фиону, чтобы она описала, как выглядят парни. Я хотел помочь Максу. Стать хорошим отцом. Я купил книгу о том, как вести себя, если над твоим ребенком в школе издеваются. Я думал, что сумею ему помочь.

Кэрри не могла произнести ни слова. Она смотрела на своего бывшего мужа и не знала, как лучше поступить — обнять его, прижаться к нему или запустить в него кочергой. Она не сделала ни того ни другого. Броуди плакал. И не пытался скрыть это.

Ее пальцы покалывало от желания прикоснуться к нему. Сердце учащенно билось.

— Ты купил книгу? — Она хотела, чтобы ее голос звучал удивленно, но не получилось.

— Да, Фиона читала ее мне. Много из того, что там написано, звучит логично.

— И ты шпионил за подростками? Подростками, которые угрожали Максу? — Снова, вопреки ее желанию, слова прозвучали монотонно.

Броуди просто кивнул.

Кэрри встала. Прошла по комнате.

— Но почему ты не сделал больше? Почему не позвонил директору? Она сорвалась на крик: — Почему не позвонил *мне*?

— Потому, — холодно сказал Броуди, — что ты всегда слишком занята. К тому же мне казалось, что у Макса постепенно все наладилось. У него появилась девушка. Я думал, он счастлив.

— Даже не знаю, что сказать.

— А нечего говорить. Слишком поздно.

Они молчали. Кэрри смотрела на огонь. Броуди ощущал жар на лице, но ему было холодно. Как и Кэрри. Из ступора их вывел звонок. Это был Дэннис Мастерс.

Дэннис сначала позвонил в лондонский дом Кэрри. Домработница сообщила, что та уехала. Мобильный сбрасывал звонок на голосовую почту. Мастерс оставил сообщение о том, что он арестовал подозреваемого. Он испытывал огромное облегчение и даже позволил себе выпить рюмку виски из своего особого запаса. Потом попытался дозвониться отцу Макса. Честно говоря, он предпочел бы говорить напрямую с Кэрри, но у него не было телефона ее загородной резиденции.

— Загородная резиденция, черт ее дери, — пробормотал Мастерс.

Он-то считал, что ему крупно повезло, когда он смог позволить себе ту халупу, в которой жил. Бывшая жена ободрала его как липку во время развода.

— Ну же, ну же, возьми трубку...

Парня доставили в участок ранним утром.

— Ну слава богу, — мрачно сказала Джесс, через стекло разглядывая подростка в рабочем комбинезоне и грязных ботинках.

— Сомневаюсь, что он хоть один день в своей жизни работал, — заметил Дэннис.

— Если бы я была его матерью...

— Вряд ли даже вы смогли бы произвести на свет такое чадо, детектив Бриттон. — Дэннис отвернулся, но тут же резко повернулся к ней. — Ага!

Джесс помахала выставленным вверх средним пальцем и скорчила гримасу.

— Ну так что у нас есть? — Она улыбнулась, села на край стола и одернула юбку, заметив, как взгляд Мастерса скользнул по ее ногам. — А мы сегодня в игривом настроении, верно, сэр?

— Можно и так сказать. Если мы предъявим ему обвинение, я буду самым счастливым человеком, Джесс. — Он невольно снова посмотрел на ее колени. Юбка отказывалась прикрывать их, как бы Джесс ее ни одергивала. — Они нашли еще одни отпечатки на ноже. Потребовалось время.

— Я знаю. Как ни странно, я тоже умею читать почту.

— Это он, Джесс.

Она встала и прошла по кабинету.

— На ноже отпечатки Уоррена. — Жаль, подумал Дэннис, что он не вызвал парня на допрос еще три дня назад.

— Это я тоже знаю, — кивнула Джесс. — Они хранятся в нашей базе данных. Есть хоть что-то, чего он еще не совершал?

— Должно быть, они подрались. Потасовка. — Дэннис понимал сомнения Джесс, но это единственный подозреваемый. Надо выдвинуть обвинение и выбить из него признание.

— Ну же, возьми трубку...

— Профессор Квинелл у телефона.

— Профессор, это главный инспектор Мастерс. У меня для вас новости. Мы выдвинули против пятнадцатилетнего подростка обвинение в убийстве вашего сына.

Квинелл молчал — должно быть, не до конца проснулся, решил Мастерс. Час был поздний.

— Обвинение?

— Да. И доказательств достаточно, чтобы передать дело в суд.

Дэннису хотелось взобраться на самую высокую крышу и крикнуть на весь город, что он поймал ублюдка.

— Вы, профессор, можете приехать в участок, чтобы узнать подробности.

Пауза.

— Не смогу. Я с матерью Макса. За городом.

Вот как, удивился Дэннис. Обычно трагедии разрушают браки, а не склеивают их.

— Она не хотела быть одна, — добавил профессор.

— Я понимаю. Когда вы вернетесь в город?

— Скоро.

Глядя на Уоррена Лэйна, Мастерс никак не мог избавиться от мысли, что лицо мальчишки будто вырезали из дерева тупым ножом. Парня арестовывали двенадцать раз. Уже с десяти лет он большую часть времени проводил в детских исправительных заведениях, да и сейчас был выпущен лишь потому, что последнему судье стало ясно: парень специально рвется в тюрьму — там хоть тепло и еды вдоволь.

Рядом с парнем сидела мужеподобная толстуха — назначенная адвокатесса. Она кивнула Джесс и Дэннису, когда они вошли в комнату для допросов. Уоррен медленно поднял глаза на детективов и тут же снова опустил, продолжая теревить пряжку ремня.

Мастерс включил диктофон.

— Ты понимаешь, почему тебя арестовали, Уоррен?

Парень молчал.

— Нам объяснили, — сказала адвокат.

— Начнем. Где ты был утром двадцать четвертого апреля две тысячи девятого года?

Молчание.

— Мой клиент хочет воспользоваться своим правом хранить молчание.

Что ж, этого стоило ожидать. Речь ведь идет об убийстве, так что можно получить бесплатный номер от щедрот ее величества на очень долгое время.

— Ты был в школе в то утро между десятью и одиннадцатью часами утра?

Снова молчание. Адвокатесса с трудом скрестила под столом толстые ноги.

— Ты заколол Макса Квинелла кухонным ножом?

Дэннис вытащил из папки фотографию окровавленного ножа и положил перед Уорреном Лэйном. Тот скользнул по снимку взглядом и снова занялся своим ремнем.

— Ты звонил Максу Квинеллу и оставлял ему голосовые сообщения на мобильном в октябре две тысячи восьмого и марте две тысячи девятого года?

Парень сглотнул и что-то шепнул адвокатше.

— Уоррен хотел бы стакан воды.

Джесс прошла к кулеру и наполнила пластиковый стаканчик.

— Ты являешься членом или главарем бандь под названием «Бегущие по лезвию»?

Молчание.

— Ты знаком с Оуэном Дрисколлом и Блэйком Сэммсом?

— Без комментариев, — сказал вдруг Уоррен Лэйн. Его голос звучал сдавленно, будто у него что-то застряло в горле. Вина, может быть.

— Ты активно набирал в банду новых членов. Дрисколл и Сэммс недавно присоединились? — Дэннис даже не сделал паузы, чтобы услышать ответ — Ты решил похвастаться перед новичками и для этого ввязался в драку с Максом Квинеллом? Ты убил его, чтобы поддержать свои авторитет?

Тридцать шесть часов, думал Мастерс, уставясь в потолок. И двенадцать из них уже утекли. А он валяется в постели.

В комнате было жарко. Он в ярости сорвал с себя пижамную куртку и швырнул на пол.

— Пижамы, — пробормотал он. — Долбанные пижамы.

Он часто представлял, как заманит к себе Кэрри и что потом напишут об этом глянцевого журналы. Конечно, его карьере это вряд ли принесет пользу, но зато он сможет продать эту историю и заработать кучу денег. Кэрри это тоже знала. Возможно, поэтому и порвала с ним. «А может, потому, что я козел», — подумал мастере.

Он встал и открыл окно. Из турецкой закуской на углу ветерок принес запах жарящегося мяса. Мастерс натянул джинсы с рубашкой и вышел на улицу. Тарелка жирного мяса — это как раз то, что надо.

Свет из закуской падал на мокрый асфальт. Вся улица была заставлена машинами, припаркованными иногда даже в два ряда. Для апрельской ночи было удивительно тепло. Вокруг урны у закуской валялся мусор. Из дверей вывалилась компания подростков. Один швырнул на землю пустую банку из-под пива, другой громко рыгнул

и зашелестел бумагой, разворачивая шаурму.

— Как дела, дедуля?

Парни загоготали. Один из подростков сплюнул на тротуар. Все трое были в капюшонах, надвинутых на самые глаза. Лица нездорово-одутловатые, как и у Уоррена, особенно после нескольких часов в камере. Мастерс планировал вернуться в участок часа в три утра, разбудить его и снова допросить.

— Дела в полном порядке, детка.

Дэннис подошел к окошку закусочной. Меню, что висело на стене, он знал наизусть.

— Кебаб из ягненка с двойным луком и картошкой, Кен. — Он полез в карман за деньгами.

Парни подобрались ближе, достали из холодильника колу и окружили Мастерса.

— Пять фунтов тридцать пенсов, Дэннис, — сказал Кен. Он завернул картошку, положил еду в пакет и поставил на подоконник. — Для тебя — пятерка.

Парни внимательно наблюдали, как Мастерс роется в бумажнике. Внезапно один из них сунул руку в карман. Зрачки у парня были расширены. Дэннис резко обернулся, готовый защищаться, и уронил бумажник. Повсюду разлетелись монеты.

— Какого...

— Эй, — сказал парень, вытирая нос платком, — давай помогу. — Он наклонился, подобрал монеты и протянул Дэннису. — Ладно, мне пора. Мать убьет, если приду поздно. — Он расплатился за колу и кивнул Мастерсу.

— Спасибо, — пробормотал тот. — Большое спасибо.

Парень скинул капюшон. Волосы торчали в разные стороны. На вид ему было лет четырнадцать — немного меньше, чем Уоррену Лэйну.

— Не гуляй допоздна, дедуля, — ухмыльнулся он; его приятели покатались с хохоту.

— Постараюсь, — ответил Дэннис.

Он взял пакет с едой и неторопливо пересек улицу. В скверике Мастерс сел на скамейку, раскрыл пакет и рассмеялся. Сегодня он точно не заснет. Ладно, сейчас поест, потом вернется к себе, примет душ, отправится в участок и вытащит сонного Лэйна из камеры. Надо поскорее покончить с этим, доказать, что в мире еще осталось добро, что есть разница между Уорреном Лэйном и парнем в закускойной.

Прошлое

— Правда, красивые, дорогой?

Кэрри подняла Макса, но тут же опустила на землю. Для своих шести лет он был очень крупным. Макс уткнулся лицом в пальто Кэрри.

— Солнышко, не бойся. Хочешь бенгальский огонь? Броуди, не принесешь нам пару штук? — Она повернулась к мужу, который стоял, уставившись в землю. — Только не говори, что ты тоже боишься фейерверков, — рассмеялась она. — И прихвати нам что-нибудь выпить. И одно зефирное пирожное для Макса.

Вечеринка удалась. Кэрри пребывала в отменном настроении. Она хотела сама устроить вечеринку в честь наступления нового тысячелетия, но не смогла из-за работы. Пришлось уехать в командировку на пару недель перед самым Рождеством, а на Броуди по части праздников надежды не было никакой. К тому же их дом вряд ли произвел бы хорошее впечатление на тех гостей, которых она могла пригласить теперь, после успеха «Правды в глаза». Она сказала Броуди, что было бы здорово купить дом посолиднее, но он не проявил интереса. Да и вообще в последние несколько месяцев он мало к чему проявлял интерес. Вечно чем-то озабоченный, погруженный в себя. Но Кэрри не могла разорваться, телевидение забирало все ее силы и время.

— Дорогой, бенгальские огни.

Почему он все еще тут?

Так что она была очень признательна, когда Нэнси и Престон — да, тот самый Престон Сайкс из «Ньюсбокс» — устроили вечеринку и пригласили всех, кто хоть что-то значил, к себе.

— Макси ждет, Броуди.

Макс еще теснее прижался к ней. Кэрри знала, что он устал и замерз, но остальные-то дети всю веселились, и она не понимала, почему он к ним не присоединится.

— Дорогой, смотри! — Она потянула Макса за руку и заставила

его взглянуть в небо. Оно все было в золотых, зеленых, голубых и розовых искрах. — Правда, Престон отлично придумал с фейерверком? — спросила она у знакомого продюсера.

Тот кивнул и, пошатываясь, побрел дальше.

— Господи, Броуди, мне что, самой пойти за этими чертовыми бенгальскими огнями? Неужели обязательно быть таким мрачным? Ведь Новый год.

— Ладно, ладно, сейчас принесу.

Броуди повернулся и наткнулся на стеклянную дверь, отделявшую террасу от гостиной.

— А можно не устраивать сцен? Люди подумают, что ты пьян.

— Я не пьян. — Он повернул налево и, скользя ладонью по стеклу, толкнул дверь и вошел внутрь.

— Бенгальские огни в холле, — крикнула Кэрри. — Нэнси поставила там огромную корзину со всякими штуками для детей. — Она повернулась к Макс: — Дорогой, может, догонишь папу и поможешь ему? Он точно остановится поболтать с кем-нибудь, а ты ведь не хочешь ждать тут целую вечность, да?

Макс послушно кивнул.

Кэрри наклонилась к нему и поцеловала в шапку:

— Беги, родной.

Кэрри видела, как Броуди с кем-то разговаривает. Даже до корзины с бенгальскими огнями не дошел. Макс взял отца за руку и потянул вперед. Кэрри отвернулась, чтобы поболтать с Мишель и Жаном, которых Престон специально выписал из Парижа.

— Отличная вечеринка, — похвалила Кэрри, зная, что Мишель считает себя лучшей устроительницей таких мероприятий. Кэрри не бывала ни на одной из ее парижских вечеринок, но решила, что они наверняка столь же ужасны, как и платье Мишель.

— Мама, — Макс с улыбкой тянул за собой отца, — мы принесли бенгальские огни.

— Умница, только не перебивай, когда мама разговаривает. — Кэрри снова повернулась к Мишель, но тут в нее врезался Броуди, расплескав вино. — Боже, Броуди, поосторожнее. — Кэрри была вне

себя от злости, но сумела послать мужу нежную улыбку, отряхивая капли с пальто.

Мишель, состроив недовольную гримасу, удалилась.

— Видишь, что ты наделал, Броуди? А нас могли бы пригласить в Париж. Думаю, твой отец пьян, Макси. — Кэрри вздохнула и огляделась в поисках новых собеседников. В небе продолжали взрываться фейерверки.

Макс зажал варежками уши и закричал:

— Папа не пьяный, папа слепой.

— То есть ты решил, что не надо мне говорить? Думал, что если молчать и ничего не делать, то все будет хорошо, само как-то наладится?

— Но ведь мы с тобой всегда именно так и поступаем, разве нет? — холодно спросил Броуди.

В приемной пахло лилиями. Неужели его обоняние уже пытается компенсировать потерю зрения? И что, скоро он будет слышать, как в соседней комнате падает на пол булавка?

— Ох, прекрати говорить глупости. На прошлой неделе в это время ты еще машину водил. Я даже не знаю, как...

Кэрри замолчала, потому что в приемную кто-то вошел. Конечно, Броуди был признателен жене за то, что она велела своему секретарю записать его на прием к самому известному лондонскому офтальмологу, но его вполне устроил бы и врач из местной поликлиники, если бы сказал, что через несколько дней зрение вернется, что это лишь временная проблема и, разумеется, он сможет видеть, как растет и взрослеет его сын, сможет видеть лицо жены, когда они будут заниматься любовью. С ним не могло такого произойти.

Броуди вздохнул и признался, что давно не садился за руль, просто Кэрри ничего не замечала из-за своей занятости.

— Когда стало совсем плохо, я брал такси или ездил на автобусе. Давай просто подождем, что скажет врач.

Броуди вытянул ноги и глянул вниз. Сегодня он не видел даже

неясного контура ботинок, да что там — он не видел практически ничего. Уже несколько месяцев мир постепенно расплывался перед его глазами, затягивался туманом. Поначалу он не обращал на это внимания — просто неприятное чувство, что ночь наступает слишком рано, что перед его глазами задержали шторы.

— Если этот парень мне не поможет, пойду в ближайшую больницу.

— Броуди...

— Профессор Квинелл, проходите, пожалуйста, — сказала медсестра.

Броуди встал и покачнулся. Кэрри поддержала его, и он был благодарен ей за это. Она шагала слишком быстро. Он слышал, как она болтает с медсестрой об ожидающемся снегопаде. Интересно, станет ли мир хоть чуть светлее, когда выпадет снег, спросил себя Броуди.

После проведения электроретинографии, длительной и неприятной процедуры, доктору Кливленду понадобилось два часа на то, чтобы поставить диагноз. Кэрри сначала ждала в приемной, потом переместилась в кафе по соседству. На улице у нее несколько раз попросили автограф. Она отгоняла поклонников взмахом руки.

— Новости, я боюсь, неутешительные, — сказал доктор Кливленд, изучая результаты обследования. — Нам нужно еще сделать несколько анализов крови, чтобы уточнить генетические факторы, но я практически уверен, что у вас болезнь под названием хороидеремия, профессор.

— Как она лечится? — быстро спросила Кэрри. — Капли? Таблетки? Что?

Все-таки очень не вовремя. Ведь понадобится сиделка, и дома надо как-то все по-новому обустроить. А у нее совершенно нет времени. Господи, и как он мог запустить болезнь?

— Боюсь, она неизлечима. Если я прав, то этот недуг заложен в вас с рождения, он генетический. Ваша мать была носителем.

— Вот видишь, — сказала Кэрри. — Если бы ты занялся этим раньше, все можно было бы предотвратить.

— Нет. Тут вы не правы. Повторяю, болезнь неизлечима. Подвержены ей только мужчины, и, как правило, слепота наступает еще в юном возрасте. Носителями болезни являются женщины, и они передают ее по мужской линии.

Кэрри сразу подумала о Максе.

— Но отцы не передают X-хромосому своим сыновьям. Вашему мальчику ничего не грозит. Будь у вас дочь или если бы вы планировали еще детей, я бы посоветовал обратиться к специалистам по генетике.

Мысль завести второго ребенка не приходила Кэрри в голову. «Правда в глаза» в эфире всего несколько месяцев, но она уже стала звездой. И Кэрри желала закрепить успех, а это означало, что необходимо вкалывать круглые сутки. О втором ребенке и речи не могло быть.

— У нас не будет дочери, — сказала она.

Броуди повернул к ней голову и холодно осведомился:

— Ты уже все окончательно решила, да?

— Мистер Квинелл, вам придется приспособиться к новой жизни. Честно говоря, я даже не представляю, как вам удалось так долго обходиться без помощи. Ведь зрение ухудшалось уже довольно давно.

Броуди кивнул. Кэрри взяла его за руку. Ей было жаль — и его, и себя. Как все-таки не вовремя.

— Больные хороидеремией часто отрицают свое состояние. Человеку очень трудно смириться со слепотой.

— То есть вы хотите сказать, что он ничего не видит? Совершенно ничего?

— Насколько я могу судить, в левом глазу еще присутствуют незначительные остатки периферического зрения, правый же полностью слеп. Я прав, мистер Квинелл?

Но Броуди не слушал. Он встал и осторожно двинулся к двери, растопырив руки и наклонив голову. Кэрри вспомнила, что уже не раз замечала такое за ним, и только теперь она поняла, в чем дело. Броуди наткнулся на подставку с цветочным горшком, попытался удержать ее, но промахнулся. По ковру рассыпалась земля.

— Я отлично вижу, — громко сказал он. — Это все вы слепы.

Среда, 29 апреля 2009 года

Утром вертолет доставил Кэрри и Броуди в лондонский аэропорт.

— Могу ли я еще чем-то помочь. — спросил водитель, когда они вошли в здание терминала.

— Спасибо, Клайв, — искренне поблагодарила Кэрри. Приятно сознавать, что в это тяжелое время она может положиться на своих людей. Она попросила отвезти их прямо в участок, где ждал Дэннис Мастерс.

— До сих пор не могу понять, почему ты не спросил у Дэнниса подробности.

— Мы и так скоро все узнаем, — спокойно ответил Броуди.

Он не понимал, что именно подробности помогали Кэрри жить, минуту за минутой, хотя обычно она не отвлекалась на детали. Ими занимались другие — стилист, секретарь, продюсер, домработница. Но за эти дни она стала просто одержима деталями, обрывками информации, которые ее мозг прокручивал снова и снова, как белье в стиральной машине.

Броуди тоже получил свою порцию деталей, там за городом, — деталей жизни Кэрри. Какая ирония, думала Кэрри, пытаюсь заставить себя заснуть при помощи таблеток и алкоголя, что после всех этих лет он видит ее такой — потерянной, пустой. Какая ирония, что никогда, со дня их первой встречи, у них не было столько общего.

— Профессор, Кэрри, — кивнул Дэннис и провел их в свой маленький кабинет. Там стояла жаркая духота. Пахло кофе и потом. — Пожалуйста, садитесь.

Кэрри вспомнила тот последний раз, когда Дэннис остался у нее на ночь. Возможно, это запах в кабинете навеял воспоминания. Она не хотела сейчас здесь находиться, и точно так же она не хотела, чтобы Дэннис оставался у нее, откровенно признаваясь себе, что использует его, дабы удовлетворить физиологическую потребность.

Было лето, очень влажный вечер, и Дэннис позвонил ей под тем

предлогом, что им нужно поговорить о женщине, которую Кэрри пригласила в свою передачу. Она изучила дело во всех подробностях и точно знала, какие могут возникнуть юридические проблемы, если она сделает ошибку. Кэрри вспомнила, как у нее перехватило дыхание, когда она открыла ему дверь. Его белая рубашка прилипла к телу, а лоб был мокрый от пота, словно он только что занимался сексом. Она тогда уронила банку с оливками, а Дэннис схватил ее за руки и грубо притянул к себе. Это был их последний вечер вместе.

Утром она чувствовала себя виноватой, когда ей пришлось отвлекать Макса, чтобы Дэннис незаметно улизнул. Чувство вины перевешивало удовольствие, которое она испытала в постели. К тому же ее пугала мысль о возможном скандале, который неизбежен, если всплывет ее связь с полицейским, появляющимся в ее программе.

— Мы нашли отпечатки на ноже. — Дэннис взял папку, открыл, бросил обратно на стол. — Не вдаваясь в детали, скажу, что они принадлежат подростку по имени Уоррен Лэйн. Он уже не раз привлекался к суду и подходит под описание, которое вы нам дали, профессор. Я уверен, что он один из тех, кого вы встречали в кафе. — Дэннис говорил тщательно взвешивая слова.

— Броуди дал описание... — Кэрри повернулась к Броуди. — Получается, ты видел убийцу Макса. — Она услышала странный звук и через мгновение поняла, что он вырвался из ее груди. Смех пополам с рыданием. — *Видел*, — повторила она, осознав иронию. — И ты ничего не сделал, чтобы остановить его?

— Кэрри...

— Если бы я вмешался, Макс ни за что бы меня не простил. Я старался сделать так, чтобы Максу было легче. Какой родитель на моем месте поступил бы по-другому? Я понятия не имел, что все так закончится.

— Но я боюсь, что есть и плохие новости.

Голос Дэнниса прервал поток обвинений и оправданий.

Кэрри и Броуди разом повернулись к нему.

Плохие новости, подумала Кэрри. Разве остались плохие новости?

— За полчаса до вашего приезда суд решил не выдвигать обвинений. Уоррена Лэйна отпустят.

— Что? — Броуди ударил ладонями по столу.

Кэрри вцепилась в него. Ее трясло.

— Мне очень жаль, — сказал Дэннис. — Я ничего не мог сделать. Наши улики не убедили обвинителя.

— А мне кажется, улики вполне убедительные — Это была последняя членораздельная фраза, которую Кэрри удалось произнести. Она разрыдалась. Впилась в руку Броуди зубами.

— Дело в том, что отпечатки на ноже не четкие, так что без показаний свидетеля этого недостаточно. — Дэннис замолчал, чтобы они успели осознать его слова. — Мне очень жаль.

Дэйну рвало. Она уже не помнила, когда в последний раз нормально ела, поэтому желудок был почти пуст. Он сжимался от спазмов, будто пытаюсь вывернуться наизнанку. Она встала с пола, опираясь на холодное сиденье унитаза, и, покачиваясь от слабости, распрямилась. Голова кружилась так, будто ее мозг плыл в открытом космосе. Во рту то было очень сухо, то вдруг скапливалась слюна.

— Да вылезай уже оттуда, — рявкнул за дверью Кев.

По средам он всегда ходил в клуб и перед этим обычно брился. Дэйна понятия не имела, зачем он туда таскается.

Она спустила воду и вышла. Язык горел, мышцы живота ныли от боли. Кев оттолкнул ее, ввалился в ванную. У себя в комнате Дэйна легла на кровать и заплакала. Макс умер. Не будет больше свиданий в хижине. Не будет больше сигарет, которые они выкуривали наполоам. Не будет больше конкурсов. От безысходности ее снова затошнило.

Снизу донесся незнакомый женский голос. Потом шаги на лестнице. Дверь ее комнаты распахнулась. На пороге стояла мать.

— К тебе опять полиция или еще кто-то. Давай вставай.

Дэйна пошла за ней вниз, спросив неуверенно:

— Кто это, мам?

— А мне почему знать?

Она скрылась в кухне, шваркнув за собой дверь.

В прихожей стояла женщина. Дэйна узнала ее.

— Да? — Ей так хотелось, чтобы это прозвучало вызывающе, но горло будто сдавило.

— Дэйна, меня зовут Лиа Роффи. Ты меня помнишь? Я работаю с Кэрри. Можно с тобой поговорить? Это очень важно.

Она не сказала матери, что уходит. Все равно никто не заметит. По крайней мере, пока не придет время нянчиться с Лорелл, но и тогда малышку просто усадят перед телевизором, сунув пакет чипсов.

— Ты ведь знаешь, что Кэрри ведет дневное ток-шоу на телевидении? — спросила женщина, глядя на дорогу. Она вела машину медленно, словно не знала, куда едет, словно просто хотела посадить Дэйну в машину, чтобы та не сбежала.

— Да, конечно, — ответила Дэйна.

— Ее подкосила смерть сына. Как и всех остальных, — добавила она, когда Дэйна всхлипнула. — Ты, наверное, видела, как Кэрри борется за справедливость на своих шоу. Она страстно защищает права таких людей, как ты, и старается помогать полиции и жертвам преступлений, освещая уголовные дела в эфире. — Лиа повернула налево. Притормозила, чтобы пропустить женщину на велосипеде.

Дэйна молчала. Она вспоминала Кэрри Кент в действии. Неужели это и есть справедливость, спросила она себя. Неужели то, как она копалась в жизни тех, кто жил хуже, чем она, хоть кому-то шло на пользу? Дэйна не была уверена, что Кэрри борется за что-то, кроме славы и рейтингов. В ее мире все только ради денег.

— Какое отношение это имеет ко мне?

— Кэрри послала меня лично, чтобы попросить тебя прийти на шоу и помочь полиции поймать убийцу Макса. Если ты все расскажешь в эфире, будут звонки. Я понимаю, что для тебя это самая сложная вещь, которую ты когда-либо...

— Нет.

Машина вильнула, и Дэйна схватилась за ручку двери.

— Обдумай все, дорогая. Ты хорошо знала Макса, поэтому...

Но Дэйна не разобрала конец фразы. На нее накатила паника и

тошнота. Она вдруг услышала гневные возгласы зрителей в студии, представила неумолимое лицо Кэрри Кент всего в паре сантиметров от своего, вот та снова и снова задает ей вопросы, пока у нее не остается иного выбора, кроме как встать и признаться во всем.

Произвели арест... До нее снова донесся голос Лиа. *Его отпустили...*

— Макс наверняка захотел бы, чтобы ты сделала это ради него. Во время передачи на экранах будет бежать строка с номером горячей линии. Кэрри на твоей стороне. Она просто станет задавать тебе вопросы. А ты расскажешь, что произошло, что ты чувствовала, как ты пыталась помочь Максу. Я уверена, будет очень много звонков. И кто-то обязательно...

— Хватит! — крикнула Дэйна. Она согнулась, насколько позволял ремень безопасности, и закрыла лицо руками.

— Я не хотела расстраивать тебя, Дэйна. — Лиа притормозила у автобусной остановки. Двигатель заглох.

Дэйна отняла руки от лица. Она хотела лишь одного — плакать, плакать и плакать, пока слезы не растворят все слова, что она должна сказать.

— Я ничего не знаю, понятно? Я не знаю, кто убил Макса, я не знаю, что сказать по телевизору. Не заставляйте меня это делать.

Лиа положила руку ей на плечо:

— Вот, возьми, Дэйна. Это моя карточка. Позвони мне, если все же решишься. Эфир послезавтра. Я понимаю, тут многое надо обдумать, но...

Дэйна не слушала. Она вдруг поняла, что автомобиль просто сделал круг и сейчас стоит возле ее дома. Сама не зная зачем, она схватила карточку и выскочила из машины. Она бежала и бежала, прочь от дома, прочь от школы, вниз, к каналу, через пустырь, к хижине Макса. Добежав, прислонилась к мокрому дереву. Задышавшись, она то плакала, то истерически смеялась.

Что же ей теперь делать?

Фиона чувствовала его страдания почти как свои собственные. Его боль разъедала ее изнутри. Она наблюдала за муками любимого

человека через стекло, такое толстое, что он не мог слышать, как она стучит, зовет его, хочет помочь. Ее любимый был слеп. Да и не знал он о ее любви.

Ее квартира сверкала чистотой. За те почти десять лет, что она работала с профессором, он был у нее лишь однажды. Фиона знала, что даже если бы в квартире царил самый дикий кавардак, какой только можно вообразить, Броуди ничего бы не заметил. А если бы и заметил, то и бровью не повел.

В тот день они ехали в аэропорт. Фиона забрала его из этой ужасной квартиры, и они направились в Хитроу. Она всегда выезжала с запасом, на случай пробок, поломок или других непредвиденных обстоятельств, которых никогда не случалось. Кроме того единственного раза.

— Стоп! — заорал вдруг Броуди, хлопнув рукой по приборной панели.

Если бы они ехали по обычной дороге, Фиона тут же ударила бы по тормозам. Но они мчались по шоссе M25, поэтому она смогла лишь перестроиться на крайнюю полосу и сбросить скорость.

— Что случилось?

Фиона считала, что, проработав с Броуди два года, досконально изучила его. Но он никогда раньше так себя не вел.

— Я не могу ехать в Бостон.

— Это еще почему? — Фиона съехала на обочину.

— У Макса школьный концерт. Я хочу, чтобы ты развернулась и отвезла меня домой. Или нет, лучше отвези меня к себе. Это ближе, а я хочу позвонить в школу. Потом разберемся, что дальше делать.

— Но ты же главный докладчик. Большинство делегатов вообще едут туда только затем, чтобы послушать тебя. А еще ты почетный гость на субботнем банкете.

Фиона была ужасно разочарована, но не хотела признаваться в этом даже себе. Пять дней в отеле с Броуди должны были к чему-то привести. Неужели она так мало для него значит, что он даже не дотронется до ее руки за ужином или не поцелует в щеку, пусть из простой благодарности за заботу? Ей и такой мелочи достаточно. Большого она и не ждет.

— Макс важнее. Вези меня к себе, Фиона. Не хочешь к себе — вези домой.

Он ее босс. Ей платят за то, чтобы она выполняла его указания, и если он требует развернуть машину и разрушить его карьеру, то так тому и быть. Глаза заволокло слезами. Не говоря ни слова, Фиона развернулась на ближайшей развязке.

Дома она подвела Броуди к своему рабочему столу у окна. Телефон, компьютер, фотография в серебряной рамке, несколько папок. Фиона вдруг отчетливо поняла, что — точнее, кто — стоит на пути будущего, которое возможно у нее с Броуди. Она почти пожалела о том, что у Броуди есть сын.

— Я звоню по поводу моего сына, Макса Квинелла, — говорил он. — Да, да, совершенно верно. Он участвует в концерте. Вы не могли бы передать ему, что его отец приедет? Спасибо. И пожелайте ему удачи.

Удачи, повторила про себя Фиона, кладя фотографию Броуди лицом вниз. Ей понадобится нечто большее, чем удача, чтобы Броуди ее заметил.

Теперь, годы спустя, сидя у телефона в ожидании звонка от Броуди, она спросила себя, изменилось ли что-то после смерти Макса? Разве и теперь, во всем этом хаосе, он не стоит между ней и Броуди?

Март 2009 года

Дэйна нажала слив и подобрала с пола бело-голубую коробочку, содержимое которой валялось тут же. Она промокнула глаза туалетной бумагой, зная, что на щеках все равно останутся черные разводы от туши, высморкалась и глубоко вздохнула. Это только начало. Или конец. Она засунула инструкцию обратно в коробку, спрятала под свитер и вышла из туалета.

В комнате она бросилась на незастеленную кровать. Какое-то время лежала, глядя в потолок, рассматривая трещинки в штукатурке и размышляя, что их количество вполне соответствует количеству дерьма в ее жизни. Некоторым суждено родиться счастливыми. А некоторым — наоборот.

Она перевернулась, открыла комод у кровати и спрятала коробочку под груды барахла, скопившегося за годы. Жестянки из-под конфет со всякой всячиной, книги, старые наушники, пакет с игральными картами, коллекция пластмассовых зверушек, баночки с древней косметикой жутких оттенков розового и голубого, которыми она уж точно никогда больше не воспользуется. Под всем этим хламом теперь была спрятана самая взрослая вещь в ее жизни.

Дэйна уже хотела закрыть комод, но, оглянувшись на дверь, снова достала коробочку, а из нее — белую полоску. Конечно, она все сделала правильно. Она же не совсем дура. И инструкцию прочла.

Подержите впитывающий конец теста под струей мочи в течение пяти-восьми секунд.

Тяжелее всего было ждать целых три минуты, пока в окошечках появится результат. Руки у нее тряслись от страха. Потом в контрольном окошке появилась одна сигая полоска. Это значило, что она все сделала правильно — в первый раз в жизни, добавила она про себя.

Еще через несколько секунд начала проявляться вторая голубая полоска. Если это будет только полоска — значит, она не беременна. Если крестик — что, конечно, символично, — значит, беременна.

Беременна или нет, спрашивала она себя снова и снова, еще до

того, как купила тест. Она понятия не имела. Она слышала, что некоторые женщины могут даже почувствовать момент зачатия. Но в свои пятнадцать она еще не настолько знала себя, чтобы понять, растет ли внутри нее ребенок. Месячные у нее были нерегулярными, а половая зрелость наступила позже, чем у ровесниц.

— Макс, хорошие новости. Я беременна, — шепотом произнесла она. Потом попробовала другой вариант: — Макс, хорошие новости. Я не беременна.

Что будет выражать его лицо, когда она сообщит ему результат? Счастье, сожаление, страх, шок? В последнее время Макс вел себя так странно. Дэйна уже не была уверена, что знает его.

— Но где мне ему сказать? — спросила она у старого плюшевого медведя. Медвежонок, потрепанный и пахнущий старой тряпкой, спал с ней в кровати уже пятнадцать лет, — единственная вещь, которую подарил ей ее настоящий отец.

Словно пытаюсь отсрочить даже самую мысль об этом разговоре — будет ли Макс разочарован? — Дэйна начала выбирать подходящее место. Аллея позади спортзала? Карусель в парке? Школьная столовая?

— Всегда можно пойти в хижину, — сказала она медведю. Тот в ответ уставился на нее пустыми пластмассовыми глазами. Вышитая нитками улыбка кое-где распустилась, и морда у медвежонка сделалась хитрая. — Скажу ему в хижине.

Приняв это решение, Дэйна засунула медведя под одеяло и отправила эсэмэску. Потом минут десять приводила в порядок лицо. Она не хотела, чтобы Макс видел ее такой. Ответ пришел не сразу.

Зачем? — спрашивал он в ответ на ее просьбу о встрече. Ни смайлика, ни значка поцелуя.

Почему все стало так плохо?

Ей пришлось написать еще с полдюжины сообщений, но в итоге Макс сдался и согласился встретиться с ней в хижине. По правде говоря, он сам давно там не был. И у него накопились новые призы, которые нужно было туда отнести, — электрическая зубная щетка, набор для пикника, фонарь. Но теперь, после того как он перестал проводить время с Дэйной, место это стало ему неприятно. После

всех этих звонков. После всех этих голосовых сообщений.

Встретимся в хижине? — написала она. Никаких поцелуев в конце. Он перечитал сообщение еще раз. Может, она даже не придет. Может, это очередная шутка, как, теперь он это понимал, и все остальное, что между ними было. Он обманывал себя, считая, что она его любит.

После всего, что произошло, он просто хотел, чтобы все забылось, стерлось из его памяти, как будто ничего не было. Но теперь она написала ему и снова разбудила надежду. Да и потом, чем еще ему заняться? Друзей у него нет. Родители вечно в работе. Интересно, если он умрет, хоть кто-нибудь заметит?

И вот он тут, выглядывает из окна, притаившись в полутьме, потому что он меньше всего хочет, чтобы она решила, будто он ее ждет. На насыпи показалась фигура, и сердце у него забилося сильнее. Но нет, это просто какой-то человек с собакой. Макс закурил, чтобы успокоить нервы. Сел в автокресло, вскочил, стряхнул пепел с сиденья. Он не хотел, чтобы Дэйна испачкалась.

«Ну вот, опять, — сказал он себе. Дым от сигареты быстро раздувало сквозняком. — Пытаешься убедить себя, что ты к ней равнодушен».

Он стал думать о том, что же это значит — когда ты равнодушен к кому-то. Или, точнее, что значило для него быть равнодушным к Дэйне. Что это чувство дало ему? Что было бы с ним сейчас, если бы он никогда ее не знал? И достаточно ли сильное его чувство, чтобы помириться с ней — если она об этом хотела поговорить, — или его хватило только на то, чтобы переспать с ней?

Он сидел, курил и думал. Он не знал ответа.

— Чертова стерва, — произнес он сквозь зубы. Фыркнул и закашлялся от дыма.

Да как же она могла? Как она могла взять и растрепать всем? Началось все со взглядов — первыми были девчонки из их класса. Потом шушуканье, хихиканье за спиной. А в конце января пошли звонки. К звонкам с угрозами он давно привык, но эти были как удар ниже пояса. Каждое слово точно скальпель, вонзающийся в самое сердце.

Шаги за дверью.

Он сжал кулаки. Он столько хотел сказать ей, но в последние недели проще было не говорить вообще ничего. Они избегали друг друга, старались не встречаться в коридорах, отворачивались в классе. Сперва они еще пытались как-то общаться, но с тех пор, как начались звонки, Макс просто не мог видеть ее. Встречаясь с ней лицом к лицу, он каждый раз заново переживал ее предательство. За долгие годы он научился отворачиваться от действительности, сбегать в свой собственный мир. И вот это умение снова пригодилось. Он смог убедить себя, что между ними ничего не было. Он уже решил, что бросит школу, как только ему исполнится шестнадцать. Что он будет делать потом, он не знал.

Дверь хижины сотрясалась от ударов. Макс затянулся и закрыл глаза, но не мог прогнать мучительные мысли.

Первое сообщение сводилось к фразе «Я трахаю лузеров», которая была написана у него на футболке. Лузером был Макс. Во втором говорились гадости про его тело — с подробностями, которые могла знать только Дэйна. В третьем отвратительным голосом, с тошнотворными, омерзительными деталями описывался половой акт и то, насколько плох был Макс. Неужели она рассказала им все? В последнем сообщении...

— Макс,пусти меня, черт возьми. Я знаю, что ты там. — Она колотила в дверь, будто пробивала дорогу в его голову.

Он встал. Рука потянулась к засову.

И как только он увидел ее узкое, бледное лицо, она снова завладела его сердцем. Он вспомнил, почему полюбил ее.

Он закрыл за ней дверь. Проблема в том, думал он, наблюдая, как она нервно мечется по хижине, что он ожидал, что это будет длиться вечно, а не всего несколько мгновений.

— Макс.

Голос был низкий и дрожал. И глаза... как будто ей больно. Как же ему хотелось взять ее за руку, обнять.

Но он просто смотрел на нее и молчал.

— Я беременна, Макс.

Четверг, 30 апреля 2009 года

Дэннис развернул пакет с хот-догом. Смахнул упавшие на брюки хлебные крошки.

— Не знаю, Джесс, — сказал он, приступая к своему неаппетитному завтраку из закусочной на углу.

Джесс от угощения отказалась.

— Мы должны попытаться, — сказала она, глядя в окно. — Мы должны попытаться, — повторила она, на этот раз мягко. Дэнниса удивило сострадание, прозвучавшее в голосе.

У нее доброе сердце, подумал он. Дэннис был благодарен Джесс за то, что она составила ему компанию в суде. Как бы ни хотел он посвятить все свое время делу Макса, приходилось заниматься и другими.

— За все время работы в полиции я никогда не сталкивалась с таким... — Джесс повернулась к Дэннису, и на него пахло ароматом духов, — с таким бардаком. Мы в полном тупике.

— Это просто долбаный кошмар, и я понятия не имею, что с этим делать. Мы прижали этого ублюдка, Джесс, и нам пришлось его выпустить.

— Нет, не прижали. Я не думаю, что Макса убил Уоррен Лэйн.

Дэннис вытаращился на нее. Она что, с ума сошла?

— Не говори глупостей.

— Мне звонила та женщина.

— Какая еще женщина?

— Продюсер телешоу.

— Лиа? Зачем? — Да что тут происходит у него за спиной? Лиа всегда звонила только ему.

— Она хочет, чтобы я поговорила с Дэйной. Убедила ее прийти завтра на шоу.

— Ты думаешь, это разумно?

— Почему бы нет? Кэрри хочет посвятить этому преступлению свой эфир. Имеет на это право, верно?

«Да, мы ведь облажались», — подумал Дэннис.

— Честно говоря, мне не кажется, что она в состоянии... — Он не договорил. Из всех, с кем его сталкивала жизнь, только один человек в таких обстоятельствах мог в прямом эфире заставить активизироваться потенциальных свидетелей. Кэрри Кент.

— Тогда, может, заедем к девочке? — Джесс глянула на часы. — Немного времени есть.

Дэннис кивнул. Он развернулся на следующем светофоре, включил сирену и помчался к дому Дэйны Рэй.

Март 2009 года

Кэрри знала: что-то не так. Может, то был материнский инстинкт? Неделька выдалась сумасшедшей. Сюжет про семейство из восьми человек так и не вышел в эфир, потому что герои в последний момент отказались от участия. Кэрри ненавидела повторы. Но разве у них был выбор? Нет гостей — нет шоу. Как назло, и запасной вариант сорвался. Конечно, имелся записанный репортаж о матери-одиночке с семьей детьми, старшему из которых не было и десяти, — но сам по себе он не имел большой ценности. Она хотела, чтобы семейство в полном составе явилось на эфир, а также отцы всех детей. Полиция на этот раз не участвовала. Никакого преступления не было. По крайней мере, в строгом смысле слова. Они с Лиа хотели посвятить шоу на этой неделе мошенничеству, связанному с получением социальных льгот на детей. Придумали название — «Денежные дети».

Но очевидно, потенциальная героиня шоу догадалась, к чему все ведет, — может, журналист выдал себя, когда брал интервью? — и наотрез отказалась участвовать. Кэрри работала дома, когда Лиа позвонила ей, чтобы сообщить об этом. Макс тоже был дома, в последнее время это случалось редко, и Кэрри отправилась на кухню за кофе. Ей хотелось поболтать с сыном. Она знала: что-то не так.

Макс склонился над миской с хлопьями. Неужели он не ест никакой нормальной еды, кроме этой хрустящей шоколадной дряни?

— Нет, ты можешь себе такое представить? Срочно нужен запасной вариант. Может, выступишь у меня на шоу? — Она хотела, чтобы это прозвучало как шутка, но вышло фальшиво.

Макс пожал плечами. По крайней мере, Кэрри показалось, что он пожал плечами. А может, его передернуло. Или это его способ дать ей понять, что ему интересно, что у нее произошло? Она налила кофе из кофеварки, пролив немного на стол. Хорошо, что Марта не видит.

— Ну, как ты? — Кэрри взяла кружку в одну руку, а другую положила сыну на плечо.

Он все еще был в халате, который немного пах стиральным

порошком, но в основном — мальчишкой-подростком.

Кэрри прижала его к себе, но он отстранился. Какой же ты стал худой, подумала она. Все эта отвратительная школа виновата.

— Не надо, — пробормотал он.

— Чего не надо? Обнимать тебя? — Она отпустила сына и, все еще в хорошем настроении, несмотря на неприятные новости, взъерошила его волосы, как прежде, когда он был ребенком.

— Ради бога, мам. — Он увернулся.

— Макс... — Внезапно она поняла, что не знает, о чем с ним говорить.

С восьми лет, отдав сына в частную школу, Кэрри переложила заботы о его воспитании на чужие плечи. На каникулах им занимались няни в загородном особняке, иногда он проводил время с отцом. От отца Макс возвращался недовольным и сердитым.

— Если тебя что-то беспокоит, ты должен мне сказать.

Он развернулся к ней. Кэрри увидела, что глаза у него опухшие, а нос покраснел.

— Ну давай, води меня на свое дурацкое шоу. Пусть твои зрители решат, что делать с твоим неудачником-сыном.

— Это просто смеш...

— Разве? Разве это смешно, мам?

Он так редко называл ее мамой, осознала Кэрри, и сейчас это короткое слово поразило ее в самое сердце.

— А мне кажется, это ни фиги не смешно. Подумай только, целый час проведем вместе.

— Это еще что значит? — Она уже готова была начать лекцию о том, какую привилегированную жизнь он вел благодаря ее работе, как, проводя часы, дни, иногда даже недели вдали от дома, она обеспечила его всем, чего он только мог пожелать.

— Ничего. — Макс повернулся к своей миске. Он пару раз как-то прерывисто вздохнул, словно вот-вот заплачет, и затих. Кэрри было безумно жалко его, но в то же время она была зла как черт.

— Когда ты учился в Дэннингеме, у нас с тобой не было

проблем.

— Это проблемы, по-твоему? — Он бросил на нее быстрый взгляд.

Ее сын, ее малыш. Но сейчас Кэрри казалось, что он ее ненавидит.

— Никакие это не проблемы, мам. Просто я сижу на кухне, ем свои хлопья. День, правда, поганый. Как в ноябре.

Конечно, он прав. Все у них нормально. Но она чувствовала, что в Максе что-то назревает, что-то гложет его. И ей стало страшно.

— Просто поговори со мной, милый. Расскажи, что тебя тревожит. — Она ненавидела себя в этот момент, ненавидела свой фальшивый голос и свою беспомощность. Сидит тут и задает ему бессмысленные вопросы, а сама в это время думает о том, пришло ли уже письмо от агента и удалось ли стилисту договориться с ее любимым дизайнером о весеннем гардеробе. — Ведь все можно исправить, верно?

— Да, ты права. Все в порядке.

— Как школа?

— Как обычно. Куча уроков.

— Правда? — Может, еще не все потеряно. Может, Макс осуществит ее самые заветные мечты и блестяще сдаст все выпускные экзамены.

— Ну да. Сейчас вот английский делаю. «Ромео и Джульетта». — Макс фыркнул, будто вспомнил какую-то шутку.

— Ты опоздаешь в школу, если не поторопишься. — Лучше на этом закончить, подумала она. Оставить за собой последнее слово.

— Мама, — неожиданно нежно сказал Макс. Потом встал, положил руки ей на плечи. Странно улыбнулся. Кэрри ожидала, что вот сейчас он поцелует ее в щеку. — Вообще-то у меня гребаные каникулы! — закончил он и с силой оттолкнул мать. Потом схватил миску с остатками хлопьев и запустил в стену.

На бардак плевать. Матери все равно, пусть озеро шоколадного молока на полу и грязь на белой стене, Марта все приберет, для этого

ее тут и держат. А вот для чего тут держат его?

Поднявшись к себе, Макс повалился на кровать. Да уж, веселые каникулы. Как же она не заметила? Как она не заметила, что он уже десять дней дома? Ну ладно, сначала она была в Париже, потом в загородном доме. А теперь по восемнадцать часов торчит в студии. А он ошивался у отца, курил, пил пиво. Иногда отец был дома, иногда нет, и тогда Макс представлял себе, каково было бы жить в такой квартире с Дэйной и с... с...

Он перевернулся на живот, вжался лицом в подушку и вцепился в нее зубами.

— С ребенком...

— Нееееет... — закричал он, но не был уверен, что вслух.

Да, вчера она сказала ему. Сказала, что беременна. В его хижине, забитой призами, в том месте, которое он считал своим до прошлого года, пока эта девочка с безумной прической и длинными пальцами не ворвалась в его жизнь.

— Что? — Вот и все, что он смог выдавить.

Потом надолго повисла тишина. Он курил одну сигарету за другой, она тоже. Позже ему пришло в голову, что если она действительно беременна, то курить ей не стоит.

Потом он снова спросил: «Что?» И еще, и еще, и казалось, что она тоже тысячу раз повторила «Я беременна», как когда он в ванной открывал шкафчик с зеркалом и зеркало за его спиной повторяло его отражение до бесконечности. «Макс — навсегда», — говорил он в детстве. И сейчас он чувствовал то же, как будто ребенок внутри нее делал его бессмертным.

— Как? — очень тихо произнес он, опускаясь на автокресло. — Он... — Вопрос почти прозвучал. Он не хотел спрашивать, его ли это ребенок. Теперь отвратительные голосовые сообщения становились понятнее. Они основательно выбили почву у него из-под ног, и он уже ничему не верил.

— Ты хотел спросить, твой ли это ребенок.

Дэйна не была душой. Какая же она худая, подумал Макс. Надеюсь, хоть питается-то нормально.

— Ну так он твой, — ответила она. И, покраснев, опустила глаза.

— Тут ходят всякие разговоры...

Как их отношения вдруг превратились во вражду? Честно говоря, он не находил в себе ненависти к ней. Он ненавидел ситуацию, в которую они попали. Но инстинкт самосохранения мешал ему это признать. Он смотрел, как она гоняет носком ботинка сухие листья на полу.

— Про меня болтают. Всякие гнусности. То, что никто не должен был бы знать.

Дэйна изо всех сил пнула форму для выпекания. Коробка порвалась, звякнул металл.

— Что ты собираешься делать со всем этим дерьмом?

Макс рассмеялся:

— Оно нам понадобится, разве нет?

Тогда-то он впервые и представил себе совместную жизнь с Дэйной. Маленькая квартирка, как у отца, возможно, в том же доме. Позволит ли он своему ребенку играть на улице? Наверное, нет. И что скажет его мать, если он решит жить в таком месте? Скорее всего, навсегда откажется иметь с ним дело. Она до сих пор не может простить ему, что он бросил Дэннингем. Если он станет отцом в таком возрасте, это окончательно ее убьет.

Да, он стал для матери настоящим кошмаром. Именно подобные типы являются героями ее телешоу. Он подвел ее. Макс ненавидел себя, ненавидел того, в кого он превратился.

Вскочив с кровати, он прошелся по комнате. Завернул в свою личную ванную, сунул голову под холодную воду. Это не успокоило, поэтому он прямо в одежде встал под обжигающе горячий душ. Не вытираясь, оставляя на полу лужи, вернулся в комнату, лег на пол, подполз к шкафу красного дерева, засунул в щель руку и достал почти полную бутылку водки.

Отпил глоток.

Он все думал и думал. Как жить дальше? Какие его ждут последствия? Их наверняка будет много. Он вспомнил тот короткий эпизод в подвале, что привел ко всему этому дерьму. Если бы он мог вернуться назад во времени, поступил бы он опять так же?

Нет. Да. Нет. Да... нет... Не знаю.

Он еще глотнул из бутылки.

Значит, Дэйна беременна. А что, если это не его ребенок?

...Ничего не подцепил от своей сучки? Она всем дает...

Он знал, что это неправда.

...Я уже поимел ее до тебя, чувак...

Да, он привык к насмешкам. Он с ними вырос, стал нечувствительным к ним. Была ли Дэйна девственницей? Он не знал, как это определить.

Алкоголь просачивался в организм. Проклятые сообщения. Верить им или нет? Ведь никто не мог рассказать им о подвале, о том, что он не знал, что ему делать, о том, какой у него, оказывается, маленький член, и о том, что все закончилось так быстро. Только она.

Макс перевернулся на спину, вжался в мягкий ковер, будто выдавливая ангела на снегу. Да, сейчас ему не помешал бы ангел. Ангел-хранитель, который мог бы доставить сообщение Дэйне. Сказать ей, что он любил ее. Любит. Любил. Любит.

Он сел.

Надо быть мужчиной. Избавиться от всего этого.

Не может он позволить какому-то младенцу испортить себе жизнь. Ему всего пятнадцать.

Да о чем он вообще думал? Зачем бросил Дэннингем?

Он снова приложился к бутылке.

Мать ему поможет.

Он переведется в другую школу. Подальше от всего этого дерьма.

Забудет обо всем.

А пока ему поможет водка.

Дэйна открыла телефон. Одно новое сообщение. От Макса.

Сделай аборт.

И все.

Конечно, с того момента, когда на тесте появился голубой крестик, она уже не раз думала об этом. Но разве это не убийство?

Она спустилась на кухню. Она не могла быть одна. Мать жарила картошку. Все казалось нереальным. Дэйна вынула сетку из фритюрницы, выудила ломтик полупрожаренной картошки. Поддержала его между зубами. Разжевала. Не почувствовала никакого вкуса.

— Не мешайся, — проворчала мать.

Дэйне захотелось обнять ее. Уткнуться лицом в плечо, расплакаться, рассказать все и спросить, что же ей делать. Она так хотела снова стать маленькой девочкой, начать все сначала, в другой семье, прожить другую жизнь. Она взяла бы с собой Лорелл, окружила бы ее любовью и заботой. Вот если бы у нее был ангел-хранитель, кто-то, кто помог бы ей добрым словом, советом, она ведь понятия не имеет, как поступить.

Аборт.

Как будто можно вот так взять и стереть все свои ошибки.

А если они оставят ребенка? Станут ли жить вместе? Она посмотрела на мать. Та кидала на сковородку бобы из банки. Что, если сказать ей?

Дэйна выбежала из кухни, взлетела по лестнице и ворвалась в крошечную комнатку Лорелл, величиной со шкаф. Кровать, переделанная из колыбельки, — и все. Когда Лорелл спала, ее ноги свешивались вниз. Малышка сидела на полу и возилась с «лего», купленным на барахолке. Детали были грязными. Дэйна опустилась на пол рядом с сестрой.

— Положи руку сюда, — прошептала она. Взяла руку Лорелл и прижала к животу.

— Зачем? — удивилась Лорелл.

— У меня внутри ребеночек. — Она должна сказать кому-то, вдруг это поможет. — Только тсс... Секрет, ладно?

Глаза Лорелл округлились:

— Настоящий ребеночек?

Дэйна кивнула.

— Откуда он там?

— Это подарок от Макса, — улыбнулась Дэйна. — Мальчик. — Она почему-то знала, что будет именно мальчик.

— Почему? — спросила Лорелл.

— Потому что мы любим друг друга.

Дэйне сделалось вдруг и вправду легко. Она достала мобильник и быстро ответила Максусу.

Телефон завибрировал, но Макс даже не повернулся. От водки кружилась голова, он знал, что его вот-вот стошнит. Ну и ладно, наблюдает прямо на ковер.

Перевернулся на бок. Его вырвало. С трудом встал, доковылял до кровати. Снова этот звук. Звук, который мешал ему забыться. Он подобрал с пола телефон. Перед глазами все плыло, пока он пытался разобрать, что написано в сообщении.

Сделаю.

Он повалился на спину. Хорошо. Этот пьяный ступор — то, что нужно. Все кажется намного лучше, не таким горьким, не таким жестоким.

До самого вечера он валялся на кровати, то просыпаясь, то снова погружаясь в сон. Казалось, жизнь налаживается. Проснулся он посреди ночи. Было темно. Головная боль почти утихла. Он пошел на кухню и включил свет. Все вокруг сверкало — как будто во сне. Он подумал о Дэйне. Эта мысль, подобно приливной волне, затопила его сознание. Он открыл холодильник. Есть было нечего.

И делать тоже было нечего, разве что сесть на пол и заплакать. Она собирается убить их ребенка.

Четверг, 30 апреля 2009 года

С одной стороны, Броуди просто не мог поверить, что Кэрри собирается это сделать. С другой стороны, если бы он знал, что решение великой математической задачи позволит добиться справедливости, он попытался бы найти это решение. Так что, положив трубку, он подумал, что в какой-то степени ее понимает. Это ее способ справиться с горем.

О телешоу ему сообщил Дэннис Мастерс, когда Броуди позвонил ему, чтобы узнать новости.

— Завтра? — переспросил Броуди. — Вы уверены?

Почему Кэрри не сказала ему сама? Хотя и так ясно. Боялась, что он устроит скандал.

— Поначалу Дэйна Рэй отказалась участвовать. Но детектив Бриттон пустила в ход все свое обаяние... — На заднем фоне послышался звук, который обостренный слух Броуди распознал как возмущенный вскрик. — Она согласилась. Ее задача состоит в том, что она должна попросить зрителей предоставить любую информацию. Я же надеюсь, что Кэрри сумеет разговорить девочку, заставит вспомнить все детали. Я знаю, это страшное испытание и для Кэрри, и для бедной девочки, но, возможно, он даст результаты.

Впервые за последнюю неделю Броуди включил компьютер. Проверил почту. Компьютер сообщил, что у него триста тридцать семь неп прочитанных писем. Броуди прослушал самые последние сообщения. Ничего важного. Кроме одного письма. От его протеже, Рики Макбрайда. Броуди пришлось прослушать письмо трижды, прежде чем он осознал, о чем оно. Монотонный компьютерный голос бесстрастно озвучил следующее:

Профессор, я сваливаю. Знаю, вы меня будете за это ненавидеть, но я так больше не могу. Ну и что, что я могу проделывать безумные штуки с цифрами? Денег на этом не заработаешь. Надоело быть изгоем. Простите. Рики.

Броуди захлопнул крышку компьютера. В квартире было странно тихо, только на кухне мерно капало из крана. Броуди устал,

очень, очень устал, в голове был туман. Он чувствовал себя разбитым и больным.

«Рики уходит», — пробормотал он. Честно говоря, он ждал чего-то в этом роде. Слухи об исключительно талантливом парне гуляли в научных кругах уже давно. И если Рики и впрямь мечтал разбогатеть, университет бросать было глупо. После получения диплома его бы засыпали предложениями со всего мира. Нет, дело тут в другом.

Не хочет быть изгоем, поэтому и уходит. Он уходит, потому что у него есть выбор. Ему надоело выделяться. Как и Макс. «Что ж, сын, теперь тебе не о чем беспокоиться», — прошептал он, поднимая лицо к потолку.

Пятница, 1 мая 2009 года

Впервые за последнюю неделю Кэрри удалось поспать дольше двух часов. Несмотря на сопротивление Лиа, она отправила подругу домой. Марта оставалась в квартире и квохтала над Кэрри так, будто та лежала на смертном одре. Кэрри думала, что, возможно, так оно и есть, что жизнь ее кончена. Каждый раз, засыпая, Кэрри мечтала не проснуться.

— Вы просто чудо, Марта.

— Ты всегда ешь это по пятницам, солнышко.

Кэрри села за стол и посмотрела на омлет, окруженный ломтиками копченого лосося. Рядом — кувшин апельсинового сока, кофейник и миска с фруктами. Но никогда пятницы уже не будут такими, как раньше.

Она немного поела и выпила кофе. В обычную пятницу она бы давно уже металась в панике, срывала раздражение на Лиа, орала на журналистов по телефону: какого черта еще ничего не сделано? Но сегодня, несмотря на то что понятия не имела, что будет происходить в эфире, она спокойно потягивала кофе, наблюдая через стеклянную стену за воробьем, порхающим по ее минималистскому саду. Казалось, птица была разочарована всем этим сланцем, гранитом и мраморными дорожками. Бамбук и карликовые японские деревья, которые, как убедил Кэрри ландшафтный дизайнер, были наиболее подходящими растениями для городского сада, воробью тоже не нравились.

— Марта, а хлеба не осталось?

— Хлеба? Ты не сыта, солнышко?

— Сыта. Хочу покормить воробья.

Марта достала из белого керамического контейнера ломоть цельнозернового хлеба:

— Столько хватит?

Кэрри кивнула и тихо открыла стеклянную дверь. Воробьев уже было двое. Один сразу улетел, а другой застыл на месте, глядя прямо

на Кэрри. Она раскрошила хлеб в ладони и кинула крошки в сад. Птица несколько секунд не шевелилась. Кэрри ощутила зависть. Если бы она могла, то заморозила бы себя изнутри и тоже не шевелилась — никогда. Воробей запрыгал к крошкам. Кэрри ссыпала остатки хлеба. Птица снова застыла. Кэрри шагнула через порог. Воробей взлетел на ограду. Кэрри и птица смотрели друг на друга.

— Все хорошо, птичка, — прошептала Кэрри. Птица дернула хвостом. — Я тебя не обижу, хотя ты этого, конечно, не знаешь.

Птица взлетела еще выше.

— Да мне все равно, будешь ты есть или нет, бестолочь дурацкая!

Она вошла в дом и захлопнула за собой стеклянную дверь. Вернувшись за стол, налила себе еще кофе и задумалась о сегодняшней передаче. Только бы Дэйна сдержала слово и приехала. И только бы заговорила. Кэрри решила, что пусть все идет своим чередом, на этот раз она не станет продумывать вопросы и реплики. Пусть зрители увидят настоящее реалити-шоу. Да и нет у нее сил что-то планировать. Она просто расскажет о случившемся, постаравшись не сорваться в истерику, а затем попросит девочку описать все, что видела. Кто-нибудь обязательно что-то знает. И обязательно позвонит в полицию. Всегда звонят. Часто решающими в расследовании становятся даже самые незначительные свидетельства.

За окном воробей уже вовсю клевал хлеб. Вскоре к нему присоединилась целая стая.

— Надо было просто показать ему, что он не один, — сказала Кэрри.

— Ты о чем, солнышко?

— Макс... Надо было просто сказать ему, что я рядом. — Кэрри встала. Прошла в прихожую, надела пальто. Из зеркала на нее уставилась незнакомка. — А я этого не сделала.

— Надеюсь, нам за это хоть заплатят. — Мать Дэйны шуровала в мойке.

— С какого перепугу? — Кев подбирал остатки яичницы со сковороды куском белого хлеба. В студию он ехать не собирался,

поэтому сидел за столом в заношенной и довольно грязной майке. — Все хотят задарма получить, жулье. И чего вас туда несет?

— Да просто она хочет помочь этому парню, вот чего.

А ведь это первые сочувственные слова, которые она слышала от матери, подумала Дэйна. Есть она не могла. Боялась, что ее вырвет прямо в студии.

— Хочу. Еще как хочу, — прошептала она, но ее слышала только Лорелл.

— У меня есть ребеночек, — сказала девочка, показывая пластмассовую куклу.

Мать и Кев увлеченно лаялись по поводу того, надо ли Дэйне требовать плату за участие в «Правде в глаза».

Дэйна нахмурилась и приложила палец к губам.

— Тсс, — прошипела Лорелл.

— Деньги тут не главное, Кев. Разве ты не видишь, какая Дэйна грустная в последние дни. Не ест ничего, целыми днями плачет. Так, родная?

— Угу, — ответила Дэйна.

Поскорей бы все осталось позади, поскорей бы оказаться в студии, где спят прожекторы и командует потрясающе одетая Кэрри Кент. И пусть ее разорвут в клочья на глазах у воющей аудитории, пусть бросят умирать в луже крови — как Макса.

Почему она согласилась на это?

Потому что заслужила.

Позвонили в дверь. Лорелл сползла со своего стульчика и побежала открывать. Выглянув в прихожую, Дэйна увидела человека в черной униформе. Наклонившись к Лорелл, он что-то говорил. Малышка вприпрыжку вернулась на кухню:

— Он приехал за Дэйной на машине!

— Так рано? — ахнула Дэйна.

Она кинулась к себе в комнату.

— Десять минут, мисс, — крикнул человек в черном. — Я подожду снаружи.

Дэйна переоделась в третий раз, истощив возможности своего гардероба. Джинсы, возможно, не очень подходили к случаю, но больше у нее ничего не было. Она натянула чистую футболку и темную куртку. Вроде нормально. Как обычно.

Если еще осталось хоть что-то обычное.

Дэйна не понимала, почему остальные смотрят на нее так, словно она ничуть не изменилась. Словно она прежняя Дэйна. Девчонка, которую все ненавидят. За выкрашенные волосы — чем она их только не красила, от обувного крема до хлорки. За голубые ногти и браслеты чуть не до локтя. За ее улыбку и запах, за ее смех, за глаза, что вечно на мокром месте...

— Прекрати, дура! — приказала себе Дэйна.

Она сунула в карман бумажные платки, схватила телефон и скатилась вниз.

— Мам, я пошла!

— Никуда ты не пойдешь одна, — возразила мать.

Замызганным полотенцем она вытерла мокрые руки, схватила со спинки стула куртку, сунула в карман пачку сигарет и зажигалку. Поцеловала младшенькую в лоб.

— Будь хорошей девочкой, Ло. И помаши сестренке, когда ее покажут по телевизору.

Дэйна открыла дверь.

— Спасибо. Спасибо, что едешь со мной.

— Ни за что бы такого не пропустила, не сомневайся.

По дороге Дэйна размышляла, зачем мать едет с ней — чтобы насладиться своими пятью минутами славы, поведать миру о своей тяжелой жизни или поддержать дочь.

Кэрри сидела в гримерке. Стилист без энтузиазма, скорее по привычке перебирала вещи на вешалке. Все в студии были серьезны, и Кэрри это ценила. Она не ждала какого-то особого отношения, но вряд ли смогла бы вытерпеть привычную веселую болтовню.

— Как насчет этого? — Стилист показала серую узкую юбку и темную блузку в полоску.

— Не думаю. Знаете что, останусь я в том, в чем приехала.

Да и в самом деле, наряд не имеет никакого значения. Сегодняшнее телешоу будут смотреть, что бы Кэрри ни надела. И сегодня все симпатии будут на ее стороне.

— Ну что ж, значит, джинсы и футболка. — Стилист хлопнула в ладоши, будто закончив спор, который так и не начался, и быстро вышла.

— Это не капризы, — крикнула ей Кэрри вслед и тихо добавила: — Просто я хочу, чтобы она расслабилась, говорила со мной так... будто я ее мать.

— Она уже здесь?

Часы показывали восемь сорок, Кэрри металась по кабинету Лиа. Ее трясло, бросало то в жар, то в холод.

— Кто-нибудь уже видел ее, черт возьми?

— Успокойся, Кэрри. Она будет вовремя. Салли звонила водителю. Они стоят в пробке.

— У нее есть мобильный? Почему с ней не послали полицейскую машину сопровождения? Может, выслать сейчас?

— Успокойся, пожалуйста. Тебе нужно контролировать себя во время шоу. — Лиа убрала прядь волос с лица Кэрри. — Почему бы тебе не переодеться и не накраситься?

— Если я буду выглядеть как обычно, она наверняка испугается. — Кэрри опустила на краешек стула. — Что, если она не станет разговаривать со мной? Что, если никто не позвонит?

— Кэрри, Кэрри. — Лиа протянула ей стакан воды. — Ты уверена, что ты к этому готова? Мы еще можем все отменить.

— Нет. Пойми, я не вижу другого выхода. Если я не сделаю все, чтобы добиться справедливости... — Кэрри замолчала. Она вдруг увидела пустоту, что ждет ее впереди. — Я не смогу жить, — закончила она. Эти слова не объясняли даже десятой доли того, что она чувствовала.

Дэннис настоял на том, чтобы Джесс не отходила от Дэйны ни на

шаг. В конце концов, это ведь она уговорила девочку, так что если та в последний момент передумает, надежда только на Джесс.

— Не передумает, — сказала Джесс.

— Уверена?

— Я рассказала ей о деле Пламмера. О том, как мать чуть с ума не сошла от горя, когда убили ее сына.

— И что, на нее это подействовало? — Дэннис припарковал машину в обычном месте у студии. Приятно было, что хоть что-то осталось неизменным.

— Она долго думала. Потом я рассказала, что один из членов банды тоже согласился поучаствовать в шоу, правда, инкогнито и с измененным голосом. И тогда она согласилась. Я предложила и ей выступить анонимно, но она отказалась. Она не похожа на своих сверстниц, Дэннис. Она старше их. И мудрее. Точно случившееся изменило ее.

— Да уж, изменило, — пробормотал Дэннис. — Не нравится мне все это, Джесс.

— Единственное, что тебе не нравится, Дэн, — это то, что мы до сих пор никого не арестовали. На тебя давит начальство, и только.

— Не зарывайтесь, детектив. Речь, между прочим, о сыне моей близкой подруги. Мораль, статистика, начальство, общество — все это не идет ни в какое сравнение с тем, что выпало на долю Кэрри! Какой-то маленький засранец решил доказать свою крутизну, и жизнь этой женщины полетела под откос!

Дэйне так хотелось протянуть руку через сиденье и дотронуться до матери. Хотелось, чтобы та обняла ее, прижала к себе и, пока Дэйна рассказывала все-все-все, гладила по волосам и баюкала. Который день Дэйну беспрерывно тошнило, головная боль давно стала привычной. Она не могла спать, а если ненадолго забывалась сном, то ей снился Макс — истекающий кровью, падающий на колени, потом на асфальт, умирающий...

— Мама, — прошептала она.

— Что?

— Мне страшно.

Мать изумленно посмотрела на нее.

— Подумай о деньгах, девочка. Все будет хорошо, вот увидишь. — Она протянула руку, но только для того, чтобы шутливо ущипнуть дочь за бедро.

— Не будет никаких денег, мам. Ты же знаешь. Я делаю это, чтобы помочь Максу.

Мать буркнула что-то неразборчивое.

Когда пробка наконец рассосалась, Дэйна прижалась к стеклу, глядя, как мрачный район сменяется красивыми улицами с дорогими машинами, роскошными магазинами, шикарными отелями. Мать ничуть не лучше, чем одноклассники. Для тех тоже на первом месте лишь деньги. Никаких амбиций, никаких стремлений — живут как живется.

Такого огромного здания Дэйна в жизни не видела. Выстроен телецентр был из тех же серых бетонных блоков, что и школа, но почему-то выглядел элегантно. На небольшой площади перед входом было полно людей. Но никто тут не слонялся просто так, каждый спешил по делу.

Водитель объяснил матери, куда им идти. Дэйна постаралась не пропустить ни слова, поскольку мать явно слушала вполуха. На прощанье водитель ободряюще подмигнул Дэйне.

Они прошли внутрь и оказались перед длинной стойкой. Женщина за стойкой, улыбаясь, вручила Дэйне с матерью по бейджу на шнурке и план здания, чтобы они смогли найти студию.

В лифте Дэйна неожиданно сказала, что не может этого сделать. *Не будет* этого делать.

— Не глупи. Подумать только, мою девочку покажут по телевизору!

Дэйна начала судорожно нажимать все кнопки подряд, колотить по кнопке экстренного вызова, кричать.

— Нет! Нет!

Но когда из динамика раздался голос оператора, Дэйна неожиданно спокойным, четким голосом ответила:

— Все в порядке.

Лифт поехал наверх.

Кэрри сообщили, что Дэйна в здании.

— Но не в студии?

Лиа, говорившая по телефону, подняла руку, прося Кэрри помолчать.

— Ладно, спасибо. Отлично. — Она повесила трубку. — Они уже здесь. Пошли.

Лиа увидела, как Кэрри напряглась. Она понимала, что Кэрри хочет участвовать в программе не больше этой несчастной девочки, но пути назад не было.

— Что у нас с анонсами? — спросила Кэрри.

— Восемь за сегодняшнее утро. — Лиа посмотрела на часы. — Пора.

Они коротко обнялись и отправились на поиски Дэйны, которая сидела в гостевой гримерке, кусала ногти и размышляла, не поздно ли еще сбежать.

Кэрри представления не имела, что скажет, как начнет передачу, чем закончит и что произойдет в середине. Перед камерами будут только двое — она и Дэйна. Кроме того, пустят пятнадцатиминутный репортаж о преступлениях, совершенных с применением холодного оружия, и покажут кадры, отснятые в стенах школы. Съёмочная группа всегда поражала Кэрри работоспособностью, но сегодня они превзошли сами себя — подготовили материалы всего за сутки. Да, она не одна, повторяла себе Кэрри, сейчас не одна. Но это не поможет, когда она будет лежать в постели без сна, дожидаясь рассвета.

— Спасибо, — сказала Кэрри, войдя в гримерку и глядя в зеркало, в котором отражалось лицо очень испуганной и очень юной девушки. Она попыталась улыбнуться Дэйне, но улыбка больше походила на гримасу боли. — Тебе тоже пришлось через многое пройти.

— Я сказала им, что мне не нужен макияж. Я дома накрутила глаза тушью.

— Дело в свете, — объяснила Кэрри. — Он такой яркий, что ты будешь похожа на труп, если... — Она пожалела, что так резко оборвала себя. — Просто немного тонального крема, ну, чтобы ты выглядела не такой бледной.

Дэйна кивнула.

— Мне обязательно это делать?

— Конечно обязательно, черт тебя возьми! — раздался сиплый голос.

Мать Дэйны. Кэрри вспомнила, что уже видела ее.

— Миссис Рэй. Рада, что вы здесь.

Женщина встала и враскачку приблизилась к Кэрри.

— Я уже ей сказала, чтобы она не смела отказываться. Нам нужны деньги. И точка.

— Боюсь, никаких денег не будет, миссис Рэй. Шоу не платит своим гостям. — Кэрри кивком попросила гримершу продолжать.

— Тогда мы валим отсюда. Пошли, Дэйна. — Она потянула дочь за рукав.

— Мама, — Дэйна стряхнула ее руку, — я хочу это сделать, ясно?

— То хочу, то не хочу, ты определись уже наконец.

— Миссис Рэй, — вмешалась Лиа, — пойдемте со мной и все обсудим.

Мать Дэйны торжествующе улыбнулась Кэрри и вышла вслед за Лиа.

Спустя пару минут Лиа вернулась.

— Я отвела ее в зеленую комнату, — шепнула она Кэрри. — Велела охраннику не спускать с нее глаз.

Март 2009 года

Дэйна пошла к врачу. Тот не отрывал глаз от монитора компьютера, пока Дэйна сбивчиво объясняла, что с ней стряслось.

— В общем, все как обычно, — усмехнулся доктор. — Ты не первая и не последняя. Незапланированная беременность. Думаю, сегодня у меня их будет еще несколько штук.

— Правда? — Неужели он так пытается утешить ее?

Доктор наконец посмотрел на нее. Это был уже немолодой мужчина, лет за пятьдесят. Ему явно было наплевать, сохранит она ребенка или нет.

— Ты уверена, что хочешь сделать аборт?

— Конечно. Иначе зачем бы я сюда пришла?

Доктор пожал плечами:

— Всякое бывает. Ты все время называешь его «малыш».

Дэйна молчала. Крошечный, пахнущий тальком, как Лорелл еще совсем недавно. Беспомощный живой комочек, пальчики такие маленькие. Длинные ресницы над синими глазами. Пульсирующая точка на головке, довольное воркование во время кормления.

— Я уверена, — сказала она.

Ее предупредили, что позвонить могут в любой момент.

— Некоторые девчонки в последнюю минуту передумывают, — объяснила медсестра. — Так что тогда мы сразу вызываем следующую пациентку, чтобы хирург зазря не простаивал. Внести тебя в список, чтобы позвонили, если освободится время?

Дэйна кивнула и подписала формуляры. Она предпочла бы, чтобы ей позвонили внезапно. Ей не хотелось ждать назначенного дня — операция лишь через несколько недель. Это ведь операция, верно? — спросила она медсестру.

— Да, дорогая. Ты заснешь и ничегошеньки не почувствуешь. А

как проснешься, ребеночка как не бывало.

Как не бывало, повторила про себя Дэйна. Он исчезнет из ее жизни так же незаметно, как появился. Но только она не ощутит страсти, любви и восторга, которые они испытали с Максом.

Она не скажет ни матери, ни Кеву. А Лорелл наверняка уже все забыла. Если все пройдет хорошо, ее сразу выпишут. Так пообещала медсестра. Мать никогда не узнает.

— Вот и все, девочка, — сказала медсестра, провожая ее до двери.

В приемной ждали еще четыре девушки. Все они повернули головы в сторону Дэйны, когда она проходила мимо.

Она вертела в руках телефон, раздумывая, написать Максу или нет, и в конце концов решила, что писать пока не о чем. Он хотел, чтобы она сделала аборт, — вот она его и делает. В школе они так старательно избегали друг друга, что к концу семестра это превратилось уже в привычку. Временами она слышала, как над ним насмеются, да и ей самой, как обычно, доставалось. Она сосредоточилась на учебе, твердо решив хорошо сдать экзамены. Если бы только удалось поступить в колледж — как ни странно, больше всего ей бы хотелось работать с детьми, — она бы уехала как можно дальше отсюда. Дэйна мечтала, что какая-нибудь богатая семья возьмет ее няней для своих детей и они все вместе отправятся в далекие тропические страны. И у нее будет своя комната, ей разрешат пользоваться машиной, чтобы возить детей. Тогда она наконец станет счастливой, будет встречаться с каким-нибудь хорошим человеком, посылать матери деньги. Да, все это реально, нужно только хорошо сдать экзамены и избавиться от ребенка.

— Надеюсь, вы уже дописываете свои сочинения. Пасхальные каникулы начинаются через несколько дней, и я хочу, чтобы вы сдали то, что успели написать. Я займусь ими в каникулы.

Прозвенел звонок, тридцать семь стульев одновременно отодвинулись от парт, и тридцать семь учеников рванули к дверям. Кроме двоих.

— Сэр, я уже закончила.

— Спасибо, Дэйна. Ты хорошо работаешь в этом году. У тебя

есть все шансы получить высокий балл.

— Вот, сэр.

Дэйна резко обернулась, когда еще одно сочинение легло на стол. Макс закинул рюкзак на плечо, чуть не задев ее по лицу.

— Ты тоже закончил, Макс? — удивился мистер Локхарт, но Макс уже исчез.

Дэйна кивнула учителю и медленно вышла из кабинета, постаравшись не нагнать Макса.

Жизнь с каждым днем становилась все невыносимее. Давило одиночество, да еще удача отвернулась — в последнее время ничего он не выигрывал, словно отрезало.

Макс сидел в лачуге, разглядывая башню из призов. Продать их? Какой смысл. Мать не скупилась на карманные расходы, так что он ни в чем не нуждался. Макс вздохнул. После разрыва с Дэйной все потеряло смысл. Он все думал и думал, вспоминал о том, что было и прошло. Он не сомневался, что происшедшее в подвале сблизит их, но все оказалось не так. И Дэйна даже не извинилась, не попыталась помириться, объяснить свое поведение. Похоже, ей было на все плевать. Она оказалась такой же, как остальные. Следовало понять это раньше.

Макс закурил. Прижал палец к горящему кончику сигареты. Боли он не почувствовал, но и тепла тоже. Он ничего не чувствовал, кроме тоски. И больше всего, тосковал он по матери.

Ему было десять или одиннадцать. Каникулы заканчивались, надо было возвращаться в город. Мать купила огромный загородный особняк тем летом, и Макс только-только начал исследовать новые владения, как вдруг оказалось, что лето утекло и пора в ненавистную школу. Он расплакался, и мать притянула его к себе. Сначала ему показалось, что она недовольна, но она просто хотела обнять его. Она стала утешать, шептала на ухо всякие ласковые глупости. И он перестал плакать, обнял ее, закрыл глаза и прижался тесно-тесно — чтобы получше запомнить ее запах, ее тепло, чтобы воспоминаний этих хватило до конца семестра.

— Все будет хорошо, Макси. Ты снова увидишь друзей, и все будет чудесно.

Как он хотел сказать ей, что не увидит друзей, что у него нет друзей.

— У меня для тебя кое-что есть, — сказала мать. Он почувствовал, что минута нежности осталась позади, ее терпение на исходе, еще чуть-чуть — и голос зазвучит резко, недовольно. Она быстро вышла и вернулась со стопкой детских журналов. — Чуть не забыла тебе отдать.

Он взял журналы.

— Спасибо, мам.

— Развлечешься по дороге в Дэннингем.

В те дни у нее еще не было вертолета. И мать не вспомнила, что его тошнит, если он читает в машине.

— И это тоже возьми.

Мать неуклонно требовала, чтобы на полированном дубовом столе в центре холла стояла ваза с блестящими зелеными яблоками. Она всегда предлагала их гостям на прощанье. Она протянула ему яблоко.

— Знаешь, что много раз повторял мой отец?

Макс увидел в ее глазах странное выражение.

Он покачал головой.

— Мой отец не часто со мной разговаривал, Макси. Он служил в армии и редко бывал дома. У него были начищенные до блеска ботинки и жесткие усы. — Она слегка улыбнулась. — Он бы очень тобой гордился.

Макс сомневался в этом, но не стал перебивать.

— Он говорил, что когда съедаешь яблоко до самых косточек, то будто проникаешь на десятки лет вперед.

— Как это?

— Подумай об этих косточках, Кэролайн, говорил он мне. Каждая из них может стать деревом. А сколько яблок будет на каждом из этих деревьев и сколько в этих яблоках косточек?

— Бесконечное количество, — пробормотал Макс.

— Вот именно. В детстве его слова приводили меня в восторг. Помни, что даже самые незначительные мелочи могут таить надежду, надо лишь заглянуть в них поглубже.

Макс поцеловал мать и забрался в машину. По дороге в Дэннингем он листал один из журналов.

— Дерево загадок, — вслух прочитал он. — Расставьте слова в правильном порядке, отгадайте загадку и пришлите свои ответы на открытке... Победитель получит пятьдесят фунтов... Пятьдесят фунтов, — повторил он. Интересно, хватит ли их на такси до дома, если он сбежит из школы?

Он вытащил ручку из кармана куртки и принялся за кроссворд, не забывая про яблоко. Еще два укуса — и он добрался до сердцевины. Несколько черных косточек лежали в гнездах. Всего пять косточек. Пять деревьев. Что, если на каждом дереве вырастет несколько сотен яблок и от каждого из этих яблок тоже родится по пять деревьев? С математикой у него было плохо. Вот отец быстро бы тут разобрался, но он в Чикаго, так что Максус пришлось удовлетвориться бесконечностью.

— Бесконечность. — Он выбросил огрызок в окно, а одну косточку оставил, спрятал в карман. Ему нравилось думать, что в кармане у него бесконечность.

На следующий день он отправил свои ответы в редакцию журнала, а через три недели его известили, что он выиграл пятьдесят фунтов. Вот так просто. В тот же день Макс увидел светло-зеленый росточек в баночке от йогурта, в которую он посадил яблочную косточку. В его дерьмовой жизни появилось хоть немного надежды.

А отец? Что, если бы он не ослеп? Долгое время Макс считал, что это его вина, что если бы он не валял дурака, не плакал бы перед сном, не скандалил перед возвращением в школу, если бы он хорошо ел или прибирался в своей комнате, когда его просили, отец не потерял бы зрение.

Макс еще разок затянулся сигаретой. В воздухе плавал дым. Интересно, с чего все началось? Мутная пелена, ощущение, что ты слишком быстро отвел глаза и не успел все хорошенько рассмотреть?

Он помнил, что отец жаловался на зрение, говорил, что ему скоро понадобятся очки, что он превращается в типичного старого профессора. Он помнил, как звонко смеялась мать, обнимая отца и уверяя, что обожает очкариков и что он никогда в жизни не будет типичным. Очки отец так и не заказал.

— Чокнутые взрослые. — Макс выдохнул дым. Вокруг была чернота — пустая, как та, что видел, наверное, отец, и неумолимая, как мать.

Он вдруг понял, что он и есть та самая косточка, тот зеленый росточек, засохший, потому что его забыли полить. Вот и он засохнет, потому что Дэйна сделает аборт.

1 мая 2009

Увидев лицо Макса на огромном экране, Кэрри едва не потеряла сознание. Сын улыбался своей затаенной улыбкой, такой отстраненной и одновременно взывающей о помощи. Вот только она этот зов услышала слишком поздно. Почему она не замечала раньше, какой выразительный у него рот, какой проникновенный взгляд, какой он юный и незащищенный? Макс всегда вел себя так, будто был намного старше своего возраста, всегда старался показать, что его ничем не проймешь. Сейчас-то она понимает, что это была маска, защитная маска. Он возвращался из своей новой школы — она так и не смогла привыкнуть, что его рюкзак валяется на пороге, — и опустошал холодильник, а потом так врубал музыку, что она не могла сосредоточиться в своем кабинете. Всюду раскидывал одежду, а по утрам второй этаж вонял дешевым дезодорантом. Он так мало с ней разговаривал, а когда все же снисходил до разговора, то словно оправдывался и нападал одновременно. Даже невинная болтовня за обеденным столом могла закончиться войной.

— О боже, я так скучаю по тебе, Макс. — Кэрри опустилась на колени перед фотографией сына.

— Милая, не надо. — Лиа обняла ее.

Звукооператоры проверяли микрофоны, техники включали и выключали лампы, все было как обычно. Вокруг царила знакомая суэта, но теперь она чувствовала себя здесь посторонней.

— Зачем его сюда повесили? — Кэрри плакала. Она знала, что до эфира осталось меньше часа, но не могла остановиться.

— Мы хотим, чтобы зрители его увидели, родная. Может, кто-то узнает его, вспомнит что-то. Ведь мы делаем это шоу не только для того, чтобы рассказать о молодежной преступности. Мы хотим помочь поймать его убийцу.

— Прости. — Кэрри встала и высморкалась. — Я веду себя глупо.

— Ты все еще уверена, что хочешь это сделать?

— Да. Иначе не смогу жить.

Лиа кивнула:

— Тогда давай приведем тебя в порядок.

Кэрри медленно шла по коридорам студии.

Ассистенты, курьеры пробегали мимо, кто-то окликнул ее. Рядом текла обычная жизнь, но она знала, что сама уже никогда не будет ее частью.

— Теперь я одна из *них*, верно? — произнесла она, глядя в зеркало.

— Простите? — переспросила гримерша.

— Я теперь стала тем, чего всю жизнь боялась.

Девушка нервно улыбнулась, осторожно провела кисточкой по щекам Кэрри. Совсем молоденькая, немногим старше Макса, подумала Кэрри. У них наверняка нашлись бы общие темы для разговора.

— Я слышала, что произошло, — сказала девушка. — Это ужасно. Моему брату недавно угрожали ножом около клуба. Он говорит, что постоянно видит парней с ножами. Наверное, считают, что выглядят крутыми.

Кэрри не слушала. Она закрыла глаза и вспоминала лица скорбящих матерей, которые побывали на ее шоу за эти годы. Она мысленно просила прощения у каждой из них.

Четверг, 9 апреля 2009 года

В больницу Дэйна поехала на автобусе. Внутри было битком, пассажиры гомонили, разговаривали, то и дело звонили мобильники. Повинуясь внезапному импульсу, Дэйна написала эсэмэску Максу.

Сегодня делаю аборт.

Пусть знает. Пусть его сердце колотится так же, как ее, пусть трясется от страха. Ей хотелось, чтобы он позвонил и умолял остановиться. А она бы сказала ему, что слишком поздно, следовало думать раньше, что не в ее силах прекратить все эти мерзкие разговоры в школе и что она не виновата, что так вышло.

Ее замутило. Это из-за ребенка? Или ее укачало? Или от воспоминаний о том, как они били ее, как засовывали головой в писсуары, требуя выложить им все подробности? Но все эти сплетни, что гуляют по школе, — все это ложь. Сколько ни били ее, сколько ни издевались, она не предала Макса. И сказала им лишь одно: что она любит Макса. Жаль только, что не успела сказать самому Максу.

А эти уроды сочинили гадости. Дэйна вспомнила, как пыталась выделить из нагромождения лжи те крупницы правды, которые они из нее выудили, чтобы все объяснить Максу. Но он так безжалостно смотрел на нее. Он поверил. Поверил, что это она все рассказала.

Вот и больница. Мрачное здание выглядело не оплотом здоровья и восстановления, а средоточием болезни и смерти. Дэйна положила руку на живот. Чувствует ли ребенок ее страх? Она вошла в приемное отделение и показала формуляр, который получила пару недель назад. Они позвонили ей накануне, сообщили, что на сегодня освободилось время, велели ничего не есть и не пить после полуночи. Дэйна не спала всю ночь, все думала и думала.

— Поднимайтесь на третий этаж, дорогая. В гинекологию.

Дэйна не помнила, как оказалась в лифте. Она вышла на нужном этаже, ослепленная белыми стенами, белыми дверями, белыми

халатами, все вокруг было белое, точно мозг ее засыпало снегом.

— Извините, — тихо сказала она, — вы не знаете, где...

Вы не знаете, где делают аборты?

— Где гин... гин... — Почему-то никак не получалось это произнести.

— Первый коридор направо. — Медсестра вывезла молодую женщину в кресле-каталке. Лицо пациентки тоже было белым как снег, живот выступал вперед точно гора.

Дэйна протянула свой формуляр другой сестре. Та как-то оценивающе посмотрела на нее:

— Вы одна?

Всегда одна, хотела сказать Дэйна, но лишь кивнула.

— Кто-нибудь вас потом заберет?

Дэйна поняла, к чему она клонит.

— Да, мама, — соврала она.

Медсестру это вполне удовлетворило, она повернулась к компьютеру:

— Так, сейчас найдем вам койку и все подготовим.

Она повела Дэйну по отделению, мимо палат, в которых лежали женщины, многим из которых скоро предстояло рожать. Через дверь с кодовым замком они вошли в отделение, где находились сплошь молодые девушки. На стенах повсюду плакаты. *Будь умнее, предохраняйся. Изнасилование — не твоя вина. Не позволяй застать себя врасплох.* Всевозможные рисунки: презервативы, упаковки таблеток и какие-то шутовины, неведомые Дэйне.

Через пятнадцать минут, уже в больничном халате, она лежала на кровати и отвечала на вопросы медсестры. Среди прочего та спросила, есть ли у Дэйны парень. Дэйна покачала головой. Закончив с вопросами, сестра сообщила, что скоро к ней подойдет анестезиолог.

Через четыре часа Дэйну, измученную голодом и жаждой, повезли в операционную. По дороге она разглядывала лампы на потолке, вентиляционные люки. На руке у нее закрепили

пластиковый браслет, в тыльную сторону ладони была вставлена игла с трубкой. Было больно.

Скоро все будет позади.

Еще одно сообщение Макс получил в двадцать минут шестого.

Он представлял себе, как она лежит в операционной, ноги задраны на металлические рогатины, а хирург просит у медсестры то один инструмент, то другой и продолжает рассказывать о ресторане, где вчера ужинал. Аппаратура ритмично попискивает, все идет нормально. Хирург проделывал это столько раз. Звякают инструменты, врач что-то бормочет себе под нос. Возможно, ребенка вытащат по кускам, бросят в металлический лоток. Что потом?

Дэйну помогут, отвезут в палату. Медсестра будет к ней добра или будет глядеть с осуждением. Обычно аборт делают и в тот же день выписывают, Макс читал об этом в Интернете. Она написала ему, что уже едет домой в автобусе.

Все позади.

1 мая 2009 года

— Доброе утро и добро пожаловать на шоу «Правда в глаза». — Кэрри смотрела прямо в камеру. Она сделала глубокий вдох и медленно проговорила: — Я Кэрри Кент, и сегодня у нас необычная передача. Наверное, вы уже знаете, что на прошлой неделе в моей семье произошла ужасная трагедия. Мой единственный сын, Макс, был хладнокровно убит ножом на территории его собственной школы. — Кэрри сделала шаг назад. От ее обычной упругой походки, от ее эффектных жестов не осталось и следа. Лицо напоминало маску. — Я стою сейчас в студии, перед камерами, и ничего труднее в моей жизни еще не было. Но у меня есть надежда. Надежда, что кто-то из вас сможет помочь. — Оператор дал лицо Кэрри крупным планом. — Возможно, ваш сын пришел домой чересчур возбужденным, возможно, кто-то из ваших приятелей упомянул о том, что видел. Я прошу вас, я умоляю вас позвонить и рассказать об этом. Номера горячей линии, которые свяжут вас напрямую с сотрудниками лондонской полиции, будут на экранах все время, пока идет шоу. Вы можете не раскрывать свое имя.

Кэрри повернулась и направилась к двум стульям, стоящим на фоне экрана со снимком Макса.

— И я обращаюсь к тем молодым людям, что носят с собой нож и считают это нормальным. Вы ошибаетесь. — Кэрри сделала долгую паузу. Она смотрела прямо в камеру и видела в ней не путь к славе, а шанс сделать наконец в своей жизни что-то правильное. — Нож — это не защита, как думают некоторые из вас. Он не сделает вас непобедимым, смелым, не придаст вам мужества. Он не возвысит вас в глазах других. Нож в кармане — это лишь доказательство вашей трусости, свидетельство вашего страха. Если я смогу убедить хотя бы одного человека сообщить информацию об убийстве моего сына, если я смогу убедить хотя бы одного человека отказаться от ножа, то, возможно, я смогу пережить свое горе.

Кэрри знала, что камера все еще направлена на нее, а внизу экрана бегущая строка показывает номер телефона. Обычно в этот момент звучал джингл, но сегодня в студии стояла тишина. Зрители сдержанно захлопали, и, как только хлопки затихли, Кэрри

продолжила.

— Я хочу представить вам человека, который вел себя очень храбро всю эту неделю. Я познакомилась с этим человеком всего несколько дней назад. Это девушка Макса. Подростки, как известно, существа скрытные, поэтому я о ней ничего не знала. К несчастью, этой юной девушке довелось стать свидетельницей убийства моего сына. Опять же к несчастью, она не может опознать убийцу. Я пригласила ее на шоу в надежде, что вы, наши зрители, поможете нам. Уже десять лет я веду это шоу, десять лет вмешиваюсь в жизнь других людей, и вот настало время вам вмешаться в мою. Дамы и господа, прошу вас со всем уважением к ее горю поприветствовать мисс Дэйну Рэй.

Снова раздались сдержанные хлопки, и снова наступила тишина. Кэрри стояла у края сцены, чтобы встретить Дэйну. Но Дэйна все не появлялась. Кэрри прижала наушник к уху. Тишина.

Еще несколько томительных секунд, показавшихся Кэрри вечностью, — и наконец Дэйна неуверенно шагнула в студию. За ее спиной Кэрри увидела Джесс Бриттон. Детектив ободряюще кивнула.

— Дэйна, милая, спасибо тебе за то, что согласилась прийти. — Кэрри сказала это только ей, прикрыв микрофон.

Она обняла девушку — жест, который должен был, с одной стороны, дать понять зрителям, как сблизило их общее горе, а с другой — был предназначен лично для Дэйны.

Девушка заморгала, прищурилась, очевидно стараясь сориентироваться в незнакомой обстановке. Кэрри знала, что она уже побывала в студии, ее привели, чтобы она привыкла к освещению, съемочной группе, камерам и сотням кресел. Сама Кэрри всего этого давно уже не замечала.

— Присядь сюда. — Кэрри посмотрела на зрителей в студии, как бы приглашая их принять участие в беседе.

Перед стульями стоял низкий столик с графином и двумя стаканами. Пока Дэйна устраивалась поудобнее, Кэрри налила воды в стаканы. Казалось, от горя и страха девочка стала еще более хрупкой. Она не отрывала взгляда от своих грязных кроссовок.

— Мы все очень ценим то, что ты пришла, Дэйна. Я понимаю, отвечать на мои вопросы для тебя столь же тяжело, как мне —

задавать их. Но мы делаем все это ради Макса. И ради сотен других подростков, которые живы, но могут погибнуть в любой момент... Мы должны попытаться остановить это.

Кэрри замолчала, собираясь с мыслями. Потом взяла стакан, сделала глоток, выпрямилась и в упор посмотрела на Дэйну.

— Я хочу, Дэйна, чтобы ты рассказала, что же произошло утром двадцать четвертого апреля.

Дэйна понимала, что все видят, как она нервничает, как ерзает на стуле, как теребит волосы, как дрожат у нее пальцы. Но ей было все равно. Ей отчаянно, до одури, хотелось закурить. Она видела по телевизору, как гости программы кричат, беснуются, дерутся, убегают со сцены. Или как их силой выволакивают охранники. Интересно, а она на такое способна? Убежать? Она сидела напротив Кэрри Кент, готовой разорвать ее в клочья за то, что она ничего не знает, и бегство казалось вполне возможным. Ведь она действительно ничего не знала.

— Я хочу, Дэйна, чтобы ты рассказала, что же произошло утром двадцать четвертого апреля.

Кэрри поставила стакан с водой на стол. И тут же Дэйна схватила другой. Только бы потянуть время. Ну зачем, зачем она согласилась...

— Не спеши, — сказала Кэрри, что, разумеется, означало «поторапливайся».

— Это был обычный день, — прошептала Дэйна. Собственный голос казался ей чужим. Она подняла голову и посмотрела на зрителей. Как их много... — Я никогда бы не подумала, что может случиться такое. — Тон бесстрастный, будто она рассказывает, как плохо кормят в школьной столовой, или о том, что скоро они с учителем физкультуры отправятся в поход.

Но внутри у нее все заходило в нескончаемом вопле. Все это напоминало фильм ужасов, навсегда застрявший в мозгу.

— Я проснулась рано. Умыла и одела младшую сестренку, отвезла ее в садик. Потом пошла в школу. Как обычно.

Дэйна смутно понимала, что Кэрри кивает. Как же жарко. Зря она надела куртку.

— Ты разговаривала с кем-нибудь, когда пришла в школу?

— Нет. Со мной там никто не разговаривает. То есть Макс разговаривал, но... — Дэйна запнулась. Она словно ступала по битому стеклу босиком. — Первой у нас была математика. Было скучно. Потом география, а после нее я решила уйти.

Яркий свет слепил, мешая сосредоточиться. На металлических стойках висели лампы, десятки ламп, нацеленных на нее, точно пистолеты. Выстрелы света, чтобы заставить ее выложить всю правду. Но она этого не сделает. Она не может. Это же его *мать*.

— Макс был на этих уроках?

Похоже на очередной допрос. Там она смогла как-то выкрутиться, но было непросто. Неужели она пришла на шоу только для того, чтобы убедить всех, включая себя, что она ничего не знает? Или она здесь, чтобы признаться во всем? Если бы только Макс был жив. Она бы все отдала за это. Получается, у них с Кэрри есть что-то общее.

— Да, Макс был на математике.

Дэйна вспомнила его ссутулившуюся спину, пальцы, нажимающие на клавиши калькулятора. Однажды он сказал ей, что математика дается ему с трудом. Словно его удивляла собственная математическая бездарность. Она тогда ответила, что работать стоит только над тем, что у тебя хорошо получается. Как конкурсы, добавила она с улыбкой.

— Но на географии я его не видела. Мы проходили честную коммерцию. Макс как-то сказал мне, что на свете нет ничего честного.

Взгляд Кэрри жег сильнее софитов. Кэрри молчала, поэтому Дэйне пришлось продолжить.

— После географии я пошла в магазинчик неподалеку. Я не позавтракала и хотела есть. Там были девчонки из моего класса, они тоже прогуливали.

Давай бабло, потребовали они. Она вспомнила ненависть в их глазах, когда она выложила деньги из кармана. «Все!» — приказали они и отстали, только когда отобрали у нее все, что было. Когда они ушли, Дэйна задрала футболку и открыла кошелек, который носила на поясе. В карманах она держала не больше пары фунтов,

специально для вымогателей, а в кошельке лежала десятка, которую она стянула из бумажника Кева. Она купила чипсы и медленно пошла обратно к школе.

— Я надеялась встретить Макса. Нам надо было поговорить.

Над верхней губой выступили капельки пота. Если их вытереть, весь этот чертов грим смажется или нет?

— О чем? — спросила Кэрри.

— У нас возникли проблемы.

— Вот как?

— Просто... просто я сказала ему кое-что, а он неправильно понял. А я хотела, чтобы он знал правду. В школе его травили из-за того, что он встречался со мной. Распускали всякие мерзкие сплетни.

Во взгляде Кэрри появилась растерянность. Дэйна почему-то была уверена, что после такой новости она набросится на нее. Но Кэрри сохранила спокойствие. Дэйна подумала, что это даже страшнее.

— Ну вот, я села на ограду и стала есть чипсы. Я надеялась, что Макс пройдет мимо.

Так много людей. И все смотрят на нее.

«Вот блин», — сказал он, когда она его окликнула. Первое слово, обращенное к ней. А она просто протянула ему чипсы, как будто чипсы могли все изменить к лучшему.

— Он... не мог успокоиться, — тихо сказала она. — Он носился вокруг меня, размахивал руками, кричал, мне даже показалось, что он меня ударит. Он был в бешенстве.

Дэйна слышала возгласы среди публики. Кэрри все молчала.

— Я кое-как уговорила его сесть рядом.

Она снова ощутила холод бетона, солоноватый вкус чипсов. Запах дезодоранта Макса. Бездонное отчаяние.

— И тут появилась та шпана? — спросила вдруг Кэрри.

— Нет, они появились потом.

Дэйна понимала, что Кэрри не терпится, чтобы она перешла к главному, описала того, кто это сделал. Голубые глаза, черные

волосы, шрам на щеке? Тренировочные штаны, рваные джинсы, татуировка, цепочка на шее... что угодно. Может, просто выдумать что-нибудь? Хватит ли у нее духу соврать в прямом эфире?

Дэйну замутило. Уже несколько дней она почти не ела, спазмы в желудке заглушала колой. Она попыталась встать, но под ногами была пустота. Может, она все еще сидит на ограде? Да, точно. Рядом Макс, вот он, перед ней, беспокойно переминается с ноги на ногу. Хотелось плакать, но слезы почему-то не шли.

— Я ужасно разозлилась, стала кричать на него. Сказала, что сделала так, как он хотел.

— Но что он хотел? — Опять эта Кэрри. — О чем ты говоришь, Дэйна?

Тишина. Только слышно, как по улице за школой проехала машина, как стучит по ограде ее ботинок, да еще чей-то кашель.

— О ребенке... — прошептала она.

Шум. Чьи-то крики.

— О ребенке? Каком ребенке, Дэйна? Ради бога, объясни!

Кто-то хватает ее за руку. Макс или его мать? Дэйна помнила, как Макс тогда схватил ее. Как не мог сдержать ярость.

«Ты убила нашего ребенка», — то ли выкрикнул, то ли прошипел он.

Она куда-то брела, не видя ничего перед собой. Кто-то догонял ее. Она резко обернулась, взгляд как у попавшего в капкан животного.

— Так больно, — сказала она. — Я не хочу, чтобы было так больно.

— Расскажи мне о ребенке, Дэйна. — Женский голос, дрожащий. Пальцы сжимают ее руку.

Дэйна посмотрела в глаза этой женщины. Мать Макса. Дэйна улыбнулась. Макс везде, верно?

— Мы любили друг друга. — Снова шум — и фазу тишина. — Я его любила. Но знаете что? — Дэйна услышала смех, но лишь через мгновение поняла, что смеется она сама. — Я так и не сказала ему этого.

— У вас был секс?

Дэйна кивнула.

— Ведь вы всем это советуете, да? — Ее голос звучал словно издалека.

— Что? — возмущенно спросила Кэрри.

— Предохраняться. Ну так вот, мы занимались этим, ясно? И я забеременела. От Макса.

По студии пронесся ропот. Дэйна улыбнулась. А классно вот так поразить всех. Ничего, то ли еще будет.

— Вы вечно тут болтаете про подростковую беременность, про то, что нужно думать, что предохраняться нужно, все такое. А знаете что? Ваш сын занимался этим прямо у вас под носом.

Дэйна ощущала какую-то удивительную силу, уверенность в себе. Она прошла по студии, точно как делала Кэрри, чтобы напугать своих гостей. Потом резко обернулась и уставилась на Кэрри:

— И каково вам теперь?

— Я... я... — Кэрри замолчала. Дотронулась до своего наушника. — Какой у тебя срок? — спросила она так тихо, что Дэйне пришлось практически читать по губам. — Ребенок Макса... — прошептала она.

— Дело в том, — Дэйна смотрела прямо в камеру, — что все не так просто.

Она вспомнила его лицо, отчаяние, звучавшее в его голосе.

«Да не хотел я этого, черт возьми, не хотел я, чтобы ты делала аборт, но ты наговорила про меня все эти вещи. Они сказали, что ты со всеми переспала, что ты просто шлюха. Они сказали, что ты меня ненавидишь. И я возненавидел тебя в ответ».

Дэйна молчала. Надо сказать, что они избili ее, что кто-то просто видел, как они выходили из подвала. Что она им почти ничего не сказала, они все выдумали. Обычное дело.

— Ни с кем я не спала, с тобой только, — наконец выдавила она.

Макс не поверил. Лицо его выражало столько отчаяния, гнева и недоверия, что она испугалась. Впервые в жизни она его испугалась.

— Ну и каково это, когда его вырывают из тебя? — Он сжал кулаки.

— Макс... пожалуйста...

И тут она увидела их. Четверо или пятеро? Они показались сбоку, шли вдоль забора. Она посмотрела на них, перевела взгляд на Макса.

— Я не знаю точно, сколько их было. Мы с Максом ссорились, когда я их увидела, — сказала она Кэрри. Пора вернуться к тому, что все хотят знать.

— Кого? — спросила Кэрри. В глазах ее стояли слезы.

— Тех парней. Они просто шлялись по округе. Искали, чем бы заняться.

— Ты запомнила, как они были одеты?

— Как обычно. Тренировочные штаны, кроссовки, куртки с капюшонами.

— Ты узнала кого-нибудь? — Кэрри подалась вперед.

Дэйна вдруг почувствовала себя хозяйкой, словно это ее шоу, а Кэрри — гостя.

— Я не уверена.

Та сцена так и стояла перед глазами. Ничего удивительного, почти неделю она вспоминала случившееся, секунду за секундой.

— Макс, — прошептала она, пытаясь предостеречь его. — Сзади.

Макс обернулся, но тут же снова посмотрел на нее. Казалось, появление шпаны его не беспокоит.

— Знаешь что? — Он шагнул к ней, приблизился вплотную, заставив вжаться в ограду.

Дэйна смотрела ему за спину. Парни направлялись прямо к ним. Ей стало страшно.

Макс подобрал свою сумку. Она знала, что лежит в боковом кармане.

— Я больше не боюсь.

— Это хорошо, Макс.

Нельзя с ним сейчас спорить. Просто надо смириться, что между ними все кончено. Через пару месяцев она сдаст экзамены, и про школу тогда можно навсегда забыть.

Внезапно Макс вырвал у нее пакет с чипсами и швырнул на асфальт. Приближающиеся парни загоготали, заорали что-то одобрительное.

Макс оглянулся:

— На что уставились?

— Макс, не надо, — настойчиво сказала Дэйна. — Успокойся. Давай покурим. — Ее пальцы тряслись, пока она раскуривала косяк. — Вот, возьми.

Поддавшись искушению, он взял косяк, запрыгнул на ограду. Парни стояли в сторонке, пихая друг друга.

— Мне было очень страшно, — сказала Дэйна, глядя на Кэрри. — Их много, а нас двое. И никого вокруг. Мы пытались делать вид, будто все нормально. Чтобы вернуться в школу, надо было пройти мимо них. Зря мы не ушли сразу, как только я их увидела. Это я во всем виновата.

Внезапно Кэрри отвернулась. Бесстрастным голосом она начала излагать статистику преступлений, совершенных при помощи холодного оружия. Сколько подростков убито в одном только Лондоне. Сколько подростков арестовано. Дэйна недоуменно слушала ее. Кэрри закончила, сказав напоследок, что шоу продолжится после рекламы.

А в следующий миг она уже вцепилась в Дэйну:

— Что еще за ребенок?!

Дэйна не ответила. Безысходное чувство вины с новой силой затопило ее, лишило голоса. Невидяще она смотрела на Кэрри, потом повернулась и добрела до своего стула. Села и взяла стакан с водой. Вокруг суетились операторы с камерами, какие-то еще люди сновали туда-сюда. Сбоку раздавался голос Кэрри. Она все спрашивала и спрашивала что-то. Дэйна не разбирала слов. Шум усилился, затем наступила тишина.

Кэрри вышла в центр студии.

— Добро пожаловать на шоу «Правда в глаза». Сегодня у меня в гостях Дэйна Рэй, подруга моего сына Макса, которого убили на прошлой неделе. Я прошу вас, уважаемые телезрители, воспользоваться номерами полицейской горячей линии, которые вы видите на своих экранах, если вы можете оказать какую-либо помощь следствию. Возможно, вы живете недалеко от той школы и видели группу подростков утром двадцать четвертого апреля. Возможно, ваш сын ведет себя странно, или вы слышали, как он разговаривает о случившемся по телефону. Я умоляю вас сообщить об этом. Информация, которую вы предоставите, будет строго конфиденциальной, вам не нужно называть своего имени. Но прежде чем мы вернемся к нашей госте, я хотела бы показать вам короткий фильм о преступлениях, совершенных в Лондоне с применением холодного оружия.

На экране под напряженную музыку замелькали лица подростков. Белые, темнокожие, азиатские. Все эти парни были убиты. Зарезаны. Следом пошла хроника: кадры, снятые в школах, криминалисты за работой на месте преступления. Дэйна судорожно вздохнула, узнав комнату Макса. Остатки его жизни. Фильм закончился.

— А теперь, — раздался голос Кэрри, — вернемся к Дэйне.

Взгляд у нее был тяжелый, ненавидящий, но стоило ей повернуться к камере, как лицо тотчас стало участливым.

— В какой момент ты поняла, что столкновения с парнями не избежать? Наверное, тебе было очень страшно.

— Ну, я уже сказала, мы просто курили, сидели на ограде. Макс немного успокоился. А потом парни подошли к нам, начали говорить всякие ужасные вещи. У двоих были темные сальные волосы, торчавшие из-под капюшонов. А у одного были жуткие прыщи, а у четвертого — просто бешеные глаза. Я испугалась еще сильнее. А Макс сказал, что больше не собирается прогибаться перед ними. Что ему надоело бояться. И я вдруг почувствовала огромную гордость за него.

Лицо Кэрри смягчилось, она на мгновение закрыла глаза. Дэйна последовала ее примеру, вспоминая.

— Эй, урод! — заорал один из парней.

Тут Дэйну толкнули в первый раз.

— Эй, ты что! — крикнула она, когда Макс дернул ее за руку. — Ты зачем это делаешь?

— Убийца, — прошипел он, не обращая внимания на крики парней.

— Стой... ты же мне сам сказал... нет!

Он стащил ее с ограды. Дэйна попыталась вырваться. Что с ним? Словно обезумел. Макс что-то бешено орал, парни подступили ближе, радуясь неожиданному представлению. Даже не скажешь, кто был страшнее — Макс или эти парни.

— Пожалуйста, ну пожалуйста, не надо. — Она заплакала. Так не должно быть. Она лишь хотела поговорить с ним, объяснить ему все, заставить понять, что случилось. Это так нечестно. Ей же не дали шанса. Но в глазах его плескалась лишь ярость.

Потом она упала на асфальт, уставилась на него снизу вверх.

— Я думал, что у нас что-то есть, у нас с тобой. Я думал... думал, ты меня любишь.

Макса трясло, он отшвырнул сумку, сорвал куртку, вцепился себе в волосы. Да что с ним? Это был совсем не тот Макс, которого она знала.

— Гляньте, а этот тощий ублюдок кое на что способен. — Издевательский смех.

Все происходило точно в замедленной съемке. Параллельная вселенная. Отрыв от реальности.

Макс сунул руку в карман.

— Это было ужасно, — прошептала Дэйна.

— О чем ты говоришь, Дэйна? — спросила Кэрри.

— Парни. Они окружили его. Один из них вытащил нож.

— О боже, — выдохнула Кэрри. — Что было потом?

В студии стояла полная тишина.

— Они кричали. Обзывали Макса, специально, чтобы еще больше завести его. Макс был в таком бешенстве, что я думала, он взорвется.

Дэйна согнулась в рыдании. Все шло не так. Плевать ей, что она в прямом эфире. Плевать, кто ее увидит, плевать, как она выглядит. На все плевать. Главное — Макс умер, а она не успела сказать ему правду.

Она одна во всем виновата.

— Нет, не надо!

Она попыталась встать, но Макс наступил ей ногой на живот.

А потом она увидела, как в руке у него блеснул нож. Направленный прямо на нее.

— Нет! — закричала она, перекатываясь на бок, уворачиваясь от лезвия.

Парни сгрудились вокруг них, возбужденно горланя. Ей удалось подняться. Макс надвигался на нее, выставленное вперед лезвие словно направляло его.

— Эй, спокойнее, парень, — крикнул один из парней. — Еще порежешь кого.

Макс не обратил внимания. Он не обратил внимания и на Дэйну, пытавшуюся сказать ему то, что давно следовало сказать. Его широко раскрытые глаза были устремлены в никуда, их мягкий бархат словно затвердел.

Кто-то поглаживал ее по спине.

— Все хорошо, дорогая. Не спеши. Значит, шпана окружила вас с Максом. Тот парень угрожал Максиму ножом? Что он говорил? Ты помнишь, как он выглядел?

Дэйна подняла голову. На столе стояла коробка с бумажными платками. Она вытащила платок, словно сидела в чьей-то гостиной, а не в прямом эфире. Не думать, не думать, иначе ее стошнит прямо здесь. Она высморкалась.

— С этого момента у меня в голове все расплывается. Началось какое-то безумие...

Дэйна слышала, что арестовали Уоррена Лэйна, а потом снова отпустили. Все знали Уоррена. Настоящий бандит. Его уже сто раз сажали в тюрьму. Он крал машины, торговал наркотиками, ограбил почтовое отделение. Все говорили, что он слишком тупой, потому и

попадает. Но сейчас, вспоминая его лицо в то ужасное утро, Дэйна не была в этом уверена.

Приемных семей в жизни Уоррена было больше, чем горячих обедов. Все знали, что он фактически бездомный. В школу он приходил, только когда хотел бесплатно поесть или воспользоваться душем и туалетом. И он был среди тех парней. Капюшон надвинут на самые глаза, но это точно был Уоррен Лэйн. И Дэйна понимала, почему он вечно нарывается. Тюрьма — это крыша над головой и сытная еда.

Так, может, сказать, что это был он?

Она схватила Макса за запястье, когда он занес нож. Она ни на секунду не поверила, что он может зарезать ее. Он не сделал бы этого правда?

— Макс был не в себе, — сказала она и снова захлебнулась в рыданиях. Кэрри терпеливо ждала.

Она закричала и вцепилась в лицо Макса свободной рукой. Это на миг привело его в чувство — ненависть во взгляде сменилась недоумением, он будто спрашивал себя, где он, что делает, какого черта дерется с девушкой, которую любит.

Рука разжалась. Нож звякнул об асфальт.

— Эй, парень, остынь, лады? А то точно порежешь кого. — Уоррен Лэйн подобрал нож. — Клевый, — сказал он, проводя большим пальцем по лезвию. — Не надо резать девчонку, парень. Поверь мне. — Уоррен рассмеялся, и нож рассек воздух. — Тюряга не для таких заморышей, как ты. — Он снова рассмеялся и бросился на своих приятелей. Те отпрянули.

Уоррен повернулся к Дэйне:

— Забери это, лады? — Он протянул ей нож рукояткой вперед. — И приглядывай за своим козлом, а то у него сегодня какое-то дерьмо в башке.

— Макс был очень расстроен, ну, из-за ребенка. Он велел мне сделать аборт. Я пошла в больницу...

— Аборт?! — Кэрри схватила Дэйну за руки и развернула к себе.

— Ты убила нашего ребенка, — прошипел Макс.

Нож был длинный, очень острый. Сжав рукоятку, Дэйна опустила его острием вниз.

— А теперь скажи. Что осталось, скажи?! В моей жизни ничего нет. Даже тебя. Даже этого проклятого ребенка, которого мы не хотели, а теперь ты его убила.

— Я разозлилась на него, когда он велел мне сделать аборт. Как будто для него это вещь, которую можно выбросить. Как будто я — вещь.

Кэрри отпустила ее руки. Дэйна знала, что вряд ли она сделает с ней что-то в прямом эфире. Но ничто уже не имело значения. Они были в своем собственном аду — одна прячется от правды, другая ищет ее.

— Макс, успокойся, — взмолилась Дэйна.

— Не смей говорить мне, чтобы я успокоился. — Странно, но, произнося эти слова, Макс был предельно спокоен.

Дэйна перевела дух. Сейчас она все расскажет, они сядут рядом, все обсудят, а потом обнимутся и забудут это ужасное дождливое утро. Черт, да они могут пойти в хижину и заняться кроссвордами, что-нибудь съесть.

— У меня в руке был нож, — выпалила Дэйна.

Студии дружно охнула.

— Что? Откуда? — спросила Кэрри.

Все должно было закончиться хорошо. Уоррен и его дружки должны были убраться оттуда и пойти искать приключений в другом месте. Макс должен был положить руку ей на живот, прижаться к ней и прошептать, как сильно он ее любит. Вот о чем она мечтала, когда лежала на больничной койке в ожидании врача. Анестезиолог пытался подбодрить ее шутками, медсестры болтали. Свет бил в глаза...

— Я не сделала аборт. Не смогла себя заставить.

Дэйна вскочила, не в состоянии больше сидеть на месте. Сделала несколько шагов.

— Но я так и не сказала об этом Максу. — Она повернулась к Кэрри: — Он умер, думая, что я убила нашего ребенка.

В глазах Кэрри появилось что-то странное. Гнев, радость? Дэйна не понимала. Она хочет ударить ее или обнять?

— Так ты беременна?

Кэрри приблизилась к Дэйне осторожно, с опаской, словно правда резала не хуже ножа.

— Но почему нож оказался у тебя в руках?

Дэйна зажмурилась, закрыла лицо руками.

Нож был длинный, кухонный. Она никогда не видела таких острых. Именно им Макс угрожал тем парням в парке. Понятно, почему с ним Макс чувствовал себя в безопасности.

Потом ее снова толкнули, так неожиданно, что сперва она не поняла, что происходит.

— Макс, нет! Что ты делаешь?

Дэйна сделала глубокий вдох.

Ей было наплевать на камеры, зрителей, свет.

— Это я убила Макса, — спокойно сказала она.

Тишина.

Ни звука ни снаружи, ни внутри ее головы.

Все исчезло, как будто никогда не существовало.

Кэрри застыла. Рука протянута, будто в попытке схватить кого-то.

Потом раздался крик.

Нет!..

Одно слово, как пуля. Кэрри медленно подошла к Дэйне.

— Это я убила Макса, — бесцветно повторила Дэйна. — Мне так жаль. — Она слышала слова, но не могла поверить, что это она их произносит. — Мне очень, очень жаль.

— Тебе... жаль!

Кэрри оглянулась. Лиа говорила в рацию. Дэннис что-то шептал своей напарнице. На сцену вынырнули два охранника, взяли Дэйну под руки, усадили на стул, встали по обе стороны.

Дэйну трясло. Так холодно.

— Это я убила Макса, — еще раз повторила она, дабы убедиться, что все ее услышали. И положила ладони на живот, точно пытаюсь защитить своего ребенка от того, что с ней будет дальше.

Кэрри стояла посреди студии, уронив руки, глядя в пол. Она не могла ни говорить, ни плакать.

Дэйна ждала. Она готова, она все расскажет полиции. Расскажет, как он бросился на нее, чтобы отобрать нож. Как все это время она их обманивала. Ее отпечатки есть на ноже. У нее есть мотив — они же ссорились из-за аборта. Ничего не изменишь.

Она готова к наказанию. Макс поверил, что она сделала аборт. Значит, это она во всем виновата.

Она не успела понять, что произошло, а он уже выхватил у нее нож.

— Макс, не надо!

Он отпрянул.

Парни заулюлюкали, заорали, что пора домой к мамочке, что опять в штаны наложил.

Дэйна шагнула к нему. Она должна отобрать у него нож.

Макс стоял, слегка наклонившись вперед, расставив ноги. Он закричал. Она не могла разобрать ни слова. Он кричал и кричал, обратив лицо к небу. По лицу его текли слезы.

Дэйна тоже посмотрела вверх, словно там, в небесах, прятались ответы на все их вопросы. Время будто застыло.

А потом понеслось с удвоенной скоростью. Макс резко опустил голову и вонзил нож себе в живот.

Взгляд его был прикован к Дэйне.

Вся его несчастная жизнь сконцентрировалась в этой кровоточащей ране.

Вновь и вновь Макс втыкал в себя нож. Он согнулся пополам, обе руки сжимали рукоятку. Ладони, одежда, ноги, земля — в одну секунду все окрасилось кровью.

— Черт! — заорал кто-то.

— Смываемся, — крикнул Уоррен.

Дэйна смотрела им вслед, надеясь, что они побежали за помощью, что все обойдется.

Но они просто неслись прочь. Их кроссовки сверкали на бегу. Вокруг не было ни души.

Макс упал на колени. Как в замедленной съемке. Дэйна попыталась закричать, но звук застрял в горле. Она стояла и смотрела, как Макс, красивый, умный, несчастный Макс оседает на землю. Голова глухо стукнулась об асфальт.

Дэйна упала рядом.

— Не умирай... Пожалуйста, не умирай!

Она прижимала руки к животу Макса, но не могла остановить кровь. Ран было так много.

— Помогите! — закричала Дэйна, озираясь.

Школьный двор был безлюден. Она вытащила свой мобильный и вызвала «скорую».

— Я не могу жить без тебя, — рыдая, повторяла она, тщетно пытаясь остановить кровь. — Я не буду жить без тебя.

Это все ее вина. Если бы она не обманула его, не заставила поверить, что сделала аборт, чтобы наказать его, этого бы не случилось.

Что же она наделала?!

— Все, — произнес чей-то голос.

На сцену вышла Лиа.

— Кэрри, все хорошо, все хорошо. Мы не в эфире. Мы не стали возобновлять вещание после показа фильма. Я решила запустить повтор, когда все начало выходить из-под контроля.

Она обняла Кэрри и поверх ее плеча яростно глянула на Дэйну.

— Телефоны разрываются. Ты все сделала хорошо.

— Я... не понимаю. — Голос Кэрри был едва слышен.

— И не надо. — Дэннис Мастерс подошел к Дэйне. От него пахло потом и кофе. — Вот же дурочка, — пробормотал он. —

Присмотрите за ней, детектив, — оглянулся он на Джесс.

Дэйна непонимающе потрясла головой. Что происходит?

— Я убила Макса. Это я виновата, что он умер, — снова сказала она.

Кэрри вздрогнула от ее слов. Лиа подтолкнула ее, уводя со сцены.

— Хорошая попытка, — сказал Дэннис. — Но ты опоздала. Уоррен Лэйн уже признался. Он позвонил вскоре после того, как началось шоу. За ним уже едут. Между нами говоря, дорогая... — Дэннис наклонился ближе. — Я знаю.

Дэйне захотелось ударить его, пнуть изо всех сил — он должен, должен поверить ей, — но она даже не шевельнулась.

— Эти два молокососа, Сэммс и Дрисколл, решили спасти своего дружка Лэйна от тюрьмы и раскололись. Они рассказали мне обо всем, что произошло. И это подтверждают данные вскрытия и криминалистической экспертизы.

— Я убила Макса. Это я виновата, что он умер, — как робот повторила Дэйна.

— Нет, дорогая. Не ты. — Дэннис положил руку ей на плечо. — Но признание Лэйна откроет перед ним путь напрямик в тюремную камеру, о которой он и мечтал.

— Нет, вы не понимаете...

— Ты знаешь, у меня тут небольшая проблема. — Дэннис придвинулся к девушке еще ближе, закрыв ее собой от съемочной группы. — Мои ребята сейчас арестуют Уоррена. Ему предъявят обвинение и после суда отправят в тюрьму. Срок ему дадут большой, так что он больше не станет мозолить мне глаза. И начальство будет довольно. Единственная проблема — это Сэммс, Дрисколл и, конечно... ты.

Дэйна не понимала. О чем он?

— Мой тебе совет, если только ты не хочешь, чтобы тебя обвинили в препятствовании правосудию, — помалкивай. Лучше думай о том, как стать хорошей матерью своему ребенку. — Дэннис ласково улыбнулся и чуть отстранился.

Нет, так не должно быть. Если бы ее отправили в тюрьму, это одно. Она ведь заслужила. Но отправить туда другого человека... Дэйна не знала, что и думать. Да, будет только справедливо, если этот подонок Уоррен Лэйн окажется за решеткой. Это ведь он со своими прихвостнями превратил жизнь Макса в ад.

— А что с теми двумя... ну, с Дрисколлом и другим? — спросила Дэйна. — Ведь больше никто не видел, что случилось.

— Я сказал им то же, что и тебе. Или сядут за сокрытие улик — или просто заткнутся и будут себе гулять на свободе. Угадай, что они выбрали? — Дэннис ухмыльнулся.

Дэйна даже не подозревала, что в человеке может быть столько подлости.

— А мать Макса? Она знает?

— А ты как думаешь?

Вот чем все закончилось. А ведь она просто хотела справедливости, ради Макса. Хотела защитить его. Никто не должен насмехаться над ним и после смерти, никто не станет называть его чокнутым. Чокнутым, который сам себя зарезал.

Дэйна закрыла глаза, снова возвращаясь в то утро.

Ничего не соображая от ужаса, она подобрала выпавший из руки Макса нож, сунула в карман. А потом вдруг ее окружили люди — врачи, полиция, учителя, школьники. Мистер Дэнтон, учитель математики, о чем-то спрашивал, потом появился директор, потом еще кто-то говорил с ней, а затем она сбежала. Она бежала и бежала, сама не зная куда. У канала она остановилась, захлебываясь слезами. Выловила из воды полиэтиленовый пакет, завернула в него нож и бросила в канаву. Никто его там не найдет.

В тот день Дэйна больше не видела Кэрри. Домой ее отвезла Джесс.

Прежде чем посадить ее, Джесс спросила:

— Ты как, в порядке?

— Да, — соврала Дэйна. Родной дом выглядел таким неприветливым. — Я в порядке.

Интересно, вернулась ли мать. Наверное, охрана вывела ее из студии во время шоу.

Дэйна постояла, глядя вслед полицейской машине. Потом погладила живот. Надо рассказать малышу о его папе.

Нажав кнопку на телевизионном пульте, Броуди понял, что в этом месте он больше не проведет ни единой ночи. Снаружи орали подростки.

— Мне нужно в студию, — тихо сказал он.

Он должен быть с Кэрри. Слышать ее голос, слышать вопросы, которые она задает этой девочке, представлять кадры из фильма, гадать, почему вдруг прервали эфир и запустили повтор прошлой программы, — все это было слишком мучительно. Он позвонил Фионе.

Кэрри находилась у себя в гримерке. Она отказывалась шевелиться, *не могла* шевелиться, — сказала она ему. Она попросила оставить их вдвоем.

— Они не должны были разрешать тебе это, — сказал он. — Яне должен был разрешать тебе это.

Он обнял ее.

— Но разве я могла ничего не делать?

Броуди прижал ее к себе. Он понимал ее. Он ведь и сам тщетно пытался помочь сыну. Они оба потерпели крах. Смогли бы они спасти Макса, если бы действовали сообща?

— Один из подростков сознался в убийстве, — сказала Кэрри. — Но знаешь...

Да, подумал он. Знаю.

— Это ничего не меняет. Мне все равно, посадят ли его. Мне все равно, кто это сделал. — Кэрри отстранилась. — Таким, как мы, всегда кажется, будто у нас что-то вроде иммунитета. Но у нас его нет. Мы такие же, как все.

Из студии Фиона отвезла его в мотель. Он отказался провести еще хоть одну ночь в своей квартире. Раньше он был уверен, что жизнь в Вестмаунте поможет ему почувствовать себя частью мира,

который он потерял. Но теперь он не знал, сможет ли выдержать груз воспоминаний. Он больше туда не вернется. Это место не для него. Это было место не для его сына. Кэрри права. С такими, как они, ничего не должно случаться.

Броуди ушел. В студии тоже уже никого не было. Полиция уехала. Лиа опустилась на колени подле Кэрри.

— Нужно идти, родная.

Кэрри держала в руках листы, исписанные с двух сторон неряшливым почерком. В некоторых местах чернила поплыли — от слез, подумала Лиа.

— Сочинение Макса. Учитель английского отдал мне. Я держала его в сумке, не было сил сразу прочитать.

Лиа взяла листки.

— «Ромео и Джульетта». — Она невольно улыбнулась. — Сразу вспоминаются выпускные экзамены.

— Прочти, — попросила Кэрри. — Последний абзац.

Разве мы так уж отличаемся от Ромео и Джульетты, которые в давние времена боролись за свою любовь? Если юноша любит девушку, если он хочет быть с ней так сильно, что ему приходится скрывать от нее половину своей жизни, если он тает от одного ее взгляда, если он хочет кричать ей о своей любви, но позволяет другим запугать себя, то какова цена такой любви? Разве не равноценна она жизни? И смерти. Я считаю — да. Я считаю, что с такой любовью не совладает и смерть. Самый злой рок будет бессилен, если столь сильной любви позволить расцвести. Потому она обречена с самого начала. Мир не позволит ей этого. Наш мир по-прежнему состоит из черного и белого, плохого и хорошего, нас и их. Но без такой любви наш мир стал бы совсем уж мрачным местом. Без нее жизнь не имеет смысла.

— Ох, Кэрри, — вздохнула Лиа, — Макс был удивительным мальчиком.

Женщины обнялись.

Лиа отвезла Кэрри домой и ставила там одну, как та просила, в ожидании, когда пройдет боль, в ожидании того дня, когда для нее

снова взойдет солнце. Теперь Кэрри знала, что однажды этот день наступит.

Июнь 2009 года

Кэрри безуспешно пыталась сосредоточиться. Работа приносила ощущение обыденности, нормальности, но иногда давалась с трудом. Особенно когда люди не выполняли своих обязательств.

— Вот что бывает, если приходится просить об одолжении, — пробормотала она.

В дверь позвонили. У Марты был выходной, так что Кэрри открыла сама.

— Посылка для Макса Квинелла. Распишитесь здесь, пожалуйста.

— О... — выдохнула Кэрри.

— Что, не тот адрес? — спросил курьер.

— Нет, нет. Адрес тот.

На имя Макса до сих пор поступала почта. На прошлой неделе звонил парень из Дэннингема — узнать, как он освоился в новой школе. Из страховой компании пришла открытка с оповещением о вакцинации.

— Да? Тогда подождите. Там много.

Кэрри наблюдала, как курьер снует туда-сюда, переноса большие коробки. Всего их было шесть. Парень сложил коробки в холле. Кэрри закрыла за ним дверь и озадаченно уставилась на посылки. Все адресованы Максу Квинеллу и пронумерованы.

Она принесла нож для разрезания бумаги и начала вскрывать коробки. В первой оказалась колыбелька. Во второй — складная коляска, серая с голубым. В третьей — сумка-кенгуру и люлька для машины. И так далее. Полная экипировка для младенца.

Кэрри прочитала сопроводительное письмо.

Дорогой мистер Квинелл, поздравляем Вас с выигрышем в конкурсе журнала «Идеальный родитель». Надеемся, Вам и Вашей семье понравится набор для новорожденного, предоставленный компанией «ПэрентКэр». Сто тридцать магазинов «ПэрентКэр» по

всей стране предлагают самое лучшее для Вас и Вашего ребенка...

Перед глазами все поплыло от слез. Кэрри прошла на кухню. Считается, что время врачует и боль постепенно утихнет. Но до конца никогда не исчезнет. Надо позвонить Дэйне, позвать в гости. Пусть увидит, что Макс выиграл для нее и малыша. Даже после своей смерти он заставляет ее гордиться им.

Фиона сидела в окружении коробок, пока Броуди работал за своим временным рабочим столом. Она выбивалась из сил, пытаясь все организовать, а он лишь гулял по огромному парку напротив нового жилища и корпел за столом. Она понимала, что до сих пор буквально все причиняет ему боль — от чистки зубов до чтения лекций в университете.

Почему, спросил он как-то, мой мир черен как ночь, но я постоянно вижу сына?

— Я могла бы распаковать все эти вещи за день, если бы ты сказал мне, куда их положить.

Коробки несколько месяцев пролежали в камере хранения. Броуди заявил, что поживет в отеле, отказавшись от предложения Фионы поселиться у нее в гостевой комнате. Спорить она не стала, отложив возражения до того времени, когда он с ее помощью начнет выбирать себе дом.

Броуди закрыл крышку компьютера и повернулся к ней:

— Разложи все, как считаешь нужным. Тогда мне будет веселее все потом искать.

— Веселее? — переспросила Фиона.

Дом был чистым и очень современным. Если бы Броуди осознавал, насколько здесь все удобно устроено, тут же сбежал бы в Вестмаунт. «Необычный дом, — сказала Фиона, когда они впервые сюда пришли. — У него есть характер, он идеально расположен по отношению к университету и всего в пяти минутах езды от меня». Последнее ей нравилось больше всего.

— Давай заключим сделку, — сказал Броуди. — Ты все распакуешь, а я угощу тебя ужином.

— Ужином? — Она вспомнила забегаловку, где они ели вместе в

последний раз. — Где?

— Неблагодарная. — Он усмехнулся. Какая-никакая, но то была улыбка.

— Отлично. Ужин — это отлично. — И Фиона открыла очередную коробку.

Беременность уже бросалась в глаза. Шел шестой месяц, а Дэйна выглядела все такой же тоненькой и хрупкой, только живот выдавался вперед — упругий и совершенно круглый.

— Господи, — прошептала девушка, глядя на разложенное в гостиную содержимое коробок. — Это же просто чудо.

Кэрри заварила чай. Это была не первая их встреча после шоу. Однажды вечером Кэрри обнаружила Дэйну на своем крыльце. В первый момент она разозлилась, но все же впустила ее. Они поговорили. Кэрри рассказала ей, как продвигается дело, когда будет суд, что Лэйну отказали в залоге, но дело явно затягивается, так что неизвестно, как еще все обернется, поскольку надежных свидетельств нет. Удивительно, но ей теперь было все равно, осудят этого парня или нет.

— Я не виню тебя за то, что ты сделала, Дэйна. Ты храбрая. Глупо было пытаться наказать себя, но это был смелый поступок. И вообще, жаль, что у Макса не было больше таких хороших друзей, как ты.

Эта девочка носит ребенка ее сына. Кэрри хотелось бы, чтобы малыш вошел в ее жизнь. Справедливость все-таки восторжествовала. Убийцу арестовали. Ее сын просто подвернулся под руку шпане. Пополнил статистику преступлений. Кэрри не могла с этим смириться, но надеялась, что когда-нибудь боль ослабеет.

— Ты все еще хочешь помочь мне с моим проектом? — спросила Кэрри.

Она собиралась построить молодежные центры в самых бедных районах Лондона. Каждый из этих центров назовут именем погибшего подростка. Первый центр будет носить имя Макса.

— Конечно, хочу. У меня экзамены на следующей неделе. Не знаю, как я их сдам, ну, после всего... но я все равно буду сдавать. А

когда родится ребенок, я буду вам помогать. Вам ведь нужен кто-то, кто знает, чего хотят подростки.

«Никакого настольного тенниса и всяких дурацких игр, — сказала Кэрри своим спонсорам на презентации. — Мы создаем центры для уличных подростков, а потому это должно быть очень модное и крутое место. Компьютеры, кафе, музыка, ролики напрокат, психологи, с которыми можно поговорить, место, где можно переночевать в случае чего».

— Милая, вот новый адрес отца Макса. Броуди переехал на прошлой неделе. Я знаю, ему было бы приятно, если бы ты изредка сообщала ему, как у тебя дела.

— Хорошо. — Дэйна не скрывала, что хотела бы поддерживать связь с ними обоими, особенно после того, как родится ребенок. Они не знали, кто это будет, мальчик или девочка, да и никого это не волновало. Ребенок — часть Макса, и это главное. Кэрри собиралась сделать все, чтобы Дэйна и ребенок ни в чем не нуждались.

— Давно пора, верно? Броуди поселился около университета. Фиона наконец-то убедила его выбрать приличный дом. Рядом парк... Честно говоря, я подозреваю, что у них что-то назревает...

Вдруг Дэйна прижала руку к животу.

— Что такое, девочка? — Кэрри вскочила. С этим ребенком ничего не случится. Никогда!

Но Дэйна улыбалась.

— Эта маленькая обезьянка пинает меня, словно я футбольный мяч. Вот. Потрогайте. — Она взяла руку Кэрри и положила себе на живот. Кэрри удивилась, какой он твердый на ощупь. — Вот сейчас... сейчас... Вот! Чувствуете?

— О боже, да... — прошептала Кэрри. Она не станет плакать. Только не на глазах у Дэйны. Она оставит слезы на потом, когда поднимется в комнату Макса, прочитает молитву, зажжет свечу и скажет ему, как и полагается матери, что он — лучший сын на свете.